СОДЕРЖАНИЕ

Ответств. редактор М. Н. Покровский. Ответств. секретарь И. Л. Татаров.

А. Шестаков

СЕЛЬСКИЕ РАБОЧИЕ—ДВИЖУЩАЯ СИЛА РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

В работах историков-марксистов о движущих силах революции 1905 г. более или менее полно исследован вопрос о роли в революции промышленного пролетариата.

Меньше внимания уделено ими освещению роли крестьянства в этой революции, причем совсем недостаточно разработана тема о роли в революции отдельных классовых групп крестьянства. Самым же слабым участком—в смысле изучения—следует признать разработку вопроса о значении революционных выступлений сельского пролетариата в 1905—1907 гг.

Чаще всего историки «аграрники», признавая тезу В. И. Ленина, что «земледельческий наемный рабочий принадлежит к одному классу с фабричным и торговым наемным рабочим», об этой тезе сейчас же забывают, когда подходят к изучению революционного движения в деревне в 1905—1907 гг. Сельские рабочие попадают у них за одну скобку с крестьянами—мелкими производителями, и в лучшем случае сельским пролетариям отводится роль левофлангового отряда в общем крестьянском движении против помещиков. Никакой пролетарской струи в движении сельских рабочих историки «аграрники» не видят, и сплошь и рядом батрацкие стачки смешиваются с бойкотом помещичьих имений—этой своеобразной формой крестьянской борьбы за землю. Попутно, этими историками подчеркивается тесная связь батрачества с остальной крестьянской массой, их распыленность, чрезвычайная культурная отсталость и т. д. В результате получается повторение старых концепций Тотомианца, Прокоповича и иже с ними, которые так же недиференцированно подходили к батрацкому движению, сваливая его в одну кучу «форм аграрного движения». Эти концепции являются до известной степени отрыжкой народнических представлений об едином «трудовом крестьянстве» со всеми вытекающими из этой теории последствиями.

Недооценка самостоятельной пролетарской струи в движении сельских рабочих в революции 1905 г. приводит к путанице и в таком напр. вопросе, как характер крестьянского движения в разные периоды революции. Так, очень широко распространенное мнение об отставании крестьянского движения от движения промышленного пролетариата, как одной из причин поражения революции 1905 г., основано на том, что стачки сельских рабочих в 1906 г. зачисляются в разряд крестьянского движения, тогда как на самом деле эти стачки носили главным образом пролетарский характер.

Настоятельно необходимо разобраться в этой путанице.

Говорить о разнообразии форм эксплоатации сельских рабочих, о чрезвычайно тяжелых условиях их труда и т. п. здесь мы не будем, отсылая читателей к другим нашим работам по этому вопросу [1].

Перейдем прямо к вопросу о размерах и характере движения сельских рабочих в 1905—1907 гг. в разных районах старой царской России. По далеко неполным данным за три года движения сельских рабочих, выражавшегося главным образом в стачках, последними было охвачено 336 уездов. По годам и районам число уездов, охваченных стачками, распределяется так:

Районы	1905	1906	1907	Всего
Правобережная Украина	33	27	5	65
Левобережная Украина и Крым	18	36	1	55
Поволжье, Донская обл. и Кубань	5	13	—	18
Отработочные районы Великороссии	9	39	1	49
Остальные районы Великороссии	2	25	5	32
Белоруссия и Литва	31	26	—	57
Польша	23	27	—	50
Прибалтика	10	—	—	10
Всего	**131**	**193**	**12**	**336**

На основании данных этой таблицы, можно сделать прежде всего вывод о большем числе уездов, охваченных стачками в 1906 г., несколько меньшем в 1905 г. и совсем ничтожном в 1907 г.

Из отдельных районов, охваченных стачками, на первом месте по количеству стачек должна быть поставлена Украина, за которой идут Белоруссия и Литва, затем Польша, наконец губернии центральной России, нижневолжские губернии с Донской и Кубанской обл. и Прибалтика. География стачечного движения в значительной степени соответствует тем «производственным отношениям» и развитию «производительных сил» в сельском хозяйстве, которые мы имеем в данных районах.

Цифра 336 уездов, в которых происходили стачки сельских рабочих в 1905—1907 гг., сама по себе чрезвычайно показательна. Принимая во внимание неполноту учета уездов, грандиозность движения бросается прямо в глаза. Если отойти от цифр уездов и попытаться раскрыть действительное число случаев движения в каждом уезде и хотя бы приблизительно отметить число участников стачек, то, исходя из отдельных показаний по районам, так же можно сказать, что движением были охвачены огромные массы сельских рабочих.

[1] «Наемный труд в сельском хозяйстве России», изд. «Красная новь», М. 1924, «Сельский рабочий в революции 1905—1907 гг.» в сборнике «Пролетариат в революции 1905—1907 гг.», изд. Комакадемии и др.

По подсчетам департамента полиции о стачках сельских рабочих, весной 1905 г. в Киевской губ. забастовки имели место в 160 селах и 3 тыс. населенных пунктах, в Подольской губ. бастовали батраки 110 селений и т. д. На огромный размах стачек в 1905 г. указывают и донесения полиции, отмечающие, что стачками в 1905 г. были охвачены напр. все уезды Полтавской и Черниговской губ. В губернских отчетах о стачках сельских рабочих сплошь и рядом встречаются указания, что забастовки охватили почти все имения того или иного уезда и даже губернии. Если в демонстративных походах украинских или польских батраков из имения в имение принимали посменное участие сотни и тысячи забастовщиков в различных уездах одновременно, то перед нами действительно широчайшее массовое движение. Ту же картину массовости движения имеем в Прибалтике, в Белоруссии, Литве и даже в губерниях «оскудевшего центра».

Особенно сильный размах стачек в 1906 г. по ряду районов дает нам полное основание утверждать, что стачками были охвачены почти все важнейшие центры капиталистического найма сельских рабочих, причем число стачечников за 3 года революции, вероятно, составило около 1—2 миллионов. Эту цифру нельзя считать преувеличенной, так как по районам встречаются сплошь и рядом такого рода отметки официальных источников: «В Балашевском уезде бастовали 40 обществ вместе с пришлыми рабочими», в Орловской и Курской губ. «в ряде уездов забастовки охватили имения почти всех волостей уезда целиком» и т. д. По приблизительному подсчету, в одной Польше бастовало около 100 тыс. батраков. В Прибалтике эту цифру надо увеличить по крайней мере втрое в отношении охваченных стачками батраков в одних баронских имениях Латвии (стачки в Эстонии в подсчет не входят).

Необходимо так же принять во внимание, что был ряд повторных стачек, что в них принимали участие не одни только взрослые сельские рабочие-мужчины. Вместе с ними сплошь и рядом бастовали женщины, подростки и дети. Правда, в северных, центрально-промышленных и верхневолжских губерниях стачки охватывали сравнительно небольшой круг сельских рабочих и, если их исключить из подсчета, то все же в остальных 300 уездах России можно смело считать от 4 до 7 тыс. забастовщиков на уезд в среднем, что и составит вышеуказанную цифру 1—2 миллиона стачечников.

Вероятно, мы никогда не получим более точных цифр, так как никакого учета числа стачек и участников в них в сельском хозяйстве никогда не велось. В известной степени здесь приходится «прикидывать на глазок», причем для наших выводов эти цифровые исчисления решающего значения иметь не могут.

В данном случае важна лишь общая ориентировка, которая и дает возможность настаивать на весьма значительном размахе стачечного движения сельских рабочих в 1905—1907 гг.

Чтобы сравнить размеры стачечного движения сельских рабочих в 1905—1907 гг., приведем справку из известной статьи В. И. Ленина—«Уроки революции». «Число бастовавших рабочих в 1905 г.,—пишет В. И., —было около 3-х миллионов (а с железнодорожниками, почтовыми служащими и так далее наверное до 4-х миллионов), в 1906 г.—миллион, в 1907 г.—3/4 миллиона. Таким образом общее число бастовавших промышленных пролетариев составит за три года—5¾ миллиона». «Подобной силы стачечного движения не видывал еще мир», подводит итоги Владимир Ильич. Если к бастовавшим промышленным рабочим прибавить число стачечников-сельских рабочих, то грандиозность размаха стачечного движения представится еще значительней.

По вопросу о характере движения сельских рабочих прежде всего следует остановиться на требованиях, выдвигаемых ими во время стачек. Тщательно подобрав весь имеющийся по этому вопросу материал, мы пришли к выводу, что эти требования касались в первую очередь повышения заработной платы, улучшения питания, жилищ (в значительно меньшем числе), уменьшения рабочего дня и т. п. На основании анализа выдвинутых требований, можно сказать утвердительно, что за исключением Прибалтики, движение в массе случаев должно быть отнесено к разряду «экономических забастовок», которые лишь местами переросли в политические.

Стачечное движение среди сельских рабочих возникало в известной степени стихийно, под влиянием революционного движения в городах, и лишь в процессе своего развития принимало организованный характер, что ярче всего выявилось в стачках 1906 г. на Украине и в Польше. Связь стачечного движения сельских рабочих с крестьянским движением так же имела место, но подчинять всюду пролетарскую струю движения сельских рабочих массовому крестьянскому движению было бы неправильно. Борьба мелких производителей-крестьян с помещиками за землю в самых разнообразных ее формах не поглощала того движения, в котором была заинтересована деревенская беднота в своей тяжбе с нанимателем, эксплоатировавшим ее в качестве наемной рабочей силы. Отсюда неправильно смешивать батрацкое движение с крестьянским аграрным движением, неверно сводить в одну группу движение мелких производителей и движение сельских рабочих. Это последнее было совершенно самостоятельным явлением и по своему характеру, и по тем группам «сельского населения», которые в нем участвовали.

Конечно, это батрацкое движение не было оторвано от движения мелких производителей, тем более, что участниками его сплошь и рядом были сами мелкие производители, вынужденные становиться временно или более постоянно в ряды батраков. Батрацкое движение оказывало огромное влияние на аграрное движение мелких производителей, блестящим примером чего может служить Прибалтика и отчасти Польша, где батраки явились застрельщиками общей борьбы батрачества и крестьян-

ства с землевладельцами. Аграрное движение в Польше не развернулось до таких больших размеров, как это имело место в Прибалтике. Польское батрацкое движение осталось, так сказать, в более чистой форме пролетарского движения, и в этом было своеобразие движения сельских рабочих Польши, находившегося под влиянием мелкобуржуазной ППС, которая из опасения «аграрной бури» (т.-е. гражданской войны крестьян-мелких производителей с помещиками) всячески тормозила развитие крестьянского движения и в противовес ему особенно энергично концентрировала внимание на стачечной борьбе батрачества с помещиками. В Прибалтике под руководством революционной социал-демократии оно сомкнулось с движением пролетариата городов и аграрным движением мелких производителей, приняв таким образом характер массового национального движения всех угнетенных классов Прибалтики, причем руководителем крестьянского движения в Прибалтике до самого его разгроме, оставался сельский пролетарий-батрак.

Украинское движение сельских рабочих также происходило в обстановке крестьянской борьбы за землю, но деревенская беднота Украины, руководимая меньшевистской Спилкой, не могла подняться до роли гегемона крестьянского движения Украины, и хотя местами и были попытки объединенных выступлений сельских рабочих и мелких производителей, но они широкого развития не получили. Спилка, сконцентрировав внимание батрачества на экономических требованиях к помещикам, не сумела и очевидно по примеру ППС не хотела втягивать в борьбу с ними крестьянские массы Украины, страдавшие—так же как и в Прибалтике—от феодальных пережитков и в первую очередь от душившего их помещичьего землевладения.

В Поволжье, на Дону, в Кубани и в губерниях великорусского центра движение сельских рабочих в значительной степени оставалось на первой ступени экономических забастовок, приобретая лишь в процессе борьбы мало оформленные организационные формы. Будучи очень слабо или совсем не связано с руководством политических партий, движение сельских рабочих этих районов не поднялось до революционных политических лозунгов и таких революционных методов борьбы, каким напр. было вооруженное восстание батрачества в Прибалтике. Пролетарская струя в движении сельских рабочих в этих губерниях отразилась главным образом в их требованиях, причем к ним иногда примешивались и требования мелких производителей об изменении условий аренды земель, расширении этой аренды и т. п. Крестьянское аграрное движение в его бурных формах, особенно сильное в Поволжье и в губерниях центра, не сливалось со стачками сельских рабочих, а скорее предшествовало им по времени. Так разгромное крестьянское движение в указанных районах наиболее широкой волной прокатилось, начиная с весны 1905 г. и кончая осенью и зимой 1905 г., тогда как стачки охватили эти районы главным образом летом 1906 г. Как уже указывалось выше,

некоторые из историков крестьянского движения склонны считать летние стачки сельских рабочих 1906 г. продолжением аграрного крестьянского движения в «мирных» формах, к которым якобы перешло крестьянство, ничего не добившись разгромами. Такая установка и дала основание для утверждений о том, что крестьянское движение, отставая от пролетарской революции в городах, особенно широко развернулось после подавления декабрьского восстания и отсюда получился разрыв между рабочей и крестьянской революциями 1905 г. Как мы видели выше, дело обстояло иначе и ошибочность приведенной теории отставания крестьянского движения основана на неправильной предпосылке считать движение сельских рабочих одной из форм крестьянского движения мелких производителей. Если подсчитать количество выступлений крестьян—мелких производителей—противпомещиков в 1905 и 1906 гг., то число выступлений за 1906 г. будет значительно ниже, чем в 1905 г., особенно выступлений в их наиболее буйных формах—разгромах, поджогах и т. п.

По отношению к Поволжью, Дону, Кубани и центрально-черноземным губерниям можно сказать вполне утвердительно, что деревенская беднота, сельские рабочие, выступили со своими требованиями, значительно отставая от общекрестьянского аграрного движения. В то время как батраки Прибалтики первыми начали борьбу с самого начала революции 1905 г. и втянули в выступления против помещиков и правительства широкие массы мелких производителей, образовав с ними единый мощный фронт, сельские рабочие великорусских районов плелись в хвосте крестьянского разгромного движения и выступили со своими требованиями уже после того, как основные районы крестьянских движений были разбиты карательными экспедициями правительства. Эта слабость движения сельских рабочих великорусских районов объясняется значительно меньшей диференцированностью в них сельского населения, слабым культурным уровнем, отсутствием воздействия на него городского пролетариата и политических партий и т. д.

От анализа движения сельских рабочих в 1905—1907 гг. в царской России мы подходим и к более общему выводу о движущих силах революции 1905 г.

Первое положение, на котором приходится настаивать, это что сельские рабочие в революции 1905 г. выступали в качестве самостоятельного отряда пролетариата, отряда, правда, еще слабого, плохо организованного, политически отсталого и т. д., но все же пролетарского отряда, а не отряда мелких производителей.

В силу своей отсталости сельский рабочий всюду, за исключением Прибалтики и Польши, оказался до известной степени в хвосте общекрестьянского движения мелких производителей и выступил на арену революции позднее последних. Но это обстоятельство все же не дает нам оснований выбрасывать сельских рабочих из числа движущих сил революции 1905 г. в качестве самостоятельного отряда пролетариата.

Если же принять во внимание выступление сельских рабочих в Прибалтике, в Польше и во многих случаях в Литве и Белоруссии, то значение этой самостоятельности движения сельского пролетариата в революции 1905 г. совершенно очевидно.

Таким образом с игнорированием и недооценкой батрацкого движения в революции 1905 г. необходимо раз навсегда покончить. Вместе с этим надо отказаться от кое-где еще сохранившихся представлений об участии кулачества в революции 1905 г. чуть ли не в качестве застрельщика в ее крестьянском секторе. Батрацкое пролетарское движение было направлено не только против помещика, но и против кулака, и против попа, ксендза и пастора, оно вызвало с их стороны естественное противодействие и тем самым полностью перекрывало то недовольство, которое могло быть у кулака в связи с помещичьей монополией на землю, его привилегиями и т. д. Во всех замеченных нами случаях выступлений сельских рабочих против кулачества последнее всюду оказывается в рядах противников движения и тем самым попадает в положение защитника помещичьих прав и собственности, когда на нее покушается и крестьянин—мелкий производитель. Отсюда и контрреволюционные выступления кулачества вроде зверских убийств кулаками 48 «забастовщиков» в Малиновской вол. Сердобского уезда Саратовской губ. [2]

Наши историки-марксисты часто вместо анализа действительных фактов прибегают к аргументации цитатами из Ленина, что особенно усердно практикуется ими в связи с революционным движением вообще и с революцией 1905 г. в частности. Для примера сошлюсь на предисловие истпарта обкома ВКП(б) ЦЧО к моей брошюре-докладу «Кулак и бедняк ЦЧО в революции 1905 г.» В этом докладе я проводил мысль, что кулачество в революции 1905—1907 гг. «чаще выступало контрреволюционно, чем революционно», и приводил соответствующие этому утверждению фактические доказательства из практики кулачества в ЦЧО. Поправляя меня (кстати без моего ведома), истпарт ЦЧО заявляет, что мое утверждение находится в противоречии с ленинским лозунгом эпохи 1905—1907 гг.: «со всем крестьянством против помещиков». В статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905 г.) В. И. Ленин по этому вопросу писал: «Борьбу демократическую рабочие ведут вместе с частью буржуазии, особенно мелкой. Борьбу социалистическую рабочие ведут против всей буржуазии. Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и середняками. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надежным образом только вместе с сельским пролетариатом»[3].

---

[2] См. Галынский (А. Ф. Ливанов). Очерки по истории аграрной революции Сердобского у., Саратовской губ., с. 63.

[3] Ленин, Соч., т. VIII, изд. 2-е, с. 363—364.

Здесь все ясно, «как на ладони», и что-нибудь перетолковывать было бы глупостью. Но надо понять то живое диалектическое противоречие, которое было в самой русской жизни и на которое много раз указывал Ленин. Он говорит: «Борьбу с чиновниками и помещиками можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними». «Можно и должно»—это следует подчеркнуть. А как было на деле? Борьба против помещика в таком районе, как ЦЧО, шла по линии выступлений всего крестьянства против помещичьего землевладения, но кулачество в этой борьбе играет контрреволюционную роль: оно чаще всего оказывается защитником интересов помещика, и все остальное крестьянство громит не только помещика, но и кулака. Когда в 1906 г. развертываются в той же ЦЧО забастовки сельских рабочих, охватывавшие и помещичьи имения и кулацкие «хутора», кулачество решительно выступает против этих «безобразиев» и всячески срывает «забастовки».

Нужно ли было в этом случае менять лозунг Ленина и партии большевиков: «со всем крестьянством против помещиков»? Нет, не нужно, так как основное противоречие, тормозившее развитие пролетарской революции в России, в виде помещичьего землевладения со всеми его пережитками феодально-крепостнического порядка, было налицо вплоть до Октябрьской революции. И в 1905 г., и особенно после столыпинской реформы кулачество из оппозиции к помещичьему землевладению все больше и больше переходит к его защите. Об этом и мечтали столыпинцы, на этом и строили они свою реформу. В известной мере столыпинцы своего добились—кулачество становится в резко враждебные отношения к широчайшим массам общинников, у которых оно забирает лучшие земли для своих отрубов и хуторов и которые по этому случаю еще более усиленно громят кулачество, чем это было в 1905 г. Этот процесс идет по «земельной линии». То же самое происходит и по линии труда, по линии батрацких забастовок. Кулацкие слои, как это имело место в Прибалтике, очень быстро повернули фронт, когда батрачество вступило в вооруженную схватку с баронами и защищавшими их карателями. А наиболее крупные кулаки—«серые бароны»—те с самого начала батрацкого движения в Прибалтике были решительными его противниками. Латвийские социал-демократы, немало погрешившие по линии аграрной программы, отказавшиеся прокламировать конфискацию и национализацию помещичьих земель и тем ослабившие единый фронт борьбы мелких производителей и батраков против баронов, поступили все же совершенно правильно, заявив на конференции весной 1906 г. что «1) классовый антагонизм между батраками и хозяевами, который прежде имел еще в некоторой степени скрытый характер, вследствие общего гнета со стороны дворянства и благодаря совместной борьбе за свободу в первый период революции не проявлялся ярко и определенно, выступил теперь, при наступлении страшной реакции, во всей своей наготе; 2) состоятельный класс крестьян начинает довольствоваться уже завоеванными поло-

зинчатыми результатами, и, не будучи революционным по своей природе, предательски бросает ряды революции, примыкая к темным рядам реакционеров, образуя с ними местами контрреволюционные черные сотни; 3) классовая вражда между хозяевами и батраками в данное время загорелась с невиданной доселе силой, исключая всякую возможность колебания между этими двумя враждебными классами или слияния обоих классов в одно общее крестьянское сословие, и 4) для непролетарских сельских элементов, не вступивших в ряды предателей народа, остается лишь единственный исход бороться и впредь под свободным красным знаменем социал-демократии». Так обстояло дело с «единым фронтом» в наиболее революционной Прибалтике с ее резко отдиференцированными классовыми слоями в деревне.

В районах с наибольшими остатками крепостнических отношений, как напр. ЦЧО, Поволжье и др., такой размежевки классовых сил в деревне в 1905 г. еще не произошло, но трещин внутри «единого фронта» было немало, и пролетарские выступления батрачества эти трещины увеличивали все более и более.

Заостряя вопрос на взаимоотношениях пролетариата и кулацких слоев деревни, нельзя забывать, что основной союз между пролетариатом и крестьянством против помещиков строился не между кулаком и беднотой, а между последней и средним крестьянством, мелкими производителями. Поэтому политическая линия Ленина и большевиков, выраженная как в то время, так и в последующие годы лозунгом «со всем крестьянством против помещиков», и должна быть понимаема как союз городского пролетариата прежде всего с беднотой и середняцкими массами деревни. Еще в 1903 г. в обращении «К деревенской бедноте» В. И. Ленин подчеркивал притеснение бедноты и середняков кулаками и указывал на необходимость союза городских и сельских рабочих против всей буржуазии. Там же он говорит, что «при расширении и укреплении этого союза средний крестьянин станет на нашу сторону». Важно и другое заявление В. И. Ленина в той же брошюре: «Социал-демократы никогда не отнимут собственности у мелких и средних хозяев, не нанимающих рабочих» (подчеркнуто В. И. Лениным). Правда, там не сказано, что у кулаков земля будет отнята, но это вытекало само собою, иначе не нужно было подчеркивать и особо оговаривать «мелких и средних хозяев».

По всем этим основаниям лозунг «единого фронта», особенно в свете грандиозного движения сельских рабочих в 1905—1907 гг., приобретает несколько иной оттенок, чем тот, который ему хотят придать любители «цитатологии».

Но ещё на одной цитате из соч. В. И. Ленина следует остановить внимание читателя. В статье «Рабочая партия и крестьянство» (1901 г.) В. И. писал: «Наши сельские рабочие еще слишком крепко связаны с крестьянством, над ними слишком еще тяготеют общекрестьянские бед-

ствия, и поэтому общенационального значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем»[4] (разрядка моя—*А. Ш.*).

Несомненно, что это высказывание Ленина относится прежде всего к великорусской и отчасти украинской деревне. Польша, Белоруссия, Литва, Прибалтика в его анализ не входили. Затем это замечание было сделано в 1901 г., когда движение сельских рабочих выявлялось в одиночных случаях мелких стачек (главным образом отхожих рабочих), часто выливавшихся в примитивные «бунты» или просто уход с работы без предъявления требований. Ленин, указывая на трудности развития движения сельских рабочих, противопоставлял его движению десятков миллионов «простонародья». В той же статье он писал: «Вопрос о сметании остатков крепостничества, о вытравливании из всех порядков русского государства духа сословной неравноправности и принижения десятков миллионов «простонародья»,—этот вопрос уже сейчас имеет общенациональное значение, и партия, претендующая на роль передового борца за свободу, не может отстраниться от этого вопроса».

Правилен ли был прогноз В. И. Ленина по вопросу об общенациональном значении движения сельских рабочих «в ближайшем будущем»? Если это «ближайшее будущее» толковать как годы до революции 1905 г., то прогноз верен на 100%, так как движение сельских рабочих за 1902—1904 гг. в обстановке стачек промышленного пролетариата и крестьянского движения на Украине и в Поволжье за эти годы проявилось весьма слабой струей. Но В. И. Ленин также прав в своем прогнозе и в отношении оценки движения сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. Если возьмем это движение применительно к Украине и Великороссии, то при сравнении его с движением пролетариата в городах и борьбой крестьян с помещиками за землю мы отметим несомненно его относительно меньшую значительность. Общенациональный характер революция 1905 г. приобрела именно потому, что в нее включались десятки миллионов «простонародья», т. е. прежде всего десятки миллионов мелких производителей-крестьян и миллионы городских пролетариев. Таким образом движение сельских рабочих и его роль в революции 1905—1907 гг. были относительно невелики, особенно если отбросить западные «окраины». Но вместе с тем все-же была огромна, так как резко выдвинула пролетарские слои деревни в качестве самостоятельно действующей классовой силы, что затушевывается, когда движение сельских рабочих сбрасывается в одну кучу «форм крестьянского движения». Что же касается движения сельских рабочих, взятого в целом для всей страны, то оно поистине было важнейшим событием революции 1905 г., так как вскрывало перед пролетариатом и его партией неисчерпаемый запас новых союзников в борьбе не только против самодержавия, но и в борьбе за социализм.

---

[4] Ленин, Соч., т. IV, изд. 2-е, с. 103.

Взятое в этом разрезе, движение сельских рабочих в революции 1905—1907 гг. лишний раз подтверждает правильность большевистской тактики в этой революции, тактики, направленной к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую путем втягивания в этот процесс беднейших слоев крестьянства. Эту сторону вопроса также нередко забывают историки-«аграрники», когда смазывают пролетарскую струю в движении сельских рабочих, ибо последние уже и в те времена могли сыграть роль опорного пролетарского отряда в деревне, базируясь на который, пролетариат в условиях революционной диктатуры мог постепенно включить в орбиту своего влияния и мелких производителей крестьян, как это потом на деле было осуществлено им в 1918 г. при организации комбедов.

Из анализа движения сельских рабочих в 1905—1907 гг. могут быть сделаны и некоторые актуальные политические выводы относительно практических задач, стоящих перед компартиями ряда стран западной Европы в развертывающихся классовых боях наших дней.

Напомним успех национал-фашистов среди с.-х. рабочих на осенних выборах в Германии в 1930 г. Сошлемся также на V конгресс Профинтерна (август 1930 г.), где в ряде речей и резолюций подчеркивалась чрезвычайная важность организации пролетарских слоев деревни — сельских рабочихи—активизации их борьбы, причем попутно указывалось на движение с.-х. рабочих в Галиции и других местах в Европе, в Латинской Америке и в колониях на Востоке.

На конгрессе отмечалась необходимость изучения опыта борьбы сельских рабочих в указанных странах, вместе с этим было бы чрезвычайно важно учесть опыт этой борьбы и в старой царской России притом более тщательно, чем это делалось до сих пор.

Далее из этой установки, которая отмечена выше в связи с ролью сельского пролетариата в процессе перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, вытекают и другие практические мероприятия для братских компартий за рубежами СССР — необходимость выделения сил для работы среди сельских рабочих, для организации их и помощи им в их стачках и других формах борьбы, которая развертывается сейчас в ряде европейских стран.

Аграрный кризис, который сейчас охватил Европу и Америку, чреват серьезными столкновениями между сельскими рабочими и их нанимателями. К ним надо готовиться, их надо использовать, чтобы в общем революционном движении пролетарских масс на Западе и в Америке сельские рабочие сыграли хотя бы такую же роль, какую они в 1905 г. сыграли в Прибалтике и некоторых других районах тогдашней России.

М. Н Покровский

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА И «ВЕЛИКОРУССКАЯ НАРОДНОСТЬ»

Что Московское государство XVI века было политическим объединением великорусского племени—это общее место нашей буржуазной исторической литературы последнего, перед торжеством марксизма, периода. «Одно из важнейших явлений русской истории—образование Великорусского государства»,—говорит в предисловии к своей книге А. Е. Пресняков, тогда не бывший еще марксистом[1]. «Основной государственной территорией великорусской народности является территория Московского государства, как она определялась к моменту окончательного сложения этого государства, т. е. приблизительно к половине XVI века»,—начинает предисловие к своей книге академик Любавский[2].

Теория эта не нова—ее родоначальником является еще Кавелин, относящаяся сюда работа которого вышла в 1866 г. («Мысли и заметки о русской истории»). Чрезвычайно интересно следить, как много дала эта работа позднейшей буржуазной историографии и как мало последняя ее цитирует. Исключительный пример человеческой неблагодарности! И едва ли мы ошибемся, если примем, что причиной такого отношения позднейших академиков и профессоров к их духовному предтече является необыкновенная откровенность этого небольшого этюда. Кавелин прямо ставит все точки над «и», ничего не прячет, кроме впрочем вещей в приличном буржуазном журнале («Мысли и заметки» появились на страницах «Вестника Европы») совершенно неудобоназываемых. Мы увидим, что именно об этих вещах и стоит теперь говорить. Но нельзя же Кавелина винить за то, что он не наш современник. Он и то некоторых наших современников, только что цитированных, опередил в весьма существенном вопросе.

Казалось бы, пускаясь в рассуждения о «Великорусском государстве», естественно было спросить: а кто же такие эти великоруссы? Покойный Пресняков прямо отметает от себя этот вопрос, а там, где на него наводят источники, он начинает сомневаться в доброкачественности этих источников. Он находит у Татищева любопытное место, где рассказывается, как Юрий Долгорукий «зачал строить в области своей многие грады» и потом «начал те грады населять, созывая людей отвсюду,

---

[1] «Образование Великорусского государства», П. 1918.

[2] «Образование основной государственной территории великорусской народности», изд. Археографической комиссии, Л. 1929.

которым не малую ссуду давал и в строениях, и другими подаяниями помогал, в которые (т. е. грады—*М. П.*) приходя множество Болгар, Мордвы, Венгров, кроме русских, селились и пределы яко многими тысячи людей наполняли»[3]. Преснякову это место сразу показалось «независимым от летописных источников», т. е. попросту он признал эти факты выдумкой Татищева. Акад. Любавский больше занимается «этнографической проблемой относительно Великороссии»; но для него эта проблема прежде всего сводится к тому, какие славянские племена вошли в состав населения будущего Московского государства. Между тем произведенный им тщательный анализ географических названий будущей «Великороссии» приводит—не его, но его читателя—к совершенно определенному выводу, что эта будущая «Великороссия» до прихода славян была весьма густо (для натурального хозяйства) заселена не русскими и не славянскими, а преимущественно финскими племенами. Для самого акад Любавского это дает лишь повод говорить о «сильной примеси (!) инородческого (sic) населения к славянскому», и он спешит выразить никакими фактами необоснованную уверенность, что «к XIV веку, к моменту зарождения Московского государства, славяно-русская стихия, по всем признакам (признаки даны как раз обратные—*М. П.*), уже возоблацала...»[4]

После этого можно как следует оценить Кавелина, который прямо и откровенно пишет: «Восточная отрасль русского племени образовалась частью из переселенцев из Малороссии и северо-западного края на финской земле, частью из обруселых финнов. Русские переселенцы, под влиянием новых условий, на новой почве получили иной характер, отличный от первоначального корня, от которого отделились; с другой стороны, обрусевшие финские племена внесли новую кровь, новые физиологические элементы в младшую ветвь русского племени. Эта ветвь давно отличается от своих родичей заметными, выдающимися нравственными и физическими чертами и следовательно давно уже успела образоваться и получить свою особую физиономию. К тому времени, когда начало слагаться Московское государство, процесс ее образования уже вполне совершился, новая племенная отрасль сложилась вполне. С тех пор она только окрепла, политически объединилась, расселялась далее и далее и поглощала финские племена, что безостановочно продолжается и до сих пор».

Я не буду останавливаться на архаизме этой цитаты, теперь конечно никто не думает, что финны физиологически чем-нибудь отличались от славян, по лингвистической линии их несомненных, хотя и далеких, родичей. Я не буду подчеркивать и любопытнейшего—и тут Кавелин

---

[3] «Образование Великорусского государства», с. 28, прим. 3-е (разрядка моя—*М. П.*).

[4] Цит. сочинение, с. 12.

опять одинок среди русских историков — признания Киевской Руси «Малороссией», т. е. Украиной. Не буду наконец поправлять и утверждения Кавелина, что «поглощение» финских племен продолжалось еще и во второй половине XIX века. Поскольку и в это время додушивались остатки мордовской, чувашской и т. д. культур, он прав. Но в это время «поглощались» преимущественно другие племена, не финские; не финны населяли Кавказ, Закавказье и Среднюю Азию. Важно то, что Кавелин это «поглощение», т. е. завоевание, признает основным методом образования великорусского племени и что он не отрицает факта, что образованная таким путем народность в большей своей части составилась из обрусевших—он только забывает прибавить: при помощи насилия—не-славянских племен. Дальше Кавелин пугается такого вывода, уничтожавшего официальный панславизм в самом корне, и старается отмежеваться от двух поляков, Сенковского и Духинского, которые утверждали нечто подобное раньше его. Но это запоздалое раскаяние автора в своей смелости (как в самом деле страницы «Вестника Европы» выдержали такую штуку?) не выгонит из памяти читателя основного вывода: «В образовании великорусской ветви, ее расселении и обрусении финнов состоит интимная, внутренняя история русского народа»[5].

Что основным населением будущей Великороссии было финское, а славяне явились туда небольшими группами, в качестве самых форменных колонизаторов, доказывать это еще сравнительно недавно значило бы ломиться в открытую дверь. Недавно, но не сейчас. После описанных мною приемов Преснякова и приведенных мною выводов акад. Любавского несколько слов сказать об этом нужно. Буржуазная наука давно вышла из того состояния райской невинности, в каком она обреталась в дни Кавелина и Соловьева. О первом мы уже знаем, его придется цитировать и еще не раз. Но и Соловьев, гораздо более «казенный» в своих оценках,—Кавелин был уже в опале, и ему нечего было терять, а Соловьев скоро стал ректором Московского университета и преподавателем истории в царской семье,—не скрывал от своих читателей действительного соотношения сил «на этнографическом фронте» в первые века истории нашей страны. «Если не самые древние, то по крайней мере одни из древнейших обитателей русской государственной области, финны, имели незавидную участь: с трех сторон теснили их народы славянского, германского и турецкого племени; мы видим, как у нас финны постоянно уступают пред славянами, подчиняются влиянию их народности, приравниваются к ним; причину такого явления из внешних обстоятельств объяснить не трудно. Сначала мы видим, что племена славянские и финские живут на равной ноге... По нашему летописцу видно, что финны имели города, подобно славянам, подобно последним терпели от родовых усобиц по изгнании варягов, вследствие чего вместе с ними

---

[5] Кавелин, Сочинения, т. I, с. 598--602 (разрядка м я—*М. П.*).

и призвали князей; в скандинавских преданиях финны являются искусными кузнецами, финские мечи славятся на Севере»[6].

Дальше и Соловьев, подобно Кавелину, пугается, приводит зачем-то нелестную для финнов характеристику Тацита—явно считая ее неверной или относящейся не к финнам, а к лапландцам,—подчеркивает великое превосходство христианизированных славян над язычниками-финнами (безо всяких фактов—православная церковь так же мало нуждалась в таких пустяках, как теперь Карл Каутский) и лишь в примечании, с оговорками, дает материал, с несомненностью свидетельствующий о влиянии язычников-финнов на христиан славянского племени. Чрезвычайно характерно, что все неглупые и хорошо знавшие историческую действительность авторы на этот счет были между собою согласны. Кавелин идет дальше и в этом случае. «Профессор С. Куторга указывает в сведениях, сообщенных им Географическому обществу, на много слов, повидимому заимствованных великорусским наречием из финского языка, так как они только в финском языке объясняются этимологически. Приведенные им слова относятся к земледелию и домашнему быту, из чего можно предполагать, что, с этой стороны, русское племя подчинялось влиянию финнов и позаимствовало от них понятия и привычки, которых оно не имело, или которые были по крайней мере менее развиты и вкоренены у него, чем у финских племен». Дальше, разумеется, идут оговорки и ограничения; но совершенно ясно, что к версии официальных учебников о диких бродячих племенах охотников, которых будто бы сменило оседлое земледельческое славянское население, Кавелин ни одной минуты не относился серьезно. Не относился серьезно уже хотя бы по одному тому, что количественное соотношение сил явно было по мнению Кавелина в пользу финнов. «Тамбовская и Пензенская губернии—обрусевшая мордва: это обличают наружный вид тамошних крестьян и географические названия»[7].

Финны не только были когда-то на территории будущей Великороссии—они там и остались, и нельзя даже говорить об их «обрусении» как одностороннем процессе: они в достаточной степени финнизировали своих поработителей. Исчерпывающий материал на этот счет на основании географической номенклатуры дает акад. Любавский. Приведя массу указаний на следы финских племенных названий в именах ряда великорусских поселений XIV—XV веков, этот автор продолжает: «Но особенно доказательными в данном случае являются целые местности, волости и станы с самостоятельными инородческими именами... Эти волости с самостоятельными инородческими именами ведут свое происхождение несомненно от инородческих местных обществ, которые прослоились русскими поселенцами и с течением времени обру-

[6] Соловьев, изд. «Общественная польза», т. I, с. 85.
[7] Кавелин, там же, с. 602—604 в разных местах.

сели. Из совокупности всех этих данных выносится определенное впечатление о сильной примеси (!) инородческого населения к славянскому на рассматриваемой территории. Это впечатление еще усугубляется гидрографической номенклатурой этой территории. З а н е б о л ь ш и м и и с к л ю ч е н и я м и в с е р е к и и р е ч к и, о з е р а и д р у г и е у р о ч и щ а н а р а с с м а т р и в а е м о й т е р р и т о р и и н о с я т н е р у с с к и е, а и н о р о д ч е с к и е и м е н а. Некоторые из них являются повторением несомненно финских имен. Так, финляндской Вуоксе, являющейся стоком из озера Сайма, соответствует Векса, являющаяся стоком из озера Галицкого, Виокса—сток из озера Чухломского и т. д.—Сохранение инородческой номенклатуры за реками, речками, озерами и урочищами указывает на сохранение самого инородческого населения, от которого и перенимали славяно-русские новоселы все эти чуждые русскому языку имена»[8].

Совершенно правильно говорит акад. Любавский о «прослаивании» русскими поселенцами коренной финской народной массы: чтобы создать свою географическую номенклатуру для целого края, нужно было сидеть в этом краю очень густо и очень долго. Славянские колонизаторы врезались в эту гущу маленькими островками вопреки утверждению нашего автора, что лишь «остатки, островки инородческого населения» сохранялись «на захваченных славянскою колонизациею территориях». И акад. Любавскому не приходит даже в голову, что названия «инородцев» гораздо больше заслуживают пришельцы, маленькими островками вкрапливавшиеся в гущу автохтонного населения, а никак не это последнее.

Итак, что финны составляли коренное, оседлое и в большей или меньшей степени культурное население будущей Великороссии, что славянские пришельцы не занимали пустые места, а «поглощали», т. е. насильственно подчиняли себе это коренное население страны, на этот счет в сущности не было разногласий уже у буржуазных историков. Что они, сообщив совершенно убеждающий материал, просили затем своего читателя не делать из этого материала выводов, которые они сами внутренно без всякого сомнения делали,—этот комичный прием не может конечно никого обмануть, как не обманывал он, само собою разумеется, и читателей-современников. Возможно, что именно это и натолкнуло новейших авторов на иную тактику: или полного замалчивания самого сюжета или беззастенчивого подсовывания читателю (и за олуха же его считают!) выводов, прямо противоположных фактам.

Но о чем буржуазные авторы не говорили, даже крестясь и отплевываясь (чур меня! чур меня!), это о м е т о д а х, какими производилось это «прослаивание» и «вкрапление» славян в финскую гущу. Тут по части в ы в о д о в, кроме вырвавшегося у Кавелина словечка «поглощали», мы ничего у них не найдем. Но ф а к т о в и они приводят совершенно доста-

[8] «Образование основной государственной территории великорусской народности», с. 11—12 (разрядка моя—*М. П.*).

точно для того, чтобы и на этот счет у внимательного читателя их произведений не осталось ни малейшего сомнения. Мы и дальше поэтому, можем пользоваться нашими старыми историками, но уже только как материалом.

Первый подвиг просвещенных светом христианства колонизаторов на территории будущей Великороссии связан с первым упоминанием о будущей великорусской столице—Москве. Упоминается впервые этот город, как известно, под 1147 годом—в связи со свиданием Юрия Долгорукого с его союзником Святославом Всеволодовичем. Перед этим свиданием последний «взял Голядей, на верховиях Протвы, и обогатил дружину свою полоном»[9]. Голядь—племя не финское, а литовское, но колонизационные методы от этого не изменялись: «инородцы» были прежде всего источником живого товара. Мы увидим, что с этого всегда начиналась тогда всякая «колонизация», в чем впрочем нельзя видеть большого отличия славян XII века от испанцев, португальцев и голландцев XVI—XVII столетий. Только испанцы больше заботились о торжестве христианства и по этой причине больше убивали людей, чем их предшественники и последователи. Князь Святослав повидимому не старался облечь свою экспедицию в форму крестового похода, скорее это была для него увеселительная поездка. Летопись рассказывает, что в Москве по случаю княжеского свидания был большой пир, продолжавшийся не один день. Как теперь банкиры после выгодной сделки идут в ресторан и пьют там шампанское, так и тогда выгодную операцию с продажей голяди на невольничьи рынки надо было вспрыснуть.

Что Москва—слово финское и что будущая столица Великороссии была, употребляя колонизационные термины, «укрепленной факторией» в финской стране, это все знают, как и то, что окрестности Москвы были чрезвычайно густо заселены еще в доисторические времена, так что изображать возникновение этого города как заселение «культурными славянами» совершенно дикого места можно, только игнорируя всем опять-таки известные археологические данные[10]. Менее известны обстоятельства возникновения другого крупнейшего великорусского центра, который конкурировал с великокняжеской столицей уже в XVI веке, а в начале XVII сыграл роль зам.-Москвы—Нижнего-Новгорода. Один публицист, современник Грозного, развивал ту мысль, что столицей Московского царства должен быть собственно Нижний, а «Москва стол великого княжества». Еще Татищев и Екатерина II знали, что этот крупнейший

---

[9] Соловьев, цит. соч., с. 402.

[10] Эту легенду поддерживают названия некоторых кремлевских урочищ, неправильно толкуемые позднейшими авторами. Так, собор Спаса на Бору вовсе не означает, что на этом месте был «бор», т. е. лес,—что абсолютно невероятно для XIV века, когда церковь была построена,—а значит, что он построен на доходы от «бора», поголовной подати («Черный бор»). Боровицкие ворота—ворота, через которые выезжали «боровичи», т. е. сборщики этого налога.

великорусский центр вовсе не «заложен» заново великим князем Юрием в 1221 г., а стал на месте какого-то «инородческого» центра, разрушенного русскими лет за пятьдесят до этого. Одна запись, правда в дошедшей до нас редакции очень поздняя—XVII века (что еще не позволяет считать записанного рассказа «легендой», как хочет окрестить его передающий его великорусский автор), совершенно определенно указывает, что этот город был не более, не менее, как столицей мордвы, основной жертвы славянского колонизаторства в историческую эпоху на территории будущей Великороссии: «поглощение» предыдущих веков, жертвой которого стали весь, меря и мурома, лежит собственно за пределами писанной истории, летописи дают на этот счет лишь самые глухие и отрывочные указания.

Вот этот рассказ. «Мордвин Абрам, или Ибрагим, вышедши из-за реки Кудьмы, поселился при впадении Оки в Волгу на Дятловых горах, покрытых тогда дремучим лесом. У него было 14 сыновей и 3 дочери, для которых он построил 17 домов на том месте, где ныне архиерейский дом. Эта колония названа была Абрамовым или Ибрагимовым городком, а сам Ибрагим выбран был всеми мордовскими племенами в правители (старшина или князь). На этот-то городок и ходили, но не совсем удачно, суздальские войска. Абрам, по словам легенды, заслышав о том, что суздальские, муромские и рязанские рати идут к его городку, стал укреплять последний: он обнес его тыном, валами и рвами. В городке было уже до 500 человек. Абрам устроил в двух пунктах укрепления по воротам: одни широкие—с южной стороны вала, с дубовыми створами, которые засыпал землей, другие—потайные, на север от въезда с Волги на гору (коровий ввоз). Подошедши к городку с 14 тыс. воинов, князь Мстислав, не желая напрасно проливать крови, вступил с Абрамом в переговоры: он предлагал ему оставить Дятловы горы и признать над мордовскими племенами власть князя суздальского; Абрам отвечал, что он не прирожденный владыка мордовских племен, а только выборный правитель их, почему и не может самолично принимать никаких условий; он просил дать ему четыре года для сношений со всеми мордовскими племенами, но Мстислав согласился дать только четыре дня. Абрам немедленно разослал чрез тайные ворота гонцов в ближайшие мордовские селения, требуя немедленной помощи. В две ночи чрез тайные ворота вошло в городок более пяти тысяч человек мордвы, и Абрам, не дожидаясь истечения данного ему срока, вышел чрез южные ворота и ударил на суздальскую рать. Это впрочем не принесло мордве пользы: Абрам пал в битве со всей своей ратью, жители городка были перебиты, а самый городок русскими сожжен. Мстислав оставил там тысячу конных и строго приказал им жить почему-то не в городке, а около него. Узнавши о судьбе Абрама и его соратников, мордва задумала отмстить своим врагам. Но суздальцы, имевшие в мордве шпионов, которые известили их о замыслах своих соплеменников, предупредили вшестеро сильнейшего врага: они выехали

навстречу мордве, верстах в 10 от городка встретились с ней, с криком пробились через нестройную массу ее и Березогольем поскакали к Боголюбову. Опомнившись от неожиданной встречи, пешая мордва хотела преследовать врага своего, но конные суздальцы успели ускакать от преследования»[11].

«Дремучий лес» на нижегородских горах вполне возможно такая же легенда, как и «бор» в московском кремле XIV века. 14 сыновьям и 3 дочерям мордовского князя «Абрама» мы не обязаны верить, как и самому этому имени. Но реальные исторические подробности вполне отчетливо выступают на фоне этой фантастики. Мордва конца XII века представляла собою федерацию нескольких племен с центром на месте будущего Нижнего. Что это был центр федерации, доказывается тем, что все племена защищали город, а насколько федерация была сильна, показывает тот факт, что соединенные силы трех русских княжеств—Суздаля, Рязани и Мурома—хотя и смогли захватить город, но не смогли в нем удержаться. И то, как они спаслись в конце концов от превосходных сил мордвы, рельефно рисует нам, в чем состояло чисто военное превосходство русских колонизаторов над автохтонами. Русское войско было конным, мордва была пешая. В эпоху исключительно холодного оружия лошадь давала в бою огромное преимущество над противником. На юге это давало перевес степнякам над тогдашними украинцами: на севере выученики степняков пользовались их уроками, чтобы громить безлошадные племена, жившие земледелием и лесными промыслами.

Мордва очевидно не возобновила своей столицы, видимо считая, что ее положение слишком открыто для русских набегов. Но стратегическое значение пункта было слишком ясно, и раз его бросила мордва, его использовали русские. С 1221 г. на месте бывшей столицы мордовской федерации выросла русская пограничная крепость, Нижний-Новгород, самым названием показывавшая, какое громадное значение ей придавалось. Иначе ее не назвали бы по имени самого крупного, самого древнего и самого богатого центра тогдашнего севера. В истории борьбы с мордвой это было своего рода «основание Петербурга». А насколько борьба была жестокая, показывают ее дальнейшие перипетии, которые мы знаем уже не из полулегендарных записей позднейшего времени, а по современным показаниям летописей. Русские начали наступление из новой крепости очень скоро, через 4—5 лет после ее основания. Братья основателя Юрия, «разорили много селений, взяли бесчисленный полон и возвратились домой с победою великой». Но мордовская федерация не была уничтожена и в лице Пургаса нашла себе вождя, более способного, чем был убитый в 1172 г. Абрам. Следующие походы суздальских князей на мордву были уже неудачны, а в 1229 г. Пургас сжег Нижний, но как

---

[11] Экземплярский, Великие и удельные князья Северной Руси, т. II, с. 385—386, примечание.

и русские за пятьдесят лет ранее, не могего удержать. На мордву тогда привели **половцев**, и федерация дрогнула. Пешее войско не могло удержаться против лучшей тогдашней кавалерии, некоторые мордовские князья изменили Пургасу, и последний должен был бежать. Это участие «степных хищников» в создании Великороссии весьма слабо отмечается нашими историками, а оно не менее характерно, чем тот факт, что если у суздальских князей были половцы, то у мордовского князя были **русские** («пургасова Русь»), очевидно, не поладившие с суздальскими князьями. Ровно ничего «загадочного», как думает наш автор, в этом нет. Борьба с мордвой отнюдь не носила только национальный характер—она имела свою классовую сторону. Мордву громили и грабили князья с их дружиной и городскими «воями». Нет ничего загадочного в том, что крестьяне, которых те же князья грабили у себя дома, чувствовали себя ближе к Пургасу, чем к Юриям и Святославам[12].

Летописные рассказы о войнах русских с Пургасом дают между прочим некоторое представление о **культуре** мордвы. Русские князья жгли **посевы**, били **скот**—мордва от них укрывалась в лесах. Совершенно ясно, что перед нами не «бродячие лесные охотники», но земледельческий народ, для которого лес служил убежищем, как служил он в этом качестве русским крестьянам еще в 1812 г., а не постоянным местом жительства. Зато при попытке проникнуть в это последнее убежище коренного населения с русскими XIII века случалось иногда то же, что с их далекими потомками бывало на Кавказе в XIX: далеко зашедшие в чащу русские отряды истреблялись, и засевшую в «твердях» мордву приходилось оставить в покое. Один из таких летописных рассказов любопытен в том отношении, что показывает, как рано возникают зачатки военной цензуры. Повествование об истреблении одного из зарвавшихся в мордовскую чащу русских отрядов так «проредактировано» летописным сводчиком, что у читателя должно было получиться впечатление блестящей русской победы: совсем как официальные реляции о даргинской экспедиции Воронцова в 1846 г. И только явное восхищение летописца тем обстоятельством, что сами князья и их главные силы вернулись домой «добри здоровы», выдает с головой «редактора»; чего же радоваться, что большая часть русских осталась цела, коли мордва была наголову разбита? Когда победители считают свои потери и радуются, что у них не всех солдат побили[13]?

Поражение Пургаса было, разумеется, ознаменовано неоднократным жесточайшим опустошением мордовских земель. Но история не дала слишком много времени для этого занятия: меньше чем через десять

---

[12] Экземплярский, цит. соч., с. 186—387.

[13] См. об этом у Экземплярского, цит. соч., с. 67—68, особ. прим. 222. Автор, разумеется, на стороне официальной версии литописи, хотя ей не верил уже Карамзин.

лет и мордва, и суздальцы были под властью татар. С тех пор борьба с мордвой переплетается с перипетиями ордынской политики князей, и так как эта политика больше интересовала летописца, чем местные войны, то мордва на десятилетия совсем исчезает из-под его пера. Что завоевание продолжалось, мы узнаем из случайных отметок, вроде например того, что нижегородский князь Константин Васильевич, младший современник Ивана Калиты, «повеле русским людям селиться по Оке, Волге, Кудьме (приток Волги) и на мордовских жилищах, где кто похощет» [14]. Мордва и ее земли были отданы на поток и разграбление русским колонистам. Этот акт колониальной политики нижегородского князя должен был найти свое отражение с противоположной стороны и нашел конечно. Мордва и русские были теперь не одни, были еще татары, а на ордынских комбинациях умели играть не одни русские князья. В 1377 г. мордва навела на суздальцев татар, которые совершенно истребили суздальское войско, а попутно разграбили и сожгли до тла Нижний-Новгород. Но мордва была уже слишком ослаблена, чтобы использовать результаты татарской победы: напротив она явилась козлом отпущения за татарское разоренье. Едва ушли татары, мордовское войско было разбито на той самой реке Пьяне, где татары только что истребили суздальскую армию. Что было дальше, лучше всего передать словами того русского автора, который сам со всем старанием передает летописные рассказы.

«Зимой того же 1377 г. Дмитрий Константинович послал на мордву со своими полками брата Бориса и сына Семена; великий князь московский также прислал свою рать под начальством воеводы Федора Андреевича Свибла. Русские рати произвели полнейшее опустошение мордовской земли: как выражается летопись, «землю их всю пусту сотвориша»; селения были разграблены и преданы огню, из жителей одни истреблены, другие, особенно лучшие, забраны в полон; мало было таких, которым удалось избыть русского меча или полона. Раздражение против поганой и коварной мордвы (!) было до того сильно, что в Нижнем предавали плённых различным казням; между прочим некоторых из них вывели на Волгу, волочили по льду и травили псами»[15].

Это была уже расправа с «мятежниками»: мордовскую землю русские князья считали своей. Характерно, что последние остатки мордовской независимости были раздавлены при участии московской рати: Великороссия уже складывалась, и читатель видел методы ее сложения. Это отнюдь не было мирное заселение «культурными» славянами пустых земель, где там и сям бродили дикие охотники. Это было изнасилование и угнетение довольно густо заселенной земледельческой страны, по материальной культуре вероятно мало отличавшейся от русских поселен-

---

[14] Экземплярский, т. I, с. 244 (разрядка моя—*М. П.*).

[15] Там же, т. II, с. 415. Просим обратить внимание, что это написано не в 1390, а в 1890 г.

цев; но последние были лучше вооружены и лучше организованы в военном отношении. У них уже прошел процесс феодализации, образовался постоянно вооруженный и профессионально-военный верхний слой населения, тогда как мордва не вышла еще повидимому из племенной стадии. Славянские пришельцы покорили ее с тою же легкостью, с какою самих славян за несколько веков перед этим покорили небольшие, но хорошо вооруженные и вымуштрованные отряды норманских викингов. Но мордва сдалась, мы видели, не без бою, и только самыми отчаянными и беспощадными средствами удалось подавить последние попытки ее сопротивления угнетателям. Причем, едва ли нужно это говорить, физически, разумеется, не были истреблены все мордовские племена, или хотя бы большинство их. Князьям-завоевателям и их боярам, словом, русской феодальной знати, нужны были рабы, а не трупы. Не только «Пензенская и Тамбовская губернии», но и добрая доля бывшей Нижегородской губернии—«обруселая мордва». Это было не истребление, а насильственная руссификация, не очень глубокая притом. Финское коренное население Великороссии пользовалось своим языком еще в XVI веке: Герберштейн рассказывает, что население Белозерской области (а это куда более старый район руссификации, нежели низовья Оки и Средняя Волга!) еще в его времена, т. е. в первой половине XVI века, имело свой собственный язык [16].

Мордва не только не была истреблена, она сохранила даже в известной степени свою политическую самостоятельность. В духовном завещании Ивана III (1505 г.) мы находим «Муром с Мордвами и Черемисою, Мещера и с Кошковым, да князи Мордовские все». Порабощая народную массу, Москва очень умело приручала верхушку покоренных племен, вводя ее в ряды московской феодальной аристократии. «Князья Мещерские» остались памятником этой политики до XX века, как князья Чавчавадзе и Абамелек-Лазаревы напоминали, что «Российская империя» осталась верна политике ее далеких предшественников. Но к 1505 г. борьба с мордвой была уже далеким прошлым: на очереди были ее ближайшие соседи мари, в завещании Ивана III названные «черемисою». Удушение последней, являясь новым эпизодом образования «Великороссии», интересно еще в том отношении, что дает повод разоблачить оборонческую легенду о покорении Казани.

Согласно этой легенде Казань была одним из последних убежищ «степных хищников», борьба с которыми составила провиденциальную задачу Великороссии. Что татары даже XIII—XIV веков вовсе не были «степными хищниками», а были довольно высоко организованным полуоседлым народом, в области материальной культуры стоявшим выше своих русских противников (благодаря главным образом влиянию Китая, отчасти и арабов), это мне уже приходилось доказывать, и я не буду повторять

---

[16] Любавский, цит. соч., с. 9.

выводов своей старой работы [17]. Но оборонческая легенда лжет не только в этом: в завоевании Казани дело шло не только о татарах и даже главным образом не о них. Это было дальнейшее «поглощение» главным образом финских племен.

Уже с середины XV века «завоевание Казани» начинает довольно неожиданным образом отражаться на судьбах народа мари. Надо иметь в виду, что «степные хищники» татары, были в это время и против Москвы, и за Москву: все более и более крупные татарские отряды состояли на московской службе. Общеизвестна роль этих отрядов при удушении последних остатков вольности Великого Новгорода. По отношению к Казани это давало возможность разлагать противника изнутри: состоявшие на московской службе татары входили в связь с казанской «оппозицией» и при ее помощи пытались устраивать в Казани государственные перевороты. Один из таких переворотов подготовлялся в 1467 г. Он не удался: московское войско, явившееся на помощь казанским заговорщикам, опоздало—заговор уже был раздавлен. Так как участие Москвы было совершенно явно и несомненно, Казань ответила войною и напала на Галич. Рассказываем дальше словами Соловьева. Отметив неудачу московского похода на Казань, он продолжает: «Счастливее были московские дети боярские, которые зимою 6 декабря выступили из Галича в землю черемисскую. Целый месяц в сильную стужу без дороги шли они лесами. 6 января 1468 года вошли к черемисам и выжгли всю землю их до тла, людей перебили, других взяли в плен, иных сожгли, имение все побрали, скот, которого нельзя было с собою увести, перебили; на один день пути только не дошли до Казани и возвратились к великому князю все поздорову».

Итак, напала на Москву Казань, «степные хищники», спровоцированные московским князем, а расплатились за это «черемисы». Эту странную вещь Соловьев сообщает, можно сказать, не поведя бровью,—по всей вероятности просто потому, что сам он отлично умел расшифровать значение слова «Казань» (мы увидим потом доказательства этого), но своим читателям он не нашел нужным сообщить свою расшифровку. Если впрочем читатель был сколько-нибудь сообразителен, он мог расшифровать и сам. В 1523 г. русские двинулись на Казань и водою, по Волге, и сухим путем, вдоль берега: последним путем шло конное войско. Волжский флот Василия III, который лично руководил походом из Нижнего, успеха повидимому не имел. Но воеводы конной рати «возвратились благополучно и привели с собою много черемисских пленников». Это соприкосновение русских с народом мари не прошло бесследно. Год спустя на Казань двинулось еще более сильное московское войско. Ему удалось дойти до города, но тут оно само оказалось в осаде. «Черемисы опустошили все вокруг, засели на всех дорогах, не позволяя

[17] См. «Марксизм и особенности исторического развития России», с. 72—75.

русским отрядам добывать кормов, прервали все сообщения, так что нельзя было дать вести в Москву о состоянии войска. В это время, когда рать Бельского начала упадать духом от голода, разнесся слух, что конное войско потерпело поражение от татар; ужас напал на воевод; стали думать об отступлении; скоро узнали однако, что слух был ложный; потерпел поражение один только небольшой отряд конницы; главная же рать, шедшая под начальством Симского, в двух встречах с татарами на Свияге, одержала верх. Но если конница счастливо преодолела все опасности, то не могла преодолеть их судовая рать, шедшая с Палецким: в узких местах между островами черемисы загородили дорогу камнями и деревьями, а с берега осыпали русских стрелами и бросали бревна; только немногие суда могли спастись и с воеводою достигли главной рати».

Только техническое превосходство русских—у казанцев были пушки, но не оказалось артиллеристов—дало возможность минимально «почетного» исхода для армии Василия III. Казанцы вступили в переговоры, и под этим предлогом московский главнокомандующий, князь Иван Бельский, снял осаду: к этому времени голод в московском войске достиг крайнего предела. Судьба Казани решена была таким образом вмешательством «черемисов». Соловьев опять не находит нужным обратить внимание своего читателя на это загадочное обстоятельство: читатель мог упустить из виду «степных хищников». И наш историк больше всего занимается вопросом: был виноват в неудаче московский воевода или нет? Вопрос, принимая во внимание, что ко времени появления «Истории России» кости Бельского давно сгнили, может быть вполне назван «академическим».

Наследник Василия III не мог позволить себе роскоши держаться на столь высокой «объективно-научной» точке зрения. Иван, будущий Грозный,—или его «избранная рада»—сделали все необходимые выводы из неудач Василия III. Ясно было, что пока мари и Казань держатся вместе, Казани не возьмешь. Часть мари (так называемые летописью «горные черемисы») была подкуплена: ей дали жалованную грамоту и освободили от ясака. Через кого велась подкупательная операция, совершенно ясно. В Москву приезжали «князья, мурза и сотные казаки»—марийская аристократия. Иван «их жаловал... кормил и поил у себя за столом; дарил шубами, доспехами, конями, деньгами».

После этого, во время последнего решительного похода на Казань в 1552 г. «черемисы» не только не пытались выморить голодом московское войско, но напротив «приносили хлеб, мед, мясо, что дарили, что продавали, кроме того мосты на реках делали». Казанцы были изолированы и после отчаянного сопротивления сдались. Надобно думать, что после этого всякие льготы «черемисам» прекратились, ибо уже в декабре (а Казань пала в октябре 1552 г.) «луговые и горные люди побили на Волге гонцов, купцов и боярских людей, возвращавшихся с запасами из-под Казани». Не сразу, но бывшие союзники татар понемногу приходили

к сознанию, что гибель Казани была гибелью и их свободы. «10 марта пришла дурная весть: князь Горбатый писал, что луговые люди изменили, ясаков не дали, сборщиков ясака убили, пришли на Арское поле, стали все заодно и утвердились на высокой горе у засеки; воеводы послали на них казаков и стрельцов; те разошлись по разным дорогам и побиты были наголову; стрельцы потеряли 350, а казаки 450 человек, после чего мятежники поставили себе город на реке Меше, в 70 верстах от Казани, землею стену насыпали и положили тут отсиживаться от русских. Через две недели пришла другая весть из Свияжска, еще хуже: мятежники, черемисы и вотяки, пришли войною на Горную сторону; князь Шуйский отпустил против них известного уже нам Бориса Солтыкова с детьми боярскими и горными людьми; но Солтыков потерпел поражение, был взят в плен; кроме него русские потеряли 250 человек убитыми и 200 пленными... В сентябре отправились из Москвы воеводы: князь Семен Микулинский, Петр Морозов, Иван Шереметев и князь Андрей Курбский; зимою 1554 года начали они военные действия, сожгли город на Меше, который построили мятежники, били их при всякой встрече, воевали четыре недели, страшно опустошили всю страну, вверх по Каме ходили на 250 верст, взяли в плен 6000 мужчин, 15000 женщин и детей».

Москве оставалось использовать раздоры среди самих мари: «горные» и «луговые» воевали между собою. Мы видели, что последние восстали против податного грабежа—начали с убийства сборщиков ясака. «Горных» тогда от ясака освободили, совсем или отчасти. В благодарность за это они заманили в засаду и захватили «лугового сотника» Мамич-Бердея. Характерно, что последний пытался опереться на казанскую традицию и действовал от имени какого-то ногайского (т. е. татарского) «царевича». Но прежние господа края оказались теперь плохими предводителями, и мари дрались за свою свободу. Татарский «царевич» был ими убит, «потому что от него не было никакой пользы. Черемисы воткнули голову убитого на высокий кол и приговаривали: «Мы было взяли тебя на царство для того, чтобы ты с своим двором оборонял нас; а вместо того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только волов и коров наших поели; так пусть голова твоя царствует теперь на высоком коле».

Я привел эту цитату больше ради фигурирующих в ней волов и коров, которые достаточно изобличают даваемую Соловьевым характеристику мари как «дикого народа». Они были земледельцы и скотоводы, так же, как и мордва, и в культурном отношении стояли вероятно не ниже своих покорителей. Но в отношении военном теперь уже не могло быть никакого сравнения: Москва была «великой державой», и племена Средней Волги были для нее теперь почти тем же, чем для империи Николая I были кавказские горцы. Мари могли героически защищаться, но рано или поздно московские войска должны были взять верх.

Итак, мы познакомились с созданием еще одного куска «Великороссии» и знаем теперь, что такое называется нашими старыми историками «покорением Казани». Дело шло вовсе не о «гнезде степных хищников», даже допустив реальное существование последних: дело шло о покорении целого ряда независимых до тех пор народов преимущественно финского племени. Сам Соловьев должен был признать это: «Таким образом после взятия Казани нужно было еще пять лет опустошительной войны, чтобы усмирить все народы, от нее прежде зависевшие» [18].

Российскую империю называли «тюрьмою народов». Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было «тюрьмою народов». Великороссия построена на костях «инородцев», и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло послужить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет.

[18] Для всех приведенных цитат см. Соловьев, цит. соч., т. I, с. 1413, 1636—1637; т. II, с. 66, 74, 87, 90.

С. Сеф

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛИЗАЦИЮ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Вопрос о необходимости национализации нефтяной промышленности в Бакинском районе встал во весь свой рост перед большевиками сейчас же после захвата власти [1].

Борьба за национализацию нефтепромышленности, имеющая свою собственную длительную историю задолго до захвата власти, приняла в этот период особенно острые формы и завершилась победой большевизма—изданием 1 июня 1918 г. декрета о национализации в Баку, изданием 20 июня 1918 г. всероссийского декрета.

Анализируя деятельность большевистских руководящих организаций (советских и партийных), мы прежде всего должны суметь ответить на вопрос—правильна ли была тактика Шаумяна, не являлось ли форсирование вопроса о необходимости национализации нефтепромышленности руководителями большевистской организации в Бакинском районе известным отражением левокоммунистических настроений на местах.

Вопрос этот должен возникнуть перед исследователем деятельности Бакинской Коммуны главным образом в связи с позицией, занятой В. И. Лениным с апреля 1918 г. в отношении промышленной политики партии.

«Красногвардейская атака на капитал», сыгравшая в общей системе политики большевизма большую положительную роль, не могла не сопровождаться и рядом отрицательных явлений. Эти отрицательные явления прежде всего сказались в стихийном, бессистемном захвате рабочими промышленных предприятий. Стихийная национализация промышленности, столь нужная в первоначальный период революции, развиваясь дальше и захватывая все новые и новые предприятия, начинала оборачиваться к пролетариату и своей теневой стороной. Этого не понимали «левые» коммунисты, обвинявшие партию в отступлении перед капитализмом. Этим паникерским настроениям Ленин в ряде статей и выступлений дал решительный отпор, заявляя, что только своевременное пресечение процесса национализации, введение его в рамки плановости и постепенности могло предотвратить опасность разрушения промышленного хозяйства.

---

[1] 18/31 марта 1918 г.

Именно в связи со всем этим в апреле 1918 г. Ленин писал: «А пока рабочий контроль не стал фактом, пока передовики-рабочие не наладили и не провели победоносного и беспощадного похода против нарушителей этого контроля или беззаботных насчет контроля,—до тех пор от первого шага (от рабочего контроля) нельзя сделать второго шага к социализму, т. е. перейти к рабочему регулированию производства» [2].

Таким образом Ленин считал, что первым этапом на пути к экспроприации промышленных предприятий является установление рабочего контроля и проведение в жизнь строгого учета. Вторым же этапом он считал объединение, концентрацию (трестирование) промышленности, причем стремление отдельных групп к немедленной экспроприации всех промышленных предприятий без какого-либо учета государственных, рыночных и пр. возможностей он квалифицировал как тенденции, ничем не оправдываемые, не могущие принести пролетариату ничего, кроме вреда.

Выступая на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. с докладом «Об очередных задачах советской власти», Ленин говорил: «Нам нечего браться за смешную задачу учить организаторов треста,—их учить нечему. Их нужно экспроприировать. За этим дело не стоит. В этом никакой трудности нет, это мы достаточно показали и доказали. И всякой рабочей делегации, когда она приходила ко мне и жаловалась на то, что фабрика останавливается, я говорил: «В а м у г о д н о, ч т о б ы в а ш а ф а б р и к а б ы л а к о н ф и с к о в а н а? Х о р о ш о, у н а с б л а н к и д е к р е т о в г о т о в ы, д е к р е т м ы п о д п и ш е м в о д н у м и н у т у. Н о в ы с к а ж и т е: в ы с у м е л и п р о и з в о д с т в о в з я т ь в с в о и р у к и, в ы п о д с ч и т а л и, ч т о в ы п р о и з в о д и т е, в ы з н а е т е с в я з ь в а ш е г о п р о и з в о д с т в а с р у с с к и м и м е ж д у н а р о д н ы м р ы н к о м?» [3] (п о д ч е р к н у т о мной—*С.С.*).

Вопросом о национализации нефти Совет народных комиссаров РСФСР занимался еще с января 1918 г. В заседании СНК от 27 января 1918 г. был утвержден проект о создании нефтяных народных промыслов. По этому проекту предполагалось создание государственных промыслов на свободных нефтеносных землях с тем, чтобы снабжение оборудованием этих новых промыслов легло бы на «существующие нефтепромышленные предприятия» и чтобы в случае отказа промышленных фирм от выполнения этих обязательств конфисковать предприятия непослушных промышленников, обратив их в состав фонда народных нефтяных промыслов [4].

---

[2] Л е н и н, Очередные задачи советской власти, т. XV, с 206, изд. 1922 г.

[3] Л е н и н, т. XV, с. 237—238, изд. 1922 г.

[4] «А р х и в С Н К и С Т О С С С Р», протокол заседания СНК от 27 января 1918 г.

То, что создание народных нефтяных промыслов мыслилось Лениным как переходный этап (притом достаточно короткий) к полной национализации, видно как из того же постановления, так и из телеграммы Ленина к Шаумяну.

Совнарком, постановив о создании народных нефтяных промыслов, одновременно предложил ВСНХ «выработать план национализации нефтяных промыслов и представить в недельный срок в Совнарком».

В Баку же Шаумяну была послана телеграмма следующего содержания:

«Советом народных комиссаров издан декрет об устройстве народных нефтяных промыслов в дальнейшем же предрешено национализировать всю нефтяную промышленность точка при издании декрета имелось между прочим в виду чтобы при организации промыслов были созданы в процессе работы кадры служащих скобка техников и прочее скобка из своих людей запятая которые могли бы впоследствии руководить работами по добыче и переработке нефти во всех существующих частных предприятиях после их национализации в случае саботажа со стороны занятого в этих предприятиях технического персонала точка просьба сделать все возможное для достижения означенной цели точка»[5].

В развитие постановления от 27 января Совнарком 15 февраля, заслушав сообщение т. Ломова о национализации нефтяных промыслов, принял за основу его проект и поручил «т. Ломову созвать специальную комиссию для окончательной разработки этого вопроса» с представлением в трехдневный срок готового проекта [6].

1 марта СНК заслушал новый проект о национализации, представленный тт. Соловьевым и Аксельродом, принял за основу проект ВСНХ и предложил последнему сдать оба проекта в комиссию, им же созданную, для срочной переработки [7].

В делах Совнаркома сохранились: проект декрета о национализации и постановление ВСНХ о порядке и способах осуществления национализации нефтяной промышленности.

Однако после 1 марта вплоть до 20 июня 1918 г. Совнарком РСФСР не обсуждал вопроса о национализации нефтепромышленности.

Сохранилось лишь указание в письме т. Салько, что Совнарком в мае 1918 г предрешил вопрос о национализации, отсрочив проведение его до представления сметы. Однако об этом ничего не сказано в протоколах СНК. Так как на то же указывал и т. Шаумян в своей речи от 22 июня 1918 г., ссылаясь на телеграмму ВСНХ, то единственное предположение, которое можно сделать, это то, что вопрос был предрешен руководителями Всероссийского Совнаркома без обсуждения его на официальном заседании СНК.

---

[5] «Архив СНК и СТО СССР», приложение к протоколу № 57.

[6] Там же, протокол заседания СНК № 62 от 15 февраля 1918 г.

[7] Там же, протокол заседания СНК № 73 от 1 марта 1918 г.

То, что вопрос о немедленном проведении национализации нефтепромышленности в жизнь был снят с обсуждения в период апрель—май 1918 г., показывает, что Ленин и Совнарком требовали тщательного проведения предварительной работы, которая могла бы обеспечить плановое проведение этого крупнейшего мероприятия в жизнь.

Однако, на ряду со стремлением руководителей партии и правительства обеспечить наиболее планово подготовленное проведение в жизнь национализации нефтепромышленности в отдельных звеньях советского аппарата рождалось сопротивление проведению национализации в жизнь вообще. Сопротивление это отражало давление на наш аппарат враждебных нам классовых сил. В недрах ВСНХ и Главконефти в период решающей борьбы за национализацию нефтепромышленности в Бакинском промышленном районе (апрель—июнь) точка зрения о нецелесообразности проведения национализации в жизнь вообще получила широкое распространение. Ничем не обоснованная доверчивость в отношении промышленников и технической интеллигенции, в своей значительной части стоявшей тогда на позициях саботажа, проявилась даже у отдельных ответственных руководителей народного хозяйства: Соловьев (Выснархозтоп) и Гуковский (Главконефть).

В этих условиях большевики Бакинского промышленного района под руководством Шаумяна повели решительную борьбу за проведение в жизнь национализации нефтепромышленности и выиграли ее. Прежде, чем приступить к изложению всех перипетий этой борьбы и тщательному анализу ее, мы должны заявить, что считаем эту борьбу исторически целиком и полностью оправданной, считаем, что соотношение классовых сил, сложившееся в Бакинском промышленном районе в этот период, не только оправдывало эту политику, но делало ее настоятельно необходимой в интересах пролетариата.

Вопрос о руководстве нефтепромышленностью был поставлен задолго до захвата власти, в период борьбы бакинского пролетариата за коллективный договор.

Длительная борьба бакинского пролетариата с нефтепромышленниками, продолжавшаяся все лето 1917 г., обострила отношения между классами, поставила еще в августе 1917 г. вопрос о руководстве промышленностью и заставила рабочие массы, вопреки противодействию правосоциалистических партий, выбросить лозунг принудительного синдицирования промышленности [8].

Лозунг этот, поддержанный большевиками, после сентябрьской стачки и октябрьского переворота 1917 г. вырастает в требование национализации нефтяной промышленности. Даже по отрывочным газетным

---

[8] Постановление Бакинской конференции фабрично-заводских промысловых комиссий.

сведениям можно наблюдать, как развивалось это требование, оформляясь как одно из основных требований рабочих Бакинского промышленного района.

Уже в декабре 1917 г. ряд предприятий в связи с новым обострением вопроса о колдоговоре выносит решения о необходимости национализации нефтепромышленности. Даже собрание нобелевских рабочих, политически наиболее умеренно настроенных, 18 декабря 1917 г. в количестве 2000 чел. выносит решение «просить Совет народных комиссаров о национализации промыслов» [9].

Эти требования оформляются как решение всего бакинского пролетариата в заседании расширенного Совета рабочих депутатов от 11 декабря, принявшего постановление, аналогичное нобелевцам. Во главе этих требований становятся большевики Бакинского промышленного района, они оформляют этот лозунг в боевой классовый лозунг борьбы с буржуазией, одновременно выдвигая перед рабочими массами практический лозунг сегодняшнего дня—необходимость немедленного проведения в жизнь рабочего контроля над производством. Когда и это требование оформляется в виде постановления конференции промыслово-заводских комитетов, обострение между рабочими и промышленниками достигает крайней степени.

В заседании комитета Союза бакинских нефтепромышленников 11 декабря 1917 г. промышленники организуют выступление представителей технической интеллигенции против требования пролетариата о введении рабочего контроля над производством. В протоколе заседания комитета Союза бакинских нефтепромышленников от 11/XII 1917 г. имеется следующая запись, характеризующая эту демонстрацию: «Явившийся на заседание член совета бакинского отделения Союза инженеров и техников сообщил, что вопрос об установлении контроля над производством со стороны рабочих был подвергнут обсуждению в совете Союза инженеров и техников. Совет высказался против установления такого контроля и полагает, что всем инженерам придется оставить свои места и отказаться от руководства производством» (подчеркнуто мной—С. С.). В этом же протоколе сообщалось о том, что заводское совещание также высказалось против введения рабочего контроля над производством, «усматривая в установлении контроля над производством со стороны рабочих узурпацию своих прав» [10].

Вступив на путь конфликта с рабочими организациями, промышленники решили, что лучшим способом самообороны явится наступление по всему фронту. Придравшись к изданию Закавказским комиссариатом [11]

[9] «Известия Бакинского совета РСД» № 217, 1917 г.

[10] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1917—1919 гг., д. № 85, л. 20.

[11] Закавказский комиссариат—коалиционное, по своему существу контрреволюционное закавказское правительство. Основными вождями и руководителями были грузинские меньшевики. Находилось оно в Тифлисе.

декрета о восьмичасовом рабочем дне, промышленники в заседании 12 декабря поставили на обсуждение ряд наболевших вопросов, декларируя свое отношение к ним.

Нефтепромышленники Бакинского района вели, как им казалось, мудрую политику борьбы на два фронта. С одной стороны, они боролись против коллективного договора, сопротивляясь проведению его в жизнь и после сентябрьской стачки, с другой—боролись против декретирования ряда мероприятий, спекулируя наличием коллективного договора. Характерно отметить, что выступление против 8-часового рабочего дня они оформили как выступление против Закавказского комиссариата и его промышленной политики, заявляя в этом заседании, что «необходимо перед изданием декретов, затрагивающих интересы промышленности, спрашивать мнения промышленников, которые должны быть признаны компетентными в этих вопросах».

Мало того, нефтепромышленники попытались в этом заседании поставить вопрос о социальном направлении политики Закавказского комиссариата: «Закавказская власть отделилась от центральной, имея в виду отмежеваться от правительства народных комиссаров, **между тем декрет комиссариата о 8-часовом рабочем дне идет дальше ленинского декрета по этому вопросу** (подчеркнуто мной—*С.С*). Если по каким-либо соображениям нельзя декрет этот отменить, то следует издать примечание к нему о том, что он не относится к тем предприятиям, которые входят в союзы промышленников, заключившие коллективный договор с рабочими».

Однако обсуждение вопроса о введении 8-часового рабочего дня, декретированного не большевистской организацией, являлось в этом заседании не самоцелью. От обсуждения этого вопроса промышленники перешли к вопросу о необходимости **поднять фиксированную цену на нефть**, мотивируя это вздорожанием «всех решительно материалов, потребных для нефтяной промышленности» [12]. И лишь после этого перешли к обсуждению вопроса о рабочем контроле.

Промышленники, понимая, что проведение в жизнь рабочего контроля является первым шагом на пути к национализации нефтепромышленности, оказали этому мероприятию упорное сопротивление. Организовав предварительно (11 декабря) демонстрацию инженеров и техников, они 12 декабря попытались оформить свою позицию в этом вопросе, заявив, что «промышленники не могут ничего иметь против установления контроля над производством со стороны государства, **но контроль классовый—рабочих—не допустим**, так как он поведет к гибели промышленности» [13] (подчеркнуто мной—*С. С.*).

---

[12] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1917—1919 гг., д. № 85, лл. 15—18.

[13] Говоря о контроле государства, промышленники подразумевали контроль не Бакинского совета, а Закавказского комиссариата.

Откровенно заявляя, что они возражают исключительно против классового рабочего контроля, промышленники пытались преподать рецепт, в каких формах они считали бы допустимым установление контроля. В заседании комитета [14] от 15 декабря они указали на допустимость контроля со стороны органов заводского совещания и даже согласились с учреждением отделов заводского совещания на промыслах.

Эта открыто классовая позиция промышленников, признающая любые формы контроля со стороны органов власти своего класса, но отвергающая какие бы то ни было формы контроля со стороны класса-антагониста, еще более углубила противоречия.

Явное нежелание нефтепромышленников проводить в жизнь коллективный договор хоть в какой-либо его части, стремление перейти в контрнаступление заставили большевистскую часть Бакинского совета рабочих, солдатских и матросских депутатов внести предложение об издании специального постановления, обязывающего нефтепромышленников коллективный договор выполнить. Предложение это советом было принято и не могло не вызвать нового обострения.

Промышленники в своем заявлении от 12 февраля 1918 г., оказывая открытое противодействие этому постановлению, выразили желание, прежде чем разрешить вопрос о принятии к исполнению колдоговора, «войти в совместное обсуждение вопроса о состоянии настоящего положения всей бакинской нефтяной промышленности», ибо в зависимости от этого общего состояния находится тот или иной ответ.

Подобное заявление являлось прямым выпадом против Совета и его политики, на который он не мог не ответить. Большинством 86 голосов при 16 воздержавшихся Совет вынес постановление о том, что «в целях спасения всей промышленности нефтяные промысла передаются в полное исключительное пользование Советской республике (подчеркнуто мной—*С. С.*). Исполнительному комитету поручается принять меры к технической разработке вопроса, провести рабочий контроль и создать сеть рабочих организаций, необходимых для осуществления национализации» [15].

Таким образом Бакинский совет не отказался от предложения промышленников обсудить вопрос о состоянии положения бакинской нефтяной промышленности (конечно не совместно), сделав радикальные выводы не в пользу нефтепромышленников.

Последние однако, учитывая, что Совет рабочих депутатов и его руководители-большевики не являются единственной властью в районе, и

---

[14] (Комитета Союза бакинских нефтепромышленников) «Архивный фонд т-ва бр. Нобель» 1917–1919 гг., д. № 85, л. 10.

[15] «Наш голос» 16/29 февраля 1918 г.

полагая, что никакие уступки с их стороны в настоящий момент не могут урегулировать отношения между классами, пошли на дальнейшее их обострение, которое должно было, по их мнению, внести известную ясность в то положение, в котором они очутились к началу 1918 г.

В заседании комитета Союза бакинских нефтепромышленников от 17 февраля 1918 г. С. А. Айвазов от имени Второго союза заявляет, что «Союз имел суждение по этому вопросу [16], нашел, что не дело власти, если Исполнительный комитет является таковой, разрешать спорный вопрос, и постановил „коллективного договора Совета рабочих депутатов к исполнению не принимать и возбудить вопрос об уменьшении теперешних ставок заработной платы ввиду настоящего положения промышленности“» (подчеркнуто мной—*С. С.*). О том же заявил от имени Союза предприятий по бурению скважин С. И. Гинзбург, после чего собрание постановило: «1) Не соглашаться на принятие к исполнению коллективного договора в редакции Совета рабочих депутатов, 2) обратиться к Исполнительному комитету Совета рабочих депутатов с письменным заявлением» [17].

Представители капиталистических организаций, как видно из вышецитированного документа, также не отказались от обсуждения вопроса об общем состоянии нефтепромышленности, заявив, что существующее положение не позволяет им принять к исполнению колдоговора в редакции Совета. Мало того, от обсуждения вопросов о восьмичасовом рабочем дне и повышении цен на нефть они перешли к обсуждению вопроса о снижении заработной платы,—мероприятию, бьющему по благосостоянию рабочих масс.

Урегулировать этот конфликт при создавшихся условиях возможно было только при полном переходе власти в руки рабочего класса.

Положение это, являясь одной из предпосылок мартовского переворота, ставило перед рабочими массами во весь рост проблему «кто — кого» и обеспечивало в значительной степени симпатии масс большевизму, борющемуся с буржуазно-помещичьей контрреволюцией.

Однако это же положение требовало от большевистских руководителей после вооруженной борьбы и захвата власти (мартовский переворот 1918 г.) радикальных мероприятий, обеспечивающих интересы рабочих масс, могущих оправдать доверие этих масс.

Большевистская организация Бакинского промышленного района весь период, предшествовавший мартовскому перевороту, шла во главе рабочих требований, борясь с соглашательством правосоциалистических партий, выражая чаяния и стремления рабочей массы.

Вся масса была не только свидетелем, но и активным участником столкновения двух сил в предмартовский период на экономическом фронте,

---

[16] По вопросу о коллективном договоре.
[17] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 117.

давно переросшем свое чисто экономическое значение и принявшем характер борьбы социально-классовой. Понятно, что, придя к власти, большевизм мог оправдать доверие масс, лишь продолжая борьбу за национализацию промышленности, не выпуская из своих рук руководства этой борьбой, продолжая оставаться на тех же позициях.

Тех, кто не знал всех перипетий борьбы первого периода, поражала та настойчивость, с какой большевистские руководители с первых же дней захвата власти ставили вопрос о необходимости национализации промышленности. Однако масса и ее руководители прекрасно понимали, что дальнейшее развитие промышленности не за счет рабочего класса возможно лишь при условии ее экспроприации, что в противном случае промышленники, неспособные в новых условиях добиться даже минимальных результатов по линии усиления эксплоатации, принуждены будут стать и станут на путь разрушения промышленности.

Не левокоммунистический дух бакинских большевиков толкал их на борьбу за национализацию промышленности, а классовое чутье большевистских руководителей подсказывало им необходимость спасения бакинской нефтепромышленности от разрушения, а бакинских рабочих от эксплоатации, путем национализации. Только этим и может быть объяснена шаумяновская позиция.

Исходя из этого, необходимо проследить все перипетии борьбы во второй период (после захвата власти), завершившийся изданием декрета о национализации нефтепромышленности.

Состоявшееся сейчас же после захвата власти постановление Бакинского совета народных комиссаров о создании Совета народного хозяйства предопределяло вопрос о руководстве всей промышленностью района, но оставляло невырешенным, как скоро получит свое оформление вопрос о национализации нефтепромышленности.

Стремление Бакинского совнаркома объявить национализацию сейчас же после переворота не увенчалось успехом. Приехавшая из Москвы комиссия Высшего совета народного хозяйства в лице Агапова, Салько и Доссера потребовала трестирования промышленности как этапа к национализации.

В бакинских условиях эта постановка вопроса была ошибочна и объяснялась незнанием условий, незнакомством со стороны приехавших с той борьбой за национализацию, которая развернулась в период, предшествовавший захвату власти.

К трестированию промышленности решено было приступить немедленно, оформив необходимость проведения этого мероприятия соответствующим постановлением Совета РС и МД декларацией бакинского СНХ.

В заседании Бакинского совета РС и МД от 6 апреля был поставлен доклад вновь организовавшегося бакинского СНХ о нефтяной промышленности. Тов. Доссер от имени СНХ дал основные установки: «У нас лозунг национализации промышленности, но к этому вопросу надо по-

дойти осторожно. Опыт показал, что поспешность может повредить... Таким образом перед СНХ стоит вопрос—организовать промышленность и уже потом приступить к национализации» [18].

Несмотря на четкость постановки вопроса в докладе Доссера (основной лозунг—национализация, проведение же подготовительной работы необходимо для более успешного ее выполнения), один факт оттяжки проведения в жизнь национализации вызвал ликование в стане правосоглашательских партий. В своей речи представитель эсеров Топельберг, противопоставляя политике Шаумяна «разумную» политику Доссера, говорил: «Я очень сожалею, что приезд т. Доссера не совпал с тем заседанием Совета, где мы, эсеры, высказывались в том же духе, как и сейчас т. Доссер. Шаумян тогда может быть несколько иначе подошел бы к вопросу. Мы и сейчас говорим—централизация и контроль важны, организуйте промышленность, и уже потом подумаем о ее национализации» [19].

Правосоциалистические партии, учитывая новый курс бакинского правительства, пытались узаконить свою позицию: основной лозунг не национализация, а организация промышленности, о национализации же подумаем потом.

Этого допустить руководители большевиков в Бакинском промышленном районе не могли. Необходимо было эсеров и меньшевиков поставить на свое место, заявив им, что трестирование ни в какой мере не есть отказ от национализации, что основной лозунг остается прежний. Шаумян, отвечая Топельбергу, говорил: «Напрасно думает Топельберг, что мы иначе высказывались раньше. Мы и теперь и раньше высказывались за национализацию, и если нас могли в чем упрекнуть, так только в том, что нами ничего не предпринято для национализации нефтяной промышленности (подчеркнуто мной—С.С.). Мы только указали на необходимость создания органов подготовительной работы в этом направлении» [20].

Декларация бакинского Совета народного хозяйства, опубликованная в тот же период, призвана была узаконить именно это положение. Страдая рядом неточных формулировок [21], а в отдельных местах даже греша народническими тенденциями [22], декларация эта по вопросу о национализации нефтепромышленности окончательно формулировала точку зрения правительства: «Президиум местного СНХ заявляет, что прямой

---

[18] «Известия Бакинского совета РС и МД» 18/IV 1918 г., № 73.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] Класс, объективным ходом вещей приведенный к политическому господству, с первых же шагов своего господства принужден был вмешаться в руководство экономической жизнью страны.

[22] «Организация производства, носившая и до войны хищнический, как ни в одной стране, характер и до известной степени созданная искусственными мерами бюрократии».

своей задачей он ставит национализацию всех нефтяных предприятий района, причем задачу эту он мыслит не как программное требование, осуществление которого теряется где-то в глубине времени, а как конкретно осязаемую цель» (подчеркнуто мной—*С.С.*).

Топельбергам, предлагавшим «на время» отбросить вообще мысль о национализации, давался предметный урок. Однако вопрос о трестировании заострялся еще больше, чем это имело место в речах большевистских ораторов в заседании Совета: «Оценивая каждое свое мероприятие с точки зрения приближения к указанной цели, президиум отдает себе полный отчет в том, что немедленное декретирование национализации нефтяной промышленности невозможно вследствие отсутствия к настоящему времени соответствующей подготовительной организационной работы. В связи с этим президиум будет проводить в Совете народного хозяйства мысль о том, что такой предварительной работой, требующей от Совета разрешения в ближайшие дни, является... немедленная разработка плана трестирования нефтяных и подсобных к ним предприятий» (подчеркнуто мной—*С.С.*) [23].

Самый факт отступления от позиций немедленной национализации на позиции трестирования возбудил известные надежды не только у руководителей правосоциалистических партий, но и у нефтепромышленников. Капиталистические организации решили, использовав момент, вновь повести наступление, перестроив свои ряды. Непосредственное прямое наступление на рабочие организации было заменено маневренным ходом—противопоставлением политики центрального правительства политике местного.

Под этим прикрытием промышленники и начали обсуждение вопроса о невозможности трестирования нефтепромышленности.

В начале мая 1918 г. делегация Союза бакинских нефтепромышленников была принята членами президиума бакинского СНХ. После небольшой беседы о состоянии нефтяной промышленности представителями СНХ было заявлено, что «по их мнению причина всех неурядиц кроется в существовании отдельных предприятий. Необходимо их объединить и создать трест, и это безусловно поведет к поднятию интенсивности труда и установлению нормального хода работ на промыслах, так как тогда рабочие иначе будут относиться к своим обязанностям. Они будут знать, что работают не для того или другого промышленника, а для государства, что отзовется весьма благотворно на производительности их труда» [24].

Аргументация руководителей бакинского СНХ конечно была не убедительна. Констатируя факт развала на промыслах, факт падения производительности труда, в значительной степени объясняющийся нежеланием рабочего работать на частного предпринимателя, руководители

[23] «Известия Бакинского совета РС и МД» за 1918 г., № 87/309.
[24] «Архивный фонд т-за бр. Нобель», 1918 г., д. № 117.

бакинского СНХ фактически подводили базу под аргументацию защитников немедленной национализации. Буржуазия не может справиться со своими задачами, пролетариат отказывается в каких бы то ни было формах сотрудничать с буржуазией. Отсюда вывод—необходимо немедленно экспроприировать буржуазию. Ведь трестирование промышленности, предлагаемое СНХ, отнюдь не создавало должных условий, при которых рабочий чувствовал бы, что он работает не на промышленника, а на рабочее государство. Однако даже это предложение (трестирование) встретило решительное сопротивление со стороны делегации промышленников.

Сначала делегация пыталась отделаться ссылкой на некультурность рабочего и чисто юридическими мотивами: «Делегация возразила, что по ее мнению трестирование не поможет, так как причины этих явлений заключаются в несознательности и малокультурности рабочих масс, что же касается трестирования вообще, то таковое, поскольку оно является вопросом финансовым, совершенно вне компетенции местных представителей фирм и относится к числу вопросов, подлежащих усмотрению правлений» [25].

Представителям СНХ пришлось разъяснить, что они не намерены считаться ни с какими правовыми нормами, что перед ними стоит лишь один вопрос—согласятся или не согласятся промышленники принять участие в этой операции: «На это гр. Доссером было заявлено, что трестирование является очередной задачей Совета народного хозяйства в области нефтяного хозяйства, что президиум Совета обращается к представителям промышленников с предложением принять участие в осуществлении этой операции, так как опасается, что без участия представителей промышленников трестирование будет проведено неумело, поэтому в интересах самих промышленников не отказывать в своем содействии СНХ. Если же они думают привлечь к этому свои правления, то содействие последних окажется запоздалым. В управлении трестом должны будут принять участие представители государства. Трест будет распределять материалы, руководствуясь наибольшей продуктивностью от их использования. Если в настоящее время существуют три треста, то очевидно проект объединения их в один вполне осуществим» [26]. Заявление Доссера попадало, как говорится «не в бровь, а в глаз». Наличие трех крупных частнокапиталистических трестов создавало благоприятные условия для их полного объединения, для создания единого нефтяного треста.

Дальнейшие возражения делегации, однако, показали, что промышленники отнюдь не намерены помочь правительству в деле трестирования, что с их стороны следует ждать самого решительного сопротивления. «Члены делегации указали, что трестирование, как операция финансовая,

[25] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 117.

[26] Там же.

требует оценки всех предприятий, входящих в трест, что никоим образом не может быть сделано без правлений фирм и является операцией в высшей степени сложной. Указание на существование трех трестов не может служить ни основанием, ни показателем того, что операция эта возможна, так как то, что называется трестом, в сущности еще не трест, под которым следует подразумевать объединение отдельных предприятий, а лишь ряд финансовых операций и соглашений. Каждое предприятие остается самостоятельным, имеет своих руководителей, свое управление. что очень важно, так как при этом сохраняется самостоятельность и независимость отдельных техников-специалистов, дающая им широкий простор для творческой деятельности и проявления собственной инициативы. Между тем осуществление предполагаемого треста, создание общего управления поведет к тому, что управление будет представлять собой огромную бюрократическую машину со всеми присущими ей недостатками и отрицательными сторонами. Ряд специалистов станет простыми исполнителями, мало заинтересованными в процветании дела и потому не заботившимися о нем. Что касается задачи распределения материалов, то она является второстепенной, так как гораздо существеннее то обстоятельство, что многих материалов вообще нет. Старания должны быть направлены на то, чтобы их получить» [27].

Вместо внятного ответа, желают или не желают промышленники помочь государству в деле трестирования, последние разразились декларацией о преимуществах частнокапиталистического, неогосударствленного предприятия. Мало того, делегация еще раз подчеркнула, что промышленники считают недопустимым установление рабочего контроля на предприятиях.

Так как члены президиума СНХ заявили, что они остаются при своем мнении и намерены немедля приступить к трестированию предприятий, промышленники 4 мая созвали заседание комитета Союза бакинских нефтепромышленников, на котором и попытались, как нами было указано выше, противопоставить политику местной власти политике центрального правительства. «Во время обмена мнений по поводу сообщения делегации некоторые члены комитета указали, что предложение бакинского Совета народного хозяйства противоречит тем заявлениям, которые делались в Петрограде главным комиссаром по делам нефтяной промышленности Гуковским. По сведениям, полученным из Петрограда, по вопросу о мероприятиях в отношении нефтяной промышленности было несколько предложений, возможно, что предложение о создании треста вовсе не исходит от центрального правительства, а является личным проектом руководителей Совета народного хозяйства в Баку (подчеркнуто мной—С.С.). Между тем производство тех или иных экспериментов над промышлен-

---

[27] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 117.

ностью для объединения ее в один трест окончательно погубит все предприятия. Необходимо принять экстренные меры, чтобы поставить в известность о намерениях и предположениях местного Совета народного хозяйства центральную власть. Возможно, что ее представители посмотрят на это дело иначе, поймут всю гибельность экспериментов и примут нужные меры для их предотвращения. Так как вопрос является в высшей степени важным, то следует не ограничиваться одними письменными уведомлениями правлений о положении дел в Баку. Нужно послать туда делегацию, которая всесторонне осветит вопрос как правлениям фирм, так и органам власти» [28].

Это выступление было уже прямой демонстрацией против местной власти, занимающейся «гибельными экспериментами».

На этот выпад капиталистической организации необходимо было ответить контрударом. 8 мая в заседании Совета РС и МД был заслушан доклад СНХ, в результате которого был принят проект декрета о национализации недр [29]: «Во исполнение постановления III Всероссийского съезда советов РС и КД о национализации недр земли Бакинский совет народных комиссаров объявляет: «1. Все недра земель, занятых в Бакинском районе под добычу нефти, принадлежащих до сего времени на правах частной собственности отдельным лицам, частным товарище-

[28] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 117.

[29] Конечно за издание декрета о национализации недр говорило общее экономическое положение бакинской нефтепромышленности, однако это не исключает того, что необходимость нанести удар по капиталистам в ответ на их выступление ускорила его издание. Причины же чисто экономического характера достаточно полно освещены в письме комиссии ВСНХ Главтопу и Ленину: «С января добыча еще упала, и себестоимость следовательно еще поднялась; при таких условиях неизбежно было поставить вопрос о немедленном повышении предельных цен. Для нас было ясно, что в нефтедобывании не может быть какой-то средней цены, приемлемой для всех. Благодаря громадному колебанию продуктивности участков и связанной с ней себестоимости нефти всякая средняя цена будет разорительна для одних и чрезмерно высока для других. Чтобы дать возможность работать одним и не предоставлять незаслуженной прибыли другим, есть только два способа — или установить для каждой фирмы или участка индивидуальную цену, соответствующую индивидуальной себестоимости, или, установив цену сообразно условиям на худших участках, за добычу на более хороших участках брать арендную плату, соответствующую земельной ренте. Мы остановились на втором способе, как и более правильном теоретически, и легче осуществимом практически. То и другое, понятно, требует какого-то обследования участков, но при втором способе можно менее спешить, ограничиваясь на первое время приблизительной разбивкой по категориям, ибо коррективы в арендную плату можно вносить и задним числом. Сверх того первый способ потребовал бы немедленного введения нефтяной монополии. Итак, мы остановились на единой твердой цене (не предельной, ибо свободных сделок не будет) и немедленно приступаем к пересмотру всех арендных договоров, вместе с тем все нефтеносные земли объявляются собственностью государства (по декрету о национализации земель и недр), и теперешние владельцы облагаются арендной платой в пользу казны («Архив СНК и СТО СССР». приложение к протоколу заседания Совнаркома № 24, 1918 г.).

ствам и обществам, а также сельским обществам, независимо от того, разрабатывались ли они самими владельцами или их арендаторами, отныне переходят в полную собственность государства» [30].

Декрет этот был в эти же дни опубликован и, конечно, оказал должное воздействие. Но мало этого. В том же заседании Совета (8/V) был утвержден проект увеличения заработной платы рабочим.

	Оклад 1/IV 1917	Абсолютн. прибавка	Новый оклад
1 кат.	4 р. 35 к.	5 р. 80 к.	10 р. 15 к.
2 кат.	7 р. 95 к.	5 р. 40 к.	13 р. 35 к.
3 кат.	12 р. 50 к.	4 р. 40 к.	16 р. 90 к.

Одновременно было приступлено к проектировке трестирования нефтедобывающих фирм и фирм подрядного бурения.

Между тем состояние нефтяного хозяйства со всей очевидностью показывало, что оставление нефтепромышленности в руках ее старых владельцев неминуемо приведет нефтяное хозяйство к полному разрушению, что такая мера, как трестирование, ни в какой мере не способна предотвратить хозяйство от разрушения.

Добыча нефти катастрофически падала, а запасы нефти росли.

Добыча и запасы нефти в шести промысловых районах с 1 января по 1 июня
(в млн. пудов) [31]

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
Добыча	29,51	23,23	17,51	16,69	11,14
Запасы	13,28	14,26	14,28	16,07	18,06

[30] «Известия Бакинского совета РС и МД» 1918 г., № 94.

[31] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 159.

Сведения о добыче нефти за эти месяцы по шести промысловым районам (Банагады, Сураханы, Эйбат, Романы, Сабунчи, Балаханы) имеются также в журнале «Нефтяное дело» — органе Совета съезда нефтепромышленников в Баку за 1919 г., № 1—2. Цифры, опубликованные в «Нефтяном деле», несколько расходясь с цифрами, обнаруженными нами в делах нобелевского фонда, в основном дают ту же кривую, позволяя сделать те же выводы.

	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май
Добыча (в млн. пуд.)	28,42	22,63	19,72	17,70	11,05

Нужно считать, что специально собранные фирмой не для печати цифры добычи и запасов более точны, чем опубликованные цифры (приблизительной добычи) в статье П. М. («Нефтяное дело» № 1—2), написанной к тому же с определенной политической целью—показать, что национализация промыслов привела к их разрушению.

Регулировать производство нефти бакинский СНХ был не в состоянии при все возрастающем сопротивлении промышленников. Вывоз задерживался.

Дело доходило до того, что промышленники искусственно стали задерживать добычу, объясняя невозможность повышения добычи переполнением нефтехранилищ.

В результате этого бакинский СНХ принужден был издать приказ, явно нарушающий права нефтепромышленников: «Одной из причин, препятствующих за последнее время повышению добычи нефти, изъявляется [32] отказ нефтепроводчиков принимать на перекачку нефть вследствие переполнения нефтью их нефтехранилищ, между тем хранилища нефтеперегонных заводов остаются в достаточной мере свободными. Для устранения этого ненормального положения Совет народного хозяйства настоящим предлагает нефтепромышленным фирмам: Т-во бр. Нобель, Каспийско-Черноморское о-во, Шибаев и К°, Лианозовы Г.М. с-я, Манташев и К° войти между собою в соглашение о немедленном приобретении для своих нефтеперегонных заводов нижеследующих количеств нефти: из резервуаров о-ва «Балаханы» 500 тыс. пуд. нефти, из резервуаров о-ва «Арамазд» 300 тыс. пуд. нефти, из резервуаров Бакинского о-ва 700 тыс. пуд. нефти. Все означенное количество нефти (в общем полтора миллиона пуд.) должно быть приобретено вышеназванными фирмами по твердой цене, которая будет определена в ближайшие дни Советом народного хозяйства; притом выбор того или иного вида нефти для своих заводов и количественное ее распределение между ними предоставляется всецело свободному соглашению самих фирм.

Перекачка всего указанного количества нефти должна быть закончена в течение пяти дней со дня опубликования настоящего постановления.

Фирмы, уклоняющиеся от исполнения настоящего постановления, независимо от принудительной за их счет перекачки нефти в их хранилища и взыскания с них стоимости перекаченного количества, подвергаются денежному штрафу в размере до трехсот тысяч (300 000) рублей» [33].

Для нефтепромышленных фирм не только устанавливались твердые цены на нефть, но и система регулирования купли-продажи в общегосударственных интересах.

Об усилении государственного вмешательства в дела фирм сообщала и комиссия Доссера в своем письме в Москву [34]: «Ни одна баржа без нашего ведома и разрешения не отправляется и не выкачивается. Для полноты контроля надо поспешить с введением продажи нефти только по принудительным заказам Выснархозтопа и расчета за товар через Выснархозтоп. Эту меру мы намечали еще в Москве и собирались провести ее с 1 июня, теперь же надлежало бы поспешить с ее

[32] Так в тексте.

[33] «Архив бакинского СНХ», д. № 95/3181, 24/11 мая 1918 г.

[34] 9 мая 1918 г.

осуществлением как для указанной цели, так и для того, чтобы дать возможность вывозить подакцизный товар. Сейчас фирмы, за отсутствием средств, не в состоянии оплачивать акциз при вывозе и воздерживаются от вывоза, тогда уже и не было бы необходимости оплачивать при вывозе, расчеты через Выснархозтоп гарантировали бы государству получение акциза. Сама жизнь, условия, в которые попала нефтяная промышленность, заставляют расширить рамки государственного вмешательства... Нам здесь уже приходится прибегать к мерам принуждения, чтобы поторопить фирмы с вывозом» (подчеркнуто мной — С. С.) [35].

Таким образом комиссия ВСНХ констатировала, что нефтепромышленность зашла в тупик. Промышленники отказывались вывозить нефть, бакинскому СНХ приходилось расширять рамки государственного вмешательства, все больше и больше ограничивая промышленников, сосредоточивая в своих руках регулирование добычи и вывоза. В этих условиях самой комиссии становилось очевидным, что единственным выходом из создавшегося положения является немедленное издание декрета о национализации нефтепромышленности.

Однако оформление этого акта требовало издания центральным правительством декрета о национализации нефтепромышленности на всей территории РСФСР.

В то-же время состояние промышленности и позиция активного сопротивления и вредительства промышленников требовали немедленного принятия мер в Баку.

Центральное правительство, предрешив в мае вопрос о национализации; отсрочило проведение его в жизнь до составления соответствующей сметы, оно рассчитывало декретировать национализацию к концу навигации.

Но так как экономическая катастрофа в Баку надвигалась, так как по заявлению Шаумяна «медлить с принятием необходимых мер невозможно было, ибо ожидание даст возможность нефтепромышленникам расхищать капиталы и сделать все, чтобы оставить нам пустые кассы и текущие счета, а имеющиеся материалы привести в такое состояние, чтобы их по возможности менее перешло в руки народа» [36],—Бакинский совнарком 1 июня [37] вынес постановление о национализации нефтепромышленности.

---

[35] «Архив СНК и СТО СССР», приложение к протоколу заседания СНК № 124, 1918 г.

[36] С. Г. Шаумян, Статьи и речи, с. 189.

[37] Шаумян в своей речи на заседании Совета от 22/VI говорил, что национализация была объявлена 2 июня. Нужно думать, что он подразумевал ее опубликование в «Вестнике Бакинского СНК» 2 июня 1918 г. Датирован же декрет 1 июня 1918 г.).

«Во исполнение постановления Верховного совета народных комиссаров о национализации нефтяной промышленности, Бакинский совет народных комиссаров до получения точных инструкций: 1) Налагает запрещение на все движимое и недвижимое имущество, в чем бы оно ни заключалось, а также на капиталы, текущие счета и ценности всех нефтяных предприятий. 2) Подчиняет в административном, техническом и финансовом отношении все нефтяные предприятия бакинскому Совету народного хозяйства. 3) Предписывает всему административному и техническому составу, а также служащим, мастеровым и рабочим оставаться на своих местах и неуклонно выполнять лежащие на них обязанности. 4) Возлагает на промыслово-заводские и конторские комитеты обязанность наблюдения и строгой ответственности: а) за целость и сохранность всего имущества, денежных сумм, документов, конторских книг и всего делопроизводства, б) за правильный и непрерывный ход работ и добросовестное выполнение рабочими, мастеровыми и служащими своих обязанностей, а также за производительность труда их. 5) Обязывает промыслово-заводские и конторские комитеты, а также самих служащих, мастеровых и рабочих принимать к немедленному и точному выполнению все технические распоряжения администрации» [38].

Бакинский совнарком, издавая декрет о национализации, подошел к столь важному делу с большой осторожностью. Впредь до получения инструкций из Москвы принимались все необходимые меры для прекращения расхищения имущества, для дальнейшей бесперебойной работы промыслов.

Опубликование декрета являлось завершением той длительной и упорной борьбы, которая велась между рабочим классом и капиталистами, однако руководители большевистской организации Бакинского района прекрасно понимали, что следующий вслед за опубликованием декрета день несет новые, еще более важные и ответственные задачи.

Опубликование же 2 июня воззвания Бакинского совнаркома, а вслед за ним опубликование воззвания бакинского СНХ показало, что руководители организации прекрасно понимают, какие задачи поставлены перед партией и рабочим классом декретом о национализации.

«Бакинская нефтяная промышленность объявлена достоянием Российской республики советов. Отныне единственным хозяином всех промыслов, заводов, мастерских, всего оборудования, всего имущества нефтепромышленников становится весь народ в лице рабоче-крестьянской советской власти. В нефтяной промышленности нет более капиталистов, нет больше частных владельцев. Нефтяная промышленность стала достоянием всероссийского трудового народа, она национализирована», писал Бакинский совнарком в своем воззвании.

---

[38] «Вестник Бакинского совета народных комиссаров» № 1—2, 2 июня 1918 г.

Вслед за этим идет объяснение причин, заставивших Всероссийское правительство торопиться с национализацией. Промышленная, железнодорожная и пароходная разруха в значительной степени усугублялась отсутствием топлива. Захват Донецкого бассейна германскими империалистами окончательно поставил в зависимость от нефти борьбу с разрухой: «От количества нефти, отправляемой из Баку, зависит участь России... без топлива, без нашего мазута, без наших смазочных масел нельзя пустить в ход московских и иваново-вознесенских фабрик, питерских и поволжских заводов, нельзя снабдить ситцами, гвоздями, сельскохозяйственными орудиями деревни, нельзя перебросить хлеб из урожайной местности в голодную, нельзя заставить правильно работать железные дороги, нельзя во-время и с надлежащей скоростью передвигать нашу революционную Красную армию для защиты республики, нельзя наладить жизнь России, защитить нашу Республику» [39].

После длительной борьбы рабочих за национализацию, после решительной победы на этом участке, большевистские руководители ориентировали рабочих так, как могли и должны были ориентировать массы подлинные интернационалисты.

В борьбе за национализацию в рабочей массе сочетались интернационалистские устремления с чисто цеховыми тенденциями. Большевики Бакинского промышленного района, отбрасывая последние, своим воззванием сосредоточивали внимание рабочих масс исключительно на задачах общей борьбы за социалистическую революцию.

Воззвание Бакинского совнаркома стремилось также объяснить рабочему, почему оставление нефтепромышленности в руках капиталистов с точки зрения общегосударственных интересов оказывалось невозможным: «Государственный и рабочий контроль оказались не в силах справиться с алчностью и хищничеством спекулянтов. Вывоз тормозился потому, что экспортеры выжидали повышения цен на нефть, добыча сокращалась потому, что нефтепромышленники сокращали бурение, сокращали тартание, не желая затрачивать сейчас на это свои деньги» [40].

Воззвание бакинского СНХ, дополняя и развивая воззвание Бакинского совнаркома, переключало внимание рабочей массы на текущие задачи завтрашнего дня. С большевистской смелостью в нем говорилось рабочим: «И мы скажем, что не все благополучно обстоит в нашей среде. Мы устали от войны, от разрухи, от голода, у нас нет того полного единения, которого мы желали бы и которое нам необходимо. Мы медленно копим свои силы. Революция прошла в измученной и отсталой стране» [41]. Это введение необходимо было руководителям бакинского СНХ для того, чтобы сказать бакинским рабочим, что дело восстановления промыслового хозяйства невозможно без поднятия дисциплины в рядах рабочих.

[39] «Вестник Бакинского СНК» № 1—2, 2 июня 1918 г.

[40] Там же.

[41] «Архив И-та Шаумяна», документы 1917—1918 гг., дело без номера.

Ленин в своей статье «Очередные задачи советской власти», опубликованной 29 апреля 1918 г., писал: «Нет достаточного сознания того простого и очевидного факта, что если главными бедами России являются голод и безработица, то победить эти бедствия нельзя никакими порывами, а только всесторонней, всеобъемлющей, всенародной организацией и дисциплиной (подчеркнуто мной—*С.С.*), чтобы увеличить производство хлеба для людей и хлеба для промышленности (топлива), во-время подвезти и правильно распределить его,—что поэтому виноват в мучениях голода и безработицы всякий, кто нарушает трудовую дисциплину в любом хозяйстве, в любом деле (подчеркнуто мной—*С.С.*), что виноватого в этом деле надо уметь находить, отдавать под суд и карать беспощадно» [42]. Именно потому, что руководители бакинского СНХ до конца сумели продумать это ленинское положение, основным тезисом воззвания они сделали призыв к борьбе за трудовую дисциплину.

Рабочим была ненавистна дисциплина капиталистического предприятия, и значительная часть рабочих, не разобравшись в том, что дело не в самой дисциплине, «а в тех целях, которые она преследовала в принадлежащих эксплоататорам предприятиях, перестала ее признавать».

После перехода предприятий в руки рабочего государства цели коренным образом изменились. «Товарищи, будем помнить, огненными буквами выжжем в своем мозгу следующее правило, которое большинство из вас давно уже признало самым важным для дела революции: необходимо ввести в свою среду трудовую железную дисциплину. Каждый остается на своем месте, каждый беспрекословно подчиняется распоряжениям избранных товарищей и лиц, поставленных этими товарищами, каждый делает в рабочие часы свое дело, малозаметное на первый взгляд, но которое составляет звено в великой цепи укрепления завоевания революции» [43].

Руководитель промышленного хозяйства Бакинского района бакинский СНХ с первого же дня объявления национализации нефтепромышленности заострял внимание рабочих на задачах подъема этой промышленности, на роли рабочих масс в деле выполнения этих задач: «Мы предлагаем вам немедленно в торжественный день перехода владения нефтяной промышленности к государству положить резкую грань между—скажем прямо—некоторой расхлябанностью вашего труда до сих пор и одушевленным, полным сознания его необходимости трудом на будущее время.

Ни одной минуты промедления в работе» [44] (подчеркнуто мной—*С.С.*).

[42] Ленин, Очередные задачи советской власти, т. XV, с. 216, изд. 1922 г.
[43] «Архив И-та Шаумяна», документы 1917—1918 гг., дело без номера.
[44] Там же.

Руководители бакинского СНХ не ограничились воззванием, а приступили немедленно к органической работе по перестройке промыслового хозяйства на новых началах. Было организовано центральное управление национализированными нефтяными и буровыми предприятиями Бакинского района. Управление это было создано на коллегиальных началах из лиц, уполномоченных СНХ, и призвано было руководить отдельными хозяйственными единицами, созданными на основе единоличного управления, но под контролем комитетов (рабочий контроль). Промысла отдельных фирм были сгруппированы вокруг той основной центральной фирмы, в состав которой включался участок, на котором были расположены эти отдельные промысла. Были выделены группы: б. Бакинского нефтяного общества, б. Каспийского товарищества, б. Лианозова Г. М. и с-я, б. Т-ва бр. Нобель в Балаханах, б. Т-ва бр. Нобель на Биби-Эйбате, Бинагадинская, б. «Молот», б. Ридель, б. Биерниг и Зейц. Группа нефтепроводов была выделена в самостоятельную организацию. В качестве самостоятельных единиц, не входящих в ту или иную группу промыслов, СНХ оставил следующие фирмы: Ш. Асадулаев, Бак. о-во русской нефти, Акц. о-во Бенкендорф, Зубалова, Московско-кавказское нефтепромышл. и торговое о-во бр. Мирзоевых, о-во Е. И. Питоева и К-о, Петро-Баку, Русское нефтепромышленное о-во [45].

Это далеко не идеальное организационное деление национализованной нефтяной промышленности все же создавало предварительные условия для руководства всем нефтяным хозяйством. Организовав управление хозяйственными единицами на местах на основе рабочего контроля, СНХ разработал подробную инструкцию по организации этого контроля. Инструкция эта является интереснейшим и ценнейшим документом эпохи. Основные задачи, которые ставились СНХ перед органами рабочего контроля, в основном сводились к борьбе за трудовую дисциплину, за поднятие производительности труда. «Органы контроля наблюдают за течением работы в предприятиях, неуклонно преследуя цель непрерывности работ в рабочие часы», они же (органы рабочего контроля) по этой инструкции следят за тем, чтобы на предприятии не было лишних «по сравнению с имеющейся работой служащих и рабочих», устанавливают причины понижения производительности труда, вообще борются за хорошо налаженное и правильно организованное производство. Выполняя все эти функции, органы рабочего контроля не должны, говорит эта инструкция, подменять собой административное руководство предприятием, «все технические распоряжения администрации должны быть немедленно и точно выполнены рабочими и служащими, и... в случае сомнения контрольных органов в правильности этих распоряжений они обязаны, не задерживая выполнения их, довести об этом до сведения СНХ» [46].

---

[45] «Архив бакинского СНХ», 1918 г., д. № 1.

[46] Там же, д. № 21.

Однако развернуть органическую работу по перестройке всего промыслового хозяйства руководители большевиков в Бакинском промышленном районе сразу же в должной мере не смогли. Этому помешала ожесточенная борьба за национализацию, продолжавшаяся весь июнь.

Национализация нефтепромышленности произвела на промышленников ошеломляющее впечатление. 2 июня состоялось заседание комитета Союза бакинских нефтепромышленников, на котором присутствовали, кроме членов комитета и кандидатов, представители фирм, члены комитета Второго союза бакинских нефтепромышленников, представители Союза судовладельцев.

П. А. Князев информировал присутствующих, что в последнем экстренном заседании СНХ в ответ на сделанное Доссеру предложение урегулировать вопрос о вывозе керосина Доссер заявил, что надобность в этом миновала, так как предрешен вопрос о немедленном объявлении национализации.

По выражению самого Князева это известие «поразило» присутствующих не только промышленников но и членов СНХ, и представителей профсоюзов. Был объявлен перерыв, после которого должен был начаться обмен мнений. Однако, как видно из информации Князева, промышленники уклонились от обсуждения и, очевидно подготовленные, организовали опять демонстрацию технической интеллигенции. По возобновлении заседания было заслушано следующее заявление инженеров: «По поводу сообщения нам декрета группа инженеров, входящих в Совет народного хозяйства, считает своим долгом заявить, что немедленное проведение в жизнь национализации нефтяной промышленности, при существующих в России затруднениях в финансах, транспорте и экономических и политических отношениях, а также падении производительности труда, отсутствии продовольствия, вместо улучшения нефтяной промышленности повлечет за собой ухудшение ее» (подчеркнуто мной—С. С.) [47].

Заседание комитета Союза нефтепромышленников очень бурно реагировало на это сообщение Князева. После длительного обмена мнений, главным образом сосредоточившегося на вопросе о том, входить или не входить в комиссии, выделенные бакинским СНХ [48], была принята декларация, адресованная Бакинскому совнаркому и СНХ следующего содержания: «1) Первый и Второй союзы нефтепромышленников принципиально против национализации нефтяной промышленности, так как, по их мнению, попытка осуществить последнюю безусловно поведет к разрушению и гибели нефтяной промышленности. 2) Проведение национализации нефтяной промышленности в данный момент, когда Донецкий угольный

[47] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», дело не нумеровано.

[48] В результате обсуждения решено было в комиссии войти.

бассейн отошел к Украине, а грозненские промысла разрушены, когда невозможен привоз топлива из-за границы и все надежды страны на получение топлива возлагаются на Бакинский район, противоречит правильно понимаемым интересам всего государства в целом, ибо не может быть сомнения в том, что коренная ломка десятилетиями налаженной организации и переустройство промышленного и торгового аппарата на совершенно новых началах в настоящее время поведут лишь к тому, что вся страна останется без топлива и освещения. 3) Изданный на основании декрета центрального правительства и впредь до получения подробных инструкций декрет Бакинского совета народных комиссаров фактически устраняет от управления и руководства предприятиями администрацию последних, предрешая многие из возникающих вопросов и не дожидаясь инструкций центрального правительства.

Ввиду всего вышеизложенного Первый и Второй союзы бакинских нефтепромышленников считают своим долгом предупредить о грозящей стране опасности» [49].

Каков был смысл подачи подобного заявления?

Скрывая свои истинные вожделения, протестуя против объявленной национализации, «исходя» из общегосударственных интересов, промышленники надеялись оттянуть проведение национализации в жизнь впредь до ликвидации большевизма в Бакинском промышленном районе.

Декларация собственно писалась не для Бакинского совнаркома и бакинского СНХ,—промышленники знали, что здесь на месте им не удастся добиться каких-либо результатов. Но зная о настроениях Гуковского и Соловьева, промышленники надеялись на нажим сверху. Характерно, что всю свою аргументацию они построили на одном тезисе. Национализация нефтепромышленности приведет к разрушению промыслов. Национализация равна разрушению бакинской нефтепромышленности в условиях отхода Донбаса к Украине, в условиях разрушения грозненских промыслов и приведет «лишь к тому, что вся страна останется без топлива и освещения».

При решительном противодействии капиталистических организаций и национал-социалистических партий, при саботаже со стороны технической интеллигенции, Бакинский совнарком приступил к проведению в жизнь декрета о национализации.

Только решительная поддержка со стороны рабочих масс Бакинского промышленного района, с одной стороны, и поддержка центрального правительства, с другой, обеспечивали при данном соотношении классовых сил успешное проведение национализации в жизнь.

Однако оторванность от центра, невозможность своевременно и с исчерпывающей полнотой информировать Центральный комитет партии и

---

[49] «Архивный фонд бакинского СНХ», 1918 г., д. № 168.

правительство о причинах, заставляющих форсировать проведение национализации, образовали щель, в которую могли проникнуть и проникли враждебные пролетариату классовые силы.

Как видно из речи Шаумяна [50], произнесенной в заседании Совета от 22 июня, уже 12—14 июня было получено из Москвы—ВСНХ—сообщение, что декрет о национализации нефтепромышленности правительством не принят, но предрешен, и издание отложено до представления сметы.

Факт необъявления центральным правительством декрета, на который ссылался Бакинский совнарком, прокламируя национализацию, сам по себе уже наносил удар делу национализации. Последовавшие же вслед за этим события поставили под угрозу срыва всю политику Бакинского совнаркома на столь важном участке борьбы.

Между 15—20 июня из Выснархозтопа, за подписью Соловьева, во все адреса была получена телеграмма следующего содержания:

«Срочно бранобель астрахань. астрахань москвы кр. 186295, 108, 12, 18, 10. передайте срочно телеграммой и письмом баку союзу баку совету съезда копию бранобель копию мазут копию нефть двоеточие после получения москве неожиданных сведений о национализации нефтепромышленности в баку на основании постановления совнаркома оказалось что сведения о постановлении совнаркома неверны наоборот центральные власти по обсуждении вопроса конце мая признали национализацию несвоевременной точка дело расследуется точка 12 июня вследствие этого подана выснархозом баку шаумяну и совнархозу следующая телеграмма двоеточие кавычки главный нефтяной комитет ввиду получения в баку из москвы телеграммы якобы о состоявшемся постановлении совнаркома национализации нефтяной промышленности сообщает что никаких постановлений нефтепромышленности не делалось точка габриэлян выехал баку выснархоз нефтевод номер 1230 председатель выснархозтопа соловьев» [51].

Если первая телеграмма, на которую ссылался в своей речи Шаумян, была послана из Москвы 4 июня, то вторая—Соловьева—была послана 12 июня.

Последняя телеграмма была получена и капиталистическими организациями. Создавались благоприятные условия для перехода капиталистических организаций в контрнаступление под старым лозунгом: политика местной власти противоречит основам хозяйственной политики, проводимой центральной властью.

По существу Бакинским совнаркомом было получено две телеграммы противоположного содержания. Если телеграмма, высланная ВСНХ 4 июня, говорила о том, что национализация предрешена правительством, и

---

[50] С. Шаумян, Статьи и речи, изд. 1924 г., с. 189.

[51] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 87.

вопрос лишь в разработке сметы, то телеграмма Соловьева сообщала, что центральное правительство признало проведение национализации в настоящий момент вообще несвоевременным.

Как потом выяснилось из письма Салько, полученного Шаумяном 10 июля, сообщение Соловьева не соответствовало действительности. Перечисляя причины, вызвавшие недоразумения между Бакинским совнаркомом и Главным нефтяным комитетом, Салько сообщал: «Совнарком принял в мае лишь принципиальное постановление о национализации, отсрочив проведение ее в жизнь до составления соответствующей сметы (именно таково было решение Совнаркома)» [52].

Однако этого установить в 20 числах июня руководители большевиков Бакинского района не могли, получение же двух телеграмм противоположного содержания, равно как и развернувшаяся энергичная деятельность капиталистических организаций и враждебных партий (входящих в Совет), стремившихся обработать общественное и в частности рабочее мнение не в пользу национализации, требовали или отступления с позиций национализации или решительного развертывания наступления на этом фронте.

22 июня созывается экстренное заседание Бакинского совета РС и МД, на котором ставится доклад Шаумяна о национализации нефтяной промышленности.

Обрисовав вкратце историю борьбы за национализацию, причины, заставившие Совнарком объявить национализацию немедленно, сообщив о том, что правительством «раскрыта целая система грабежа со стороны нефтепромышленников, которые получают по подложным чекам деньги с текущего счета», Шаумян дал основную установку: «Мы должны категорически заявить, что никаких разговоров о возможной отмене национализации быть не может (подчеркнуто мной—С. С.). Я послал в этом смысле телеграмму на имя Совета народных комиссаров в Москву, где указывал на новые телеграммы, вносящие путаницу, и обращал внимание Высшего совета народного хозяйства на это явление, заявив, что после того, что сделано и сделано очень хорошо, никакого возврата быть не может, что национализация на основании решения центрального правительства нами уже объявлена и проводится в жизнь и чтобы они приняли меры, дабы проискам нефтепромышленников, вносящих смуту в нашу работу, был положен конец. Такая телеграмма была отправлена от имени Бакинского совета народных комиссаров, и здесь, на Совете мы должны повторить то же самое. Основываясь на решении центра, волей бакинского пролетариата объявлена национализация нефтяной промышленности. Нобель, Манташев, Гукасов и т. д. лишены их

[52] «Архив бакинского СНХ», 1918 г., общая канцелярия, д. № 25.

собственности, их богатств, добытых трудом рабочего класса, и эти богатства принадлежат народу и не могуть быть отняты у него» [53].

Совет РС и МД утвердил все предложения, выдвинутые Шаумяном, после чего обсуждение вопроса было перенесено в низовые организации.

Вслед за заседанием Совета РС и МД в районах повсеместно были созваны конференции промыслово-заводских комитетов.

В разрозненных делах Госархива АССР сохранился протокол «объединенного заседания конференций промыслово-заводских и городского комитетов всех предприятий Каспийского т-ва Бакинского района, состоявшегося в Сабунчах 27 июня 1918 г.». В заседании этом обсуждался вопрос об отношении промышленно-заводских комитетов к национализации нефтепромышленности и о положении комитетов в национализированных предприятиях. Особенно широко развернулись на этой конференции прения по вопросу о саботаже; выяснилось, «что благодаря большому кадру сторонников бывших нефтехозяев в лице получающих колоссальные оклады директоров, управляющих, заведующих и проч. тунеядцев, присвоивших себе разные должности и звания и все еще продолжающих цепляться за свои места и предприятия в надежде на скорый возврат назад,—значение и роль комитетов свелись на ноль; с ними не считаются; саботаж раскинулся настолько широко, что нет никакой возможности о каждом случае доводить до сведения Совета народного хозяйства, и если бы комитеты задались целью это делать, то они стали бы перед необходимостью открыть «контору кляуз» с немаленьким составом сочинителей кляуз» (цитирую по протоколу—*С. С.*).

Конференция избрала «Центральный комитет» из трех лиц «в целях наилучшего осуществления национализации на предприятиях Каспийского товарищества и внесла ряд пожеланий в Совет и СНХ, в основном сводящихся к предложению выработать и опубликовать инструкцию по управлению, устраняющую двоевластие на предприятиях. Подобные конференции прошли с большим оживлением по всему Бакинскому промышленному району. Они показали, что национализация нефтепромышленности проводится Бакинским совнаркомом при единодушной поддержке широких рабочих масс».

Лозунг—никаких разговоров о возможной отмене национализации быть не может,—брошенный Шаумяном и поддержанный всеми рабочими организациями, послужил сигналом для продолжения развернутого наступления на капиталистические организации, упорное сопротивление которых должно было во что бы то ни стало быть сломленным.

Необходимо отметить, что в тот момент, когда Бакинский совнарком решил перейти в наступление на капиталистические организации, когда все силы рабочей общественности были брошены на борьбу за проведение

---

[53] С. Шаумян, Статьи и речи, изд. 1924 г., с. 190.

национализации в жизнь, Всероссийский совнарком, подробно информированный руководителями бакинского правительства и СНХ, принял постановление об издании декрета о национализации всей нефтяной промышленности Республики.

Однако большевики Бакинского промышленного района, развертывая борьбу, не знали об этом, что еще раз показывает, насколько оторванность от центра осложняла обстановку, условия борьбы за проведение национализации.

Сообщение об издании декрета бакинские большевики получили лишь в начале июля, а подробная информация, посланная Шаумяну командированным в Москву Салько, была получена лишь 10 июля.

Вот как характеризовал Салько историю недоразумений между Баксовнаркомом и Главконефтью и прохождение этого вопроса в Совнаркоме РСФСР:

«Считаю нужным сделать краткий письменный доклад по поводу тех нарушивших нашу бакинскую работу недоразумений, которые возникли между бакинским Совнархозом и Главным нефтяным комитетом вокруг вопроса о национализации нефтяной промышленности. Определенно свидетельствую, что никаких по этому поводу существенных разногласий между бакинскими властями и Главнефтекомитетом нет. Мало того, как оказывается, основной причиной недовольства этого Комитета деятельностью командированной ВСНХ комиссии (Агапов, Доссер, я) было включение в нашу декларацию трестирования как этапа к национализации, а не непосредственно национализации.

Причинами указанного недоразумения были: 1) Формальные соображения совершенно обязательны для Комитета,—Совнарком принял в мае лишь принципиальное постановление о национализации, отсрочив проведение ее в жизнь до составления соответствующей сметы (именно таково было решение Совнаркома). 2) Недостаточная осведомленность Главнефтекомитета о настоящих условиях работы советских властей в Баку и, как результат этого, некоторое преувеличение возможности детального руководительства из Москвы бакинской работой. 3) Отвратительное телеграфное сообщение между Баку и Москвой. Только 20 июня утром была получена Комитетом телеграмма Доссера о том, что никакого промедления в осуществлении национализации после того, что сделано в Баку, быть не может.

По настоянию Главного нефтяного комитета в тот же день вечером вопрос о национализации был поставлен в Совнаркоме, где была оглашена телеграмма Доссера и где был принят известный теперь Вам декрет... Среди членов Главнефтекомитета (в том числе, повидимому, и у Гуковского) нет колебаний в твердом фактическом проведении национализации нефтяной промышленности. Таким же является предписание свыше (и в этом отношении Главнефтекомитет находится в лучших

условиях, чем другие отделы ВСНХ, которым подчинены недавно оптом национализированные отрасли промышленности—по совершенно особым, как вам должно быть известно, соображениям—и которым дано распоряжение не спешить с проведением в жизнь объявленной национализации). Это с одной стороны, с другой—Главный нефтяной комитет, осведомившись об условиях работы в Баку, не намерен стеснять инициативы местного Совнархоза, и, считаясь с организованностью его и с положением в важнейшем пункте нефтяной промышленности, он предоставит ему возможность быть застрельщиком в вопросах организации национализированных предприятий, хотя конечно координация действия потребуется, и в нужных случаях Комитет будет настаивать на проведении той или иной меры для согласованности действий отдельных частей общесоветского нефтяного дела» [54].

Не следует конечно с полным доверием относиться ко всем частям письма т. Салько. Утверждение, что Главный нефтяной комитет вообще никогда не выступал против национализации нефтепромышленности, что расхождение между Главконефтью и бакинским СНХ шли по линии—трестировать или немедленно национализировать,—не соответствует действительности.

Когда командированный в Москву Салько писал это письмо Шаумяну, он был уже назначен членом коллегии отдела топлива ВСНХ. Нужно думать, что известная корпоративность не позволила ему сказать всей правды. Что это так, показывает письмо комиссии ВСНХ из Баку (в которую входил и Салько) от 9 мая 1918 г., в значительной степени направленное против политики Главного нефтяного комитета и его председателя Гуковского.

Не подлежит сомнению, что отдельные звенья аппарата ВСНХ оказывали противодействие немедленному объявлению национализации нефтепромышленности в общереспубликанском масштабе.

По показаниям ряда участников борьбы за Бакинскую Коммуну можно установить со всей достоверностью, что Гуковский являлся решительным противником объявления национализации нефтепромышленности и в этом направлении информировал Совнарком.

Только лишь после того, как всероссийское правительство, подробно информированное т. Шаумяном, заняло определенную позицию, Главный нефтяной комитет круто повернул в направлении разработки общероссийского декрета.

Иного отношения заслуживает другая часть письма Салько, в котором он рассказывает об издании всероссийского декрета.

Из рассказа Салько явствует, что всероссийский декрет о национализации нефтепромышленности был утвержден Совнаркомом РСФСР

---

[54] «Архивный фонд бакинского СНХ», 1918 г., общая канцелярия, д. № 25.

двадцатого июня в результате подробной информации, полученной от Бакинского совнаркома и СНХ.

Еще 18-го июня Ленин телеграфировал Шаумяну:

«Декрета о национализации нефтяной промышленности пока не было точка предполагаем декретировать национализацию нефтяной промышленности к концу навигации точка пока организуйте государственную монополию торговли нефтепродуктами точка примите все меры к скорейшему вывозу нефтепродуктов по Волге точка сообщайте главконефти ежедневно положение нефтяной промышленности» [55].

Характерно, что в телеграмме этой, которая, нужно думать, являлась ответом на многочисленные запросы Шаумяна, посланные до объявления декрета Баксовнаркомом, ни словом не упоминается декрет от 1 июня.

Единственное предположение, которое можно сделать, сводится к тому, что Главконефть и Главтоп, получившие уже к этому периоду сведения о декрете от капиталистических организаций нефтепромышленности и реагировавшие на этот факт вышецитированной телеграммой Соловьева, (см. с. 52) не информировали Совнарком о происшедшем.

На полную же и подробную информацию бакинского СНХ от 20 июня 1918 г. Ленин реагирует немедленным внесением в Совнарком проекта декрета о национализации нефтепромышленности. Именно эта позиция Ленина заставляет Соловьевых и Гуковских—оппортунистов из аппарата ВСНХ—срочно перестроиться и заявить, что они собственно говоря всегда были за национализацию.

Насколько быстро и решительно реагировал Ленин на последнее телеграфное сообщение из Баку, видно при сопоставлении дат получения телеграммы Доссера [56] и утверждения общероссийского декрета.

20 июня утром в адрес Выснархознефти и Ленина была получена телеграмма, и в тот же день вечером в заседание Совнаркома вносится проект декрета. Совнарком с незначительными изменениями утверждает его, постановив, что отныне: «Объявляются государственной собствен-

---

[55] Институт Ленина при ЦК ВКП (б) № 23493.

[56] В этой телеграмме Доссер, подробно информируя Выснархознефть и Совнарком о состоянии нефтяной промышленности в Баку, писал: «Объявлено запрещение на все имущество нефтяных и буровых предприятий, администрация подчинена совнархозу точка рабочих оплачиваем средствами государства налаживаем технический аппарат точка инженеры соглашаются работать но среди них крайне сильное настроение бойкота точка В союзе промедление колебания вопроса национализации поднимает надежды противников усилит их сопротивление легко повлечет забастовку технических сил со всеми тяжелыми последствиями точка изменение принятого курса невозможно просите немедленно издать декрет национализации сообщите баку телеграфно». «Архив СНК и СТО СССР», приложение к протоколу № 143 от 20 июня 1918 г.

ностью предприятия нефтедобывающие, нефтеперерабатывающие, нефтеторговые, подсобные по бурению и транспортные (цистерны, нефтепроводы, нефтяные склады, доки, пристанские сооружения и пр.) со всем их движимым имуществом, где бы оно ни находилось и в чем бы оно ни заключалось» [57].

Однако, как мы уже указали, большевики Бакинского района, развертывая в этот период борьбу за национализацию, не знали об объявлении декрета и взяли на себя всю ответственность за проводимые в этом направлении мероприятия.

Необходимо также отметить, что борьба Бакинского совнаркома за национализацию нефтяной промышленности в июне 1918 г. осложнилась тем, что вслед за изданием декрета о национализации нефтепромышленности (1 июня 1918 г.) было принято постановление о национализации Каспийского торгового флота.

Это мероприятие целиком вытекало из задач, поставленных центральным правительством перед Бакинским совнаркомом. Отвечать за вывоз нефти, не являясь хозяевами Каспийского флота, бакинские большевики не могли. Сославшись на постановление СНК РСФСР от 26 января 1918 г., Бакинский совнарком постановил: «Весь Каспийский торговый флот, принадлежащий акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам, единоличным предпринимателям, владеющим морскими и речными судами всех типов, со всем движимым и недвижимым имуществом, кассовой наличностью, текущими счетами в кредитных учреждениях и вообще в чем бы оно ни состояло, активом и пассивом этих предприятий, объявляется неделимой собственностью Российской социалистической федеративной советской республики» [58].

После издания декрета о флоте, история, сопутствовавшая изданию декрета о национализации нефтепромышленности, повторилась почти во всех деталях. 7 июня Совет союза судовладельцев Каспийского моря в своем заседании заявил, что он «протестует против нарушения прав собственности и интересов частного судовладения и считает своим долгом заявить, что национализация частных предприятий при переживаемых страной потрясениях и разрухе хозяйства принесет вместо пользы лишь вред государству» [59].

Союз судовладельцев фактически повторил аргументацию союзов нефтепромышленников.

Соответствующее ведомство из центра (Главковод) так же, как и Главконефть, решительно протестовало против национализации.

---

[57] «Архив СНК и СТО СССР», приложение к протоколу № 143 от 20 июня 1918 г.

[58] «Вестник Бакинского совета народных комиссаров» № 1—2, 1918 г.

[59] «Архив бакинского Совнархоза», 1918 г., д. № 21.

Несмотря на телеграмму т. Сталина из Царицына от 8 июня:

«В вопросе о национализации Каспийского флота можете действовать решительно, не обращая внимания на телеграмму... Можете быть уверены, что Совнарком будет с вами. Все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу» [60]. Главковод продолжал настаивать на отмене декрета.

Насколько острым продожал оставаться этот вопрос, мы можем видеть по протоколам Бакинского совнаркома. Еще 30 июня в заседании СНК Шаумян принужден был сообщить о телеграмме из Главковода, в которой говорилось, что «специального декрета о национализации флота нам не следовало издавать, т. к. есть общий декрет центральной власти, издано (вероятно, нужно—*С. С.*) было только выработать необходимые меры для перехода транспорта в руки государства». В этой же телеграмме предлагалось отменить «декрет о национализации флота, так как по Волге весь наличной (вероятно, наливной—*С. С.*) на этот сезон отдан обратно гг. капиталистам» [61].

В этом вопросе Бакинский совнарком оказался так же тверд, как и в вопросе о национализации нефти, категорически отказавшись отменить декрет о национализации флота.

Два крупнейших мероприятия дополняли друг друга. Однако продолжавшаяся весь июнь упорная борьба за национализацию почти ликвидировала возможность технически наладить дело производства. Вышеописанные мероприятия по организации управления национализированными предприятиями, поднятию производительности труда, установлению труддисциплины показывают, что бакинские большевики не теряли времени.

Однако по-настоящему приступить к задаче налаживания производства они смогли лишь с июля, когда страсти улеглись.

Но июль был последним месяцем существования Бакинской Коммуны, был месяцем решающих боев, наступления регулярных турецких и муссаватских частей на Баку, месяцем упорнейшей борьбы за рабочие массы в самом Баку. Понятно, что в этих условиях национализация нефтепромышленности значительных экономических результатов еще дать не могла.

Однако цифры добычи, запаса и вывоза (правда недостаточно полные) показывают, что большевики после национализации начали выводить нефтепромышленность из тупика.

---

[60] «Сборник памяти 26», изд. «Бакинский рабочий», 1922.

[61] «Архив бакинского СНК», д. № 31 из журнала заседания СНК от 30 июня 1918 г.

Добыча и запасы нефти в шести промысловых районах с 1 апреля по 1 июля 1918 (в млн. пуд.)[62]

	Март	Апрель	Май	Июнь
Добыча .	17,51	16,67	11,14	18,23
Запасы .	14,28	16,07	18.06	15.24

Таким образом за один месяц большевистским руководителям удалось приостановить процесс разрушения нефтяного хозяйства, превзойдя в июне цифры мартовской добычи, уменьшив нефтяные запасы путем форсированного вывоза нефти в Россию.

Одной из основных задач, которую ставило перед собою правительство Бакинской Коммуны было—дать нефть Советской России. Об этом писал в своем воззвании бакинский СНХ, об этом не раз говорил Шаумян, доказывая, что нефтепромышленники намеренно саботируют дело вывоза нефти в астраханском направлении. Именно с целью усилить темп вывоза нефти бакинским Советом народного хозяйства еще в мае был проведен в жизнь ряд мероприятий принудительного порядка в отношении нефтепромышленников и судовладельцев.

Подводя итоги борьбы бакинского пролетариата за национализацию нефтепромышленности, прежде всего необходимо выяснить, в какой мере справились бакинские коммунары с делом обеспечения Советской России топливом, оправдала ли себя национализация нефтепромышленности в этой части. Председатель бакинского СНХ т. Фиолетов в своем докладе Бакинскому совнаркому 11 июня 1918 г. сообщал: «Нефти и других нефтяных продуктов вывезено с открытием навигации 13 млн. пудов. Ежедневно отправка с каждым днем увеличивается, так как за один день (субботу) было вывезено 1300 тыс. пуд. Далее мы имеем намерение отправлять регулярно ежедневно по одному миллиону пудов»[63].

---

[62] «Архивный фонд т-ва бр. Нобель», 1918 г., д. № 159.

По данным «Нефтяного дела» (№ 1—2, 1919 г.) добыча нефти по тем же шести промысловым районам выражалась в следующих цифрах:

	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
Добыча (в млн. пуд.).	17,89	17,23	11,21	5,67

Эти цифры, в основном подтверждая сделанные нами выводы, показывают, что в июле цифра добычи держалась на том же уровне и что сейчас же после гибели Бакинской Коммуны начался процесс разрушения нефтяного хозяйства.

[63] «Архив Бакинского СНК», дело № 31, протокол заседания Бакинского СНК от 11/VI 1918 г.

Общее количество нефтяных продуктов, вывезенных из Баку за июнь и июль 1918 г., показывает, что бакинский СНХ свое обещание вывозить регулярно по одному миллиону пудов в день выполнил полностью.

Вывоз нефти и нефтяных продуктов с 1 января по 1 октября 1918
(в млн. пуд.) [64]

Месяцы	Вывезено во всех направлениях	Вывезено в Астрахань	Месяцы	Вывезено во всех направлениях	Вывезено в Астрахань
Январь .	2,37	—	Июнь . .	28,30	27,49
Февраль .	1,58	—	Июль . .	29,99	28,67
Март . .	1,61	0,02	Август .	5,88	5,64
Апрель .	5,72	5,06	Сентябрь	0,61	0,09
Май . .	11,10	10,65			

Средняя месячная цифра вывоза нефти из Бакинского промышленного района 45—48 млн. пудов к началу 1918 г. упала до полутора—двух миллионов. С момента мартовского переворота положение резко меняется. В апреле—первом же месяце после захвата власти—бакинскому СНХ удалось довести цифру вывоза до 5,72 млн. пудов, сосредоточив его почти целиком (5,06 млн. пудов) в астраханском направлении. В мае рядом мер принудительного порядка бакинский СНХ доводит цифру вывоза до 11,10 млн. пудов, однако решающего перелома в деле вывоза нефтяных продуктов Совету народного хозяйства удается достигнуть лишь после национализации нефтепромышленности и Каспийского флота.

В июне цифра вывоза резко повышается, доходя до 28,30 млн. пудов. Эта цифра не только не снижается, но выказывает явные тенденции к повышению в июле, в период напряженной борьбы на фронте—29,99 млн. пудов, причем, как видно из таблицы, вся эта нефть за незначительным исключением вывозилась в Советскую Россию (через Астрахань).

Необходимо также отметить, что бакинским коммунарам в июне и июле удавалось вывозить в Советскую Россию не только нефть, но самые разнообразные нефтяные продукты.

---

[64] «Сравнительные статистические данные о бакинской нефтяной промышленности за период 1911—1920 гг.», изд. Азербайджанского нефтяного комитета 1921 г.

Цифры взяты составителем сборника из журнала «Нефтяное дело» за 1919 г. При сверке нами обнаружена незначительная разница—в журнале «Нефтяное дело» даны следующие цифры вывоза: май—11,08 млн. пуд., июнь—та же цифра, что и в сборнике, июль—29,98 млн. пуд.

Все это говорит за то, что руководителям бакинского пролетариата удалось добиться решающих побед в деле вывоза нефти лишь после национализации нефтепромышленности.

Одно это целиком и полностью оправдывает борьбу за национализацию. Руководители большевиков в Бакинском промышленном районе показали на деле, что хозяйственное руководство пролетарского государства способно в труднейших условиях осажденного лагеря приостановить процесс разрушения промыслов, выполнить боевое задание доставки жидкого топлива борющемуся пролетариату России.

Временное поражение большевизма, гибель Бакинской Коммуны отсрочили дело создания единого нефтяного хозяйства на новых социалистических началах, отодвинули дело создания Азнефти на 2 года.

И. Рейснер

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ ГАНДИЗМА [1]

Вопрос о Ганди и гандизме имеет первостепенное значение. Ганди в истории освободительного движения Востока для Индии играет примерно такую же роль, какую Сунь Ят-сен сыграл для Китая, Кемаль—для Турции, Аманулла—для Афганистана. В лице Ганди особенно замечательно соединение политика и теоретика. Ганди выступает с собственным теоретическим обоснованием как целей движения, так и предлагаемого им переустройства индусского общества.

Ганди и его учение нельзя рассматривать как нечто раз навсегда данное, нечто неподвижное и неизменное. Мы, марксисты, рассматриваем вещи в движении, тем более события революционного порядка. Таким образом подходя к Ганди, мы должны прежде всего установить основные пути или этапы его деятельности.

Три этапа движения связываются с деятельностью Ганди и с его учением, начиная с массовой вспышки революционного движения в Индии в 1907 г. Сначала Ганди выступает главным образом как идеолог и представитель той части индусской буржуазии, на которую опирается политика партии умеренных или «модератов», стоящих за сотрудничество с империализмом и с английской властью и являющихся представителями торговой буржуазии и той части индусского промышленного капитала, которая сильнее сращена с английским. Как известно, колониальная экономика создает такие условия, при которых даже слабые ростки туземной промышленности переплетаются с зависимостью от империализма. Но вместе с тем в учении Ганди уже в 1907 и 1908 гг. есть такие черты, которые впоследствии делают его идеологом национал-реформизма в самом широком смысле слова.

Второй этап—это период бурных послевоенных революционных лет, это период революции 1919—22 гг. Возросла доля промышленного капитала Индии, вырос индусский промышленный капитал, обострились классовые противоречия, обнищали массы, и национал-реформизм еще не потерял надежды въехать в царство буржуазного самоуправления или свараджа верхом на соответственным образом оседланном массовом движении.

Третий период. Уже меняется расстановка классовых сил, вырос пролетариат, сложился в сознательный, для себя действующий класс,

[1] Переработанный доклад в Секции зарубежного Востока Общества историков-марксистов от 18 мая 1930 г.

выявилось полностью контрреволюционное руководство крестьянским движением со стороны буржуазии, учтен опыт китайской революции, вместе с тем усилилась роль промышленного капитала. Способность национал-реформизма маневрировать сужена. Ганди и национал-реформизм выступают уже как явно контрреволюционная сила.

Вот те три основных этапа, в которых развивается сам Ганди и его учение. Первая волна индусской революции дает нам очень смешанную и пеструю картину массового движения в стране, которая 150 лет задыхалась под властью колониального капитала, в стране, где еще не было опыта буржуазного руководства массовым движением, в стране, где сочетается неслыханная отсталость масс с неслыханной идеологической пестротой их движений. Что же нового вносит 1907 год? Несмотря на английское противодействие, в Индии впервые сложилась тогда серьезная прослойка туземного промышленного капитала, главным образом в области текстильной промышленности. Этот туземный промышленный капитал больно чувствовал, как ему жмет железный империалистический сапог, как он ему мешает и не дает развиваться. Туземный промышленный капитал впервые дает прочный стержень национальному движению.

Но вместе с тем это вовсе не было чистым движением промышленного капитала. Одновременно лорд Керзон, известный Советскому Союзу по своим майским нотам, проводит рационализацию колониального аппарата. Он в частности ведет нападение на ренту наследственных помещиков в Бенгалии. Он делит Бенгалию на две провинции, чтобы отменить все налоговые льготы, которыми пользовались туземные помещики-заминдары, и тем самым отчасти восстанавливает против себя тот класс туземных помещиков, полуфеодалов, которые являлись после восстания 1857 г. традиционной опорой английского владычества. Следовательно, в оппозиции оказываются, с одной стороны, туземный капитал, который задыхается в узких колониальных рамках, а с другой—озлобленные туземные помещики.

Наконец, основным классовым фоном этого движения остается разорение ремесленников и крестьянства и неразрешимый как для империализма, так и для национал-реформизма аграрный вопрос. Таким образом массы уже тогда составляют основной фон для робкого, запоздалого выступления туземного промышленного капитала, который возникает понемножку в колониальной экономике через 150 лет после завоевания Индии Англией, когда массы и вся страна в целом уже разорены, и средний предельный возраст индусов снижен до 24 лет. Вот положение, при котором туземная буржуазия, выделившая свою промышленную прослойку, начинает понемногу возглавлять движение против империализма.

И, наконец, революция 1907 г.—этот отклик революции 1905 г. в России, когда индийские террористы изготовляют бомбы против английских бюрократов по рецептам взрывчатых веществ, полученным от русских эсеров, когда в пропаганде, обнаруживающей грехи английской бюро-

кратии, указывается на сходство английской бюрократии и русского чиновничества. И вот в этом противоречивом блоке буржуазии, помещиков, мелкой буржуазии, кустарей и ремесленников руководящую роль уже тогда безусловно играли интересы туземного промышленного капитала. Причем революция 1907 г. в Индии отличается от революции 1922 г., будем надеяться, и от нынешней революции, сравнительно малым развитием крестьянского движения. Эта революция не охватывала всей Индии целиком. Она развивалась главным образом в Бенгальской провинции.

Цели движения очень скромные, очень реформистские, это—доминион-статус, по образцу Канады и Австралии и восстановление единства Бенгалии. А средства—бойкот иностранных товаров и поощрение местного производства под маркой Свадеши и свадешизма.

Как же примирить интересы туземных промышленников и туземных кустарей, интересы бомбейских фабрикантов и каких-нибудь деревенских или полудеревенских кустарей, разоряемых в одинаковой степени и конкуренцией туземной промышленности и конкуренцией английской промышленности? Формула Свадеши и оставляется нарочито неопределенной. Она звучит так: бойкот в интересах местного производства. И бойкот этот увенчался частичным успехом. Ввоз мануфактуры из Англии снизился на 590 млн. ярд., правда, с 2 200 млн. ярд.

Кому движение Свадеши пошло на пользу? Вот отчет ассоциации владельцев бомбейских фабрик за 1909 г. «Текстильная промышленность Бомбея сильно укрепила свое положение, ввела новые машины, пополнила свои резервы. Мы вырабатываем сейчас мануфактуру и пряжу лучшего качества, развиваем красильную промышленность. Если мы будем дальше развивать наше дело на честных основаниях, то *при поддержке движения Свадеши мы захватим постепенно если не весь, то большую часть индийского рынка*»[2].

Еще более ярко формулирует эти же тенденции Гокхале (речь в Лукнове, 1908 г.): «Всякий, кто помогает распространению технического образования в Индии,—борец за Свадеши; всякий, кто вкладывает капитал в национальную промышленность, ценнейший борец за Свадеши, благодетель (benefactor) страны; всякий, кто дает деньги на отправку индийских студентов в немецкий или американский политехникум и тем способствует росту туземной промышленности,—он наш союзник и помощник». Речь свою Гокхале заканчивает указанием: «Проблемы политического освобождения Индии и экономической ее эмансипации неразрывно связаны между собой» (с. 293). Стержнем этого движения, очевидно, является промышленный капитал. Гокхале, учитель Ганди, формулирует реформистские идеи. Он говорит, что в Индии можно вырастить промышленность мирным путем, не отвоевывая власти у империализма; достаточно бойкотировать иностранные товары, и промышленность вырастет сама по себе.

---

[2] Речь Куримбхай Ибрагима, май 1909 г., сб. «Свадеши», с. 180.

Второе—Гокхале боится революции, хотя нет еще сильного крестьянского движения, хотя буржуазия руководит этим движением, хотя на поверхности действуют только вожди Национального конгресса. Он говорит, что всякое значительное изменение политических отношений между Англией и Индией должно быть только постепенным. «Мы должны опасаться неожиданного и насильственного переворота».

И наконец третий момент. Нужно спрятать коготки промышленного капитала перед ремесленниками. Нельзя же прямо сказать им: «Боритесь, страдайте, покупайте по более дорогим ценам продукты туземной промышленности только затем, чтобы бомбейские фабриканты могли класть в свои карманы прибыль». Вот здесь-то и рождается мысль о полном использовании буржуазией старой идеологии. Гокхале думает, нельзя ли привязать к старой идеологии новые интересы туземного промышленного капитала, нельзя ли использовать способность индийских масс к страданию и самопожертвованию, нельзя ли использовать их религиозные предрассудки, нельзя ли придать религиозную санкцию бойкоту и поставить религию на стражу интересов промышленного капитала, нельзя ли эти интересы туземного промышленного капитала спрятать в священные одежды старой Индии. Один из деятелей первого периода формулирует эту мысль так: «Народы Индии податливы импульсам, когда дело идет о защите справедливости «Дхармы» против западного материализма и эгоизма. Индия обладает этой скрытой силой, надо выявить ее и направить к новым целям». «Движение Свадеши,—читаем мы у Вивекананды,—является неразрывной частью дела национальной справедливости. И матерь-церковь подтвердила это громким голосом. Разве жрецы священного алтаря в Пури не провозгласили бойкот иностранной мануфактуры долгом всякого индуса? Разве в храме Калигата не был подтвержден религиозный характер бойкота». Сурендра Нат Банерджи в своей книге «A nation in making» (с. 199) говорит следующее: «Такого рода способ, который заменяет протекционизм патриотизмом, может пользоваться успехом только среди высоко эмоциональных народов, привыкших к страданию и самоограничению». В Индии все можно, это сумасшедшая страна, здесь можно даже использовать крестьянство и ремесленников в интересах индусской буржуазии, не давая им ничего взамен. И Ганди гордо провозгласил этот лозунг: «Все это может звучать как бессмыслица. Ну, что же, Индия—страна бессмыслицы. Бессмыслица иссушать себе горло жаждой, когда добрый мусульманин готов предложить чистую воду для питья. Между тем тысячи индусов скорее умрут от жажды, нежели напьются воды с мусульманского двора». А значит, индусы могут дороже платить за товары туземного производства и до бесконечности бойкотировать английские товары.

В этой теории упущен один существенный момент,—что бойкот может играть известную роль в массовом движении, но им не ограничивается массовое движение, что бойкот может подтолкнуть вперед массовое

движение, но последнее покатится вперед в пределах, которые определяются общим соотношением классов, участвующих в нем.

Итак, уже в 1907 г. туземная буржуазия ищет такой формулы, которая позволила бы вовлечь массы крестьян и ремесленников в движение под национал-реформистским контролем и во имя целей, весьма далеких от хорошей буржуазной революции, по необходимости—революции аграрной. Степень прогрессивности туземной буржуазии видна из того, что лучший из буржуазных экономистов, старый Ранаде, предлагал такой способ разрешения аграрного вопроса в Индии, где около $^3/_4$ земли находится в руках помещиков, где крестьянство задавлено торгово-ростовщическим капиталом: две трети земли остаются в руках помещиков, и пусть за одну треть крестьянство платит выкупные платежи в продолжение 40 лет. Вот программа туземной буржуазии по части аграрного вопроса в конце XIX в.

Каков же был исход первой революции? Правительство пошло на уступки, отменило раздел Бенгалии, отказалось от нападения на ренту заминдаров, сделало маленькую уступочку буржуазии, проведя так называемую реформу Морлей-Минто, и наконец жестоко расправилось с террористическим движением. Происходит раскол в Шурате, причем левая экстремистская часть, руководимая Тилаком, предлагавшая перейти от бойкота английских товаров к общему бойкоту, терпит поражение, остается в меньшинстве, и конгресс решительно становится на сторону «модератов». В кредо или в устав конгресса вводится положение о том, что самоуправление Индии возможно только внутри империи, и о том, что на конгресс допускаются только «модераты». Вот в этот момент, после поражения первого массового движения, после разгрома первой индусской революции,—и возникает учение Ганди.

Его важнейшая книга «Indian Home Rule», которая содержит в себе основные предпосылки его учения, была опубликована в 1908 г. Сам Ганди очень ясно формулировал цель своей книги. В предисловии к ней он говорит: «Мою основную задачу я вижу в борьбе с доктриной насилия, которую проповедуют экстремисты». А экстремисты—это та часть индусской мелкой буржуазии, которая перешла к террористическим методам борьбы, которая пыталась бросанием бомб добиться своей цели.

Откуда же ведет свою родословную индусский святой, откуда он происходит (конечно не в личном смысле: Ганди—сын премьер-министра дивана небольшого туземного государства Паробандар, принадлежал к торгово-банковской касте в Индии; воспитывался в Англии, получил хороший диплом, был принят адвокатом в английский суд)? Свою социальную родословную Ганди ведет от правого крыла индусского национального движения. Ганди пишет к «модератам» в 1921 г. «Мое величайшее сожаление, что я нахожусь сейчас в противоречии с вами, хотя по моему политическому воспитанию, через мои связи я всецело принадлежу к умеренным». В другом месте, открывая статую Гокхале, он говорит: «Я

всегда считал себя в области политики честнейшим учеником Гокхале». И, наконец в своей книге «Мои опыты с правдой» он говорит следующее: «Место, которое Гокхале и умеренные занимают в моем сердце, не заполнено до настоящей поры». В свою очередь «модераты» прекрасно отзываются о Ганди.

Каковы политические идеи Ганди этого периода? На первом месте величайшая лойяльность к Британской империи. Он говорит: «Вряд ли кто-нибудь испытывал такое лойяльное чувство к Британской империи, к британской конституции, как я. Моя любовь к правде (к какой правде? бывает разная классовая правда—*И. Р.*) является корнем этой лойяльности». В другом месте он говорит: «Я всегда ставлю выше всего британский парламент и британскую конституцию. Британская конституция привязывает меня к империи. Разорвите эту конституцию, и исчезнет моя лойяльность». Восхищается Ганди и британским парламентом. Он говорит: «Без парламента мы ничего не добьемся. Хорошо, что Индия управляется западной системой и управляется ее правительством по установленному образцу британского парламента».

И отсюда вытекает лойяльность не только на словах, но и на деле. Уже после того как вышла его книга «Indian Home Rule» с проповедью и толстовства и вегетарианства, уже после того, как он начал проповедывать против «насильственности», он пишет вице-королю 20 апреля 1918 г.: «Я признаю, что в минуту опасности мы, как верные сыны империи, обязаны оказать ей полную поддержку». Таким путем Ганди рассчитывал добиться уступочек от империализма в интересах усиления буржуазной эксплоатации в Индии. Если защищать империалистические интересы, принимать участие в завоевательных операциях империи, если поддерживать английские операции против зулусов, если участвовать в бурских войнах, если предоставлять тысячи и тысячи индусов на пушечное мясо для великой войны империализма,—этим можно добиться уступок и ради этого можно поступиться моралью.

Англо-бурская война 1899 г. Вы думаете, Ганди не знал о классовых пружинах этой войны, вы думаете, Ганди не знал, что война ведется не во имя моральных побуждений, а во имя золотых копей Иоганнисберга? Он пишет вполне определенно: «Доктор Джемсон предпринял налет на Иоганнисберг по договору с английскими владельцами золотых копей». И дальше: «Налет Джемсона был лишь симптомом. Разгадка заключается в поведении владельцев золотых копей и в их интересах» [3]. Дальше Ганди говорит, что эта война велась в интересах английских капиталистов. Он даже говорит о своей симпатии к бурам. Все-таки ведь Индия угнетаема, зажата под английским сапогом, как же не симпатизировать бурам, которые борются за свою национальную независимость. Ганди признает:

---

[3] «Сатиаграха в Южной Африке», с. 108—109.

«Буры борются за национальную независимость, они храбрый народ, отстаивающий свои законные права» [4].

Но с кем же Ганди—с бурами, с народом, который борется за свою независимость, или с империализмом? Он выступает со следующей формулировкой: «Правда, мы, индусы, илоты Британской империи, но покуда мы стремимся улучшить наше положение, оставаясь в составе империи. Такова была политика наших вождей в Индии и такова была наша собственная политика в Южной Африке. Война открыла нам золотую возможность помочь англичанам в минуту опасности, тем самым улучшая наше собственное положение. Надо признать, что справедливость была на стороне буров. Но всякий честный гражданин не может же навязывать свою волю государству в каждом отдельном случае. Власти могут быть неправы, но поскольку мы обязаны лойяльностью государству, наше дело приспособляться (to accomodate ourselfs) и оказать помощь империи» [5]. Приспособляться к интересам империализма, оказывать ему поддержку в предприятии, явно несправедливом с точки зрения самого Ганди, противопоставлять «государственный интерес» личной совести—вот формула Ганди, при помощи которой он действовал и во время англо-бурской войны, и во время войны 1914—1918 гг. И Ганди до сих пор не отказался от этой аргументации. Привожу цитату из его книги, написанной в 1928 г.: «Я выдвинул впервые этот аргумент в 1899 г., и сейчас я не вижу никаких причин пересматривать мои взгляды». Правда, немножко изменилась классовая расстановка сил. Сейчас Ганди уже, пожалуй, не стоит за защиту английского империализма, хотя, думается, что в любую войну он все же его как-нибудь поддержит; официально Ганди проповедует, что только будущее буржуазное правительство Индии имеет право требовать от своих сынов службы кровью.

Наконец еще одна красочная картина, которая заслуживает самой широкой пропаганды, которая, пожалуй, неизвестна в широких кругах Советского Союза,—это участие Ганди в подавлении туземного восстания зулусов. Причем здесь роль Ганди в качестве начальника санитарного отряда заключалась в том, что он ухаживал за теми зулусами, которые были беспощадно высечены английским отрядом. Значительная часть зулусов расстреливалась с помощью великолепной английской техники. Оставшихся секли. Даже английский миссионер Док говорит в своей книжке: «Тут надо сказать, что британское понятие о гуманности не было на высоте в это время». Но Ганди не обмолвился ни единым словом, не пересмотрел своей точки зрения, не объявил Англии грабительской насильнической империей, которая держит колониальные народы в железной узде. После этого в 1914-1918 гг. Ганди выступает в качестве английского

---

[4] Следует отметить, что бурские фермеры выступали в качестве свирепых угнетателей цветного населения, жестко ограничивали права индийских купцов в период независимости Трансвааля.

[5] «Сатиаграха в Южной Африке», с. 115.

агента по рекрутированию индусского пушечного мяса на поля великой войны, и в 1918 г. он с совершенно ясным сознанием классовых целей и классовых установок пишет члену законодательного собрания, г-ну Састри, следующее: «Ворота к индийской свободе расположены на французской почве. Никакая победа, достойная этого имени, не может быть достигнута без пролития крови. Если бы мы могли высадить во Франции непобедимую армию индусов, сражающихся за дело Антанты, то это была бы и наша победа, ибо, оказав Англии услугу в настоящий критический момент, мы сделали бы значительный шаг вперед на пути к самоуправлению Индии» [6].

Великая победа, достойная этого имени, не может быть достигнута без пролития крови... Надо бы, чтобы индийские рабочие, индийские крестьяне ответили этой фразой Ганди, когда он говорит о любви к капиталистам, как к их братьям, и о любви к их братьям-помещикам. Во имя чего выдвигается эта цель? Во имя чего эти жертвы приносятся? Вот во имя чего: «Если бы мы могли наполнить поля Франции непобедимой армией индусов, борющихся за Сварадж, мы сделали бы крупнейший шаг вперед на пути к самоуправлению Индии». Итак, с одной стороны, в революцию 1907 г. туземная буржуазия решительно отвергла революционный путь, решительно выступила против революционного насилия, даже против мелкобуржуазного террора, с другой стороны, туземная буржуазия и Ганди считают возможным и нужным рекрутировать индусских солдат и участвовать в самых насильнических операциях империализма. Логика ясна: может быть удастся урвать какой-нибудь кусок. Надо сказать, что зло надсмеялся империализм над Ганди. Когда он после участия в Трансваальской войне предъявил империализму счет, чтобы все-таки отменили кое-какие законы, явно направленные против индусских торговцев в Трансваале, то английское правительство ответило на это тем, что ввело еще более строгий закон против индусов и в частности против конкуренции индусских торговцев. Тот же конфуз получился и после войны 1914-1918 гг. с так называемыми «реформами» Монтегю.

Следует сказать несколько слов о методах рекрутирования в индусской армии; она рекрутируется отчасти из крестьянства, отчасти из рядов полудиких народностей, которых их раджи, как раджа Непала, попросту продают английскому правительству приблизительно так же, как когда-то немецкие князья продавали своих крестьян, почти так же, как Петр I в свое время в обмен на янтарную столовую, присланную Фридрихом, послал ему 100 великолепных рекрутов. Вот этих самых «бойцов за свободу Индии» хочет Ганди поставить Англии. Впоследствии наш непротивленец изменил свои взгляды, но изменил их только в том смысле, что на будущее время службой кровью население обязано уже не империализму, как

---

[6] «Речи и сочинения», т. I, с. 331.

раньше, а будущему буржуазному правительству Индии. И он остается строго на почве законности, на «государственной» точке зрения. Он говорит: «Я совершенно не считаю, что душевная чистота и учение о «ненасильственности» исключают возможность участия индусов в войне для защиты своей родины». Больше того, когда в 1920 г. была опасность для английского империализма, что Аманулла решится еще на один скачок с афганских гор в долины Инда и Ганга, Ганди писал: «Я считаю, что обязанность каждого индуса с оружием в руках сопротивляться всякому вторжению». Вы видите, что эта самая доктрина ненасильственности, непротивленчества имеет свой определенный классовый адрес. Это — доктрина не для всех и во всяком случае не для буржуазии: на войне в интересах буржуазии можно и должно проливать кровь, но как мы увидим дальше, для масс насилие недопустимо и преступно. С самого начала создается глубочайшая двойственность гандистского учения. В этот ранний период своей деятельности Ганди выступил прежде всего как индусский буржуа, как индусский реформист.

Но в чем отличие Ганди от остальных реформистов? Для ответа на этот вопрос очень важен его южноафриканский опыт. Здесь Ганди оказался великолепным мастером, великолепным организатором всякого рода массовых движений, незаурядным агитатором и вместе с тем человеком, который сумел великолепно приспособить толстовскую идеологию, соответственным образом ее урезав, к задаче овладения массовым движением в интересах туземной буржуазии. В Южной Африкие сть только два класса (я конечно говорю не о всем населении Южной Африки, не о Южной Африке в целом, а только об индусской колонии, которая проживает в Южной Африке). С одной стороны, крупные торговцы, ворочающие миллионами, торговцы в достаточной мере самостоятельные. Достаточно сказать, что когда организовался индийский национальный конгресс в Натале, то вступительный взнос был установлен в 30 золотых рублей, а большинство участников этого конгресса платило и по 240 руб. Этот индусский торговый капитал, цветной, младший так сказать партнер английского торгового капитала, в достаточной степени прижат сверху. Здесь действовали обычные ограничения против цветного торгового капитала, установленные колониальной практикой вообще, южноафриканской в частности, а именно—тяжелые налоги, невозможность давать своим детям образование, стеснение передвижения, невозможность приобретать собственность и ряд других стеснений. А вторым слоем индусов в Южной Африке были полукули, полурабы, так называемые контрактовые рабочие; причем на 50 тыс. торговцев, клерков, обслуживающего персонала было 150 тыс. кули. Обе группы были зажаты общим колониальным прессом. На всех индусов, хотя не в одинаковой степени, распространялось давление этого пресса. Второй момент: сам индусский торговый капитал непосредственно не выступал эксплоататором индусских кули — кули эксплоатировал европейский капитал, а индусский торговый капитал лишь

слабо присосался к ним. Кули работали на плантациях, работали на всяких копях. Вот обстановка, в которой Ганди развил свою массовую работу.

Его метод—использовать экономическое недовольство масс для того, чтобы добиться уступок прежде всего индусскому торговому капиталу. Причем в своей работе он с самого начала исключает единство интересов угнетенных негров и индусов, его кампания пассивного сопротивления охватывает только индусов. Он против солидарности всех угнетенных цветных народов, он работает только среди индусской общины Южной Африки, равным образом он исключает классовую солидарность пролетариев. Когда европейские рабочие в момент острой железнодорожной забастовки в 1913 г. предложили Ганди выступить совместно, он сказал: нет, я веду конституционную борьбу, я против классовой солидарности пролетариата.

Здесь же Ганди определяет и самые формы движения. Целью движения оказывается не борьба с властями, а борьба с собственными дурными страстями, целью движения оказывается не захват власти, а страдание в тюрьме. И далее, вожди движения обязаны свято верить всяким обещаниям угнетателей. Если генерал Смитс предлагает известные уступки, а потом нарушает их, и Ганди идет на компромис и предает интересы тех самых кули, которых он поднял, то Ганди говорит следующее: «Я верю в правду, я верю в ахизму, я обязан верить всему, что мне скажут англичане». Итак, здесь, с одной стороны, борьба переносится с внешних целей движения на внутренние—подавление всяких дурных поступков, с другой стороны, заранее допускается и оправдывается компромис. И наконец третий момент: движение не ставит себе общеполитических целей, оно направлено на один определенный объект, не больше. Оно ограничено одной маленькой целью, оно имеет с самого начала реформистский характер, но эта цель формулируется как некий своего рода священный долг.

Дальше. Оказывается, что один святой может своим совершенствованием добиться победы. Если один человек окажется в состояниии подавить все свои дурные страсти, то тем самым каменное сердце угнетателей будет расплавлено, и будет одержана победа. Ясно, что сам Ганди этому не верит, но, организуя на этих основах движение, он получает возможность легко переключить его на те рельсы, какие соответствуют интересам туземного торгового капитала.

Какие же практиковались здесь виды массового движения? Это было в целом пассивное сопротивление. Индусы отказались соблюдать ряд навязанных им законов и мирным, ненасильственным путем шли в тюрьмы в случае наказания их за нарушение этих законов. Ганди формулирует удобство такого движения следующим образом: «Таким формам движения чрезвычайно легко впоследствии от пассивного сопротивления перейти к сотрудничеству с правительством». Он говорит: «Мы дрались с генералом Смитсом не насильственным путем, а впоследствии, когда началась

война, удалось очень легко в Южной Африке опять набрать рекрутов». Цель движения формулируется императивно, она маленькая и дается раз навсегда, осознается как долг. Это великолепное средство контроля движения. И наконец всю борьбу в целом можно легко переключить с политической и экономической цели на всякое личное усовершенствование. Так, например сам Ганди, когда ему пришлось насмотреться ужасов в зулусскую кампанию, сделал из этих событий вывод не о необходимости свергнуть британское владычество, а о том, что надо стать окончательно аскетом и отказаться от всякого сексуального общения со своей женой.

Но что же получилось? Все-таки, несмотря на все усилия Ганди, ему пришлось в конечном счете опереться на кули и вызвать забастовку. Поднялось громадное стихийное движение, и сам же Ганди говорил: «Я больше испугался, чем обрадовался». Он пишет, что принял все меры, чтобы не обидеть плантаторов, он обращался к кули: «Вы сначала снимите урожай с сахарных тростниковых плантаций, а потом бастуйте в интересах пассивного сопротивления», он убеждал рабочих, чтобы они бастовали на шнейдеровских копях, но не на копях других владельцев. И наконец он говорит: «Мне странно, что братья-бастующие удивительно морально и хорошо себя держали». Это показывает, как «святой» с глубочайшим недоверием относится к массам. На плечах рабочих масс, двинутых Ганди, ему удалось добиться маленьких уступочек. Поднялось движение не только среди индусских рабочих, но и среди европейских, и одновременно у правительства возникли опасные осложнения с цветным негрским населением. Благодаря этому Ганди добился кое-каких уступок у Смитса, которые впрочем очень быстро были взяты назад колониальным правительством. Вот практическая деятельность Ганди, а за сим следует его теория.

Уже упоминалось о том, что в самом начале книги «Indian Home Rule» говорится о важнейшем пункте теории гандизма—отрицании насилия. Далее следует апология старых деятелей конгресса—модератов и наконец развивается социальная идеология Ганди. Он осуждает западную цивилизацию—черный век машин, но формулирует свою мысль так: и индусы страдают от проклятой западной цивилизации, и англичане, бедные, тоже от нее страдают, и те и другие одинаково страдают. Это любопытный момент. При такой формулировке стирается различие между колониальной Индией и империалистической Англией. Это первое. Второе,—если мы страдаем от цивилизации, то конечно надо бороться не против англичан, не против английского владычества, а против этой цивилизации. Ганди подробно останавливается на критике аморальной западной цивилизации. Больше всего поражают воображение Ганди железные дороги—рассадник чумы, заразы и т. д. Он нападает немножко и на адвокатов. Он говорит, что адвокаты распространяют ссоры, на них они и наживаются. Он нападает и на докторов: доктора лечат только тело, но не лечат душу. Госпитали—рассадник всякой мерзости. В этой формулировке совершенно

стирается различие между колониальной Индией и империалистической Англией. Ведь если в Англии «проклятая западная» цивилизация представлена машинами и капиталистами, то в Индии эта цивилизация дает себя знать не только железными дорогами и портами, она выступает в лице определенных классовых врагов, она представлена ростовщиками, помещиками, скупщиками, которые сидят на крестьянстве. Об этом в учении Ганди нет ни одного слова. Но самое изумительное—он не нападает сколько-нибудь решительно и на жречество.

В чем состоит идеал Ганди? Идеал состоит в следующем: надо создать такое образцовое общество, где человек мог бы самым легким и удобным путем самоусовершенствоваться и исполнять свой долг. Долг этот абстрактно постулируется при помощи противопоставления духа—материи. Общество, в котором этот дух может с наибольшей легкостью развиваться, общество, где меньше всего грехов,—это общество, основанное на кастовом строе, правда, несколько реформированном и смягченном (вместо 3 или 4—7 тысяч каст, которые сейчас имеются в Индии, остаются всего 4 касты, отменяется «неприкасаемость» и т. п.). Должно вернуться натуральное хозяйство; идеал—восстановление ручного ремесленного труда.

И наконец в этой книжке Ганди отрицает капиталистический путь развития Индии, т. е. отрицает необходимость и важность создания в Индии своей собственной промышленности. Он говорит следующее: «Лучше послать деньги в Манчестер и употреблять грязные манчестерские ткани, чем множить фабрики на священной почве Индии». Именно это место в гандизме заставляет сделать заключение, что в тот период Ганди, вращавшийся в среде индусского торгового капитала Южной Африки, ближе всего стоял все же к торговой буржуазии. Впоследствии, в связи с общей эволюцией Индии, его установка меняется. Но после всего сказанного нетрудно сделать вывод о том, в какой степени серьезно стремился Ганди к изображенному выше идеалу.

Здесь же уместно формулировать основное различие между Ганди и Толстым. Ленин давал оценку толстовства, исходя из характеристики классового сознания крестьянства, находящегося в периоде ломки старого патриальхального уклада, когда еще окончательно не сложился новый капиталистический строй, когда крестьянство, с одной стороны, страдает от всех бед капитализма и, с другой стороны, еще не понимает движущих путей этого процесса, не понимает правильно путей революционной борьбы. «Толстой,—говорит Ленин,—отразил наболевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого и незрелость, мечтательность политической невоспитанности, революционной мягкотелости. Историко-экономические условия объясняют и необходимость возникновения революционной борьбы масс, и неподготовленность их к борьбе, толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей

причиной поражения первой революционной кампании [7]». Но вместе с тем Ленин не отказывает Толстому в том, что он отразил основные противоречия, объективно существовавшие тогда в крестьянской среде. Толстой был правильным зеркалом назревшей крестьянской революции, он был выразителем чаяний и надежд крестьянства в период от падения крепостного права до начала первой революционной кампании. И Ленин говорит, что на известном историческом этапе толстовство, несмотря на свои реакционные настроения, могло играть революционную роль своей критикой земельных отношений, старого русского помещичьего феодального уклада, издевательством над комедией суда, беспощадным изобличением официального поповства.

Если мы сравним Толстого с Ганди, то первое, что нас поразит в последнем, это отсутствие революционной, критической части учения, которая в колониальных условиях должна была прежде и больше всего обрушиться на феодальный земельный строй, на власть феодальных принцев, владевших $^1/_3$ всей земли Индии; она должна была разоблачить кровососов-ростовщиков, помещиков, сидевших на крестьянстве, классовый характер английской юстиции, стоящей на защите этих ростовщиков, и наконец те кастовые пережитки, которые сознательно консервировались английским правительством. Английские полисмены бьют дубинкой по головам тех членов касты, которые не сгибаются в три погибели перед членами высшей жреческой касты. Английские полисмены охраняют индийские храмы для того, чтобы низшие касты туда не могли проникнуть. И вот в этих условиях наш Ганди совершенно воздерживается от критики, он даже не говорит ни слова о земельных отношениях, если не считать идеи «золотого века», к которому он на самом деле не стремится.

Конечно Ганди дает нам кастрированное толстовство, толстовство, лишенное его критической части, игравшей на определенном этапе известную революционную роль. Ганди отражает не крестьянские настроения, а попытку оппозиционного помещика подделаться под крестьянскую идеологию в «патриархальном» духе. Для этого он беспощадно вытравляет из крестьянской идеологии все отзвуки приближающейся аграрной революции, он препарирует, перерабатывает ее в индусский либеральный национал-реформизм. Вот что такое гандизм. И вместе с тем в нем полностью сохраняется реакционная утопическая часть этой идеологии, сохраняется та реакционная оболочка, в которой на определенном историческом этапе протекала крестьянская борьба.

Самое любопытное то, что Ганди находится под большим влиянием Рёскина, сторонника облагораживания капиталистической эксплоатации, того Рёскина, который был предвестником известного законодательства Ллойд-Джорджа, который проповедывал паек для старых рабочих и

[7] Ленин. Соч.. т. XI. с. 117.

утверждал, что собственность связана с выполнением долга. Перенесенные на индусскую почву, эти слова Рёскина—«собственность хороша, ее надо только облагородить»,—являются прикрытием ростовщика, его прав на собственность. Здесь Ганди отразил не только неподготовленность крестьянских масс к борьбе, но и четкий классовый интерес индусского национал-реформизма, почуявшего приближающуюся аграрную революцию и создавшего такого рода идеологию, которая давала бы возможность обезглавить движение с самого начала. Ясное дело, что такого рода идеология была нужна туземной буржуазии не в сравнительно мирное время от реформы Морлея до великой войны; спрос на такую идеологию у туземной буржуазии возник только тогда, когда по-настоящему поднялось крестьянское революционное движение, т. е. в 1919—1922 гг.

С другой стороны, Ганди в этот новый период выступает уже открыто, как человек, стоящий за буржуазное развитие Индии. В предисловии к своей книге в 1924 г. он говорит следующее: «Я сейчас не настаиваю на осуществлении своего идеала в полном объеме, я сейчас не стремлюсь к уничтожению железных дорог, я не имею ничего против авдокатов и врачей. Еще не созрело время для нашего золотого века, нам придется на первое время ограничиться буржуазным парламентом, буржуазным индусским самоуправлением». В этот период Ганди уже выступает за развитие индусской промышленности, выступает за протекционизм, за высокие таможенные тарифы, под охраной которых могла бы развиваться индусская промышленность. И он прибавляет: «Но единственный пункт моего учения, который и сейчас остается в полном объеме и силе,—это ненасильственность». Классовый адресат этой ненасильственности нам уже ясен. Если в первый период своей деятельности Ганди совмещал отрицание на словах буржуазного пути развития Индии и работу на деле в интересах национал-реформизма, то ко второй революции он уже поднимает свое мистическое забрало с той стороны, которая повернута к буржуазии и империализму. Он говорит: «Я, как истинный непротивленец, ненавижу законодательное вмешательство в личные дела граждан, но я голосую обеими руками за введение защитного тарифа против ввоза ланкаширских товаров», и продолжает: «Без парламента, где заседали бы представители народа, мы придем в тупик». Заканчивает он формулой: «Целью нашего движения является достижение не независимости Индии, а независимости от Ланкашира». Еще более определенно он говорит в немецком издании своей книги (книга эта относится еще к 1921 г.): «Основная задача Индии—создать свою промышленность, что совершенно необходимо для ее экономического существования. Таким образом уменьшится вывоз капиталов за границу». Почвой для этих деклараций были: уступки со стороны империализма, обусловленные опасностью революции, бешеный скачок вперед текстильной промышленности Бомбея, ускоренное развитие всей индусской промышленности и усиление роли индусского промышленного капитала. Ганди уже

совершенно открыто выступает за буржуазный путь развития Индии, за создание индусской промышленности.

Одновременно Ганди конкретизирует свою аграрную программу с целью направить индийское крестьянство в русло буржуазного движения. Гандистская программа реакционных утопий, которая была формулирована в книге 1907 г., эта самая милая облатка реакционного учения о «золотом веке», о предстоящем повороте к натуральному хозяйству, была бы теперь уже явно недостаточна для захвата движения масс; нужно было, чтобы индусская буржуазия все-таки пообещала крестьянству что-нибудь конкретное. Так был поставлен гандизмом вопрос о неплатежах и о снижении поземельного налога. В Индии до сих пор колониальное правительство исходит из идеи государственной собственности на землю; колониальное правительство берет тяжелый поземельный налог, облагает всякое улучшение в крестьянском и помещичьем хозяйстве, заставляет помещиков делиться с ним рентой и беспощадно нажимать на индивидуальные крестьянские хозяйства там, где они сохранились. Ганди и выставляет требование отказа от платежа поземельного налога в целях его снижения.

Далее, в качестве филантропического предприятия и реальной зацепки Национального конгресса в индийской деревне выступает ручной ткацкий станок. На самом деле Ганди конечно стоял не за ручной ткацкий станок, а за фабрику, не за интересы туземных кустарей, а за интересы текстильных бомбейских фабрикантов. Но на данный период массам дается взятка: конгресс организует мастерские с ручным ткацким станком. Ганди не только проповедует, он демонстрирует ручной ткацкий станок крестьянству и ремесленникам, как символ: «мы с вами». Ганди одевается в одежду из белоснежной ткани «кхадар», весь конгресс одевается в такие же одежды, все они начинают ткать и вязать.

Это испытанный уже ранее опыт переключения революционной энергии на всякую символику. Это тот же метод, который мы находим во всем гандистском учении. Когда у Ганди спрашивают: «Почему вы сжигаете английскую мануфактуру, когда ее можно раздать беднякам, почему вы сжигаете английские ланкаширские платья, когда в Индии есть нуждающиеся?» Ганди отвечает: дух насилия крепок и силен в стране. Я таким образом переключаю энергию с англичан на английскую мануфактуру». Таким образом тут работает и метод переключения и в то же время другой метод—воздействия: демонстрация того, что конгресс якобы делает что-то реальное для ремесленников и крестьян.

У Ганди в этот период появляется и соответственная рабочая программа. Уже по сути дела понятно, что такого рода манипуляции туземной буржуазии с массовым движением возможны до поры до времени. Они возможны прежде всего в обстановке, когда пролетариат не выступает еще как самостоятельный, крепко сложившийся класс, когда пролетариат не имеет коммунистической партии и классовой идеологии. Эти

приемы в основном рассчитаны именно на крестьянские массы, но не на рабочий класс. Рабочему классу долго не будешь проповедывать учение ненасильственности, учение любви и компромиссов, в такой форме, как его проповедует Ганди, особенно в мистических формах. Но все же Ганди создал и свою рабочую программу. Она сводится к следующим основным положениям: во-первых, рабочие не должны прибегать к насилию, во-вторых, пролетариат путем забастовок не должен давить на волю капиталистов, потому что таким образом он совершает насилие. Дальше Ганди говорит о том, что сверх рабочего времени рабочим должно оставаться и некоторое время для отдыха.

Какой же максимум устанавливает Ганди для рабочего времени? Он устанавливает очень скромный максимум—десятичасовой рабочий день, т. е. максимум, приближающийся к нормам индийского законодательства, которое для некоторых категорий устанавливает тоже десятичасовой рабочий день. Далее Ганди требует кое-каких прибавок для питания, одевания и воспитания детей, а также дарового жилища для рабочих. В общем рабочие должны получать такую зарплату, которая давала бы им возможность отложить на черный день или на смерть. Вот та скудная программа для рабочего класса, которую Ганди выработал в этот период.

Зато с несравнимой силой распухает та часть гандистского учения, которая говорит о том, чего массы не должны делать. Если задать вопрос Ганди о причинах, почему учение ненасильственности с такой страстностью, с такой красноречивостью проповедуется в подымающейся Индии, то ответ Ганди можно найти в его многочисленных сочинениях. «Если методы ненасильственности не победят, то через несколько лет большевистская революция осквернит священную почву Индостана», писал наш святой в 1919 г.[8]. В 1922 г. было написано по поводу рабочих беспорядков: «Только проповедь ненасильственности является уздой на противозаконные элементы». И позже: «Сейчас в пользу насилия (революционного насилия масс—*И. Р.*) поднялись такие мощные течения, что я горячо молюсь об уничтожающем, решительном поражении движения в целом»[9]. А когда предательство вождей с Ганди во главе, неорганизованность масс и белый террор действительно привели к разгрому индийской революции, о чем так горячо молился Ганди, то наш святой с облегчением воскликнул: «С отказом от продолжения движения я почувствовал какое то избавление от давящей тяжести неправды и греха. За тюремной решеткой я сейчас эгоистично наслаждаюсь тишиной и спокойствием, мною действительно заслуженными»[10].

Когда жандарм внутреннего духа—ненасильственность, когда проповедь пассивного сопротивления, политического вегетарианства не помогают, то на этот случай истинная установка национал-реформистов

[8] «Речи и сочинения», т. I, с. 334.
[9] Там же, т. II, с. 432.
[10] Там же, с. 427.

заключается в следующем: пусть железная рука империализма давит крестьянство. Лучше поражение революции, чем полная победа масс, победа крестьянства.

Так, после вооруженного восстания ахмедабадских рабочих в апреле 1919 г. Ганди призывает своих последователей помочь колониальным насильникам в их усмирительной работе, разумеется, при известном разграничении функций: «Наша задача состоит в том, чтобы без устали помогать английским властям всеми доступными для нас, как для непротивленцев, средствами в деле восстановления порядка и сокращения беззакония» [11]. 16 апреля 1922 г. тот же самый Ганди благословляет колониальное правительство, как стража порядка. Он с ужасом думает, что делал бы индийский капиталист и помещик, если бы не было английских штыков: «Если бы правительство ушло от власти под влиянием нашей агитации, кто мог бы тогда справиться с задачей обуздания элементов беспокойства и анархии, от которых можно ждать самых бесчеловечных жестокостей»[12].

Ганди великолепно понимает всю двойственность позиции индийской буржуазии между молотом революции и наковальней империализма. Но выбор союзника был твердо сделан уже в 1922 г., хотя разумеется союз против революции отнюдь не устранял противоречий между феодально-империалистическим лагерем и национал-реформистами.

Известно, на чем оборвался гандизм в 1922 г. Он оборвался на том, что классовая энергия трудящихся масс, энергия крестьянства в первую очередь, перехлестнула рамки, поставленные гандизмом: движение перешло от неплатежа налогов колониальному государству к неплатежу налогов помещикам, и Ганди благословил контрреволюцию. Этим окончил свою роль Ганди в 1922 г.

Какова же его роль в настоящее время? Сейчас, конечно, имеются значительные изменения в расстановке индийских классовых сил. Во-первых, крестьянство прошло чрезвычайно жестский опыт 1919—1922 г. Крестьянство не ударило палец о палец, когда в 1922 г. Ганди посадили за тюремную решетку после того, как он предал крестьянское движение. Крестьянство великолепно учло все обстоятельства. Оно не забудет многочисленных посланий Ганди к революционному крестьянству, где он требует, настаивает и грозит, чтобы крестьянство платило ренту помещикам, выполняло барщину на помещиков и отказалось от революционной борьбы против помещиков. Если внимательно проследить историю тех стихийных вспышек, которые происходили в среде крестьянства Индии за последние два года, то получится достаточно яркая картина, что нынешнее индийское крестьянство стоит уже на более высокой ступени, чем оно стояло до 1919—1922 г. В Индии было уже движение, направленное не только

---

[11] «Речи и сочинения», т. I, с. 412.
[12] Там же, т. II, с. 423.

против платежей налогов и в частности—соляного налога, но и против феодальной барщины в одном из туземных государств. Конгресс долго этому движению противился и в конце концов должен был его разрешить.

Далее крестьянское движение начинает перерастать в движение против помещичьего землевладения. В 1929 г. была очень интересная крестьянская конференция на юге Индии, вынесшая резолюцию против феодального землевладения помещиков-кхотов; в ней говорилось, что под феодальным гнетом помещиков-кхотов крестьяне живут хуже, чем жили рабами. Таким образом понятно, почему объектом гражданского непротивления конгрессом был избран соляной, а не поземельный налог, который в общей экономике крестьянского хозяйства имеет более важное значение, но который так легко может переступить черту неплатежа ренты помещику. С другой стороны, здесь уже с самого начала сказалась общая установка конгресса и Ганди: выбрать объекты, при которых лучше всего можно использовать массовое движение против империализма, и в этом отношении конгресс развивает громадную работу, и промышленный капитал явно и определенно это движение поддерживает и финансирует.

Второй момент. Вырос революционный пролетариат, который в известной своей части освободился от реформистского руководства, индусский пролетариат выступает, как гегемон революции. Таким образом теперь уже сужена свобода маневрирования индусского национал-реформизма. Сужена тем, что кроме предательского руководства национал-реформизма еще слабо, но сильнее с каждым днем начинает осуществляться и пролетарское руководство крестьянским движением.

Третья отличительная черта сложившейся ныне политической ситуации заключается в том, что национал-реформизм заключил прочный союз с империализмом для подавления пролетарской революции. Хорошо известно, что законы фашистского образца против профсоюзов, законы о высылке английских коммунистов из Индии, законы, устанавливающие принудительный арбитраж в интересах капиталистов,—все они проводились и голосами национал-реформистов. И когда «кроткого» Ганди спрашивали о том, как он может допустить, что бомбейские рабочие голодают и их жены и дети умирают от голода, он ответил: «Почему их мужья не становятся на работу»? Здесь заключительный момент—сам национал-реформизм противопоставляет себя революционному пролетариату.

Далее особенность положения гандизма в наши дни по сравнению с тем, что было в 1919—1921 гг., определяется еще большим упрочением связей между ним и туземным промышленным капиталом. Несравненно ярче формулируется промышленный характер требований Ганди. В письме к вице-королю на первом месте он ставит требование отмены питейной монополии, на втором месте—требование уничтожения дефляции рупии и снижения курса рупии, что отвечало бы интересам индийской промышленности, затем требование протекционных пошлин в защиту индийской

промышленности и, наконец, требование о резервации за кораблями под индийским флагом каботажного плавания.

Индийская буржуазия сейчас гораздо острее чувствует давление империализма в связи с экономическим кризисом. Она вступает в движение в период кризиса. Бомбейские фабрики потерпели громадные убытки. Индийские капиталисты разоряются, и это настраивает их против империализма и создает у них оппозиционные настроения. Туземная буржуазия в настоящее время поддерживает движение Ганди более открыто, чем она поддерживала его десять лет назад.

Наконец, я думаю, что мы недооценили—во всяком случае для бомбейского президентства—роли зажиточного крестьянства. Здесь Ганди опирается на значительную часть зажиточного крестьянства. Достаточно внимательно проследить за газетными телеграммами для того, чтобы видеть правильность этого вывода. На данной стадии движения громадное участие в нем принимают мелкобуржуазные слои, по которым кризис ударил с неслыханной силой, который усилил их разорение, усилил их критическое положение, вызвал среди них большое недовольство. Гандизм сейчас гораздо шире развернулся, обладает большей организацией, но вместе с тем гораздо больше боится аграрной революции и принимает, насколько в силах, все меры, чтобы движение революционного крестьянства направить по своему руслу. Прошло только два или три месяца с начала индийского соляного похода, и уже наступает подъем движения крестьянства. Крестьянство не только фактически отменило соляную монополию в ряде провинций Индии, но оно захватывает леса, выгоны, луга. Оно требует передачи в свои руки угодий, отобранных у общин империализмом и сданных в аренду ростовщикам. Как Ганди относится к этому движению? Он высказывается против него, он запрещает это движение.

В результате изменившихся условий Ганди на настоящем этапе, во-первых, в значительной степени освобождает свое учение от мистической оболочки; во-вторых, он выступает сейчас гораздо более открыто и решительно как буржуа, т. е. в большой мере сбрасывает с себя одежды святости. В-третьих, под напором масс буржуазия и национал-реформизм вынуждены более четко формулировать цели движения. Они уже отказались от идеи доминион-статуса и говорят,—конечно, только говорят,— о том, что они борются за независимость. При данном положении вещей господство кампании пассивного неповиновения занимает очень короткий промежуток времени: прошел всего лишь месяц или полтора с начала гандистской кампании до полного перехлестывания массового движения через гандизм, в то время как в прошлую революцию гандизм сумел удержать руководящее влияние на массовое движение в течение года или полутора.

Таким образом гандистская идеология и гандистская практика являются идеологией и практикой туземной буржуазии, которая уже в

настоящее время выступает в тесном блоке с помещичьими и феодальными слоями Индии,—уже на настоящем этапе туземная буржуазия гарантирует неприкосновенность феодальных княжеств Индии, так же, как она гарантирует сохранение самого худшего феодального пережитка— помещичьей собственности. Идеология гандизма, зародившаяся в значительной степени как идеология торгово-капиталистическая, совмещавшая реальное сотрудничество с английской властью с использованием массового движения для получения уступочек, стала в первую революцию 1919—1922 гг. идеологией национал-реформизма в целом, который еще надеялся притти к власти, оседлав соответственным образом массовое движение, причем заранее самой программой гандизма было решено и предопределено предательство этого движения. И в настоящее время гандизм представляет собой самую отвратительную реакционную идеологию блока туземной буржуазии с феодальными слоями, противостоящую революции.

ДОКЛАДЫ В ОБЩЕСТВЕ

ДИСКУССИЯ О ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

Редакция «Историка-марксиста» отмечает как положительное явление начало работ группы по истории германской с.-д. при секции эпохи империализма Института истории. Историкам запада необходимо однако радикально изменить темпы работы и перенести центр тяжести ее на актуальные проблемы международного рабочего движения.

Выяснить путь германской с.-д. от революционной партии пролетариата к социал-оппортунизму и через социал-патриотизм к социал-фашизму—наша очередная задача. Для этого необходимо гораздо более внимательно, чем до сих пор, изучать ленинское наследство, решения партийных съездов и конгрессов Коминтерна, высказывания т. Сталина. Только при этом условии, мы сможем достигнуть строго научного изучения конкректного исторического материала. Необходимо систематически изучать не только протоколы партейтагов, публицистику и прессу эпохи, необходимо выяснить социальный состав и рост немецкого пролетариата до и после войны, необходимо изучить весь сложный путь развития империалистической Германии, создающий условия для торжества пролетарской революции.

Приступая к этой работе, необходимо помнить о двух возможных опасностях.

Одна из них заключается в тенденции трактовать германскую социал-демократию как оппортунистическую партию на всех стадиях ее развития. Такая установка противоречит ленинизму и не дает возможности изучить процесс диференциации в рядах германского социалистического движения, мешает понять историю возникновения и роста коммунистической партии. Характерно, что на этой точке зрения стоят Корш и «левый» Брокшмидт, ныне член социал-фашистской партии.

Вторая, не менее серьезная опасность заключается в недооценке того процесса оппортунистического перерождения верхушки немецкого пролетариата и его вождей, которая проявилась еще во времена Энгельса. Успехи ревизионизма рано начали влиять на политику всей немецкой партии. И если центр в германской социал-демократии образовался примерно к 1910 г., то центризм, центристские колебания партийного руководства восходят к выступлениям Э. Бернштейна.

Обе эти ошибки получили свое отражение в нашей литературе по истории германской соц.-демократии, как читатель убедится из стенограммы; борьбу с этими двумя уклонами мы должны повести решительным образом, одновременно подвергнув критическому разбору оппортунистические высказывания правых и троцкистов.

Товарищи, специально изучающие историю левого крыла германской с.-д., не должны забывать, что только большевизм был зародышем Коминтерна в рядах II Интернационала. Выяснение роли ленинизма на международной арене должно стать одной из наших ответственнейших задач.

Ниже печатается сокращенная стенограмма дискуссии, состоявшейся в Институте истории Комакадемии в связи с докладом т. Вакса по истории германской с.-д.

Редакция.

Г. Вакс

О СТАТЬЕ т. ЗИНОВЬЕВА ПО ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ В т. XVI БСЭ [1].

Тема, которую мы сегодня будем обсуждать, имеет для нас тот интерес, что она затрагивает целый ряд методологических проблем, касающихся истории новейшего рабочего движения. Вне зависимости от того, как ставит и решает эти вопросы в своей статье т. Зиновьев, нам будет очень интересно обменяться мнениями по вопросу о трактовке этих проблем.

Первый вопрос—это относительно методологического подхода к изучению рабочего движения вообще и в частности к изучению истории ГСД. Прежде всего надо установить те методологические предпосылки в подходе к истории рабочего движения, которые выработал ленинизм. Основным и существенным, чего требует ленинизм от истории рабочего движения, является анализ борьбы тенденций в самом рабочем движении. При всякой трактовке истории рабочего движения ленинизм всегда исходит из того факта, что в рабочем движении на всем протяжении истории его развития мы имеем дело с борьбой двух тенденций: мелкобуржуазного и пролетарского, оппортунистического и революционного. «Во всех капиталистических странах,—писал Ленин,—пролетариат неизбежно связан тысячами переходных ступеней со своим соседом справа: с мелкой буржуазией. Во всех рабочих партиях неизбежно образование более или менее ярко обрисованного правого крыла, которое в своих взглядах, в своей тактике, в своей организационной «линии» выражает тенденции и мелкобуржуазного оппортунизма» [2]. В другом месте он говорит: «Неизбежность ревизионизма обусловливается его классовыми корнями в современном обществе. Ревизионизм есть интернациональное явление... В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев» [3].

Такой подход к истории рабочего движения, который всегда отмечает эти две борющихся тенденции, был чужд историкам не большевикам и всем вообще идеологам II Интернационала. Если мы возьмем для примера работу Меринга «История германской социал-демократии», то увидим, что хотя Меринг сам принадлежал к левому

---

[1] Доклад и прения были заслушаны на заседаниях секции истории империализма Института истории Комакадемии от 26 марта и 13 апреля 1930 г.

[2] Ленин, Собр. соч., т. XII, изд. 2-е, с. 70.

[3] Ленин, Собр. соч., т. XII, изд. 2-е, с. 188—189.

крылу, у него нет представления о том, что рабочее движение надо именно так рассматривать. Для него рабочее движение в основном как будто бы представляется единым. Борьба правого и левого крыла, которая в нем происходит и которую сам Меринг констатирует на ряде отдельных фактов, для него не является борьбой этих двух тенденций. Я приведу два примера, как Меринг расценивает ревизионистов и марксистов. «Ревизионисты и марксисты,—говорит Меринг,—пустая кличка...» и дальше: «...больше чем настроением ревизионизм никогда не был в Германии»[3]. Таких примеров можно было бы привести много.

Сейчас само собою разумеется, что на разных этапах борьба этих двух тенденций проявляется разно. Меняется социальная база оппортунизма, методы и формы борьбы. В период 1914—1917 гг. в своем анализе корней и причин краха II Интернационала Ленин дополнил и развил учение об оппортунизме в том смысле, что установил связь оппортунизма на новейшем этапе с империализмом, в частности—с созданием рабочей аристократии.

Кроме того, и это имеет особое значение для сегодняшней нашей темы, Ленин установил, что в течение всей прошлой эпохи, эпохи II Интернационала, так называемый ортодоксальный марксизм, официальный марксизм II Интернационала искажался и подвергался опошлению в ряде существенных вопросов. Это указание Ленина, которое он делает в «Государстве и революции», несомненно является важной методологической установкой, которой каждый марксист должен руководствоваться. При изучении рабочего движения эпохи империализма мы не можем ограничиться тем, что будем просто делить рабочее движение на два крыла—на правое и левое. Это будет деление грубое, неточное, поскольку оно касается большинства партий II Интернационала. Почему? Потому, что не во всех партиях произошло полное размежевание, как у нас, на большевиков и меньшевиков. В России можно прямо говорить о борьбе оппортунистического и революционного течений. Но в отношении II Интернационала, где такого размежевания не произошло, где, особенно начиная с XX столетия, шел процесс перерождения и загнивания так называемого ортодоксального крыла, такое деление было бы неверным и неточным. Внутри официального марксистского крыла идет процесс размежевания: с одной стороны, окончательно оформляется долго господствовавший в партии центр, с другой, происходит процесс отпочкования и создания левого, настоящего пролетарского крыла. Поэтому при исследовании истории рабочего движения этой эпохи сугубо важно помнить о том факте, который вскрыл Ленин, что в этот период марксизм искажался вождями II Интернационала, в частности — теоретиком Каутским. Отходить от этого положения ни в коем случае нельзя. Мне пришлось слышать мнение, что приведенное выше указание Ленина не следует считать оценкой прошлого периода в истории социал демократии. Был, мол, такой период особого незрелого марксизма, это грех эпохи. Тогда еще не было правильного понимания учения о государстве, революции и т. д., все это дал лишь Ленин позже, поэтому неправильно считать такую теоретическую незрелость оппортунизмом. Этот подход совершенно неправилен и является искажением взглядов Ленина. Ленин отмечает факты искажения марксизма не случайно, он прямо говорит, что, прослеживая корни падения II Интернационала, именно эти факты надо

[3] Меринг, История германской социал-демократии, т. IV, с. 370.

иметь в виду. И даже на такой сравнительно частный факт, как вопрос о религии, Ленин обращает внимание историков. «Будущий историк ГСД,— пишет Ленин в «Государстве и революции», — прослеживая корни ее позорного краха в 1914 г., найдет немало интересного материала по этому вопросу (по вопросу об отношении социал-демократов к религии— *Т. В.*), начиная от уклончивых, открывающих настежь двери оппортунизму заявлений в статьях идейного вождя партии Каутского и кончая отношением партии к «Los von Kirche Bewegung» (движению к отделению от церкви в 1913 году)» [4]. Говоря о колебаниях Каутского перед выступлением против Бернштейна, Ленин говорит, что эти факты нельзя обойти, если ставить себе задачей проследить, как скатился Каутский к защите социал-шовинизма в 1914 г. [5].

Как видите, замечания Ленина не являются чем-то случайным, они являются руководящей линией, которой историки должны твердо придерживаться в трактовке новейшего рабочего движения.

Изучение истории рабочего движения, в частности ГСД, у нас в Советском Союзе пошло именно по тому пути, который указывает Ленин в своей работе «Государство и революция». В данном случае особая заслуга принадлежит т. Лукину, который в своих «Очерках по новейшей истории Германии» дал впервые полное применение именно этих указаний Ленина. Он проследил там не только ошибки и оппортунистические грехи правого крыла, но и те искажения марксизма, которые имелись у так называемого ортодоксального, официального крыла партии, у направления Бебеля—Каутского. В дальнейшем, идя по тому же пути, наша марксистская историческая разработка отдельных вопросов германского рабочего движения дала ряд ценных и плодотворных результатов. Мы не можем, правда, сказать, что у нас имеется уже полная ясность во всех частях схемы истории ГСД; тут еще много спорного, но мне кажется, что в смысле методологии и установления общих вех самое важное сделано.

Статья т. Зиновьева является исключением. Она фактически возвращается назад к постановке проблемы, характерной для Меринга. Надо впрочем сказать, что четко выявленной линии у Зиновьева нет. С одной стороны, он вынужден отмечать оппортунистические ошибки, с другой стороны, старается их смягчить и представить в не совсем правильном свете. Самое характерное и основное для статьи Зиновьева это то, что у него нет схемы, нет последовательности. Той четкости установки, которую дал Ленин и которая фигурирует в наших дальнейших работах по истории ГСД, у него не имеется. Фактически он с этим подходом не согласен и полемизирует против него, хотя и не совсем прямо. Внешне т. Зиновьев спорит лишь против взгляда, будто «Бебель всегда был филистером» или что «Каутский никогда не был марксистом» [6]. Если бы т. Зиновьев выступил лишь против такого взгляда, то тут не о чем было бы спорить. Но в дальнейшем изложении он на деле идет дальше. Он пытается показать, что крыло, представленное Бебелем и Каутским, было ортодоксальным, революционным; проблемы центризма у него нет. Мне кажется, что в этом вряд ли можно согласиться с т. Зиновьевым. Я попытаюсь в дальнейшем отметить ошибки т. Зиновьева и попутно высказать свое мнение по данному вопросу.

---

[4] Ленин, Собр. соч., т. XXI, изд. 2-е, с. 422.
[5] Там же с. 443.
[6] БСЭ, т. XVI, с. 288.

Я остановлюсь главным образом на периоде после объединения партии в 1875 г. Что касается характеристики лассальянства, то здесь я хочу отметить только следующее. Тов. Зиновьев правильно оценивает лассальянство, вопреки Мерингу прямо указывая, что лассальянство является течением оппортунистическим. Но надо сказать, что оценка и критика лассальянства у него все же недостаточно четко и отчетливо проведена в том смысле, что не выпячен вопрос об отношении Лассаля к вопросу о государстве и революции. Он как-то глухо говорит о фетишизировании парламента, о мелкобуржуазном взгляде на всеобщее избирательное право. Мне кажется, что в данном случае нужно было пойти по тому пути, по которому пошел Маркс в «Критике Готской программы». Этот пробел—недостаточно четкая постановка вопроса об отношении лассальянства к вопросу о государстве и революции—тем более чувствителен, что т. Зиновьев в том месте, где он говорит о Готской программе, почему-то совсем уклонился от изложения ее содержания. Он ограничивается упоминанием, что это «документ первостепенной важности». Что Маркс критиковал уступки лассальянству, это верно. Но изложение «Критики Готской программы» нужно было дать также для понимания того, что же представляла собою партия в период объединения в теоретическом отношении, каков был идейно-политический уровень партии, какова была ее программа. Между тем т. Зиновьев, ограничившись общим местом, что Маркс критиковал уступки, не дал критики лассальянского понимания государства, революции и диктатуры пролетариата. А именно по этой линии и развивался основной порок ГСД, начиная с этого момента и по настоящее время. Этим замечанием хочу ограничиться по этой части статьи.

В отношении периода «исключительных законов» я должен отметить, что эта часть статьи т. Зиновьева безусловно не стоит на уровне тех исследований и тех материалов, которыми мы теперь располагаем для этого периода. Хотя т. Зиновьев говорит, что работа Меринга безусловно устарела и взгляды Меринга нужно во многом пересмотреть, на деле он к этому пересмотру не приступает и фактически рассматривает этот период почти под тем же углом зрения, как это делает Меринг. В чем состоит неправильность освещения этого периода т. Зиновьевым? Мне кажется, неправильность заключается в том, что во главу угла своего исследования он не положил анализа борьбы течений этого периода. Вы найдете в этом отделе изложение того, как партия проводила нелегальную работу и как она была организована, какие были избирательные кампании, и только в конце, как о чем-то побочном и второстепенном, говорится, что период исключительного закона «сопряжен был с острыми внутрипартийными разногласиями». Появилась оппозиция справа, стремившаяся ограничить всю деятельность партии «законодательной» работой в рамках бисмарковс ой легальности. Маркс и Энгельс вели резкую борьбу против этих оппортунистических «веяний», говорит Зиновьев и в доказательство цитирует переписку Маркса и Энгельса. Верно, конечно, что Маркс и Энгельс вели борьбу с оппортунистами, и нельзя преуменьшать ее значения. Но нам интересно было бы узнать, как партия сама относилась к этому правому течению, как Бебель—Либкнехт и вообще руководящие органы относились к ним. Какую роль в жизни партии, в ее развитии и дальнейшей деятельности играло это правое течение, были ли его выступления чем-то случайным, или сказались на общей линии партии.

Рассмотрим некоторые факты. Мы знаем, что вначале руководящие органы партии не склонны были к переходу на нелегальную работу, что они долгое время выжидали, делали кое-какие попытки к тому, чтобы смирением, законопослушанием добиться отмены законов. Мы знаем ряд фактов и утверждений с разных сторон, что Бебель и Либкнехт долгое время были против организации нелегальной газеты и что нелегальная газета была ими создана в значительной мере для противодействия газете «Freiheit»,издававшейся Мостом. Блос в своих мемуарах [7] прямо говорит, что газета «Социал-демократ» была основана для того, чтобы «противодействовать тому злу, которое вносила «Freiheit» (газета Моста), расходившаяся в Германии в огромном количестве экземпляров». Это признает и ряд других лиц независимо от их оценки этого периода. Тов. Зиновьев говорит глухо о замешательстве, но не указывает, какова была позиция у Бебеля в этот период. Характерно, что у Ленина в довоенных работах этот момент отмечен. В одной из своих статей Ленин писал [8]: «Кто говорит — у нас нет Бебелей, тот не знает истории немецкой партии, тот не знает, что было время, когда при исключительных законах делал оппортунистические ошибки Август Бебель и партия исправляла эти ошибки, партия направляла Бебеля». Вы видите, что еще в довоенных работах Ленин считал важным отметить этот факт. Точно так же у Меринга в первом издании было указано, что массы исправляли вождей. Во втором издании Меринг снял эту формулу по настоянию Ауэра и Бебеля. (Об этом он говорит в т. IV на с. 379).

Теперь о характеристике развития партии в период исключительных законов. Мне кажется, что и здесь нужно было подчеркнуть и выдвинуть на первый план именно борьбу течений, ибо, — повторяю — правое крыло складывалось и развивалось уже в этот период. Дальше мы наблюдаем в этот период элементы примиренчества со стороны руководящих органов, со стороны Бебеля и в особенности со стороны Либкнехта, ибо Бебель все-таки умел прислушиваться к массам, умел понимать массы, был чуток и быстро реагировал. Как бы мы ни оценивали значение и степень важности этих фактов, обойти их нельзя.

Было бы совершенно неправильно считать, что оппортунистические вылазки, которые мы имеем в этот период, носят случайный характер. Что тут были споры по тем или иным отдельным вопросам, это мы знаем от Меринга. Мы знаем, что фракция отмежевывалась от позиции нелегальной газеты, знаем, что были иногда патриотические выступления, знаем ряд споров о субвенции и т. д. Но имеем ли мы здесь дело с отдельными эпизодическими выступлениями или же с постепенно оформлявшейся правой оппозицей и созданием сплоченного правого крыла? Протоколы этого периода дают кое-какой материал для ответа. Но надо иметь в виду, что они писались с расчетом на то, что могут попасть в руки полиции, поэтому мы полной картины борьбы течений из них получить не можем. Имеется теперь и более полный материал. Сошлюсь на работу Кампфмейера [9]. Он излагает дебаты на одной тайной конференции в Цюрихе, которая состоялась 14 августа 1882 г. Я передам это изложение потому, что здесь борьба с оппортунистами приняла резко принципиальный характер. Тут не было споров по мелким вопросам, а стоял вопрос ребром, вопрос о революции. Вот как Кампфмейер излагает эти споры на конференции:

[7] Blos, Denkwürdigkeiten, S. 254.
[8] Ленин, Собр. соч., т. XIV, изд. 2-е, с. 589.
[9] Kampfmeyer, Unter dem Sozialistengestz.

«На цюрихском совещании, — пишет Кампфмейер, — радикалы и умеренные резко противостояли друг другу». Правые: Блос, Ауер, Гейзер ставят вопрос ребром, они выступают против идеи революции, проповедуемой в газете «Социал-демократ» [10].

Кампфмейер так излагает ход этих прений: «Блос, издеваясь, говорит про революцию, что это дележ шкуры неубитого льва. Развязывание страстей, считает он, может иметь при некоторых обстоятельствах плохие результаты».

«Фроме считает опасными пророчества о близком крахе (о революции) и выступает против оскорбительных личных выпадов «Социал-демократа» против властей (Behörde)».

Гейзер указывает, что культурное развитие совершается и без революции. «Пусть не выдвигают революцию, как последнее средство к осуществлению наших целей». Ауэр советует «Социал-демократу» зарубить себе на носу поведение Моста и его газеты и сделать соответствующие выводы и т. д.

Мы видим, что правые повели атаку против основной принципиальной линии партии. Каково же было поведение другого крыла? Бебель и Бернштейн выступили в защиту линии газеты. Но уже Либкнехт (судя по краткому изложению Кампфмейера) выступил определенно примиренчески, говоря, что «Социал-демократ» должен уберечь членов партии от разочарований 1846 г.; никто, мол, не может сказать, когда придет революция. Совещание приняло резолюцию Ауэра—Блоса [11] о том, что редакция подчиняется партийной организации; это означало несомненно победу правых, ибо в руководящей партийной инстанции, во фракции правые задавали тон. Такие же споры мы наблюдаем и на Копенгагенском партейтаге, где Гейзер напр. говорил, что «так как сделать революцию нельзя, то невозможно ее и подготовлять» [12], т. е. партия должна поставить крест на самой идее революции.

Общие экономические и политические условия периода исключительного закона вели к полевению и радикализации рабочих масс, и поэтому оппортунистические тенденции не могли восторжествовать уже в это время. Однако удельный вес правого крыла был весьма значителен, и в верхах партии как будто заметно даже его усиление. Во время споров по вопросу о субвенции пароходовладельцам из 24 депутатов рейхстага 18 пошли за правыми, и лишь меньшинство—6—за Бебелем.

Во время этих споров фракция рейхстага фактически раскололась, правые сплотились и тайно сорганизовались в отдельную фракцию; они имели свои отдельные от меньшинства фракционные совещания как об этом рассказал Бебель в 1912 г. на Хемницком съезде партии [13]. При этом важно то обстоятельство, что направление Бебеля—Либкнехта, которое вело в основном правильную линию и давало отпор оппортунистам, все же обнаруживало по отношению к ним большую терпимость и вместо решительного их разоблачения добивалось улаживания спорных вопросов путем сглаживания их принципиальной остроты, путем соглашений и уговоров. Энгельс писал в 1887 г., что оппортунисты терпимы в партии «вследствие исключительного закона и что в первый же день, в который партия легче вздохнет, они будут из нее выброшены».

---

[10] Kampfmeyer, Unter dem Sozialistengesetz, S. 211.
[11] Ibid., S. 212—213.
[12] Ibid., S. 216.
[13] «Protokoll... Chemnitz 1912», S. 391—392.

Однако этот взгляд Энгельса, что правое крыло нужно будет при благоприятных условиях отсечь, вряд ли разделялось официальными кругами партии [14]. И хотя в борьбе против оппозиции слева—Моста—направление Бебеля—Либкнехта было право, однако непримиримая борьба с левыми и их отсечение наряду с терпимым и снисходительным отношением к правым элементам обнаруживало известную тенденцию, которая в дальнейшем должна была повлечь за собою определенные последствия в смысле искривления основной революционно-классовой линии партии. Рабочие массы толкали вождей влево, под их давлением (оппозиция в берлинской организации, выступление 90 во Франкфурте и др.) вожди партии были вынуждены перейти к более решительной борьбе с правыми, к более левому курсу политики и тактики.

Для правильного понимания позднейшей эволюции партии важно учесть и проанализировать именно эти тенденции и не следует, как это делает т. Зиновьев, ставить на первый план изложение форм и методов ведения нелегальной работы и избирательных кампаний.

Перехожу к следующему периоду, к периоду после падения исключительных законов. Если в отношении предыдущей части работы т. Зиновьева можно было говорить о недостаточно резкой, недостаточно четкой постановке вопроса об оппортунизме и примиренчестве, то в отношении данного раздела надо прямо сказать, что т. Зиновьев очевидно вполне сознательно замазывает оппортунистические моменты истории партии и явно прикрашивает факты. Это вытекает из определенной установки, определенного методологического подхода. Возьмем напр. вопрос о борьбе партии с Бернштейном.

Как характеризует т. Зиновьев борьбу партии с Бернштейном? Мы знаем на основании целого ряда фактов, что эта борьба была недостаточна как теоретически, так и практически. Мы знаем из работ Ленина, что Каутский в частности сделал здесь крупные принципиальные ошибки в вопросах о государстве, революции и в основном вопросе—о диктатуре пролетариата. Тов. Зиновьев конечно об этом знает. А между тем попробуйте у него найти хоть одно слово по поводу этих фактов! Схема борьбы партии с Бернштейном по Зиновьеву получается такая: выступил Бернштейн, против него выступили Каутский, Бебель и др., и наконец партия осудила его теории. Тов. Зиновьев приводит резолюции, принятые на Ганноверском и Дрезденском партейтагах. Вот и все. Таким образом получается, что все обстояло прекрасно.

Такая постановка резко отличается от той, которая дана Лениным. Ленин отмечал факты недостаточной борьбы с ревизионизмом как важный момент в общей цепи причин, ведших к перерождению партии.

Затем несколько слов относительно Каутского. Вне зависимости от наших общих его оценок,—считать ли его марксистом или нет (я лично считаю, что для определенного периода, как это отмечает Ленин, мы должны считать его марксистом),—мы не можем упустить из виду, что к ряду важнейших, кардинальных вопросов Каутский подходил оппортунистически. Об этом нужно помнить, и совершенно недопустимо умолчать об этом. Между тем вопрос о Каутском у т. Зиновьева совершенно смазан. Где-то в одном месте он стыдливо указывает, что у Каутского были моменты каутскианства еще до 1910 г. Но этого недостаточно. Проблему Каутского как официального теоретика германской партии и

---

[14] В письме к Зари от 3/III 1987 г. Энгельс жалуется: «Либкнехт—примиренец, он фразами прикрывает разногласия».

теоретика II Интернационала несомненно нужно поставить со всей ясностью. Возьму один вопрос—отношение Каутского к проблеме революции. Напрасно мы стали бы искать у Каутского четкой постановки этого вопроса.

Конечно Каутского нельзя зачислить по разряду оппортунистов в том смысле, что он прямо отрицает революцию. Каутский так определенно не ставит вопроса. Мы видим у него постоянные колебания между насильственной и мирной революциями. Фактически он постепенно скатывается к теории мирной революции. Даже в тех случаях, когда он говорит о насильственной революции, вопрос о вооруженном восстании от него ускользает. Лишь в одном случае он считает необходимым, чтобы массы перешли к насильственным действиям,—это тогда, когда дело дойдет до покушения на всеобщее избирательное право. Вот примерно основная его концепция.

Эта позиция характерна для него и в лучший его период, когда он стоит на левом фланге партии. В этом отношении чрезвычайно интересны его споры с ревизионистом Мауербрехером в конце 1908 г. в «Neue Zeit». Часть этих статей Каутского вошли в его брошюру «Путь к власти». В 1908 г., когда наметился определенный перелом в партии,—это было после Штутгартского конгресса, когда международные отношения обострились, партия недавно потерпела поражение на выборах и т. д.,—правое течение, в лице Мауербрехера, поставило вопрос ребром: куда партия идет, какой линии, какой тактики она будет впредь придерживаться. Он предлагал партии поставить крест на революции, изменить тактику и в частности пойти на союз с либеральной буржуазией, чтобы таким образом получить кое-что, добиться кое-каких реформ. Мотивирует это Мауербрехер тем, что в Германии сейчас нет революционной обстановки и вообще революция весьма далека.

Его рассуждения, которыми он доказывает, что революция еще очень далека, довольно любопытны. Приобретение политической мощи, захват власти он ставит в зависимость от завоевания большинства населения. Он ссылается при этом на Лассаля, говорившего о большинстве 89—96% и В. Либкнехта. Как же обстоит дело с приобретением большинства, спрашивает Мауербрехер. Он указывает, что с 1887 г. по 1908 г. партия повысила количество избирателей с 6% до 24%. Если для этого результата понадобилось 25 лет, то для того, чтобы повысить процент с 24 до 75%, должен пройти срок, равный жизни целого поколения, да и то для детей еще останется достаточно работы. Иного способа, кроме постепенного завоевания количества голосов на выборах, ревизионист понятно себе не мыслит. Ясно, что мечтать о близкой революции просто утопично. Как Каутский спорит против этого? Он становится на ту же точку зрения арифметики избирательных голосов. Он говорит: Мауербрехер исходит из прошлой статистики, из того, что мы в дальнейшем будем двигаться вперед так же медленно, как раньше. Но,—говорит он,—может быть создана такая ситуация, когда мы увеличим наше количество голосов в 2—3 раза быстрее, по сравнению с прошлым. Именно «этот быстрый перелом в настроении большинства населения, а вовсе не борьба вилами, это—самое характерное для каждой политической революции» [15]. Таким образом принципиальная плоскость, на которую становится Каутский, фактически та же самая, что и у Мауербрехера, она исключает «борьбу вилами», т.е. вооруженное восстание. Он фактически расходится

[15] «Neue Zeit», 27 Jahrgang, B. I., S. 452.

с последним лишь в том, что по его мнению можно быстрее завоевать большинство, достичь 75% голосов гораздо раньше, чем думает Мауербрехер.

Эта постановка вопроса чрезвычайно интересна в том отношении, что здесь ясно видно, как лассальянское понимание завоевания большинства проявляется в подходе Мауербрехера и Каутского к проблемам революции. Вместе с тем она показывает, как Каутский в этот период—в 1908 г., когда он писал «Путь к власти»,—понимал вопрос о революции.

Я не буду касаться других моментов постановки этого вопроса Каутским. Они известны из «Государства и революции».

Перехожу к другому вопросу, к оценке Зиновьевым всей деятельности партии этого периода. Зиновьев сосредоточил характеристику этого периода на личности Бебеля. Но раз он так поставил вопрос, само собою разумеется, что он должен был говорить не столько о личности Бебеля, сколько о ходе партийного развития и в частности об основных моментах ее развития. Однако, он поставил себе совсем другую задачу—показать, что хотя Бебель и делал ошибки, но «Бебель не Фольмар, не Носке и не Шейдеман». Опять определение, которое спора не вызывает. Ясно, что у Бебеля были оппортунистические ошибки, но он не был предателем. Дело не в этом, не об этом идет речь. Когда мы отмечаем отдельные ошибки Бебеля, мы это делаем для того главным образом, чтобы уяснить связь его ошибок с общим ходом развития оппортунизма в партии, с тем процессом перерождения, который в ней имел место. Вот что важно. А т. Зиновьев, вскрывая ту или иную ошибку Бебеля, тут же ищет для нее «оправдания», смягчающее обстоятельство: Бебель, мол, боялся раскола (об этом он говорит на с. 301—307) и поэтому пошел на уступки оппортунистам. Я не знаю, с каких это пор боязнь раскола стала фигурировать у нас как оправдывающее обстоятельство, но это вопрос особый... Вместо выяснения схемы развития т. Зиновьев сводит задачу к тому, чтобы выставить Бебеля в том виде, как он ему представляется.

Я остановлюсь на одном вопросе, по которому я не согласен с т. Зиновьевым, это отношение партии и Бебеля к вопросу о войне. Тов. Зиновьев считает, что тут главная беда была в том, что Бебель исходил из оценки прошлой эпохи, из понимания оборонительной войны и т. д., поэтому видеть в этом оппортунизм не следует. В другом месте он говорит, что постановка Бебеля совпадала с постановкой Энгельса, но Бебель ставил вопрос «менее широко». Мне кажется, товарищи, что это построение неверно, оно нуждается в уточнении.

Во-первых, надо иметь в виду не только постановку проблемы самим Бебелем, но и то, как вопрос понимался большинством партии. Во-вторых, если внимательно проследить, как Бебель ставил вопрос о войне, то на мой взгляд—а я сейчас попытаюсь доказать это на основании его ранних статей—есть большая разница в том, как ставят этот вопрос Бебель и Энгельс. Я возьму статью Бебеля за 1886 г., напечатанную в «Neue Zeit». Статья эта называется «Германия, Россия и восточный вопрос». В 1886 г., в связи с тем, что Болгария начала проявлять тенденцию к отходу от русской политики, к созданию самостоятельности, намечалось некоторое обострение международной ситуации. В частности стал вопрос, как отнесется к политике России на Балканах Германия. Бебель пишет статью, где аргументирует таким образом: «Германия живейшим образом заинтересована в том, чтобы не допустить Россию к завладению Турцией и Константинополем».

Какие же мотивы, какие аргументы выставляет Бебель, выступая перед социал-демократией, перед рабочим движением в пользу германской интервенции на Балканах?

Он говорит: захват балканского полуострова Россией одним ударом уничтожит торговые сношения Германии с придунайскими странами и Турцией. В то время как Германия несет величайшие жертвы, чтобы найти рынок для своих товаров в пустынях Африки, в зараженной малярией Новой Гвинее, и ищет во всех частях света территории для своего эмигрирующего населения, она может сравнительно близко в дунайских княжествах и в европейской Турции найти рынок, где легко могут найти себе сбыт немецкие товары на сумму в несколько сот миллионов марок.

Под русским владычеством эти рынки будут закрыты российской таможенной политикой для немецкой торговли и промышленности.

И дальше, указывая на ошибки германской политики в 1878 г., он говорит, что вместо поддержки русских позиций на Балканах необходимо было как раз поставить Россию перед ультиматумом. И если бы она не согласилась на уступки — объявить войну.

«Если бы Россия осмелилась в таком случае объявить войну,—говорит он,—Германия единодушно, как никогда, стала бы против нее и в союзе с Австрией и балканскими государствами, а возможно и с Турцией, повела бы против нее и Франции войну с лучшими видами на успех, войну, которую она так или иначе позже вынуждена будет повести, но возможно и даже вероятно при менее благоприятных обстоятельствах». Какое бы толкование мы ни вкладывали в эти рассуждения Бебеля, тот способ, каким он аргументирует, вряд ли может быть признан правильным, даже если мы будем иметь в виду, что он говорит о войне против царизма, против царской России. Сопоставляя эту аргументацию с заявлением Бебеля в 1911 г. во время конфликта из-за Марокко, когда Бебель сказал, что Германия вправе претендовать на равноправие, на равную долю участия, мы видим между этими заявлениями определенную близость и связь.

Из этой статьи имеются выписки Ленина, которые хранятся в Институте Ленина. Выписки эти сделаны, по всем данным, во время войны. Замечаний Ленина на тексте не имеется, но в одной из тетрадей за тот же период войны лежат выписки Ленина из брошюры Энгельса, «Савойя, Ницца и По», в конце этих выписок имеется такое замечание Ленина:

«Гвоздь: национальное освобождение Германии путем наиболее революционной из возможных и неизбежных войн, путем войны с Россией, в союзе с русскими крепостными».

Имеется ли этот «гвоздь» у Бебеля? Я лично его не вижу; думаю, что тут подход далеко не тождественный. На мой взгляд у Бебеля в этом вопросе кое-что было неладно. Конечно я не собираюсь зачислить Бебеля в разряд патриотов и шовинистов. Но у него не сведены концы с концами. Возьмем напр. заявление Бебеля в Штутгарте, будто ученики Маркса отвергли его взгляд, что пролетарии не имеют отечества. Как это истолковать? Надо иметь в виду, что большинством партии эти заявления воспринимались и истолковывались безусловно в патриотическом смысле. Мне кажется, что Ленин еще в своих довоенных статьях ставил этот вопрос о позиции Бебеля и большинства партии несколько резче и прямее, чем т. Зиновьев. Приведу следующую цитату:

«В вопросе же о том,—пишет Ленин,—как вести себя социал-демократам в случае объявления войны, большинство немецких социал-демократов, с Бебелем и Фольмаром во главе, упорно стоят на той позиции,

что социал-демократы должны защищать свое отечество от нападения, что они обязаны принять участие в «оборонительной» войне [16]. И Ленин, вполне понятно, характеризует эту позицию как чистейший оппортунизм.

Кстати, в той же статье Ленин недвусмысленно критикует позицию ГСД в вопросе о ведении антимилитаристской пропаганды, называя отказ от ее ведения трусливым оппортунизмом. У т. Зиновьева об этом конечно ни слова.

Вы видите, что здесь Бебель ставится на одну доску с Фольмаром. Действительно, большинство партии понимало отношение к войне в духе Бебеля, т. е. что в случае нападения мы будем обороняться. Во всяком случае такой интернациональной революционной постановки, какая была у Энгельса, мы здесь не имеем.

Я не буду касаться других вопросов. Вопрос о парламентаризме, об отношении партии к массовому движению, к уличным демонстрациям, о левом крыле,—все эти вопросы поставлены т. Зиновьевым не так четко, как они должны были быть поставлены. Возможно, что некоторые из этих вопросов не были поставлены из-за недостатка места. Это вполне возможно, но мне кажется, что все это связано с общей установкой, а общая установка такова, что она не дает объяснения, как шел процесс перерождения ГСД и как она пришла к 4 августа. Как ревизионисты получили большинство?

По Зиновьеву суть дела главным образом в том, что оппортунисты маскировались, не выступали с определенной, ясной принципиальной программой, а добивались только уступок, уступочек, «заметали следы, меняли краску». «Оппортунисты,—говорит Зиновьев,—отвоевали у Бебеля большинство в партии именно этими приемами» (с. 297). Это упрощенческая постановка вопроса. Дело не только в том, что они маскировались, а в определенной линии партии, которая конечно вызывалась определенными условиями. И здесь у т. Зиновьева получился определенный разрыв между правильным объяснением социально-экономических корней оппортунизма и общей оценкой политического развития партии. Тов. Зиновьев, применяя метод, указанный Лениным, правильно выводит корни оппортунизма из роста рабочей аристократии, бюрократии и т. д., но он не показывает, каким образом происходил процесс длительного гниения и перерождения партии. Между тем изменения социальной базы партии сказывались на изменении ее идеологии и политики. У т. Зиновьева этой увязки не получается.

Мне кажется, что в период от 90-х гг. до 1914 г. партия подвергается загниванию, начинается действительный процесс ее перерождения. К какому моменту мы можем отнести начало этого процесса? Я считаю, что наиболее резкий перелом можно отнести к периоду после окончания борьбы с ревизионизмом. Борьба с Бернштейном имела двоякий результат. С одной стороны, эта схватка показала, что оппортунисты еще не в состоянии прийти к власти в партии—захватить руководство, а с другой стороны—борьба с Бернштейном показала, что оппортунисты настолько сильны в партии, что дать им отпор, отсечь их партия уже не в силах. Это можно доказать фактами. Именно с этого момента и начинается усиленный процесс оппортунистического перерождения, внешним выражением которого является усиление центризма. Временно, во время русской революции, процесс как будто на время задерживается, но не надолго. В

---

[16] Ленин, Собр. соч., т. XII, изд. 2-е, с. 313, ст. «Воинствующий милитаризм» от 5/8 1908.

1906 г. партия опять ведет борьбу по вопросу о массовых стачках, о продвижении, которая кончается фактическим поражением левого крыла. С этого момента начинается интенсивный процесс, ведущий к 4 августа. Одновременно начинается выдвижение левого крыла, которое сплачивается и оформляется окончательно к 1909—1910 гг.

В статье т. Зиновьева мы имеем дело с несомненной попыткой прикрасить прошлое ГСД.

Рассмотрев эту концепцию, я считаю полезным коснуться и некоторых попыток обратного свойства — представить всю историю ГСД так, будто партия с самого начала ее возникновения и вплоть до 4 августа была мелкобуржуазной партией, никогда не была марксистской, пролетарской и т. д. Такие взгляды иногда встречаются.

Если эти взгляды как система у нас встречаются редко, то в иностранной летературе, в частности в немецкой, это наблюдается. Наиболее последователен в этом смысле Корш. Корш совершенно прямо и ясно заявляет, что нет разницы между довоенной социал-демократией и послевоенной, нет разницы между Каутским довоенным и послевоенным. Он считает, что если кто-нибудь называет довоенного Каутского марксистом или считает тот или иной его взгляд марксистским, тем самым он доказывает, что он сам центрист. В статье, помещенной им в № 14 «Архива» Грюнберга [17], он попутно останавливается на критике Каутского, которая велась у нас со стороны Пашуканиса и ряда других. По поводу критики Пашуканиса он говорит: «Наконец Пашуканис противопоставляет нынешнему Каутскому его прежние мнимо-революционные писания и тем фактически солидаризируется с прежним Каутским и другими представителями так называемого марксистского центризма». И далее, цитируя другие брошюры (Месина и других), которые также указывают, что довоенный Каутский был марксистом, марксистски правильно ставил и разрешал ряд вопросов, Корш делает отсюда такие выводы: «Все эти высказывания партийно-коммунистических критиков Каутского содержат вынужденное признание того, что, несмотря на все практические противоречия, в основных чертах теории имеется налицо близкое родство между ленинской и каутскианской формой марксистского центра» (с. 257 — 258). В другом месте он говорит, что ленинизм, большевизм вообще нужно назвать определенной породой этого каутскианского центра. Но в данном случае нас интересуют не общие взгляды Корша, а его трактовка истории ГСД, то, что он выступает против всякого различения между довоенным и послевоенным периодом. Эта постановка хотя и очень «левая», но тем не менее она ничего общего с марксизмом не имеет. Специальную работу по истории ГСД, исходя из этой же точки зрения Корша, написал некий Брокшмидт [18]. Мы недавно в Институте истории ее разбирали. Он говорит, что ГСД была мелкобуржуазной партией с начала до конца, нечего следовательно говорить о каком-то перерождении.

В нашей русской литературе, товарищи, таких взглядов нет. Но у нас имеются кое-какие неправильные утверждения и неправильное понимание частных вопросов. К такого рода неправильным утверждениям

---

[17] K. Korsch, Die materialistische Geschichts auffassung, S. 256—258. «Archiv für die Geschichte des Sozialismus u. der Arbeiterbewegung», Herausg. K. Grünberg, 14 Jahrg.,

[18] Brockschmidt, Die deutsche Sozialdemokratie bis zum Fall des Sozialistengesetz.

нужно отнести взгляды, изложенные в статье А. Бернштейна об эйзенахцах и лассалианцах, помещенной в № 13 «Историка-марксиста». Автор статьи склоняется к мысли, что процесс перерождения ГСД совершился уже в начале 70-х гг., и из этого он делает такой решительный вывод: «Против такой партии не были нужны исключительные законы. Последние могли бы лишь сделать ее левее. Ошибка Бисмарка в 1878 г., на которой он настаивал 12 лет, в конце концов привела «железного канцлера» к падению. Ибо социал-демократическая партия была достаточно безвредной, достаточно реформистски настроенной партией, чтобы буржуазии можно было спать спокойно» [19].

Здесь ошибка в подходе доведена до логического абсурда. Никакого развития здесь нет, все имеется уже с самого начала. Тот же подход мы видим в работе М. Миронова «Каутский о революции». Он тоже против различения Каутского ортодоксального от неортодоксального, довоенного от послевоенного. Отход Каутского по мнению Миронова «начался гораздо раньше, пожалуй с самого начала его политической деятельности» (с. 54). Но странно, как может человек отходить от марксизма, если он еще не стал марксистом.

Мне кажется, что во всех этих случаях грешат против марксистской диалектики. Вместо того чтобы проследить процесс в его развитии и установить, как в определенный момент количество перешло в новое качество, решают этот вопрос огульно, беря первые, зачаточные элементы нового качества за законченное новое явление. Это—ошибка. При таком подходе нет фактически никакого объяснения для всей прошлой эпохи рабочего движения. Когда мы исследуем процессы развития рабочего движения и выясняем его общую линию, мы не должны забывать о связи этого развития с общим экономическим и политическим развитием страны изменением социальной базы рабочего движения. Лишь на определенном этапе, в период империализма, оппортунизм восторжествовал в Германии и др. странах.

Я останавливаюсь на этом подробнее, чтобы резко подчеркнуть, как такой неправильный подход ведет и к другим ошибкам. В прекрасной, в общем, статье тт. Рывлина и Фейгельсона в «Книге для чтения» т. III постановка вопроса о левой оппозиции Моста, «молодых» — неправильна; о них говорится, что они «в общем стояли на последовательно революционных позициях» (с. 430). Это неверно, так ставить вопроса нельзя, последовательно революционной их позицию считать невозможно. Я не буду здесь цитировать Ленина, отмечу только, что у него есть ряд характеристик Моста и «молодых» как анархо-синдикалистской оппозиции [20]. Правда, когда мы изучаем Моста и «молодых», мы должны помнить также другое замечание Ленина, что анархизм был часто наказанием рабочего движения за оппортунизм, т. е. мы должны иметь в виду, что этот самый анархизм в значительной мере питался оппортунизмом на другой стороне, со стороны официальных органов партий.

Этим я хочу ограничиться. Я видел свою задачу в том, чтобы поставить некоторые общие вопросы, надеясь, что в процессе нашего обмена мнениями мы сумеем внести ясность в понимание интересующих нас проблем истории рабочего движения Германии.

---

[19] А. Бернштейн, «Эйзенахцы» и «лассальянцы» (1869—1878), «Историк марксист» № 13, с. 134.

[20] Ленин, Собр. соч., т. XV, изд. 2-е, с. 8.

ПРЕНИЯ

А. Слуцкий. В статье т. Зиновьева нас конечно в первую очередь интересует не фактическая ее часть, ибо с этой стороны она как раз не представляет почти никакого интереса. В своей статье т. Зиновьев вовсе не использовал того материала по истории ГСД, который стал известен за последнее время. Конечно наибольший интерес статья эта представляет для нас с точки зрения ее методологии. Поэтому особенно важно остановиться на разборе тех частей статьи, которые имеют непосредственное отношение к этому предмету.

Совершенно бесспорным является то положение, что критическое марксистское изучение истории ГСД можно начинать, только отправляясь от Меринга. Но плодотворным такое изучение может быть только тогда, когда Меринг будет преодолен и прежде всего будет преодолена методология Меринга. Меринг неприемлем для нас не только потому, что, как говорит т. Зиновьев, он неверно освещает те или иные отдельные вопросы в истории германской партии, что он неправильно оценивал или вернее переоценивал роль Лассаля в истории германской партии. Схема Меринга неприемлема для нас потому, что она является органическим продуктом определенных исторических условий. Она неприемлема для нас потому, что Меринг, когда писал эту историю, выступал как официозный и официальный историк германской партии. А это обстоятельство является, по-моему, решающим.

Меринг подходил к истории германской партии с ограниченной точки зрения, с точки зрения тех представлений, которые были в этот период у партии. Стоит перелистать те места в фундаментальной работе Меринга, которые трактуют хотя бы такие кардинальные вопросы, как проблемы парламентаризма, революции, отношение к Мосту, к «молодым» и т. п., чтобы притти к такому выводу. Это обстоятельство делает порочной в основном схему и методологию Меринга. Конечно прав т. Зиновьев, когда он говорит, что невозможно преодолеть Меринга или исправить Меринга методом механических поправок, механическим выдергиванием цитат, склеенных по признаку «здесь оппортунизм». Здесь нужно что-то другое.

Но т. Зиновьев, отрицательно относясь к подобным приемам, впадает в другую крайность. Основной недостаток методологии т. Зиновьева, по существу эклектической, заключается в том, что она все-таки, несмотря на критическое отношение к Мерингу, связана с этой меринговской методологией. И здесь мы упираемся в одну из основных проблем (не только истории ГСД), которая выпадает из схемы т. Зиновьева,—на проблему центризма. У т. Зиновьева, которому принадлежит вместе с Лениным историческая заслуга разоблачения центризма во время и после войны, почти игнорируется эта проблема. По его схеме центризм начал складываться в ГСД примерно с 1906 г. и оформился только к 1910 г., когда Каутский стал идейным вдохновителем этого, по выражению Р. Люксембург, «официозного марксизма». Отсюда же тот вывод, что центризм «только во время войны сыграл особенно позорную роль».

Желание во что бы то ни стало оправдать руководство партии в различные периоды ее истории, в особенности же до 1910 г., желание во что бы то ни стало обелить Бебеля на различных этапах его борьбы приводит т. Зиновьева к тому, что он не замечает целого ряда чрезвычайно важных явлений в истории германской партии накануне войны. Даже в период борьбы с бернштейнианством он совершенно не замечает разницы в постановке ряда основных теоретических и тактических

проблем среди представителей так называемой марксистской ортодоксии. Между тем Каутский в период борьбы с левыми радикалами в своей статье «Nachgedanken zu den nachdenklichen Betrachtungen» вынужден признать: «В действительности между ревизионистами, как и марксистами всегда существовали, весьма различные практические тенденции. Эти разногласия не имели значения, пока вопросы ревизионизма стояли на переднем плане... Распад одной фаланги (среди ревизионистов—*А. С.*) содействовал также распаду другой фаланги (среди марксистов—*А. С.*)»[1]. Тов. Зиновьев не замечает целого ряда важных моментов и в дальнейшей истории германской партии, в частности в период после 1910 г., во время борьбы левого радикализма с каутскианством, или он обращает внимание не на те вопросы, на которых необходимо было бы в первую очередь заострить внимание. Это желание подойти по-новому к целому ряду проблем, желание, оторвавшись от схемы Меринга, пересмотреть ряд неверных ее положений и утверждений, с одной стороны, а с другой стороны—связь с этими старыми меринговскими традициями очень часто приводит т. Зиновьева к такого рода эклектическим высказываниям, которые составлены по формуле «в общем и целом».

По крайней мере пять раз т. Зиновьев в своей статье дает формулировки основных проблем германской партии на основании этой формулы. Но даже там, где т. Зиновьев пытается как будто правильно и по-новому поставить ряд проблем, как например проблему лассальянства в германской партии, он в этом проявляет некоторую нерешительность. Возьмите его высказывания о лассальянстве. В своей статье он совершенно правильно формулирует задачу историка, когда говорит: «Нельзя понять эволюцию ГСД, не отдав себе отчета в том, насколько сильно было влияние лассальянства в ГСД».

Казалось бы, такая постановка проблемы обязывает к изучению вопроса о влиянии лассальянских традиций и лассальянских идей на руководящие кадры партии на различных этапах ее истории. Но т. Зиновьев не хочет итти этим путем. По его концепции выходит, что германская партия пришла к откровенно оппортунистической системе взглядов Лассаля только после войны, когда она переродилась в мелкобуржуазную контрреволюционную партию.

Но от этой постановки вопроса сам Зиновьев отходит в другой своей работе, появившейся недавно, книге «Учение Маркса и Ленина о войне». В этой своей работе он к делу подходит немного иначе. Для него проблема влияния и живучести идей Лассаля имеют значение не только в послевоенный период истории германской партии, но своими корнями уходит глубже. Он очень заостренно ставит эту проблему. И например на с. 31 вышеназванной книги пишет: «Если сейчас ретроспективно взглянуть на всю историю ГСД и пережитое ею позорное падение, то нет никакого сомнения в том, что значительную роль в подготовке этого падения сыграли идеи лассальянства. Лассальянство влилось широкой струей в германское рабочее движение, и оно впоследствии отомстило за себя социал-патриотизмом. Конечно было бы неправильно сводить крах ГСД только к влиянию идей лассальянства. Это лишь одна из причин. Но о ней-то меньше всего до сих пор говорили».

Казалось, после такой заостренной постановки вопроса можно было бы ожидать от т. Зиновьева попытки проследить на различных вопросах, в частности на той основной проблеме, которой посвящена эта книга,

---

[1] «Neue Zeit» № 41 и 42, 1913, B. II, S. 533.

на проблеме войны и революции, влияние идей Лассаля в различные периоды истории партии.

Несомненно, если бы т. Зиновьев проделал такую работу, он нашел бы корни лассальянского влияния и у Либкнехта, и у Бебеля, а это как раз было бы вопиющим противоречием с тем, что пишет т. Зиновьев о руководстве В. Либкнехта и А. Бебеля. Но т. Зиновьев в своей книге больше декларирует, чем занимается исследованием на эту тему.

Вернемся к основной проблеме, к проблеме центризма. По т. Зиновьеву выходит, что центризм, как законченное течение, развилось после 1910 г., хотя он начал оформляться в период после 1905—1906 гг. Но свою главную роль, как утверждает т. Зиновьев, центризм сыграл уже во время войны. Это почти дословная цитата. Но тогда как же примирить это с основным ленинским положением о «марксизме эпохи II Интернационала», этом своеобразном «марксизме»... По схеме т. Зиновьева выходит, что окончательное оформление его произошло только после 1910 г., и он исчисляет его родословную только в четыре довоенных года. Если так поставить вопрос, то проблема центризма, проблема своеобразного марксизма эпохи II Интернационала не только в германской партии, но и во всех социалистических партиях II Интернационала будет для нас совершенно непонятна.

И не случайно то обстоятельство, что т. Зиновьев не хочет замечать до 1910 г., или во всяком случае до 1906 г. принципиально различных постановок проблем чрезвычайной важности—проблем революции, массовых стачек, парламентаризма у целого ряда представителей партии (ср. например взгляды Розы Люксембург и Парвуса с установкой «ортодоксальных» марксистов в период борьбы с ревизионизмом). Точно так же не случаен тот факт, что т. Зиновьев, отмечая борьбу внутри так называемого левого крыла уже после 1910 г., не хочет отметить той огромной исторической роли, которую сыграл левый радикализм, впервые в западноевропейском рабочем движении поднявший на очень большую принципиальную высоту ряд теоретических проблем, как например проблемы империализма, массового рабочего движения и стачек, парламентаризма и социальной революции. И то обстоятельство, что еще до войны представители левого радикализма—Роза Люксембург, Паннекук и другие—смогли понять природу каутскианства (центризма) или во всяком случае указать на ошибки теоретического и тактического порядка в его построениях, то обстоятельство, что они целиком и полностью вынесли на своих плечах всю тяжесть борьбы с каутскианством накануне войны, это обстоятельство недостаточно подчеркнуто т. Зиновьевым. Не даром т. Ленин в самом начале войны, в одном из писем к Шляпникову (от 27/X—1914 г.) считает необходимым отметить, что «права была Роза Люксембург, давно понявшая, что у Каутского «прислужничество теоретика», лакейство, говоря проще, лакейство перед большинством партии, перед оппортунизмом[2]. Несмотря на все ошибки левого радикализма и люксембургианства, Ильич считает необходимым отметить это.

Мне кажется, что эта недооценка центризма, его роли, его эволюции в довоенных условиях в германской партии, не случайна у т. Зиновьева. Она ведет свое начало от меринговских влияния и традиций и проходит в большей или меньшей степени через все работы т. Зиновьева как довоенного периода, так и периода послевоенного. Это с особенной силой сказывается в работах т. Зиновьева накануне войны и в меньшей

[2] «II Ленинский сборник», с. 200.

7*

степени видно в последней статье. Чтобы не быть голословным, укажу на несколько статей т. Зиновьева периода 1910—1913 гг. Для того, чтобы рельефнее выступило положение, я хочу сравнить их с рядом статей этого же периода представителей левых радикалов в Германии, в частности Паннекука и Р. Люксембург.

Уже в 1910 г. в начавшемся споре между Р. Люксембург и Каутским отдельные представители левого радикализма начинали правильно нащупывать основной грех партии и ее теоретика—К. Каутского. Они отдавали себе отчет в тех трудностях, которые предстоят им в борьбе за новую тактику, связанную с пониманием задач новой эпохи—эпохи империализма. В статье, написанной еще по горячим следам первого тура дискуссии и предназначенной для русского читателя (статья была напечатана в «Социал-демократе» № 4, от 22/5 июля 1910 г.), Паннекук, излагая сущность спора с Розой и ответ Каутского, пишет: «Эти рассуждения самого выдающегося теоретика социал-демократии показывают, насколько глубоко и прочно коренится парламентаризм в германском рабочем движении». И продолжает далее: «Чрезмерное доверие к парламентским победам даже у Каутского и у многих вождей партии, стоящих за ним, идут рука об руку с большим недоверием к массовой стачке на данной стадии. Против слияния политических и экономических требований в одно общее стачечное движение Каутский подчеркивает, что эти обе формы борьбы требуют по самой своей природе различных условий... Но это рассуждение показывает, как трудно охватить новое содержание массовой стачки. Тут проглядывает старая анархистская концепция всеобщей стачки, которая свергнет де единым великим революционным актом правительство и капитализм. Это понимание неправильно». Эти указания Паннекука оказались неслучайными, они предвосхищали направление дальнейшей борьбы. Это стало особенно ясным на дальнейших стадиях борьбы. Именно в этих вопросах должен был яснее всего обнаружиться отход Каутского от революционного марксизма, подмена и извращение его. Вот почему дискуссия Паннекука с Каутским в 1912 г. по основным проблемам революции, являясь одним из эпизодов в общей борьбе по разоблачению каутскианства, имела целью в первую очередь размежевание по этой основной линии. Левые радикалы не упускали из виду существования в партии трех течений. Они также различали ревизионизм от каутскианства. Об этом мы найдем неоднократные указания в их статьях этого периода. Они видели также, что сближает каутскианство и ревизионизм как немарксистские течения, противостоящие левому радикализму. В статье «Marxistische Theorie und revolutionäre Taktik»[3], являющейся продолжением полемических статей с Каутским («Massenaktion und Revolution» и пр.), Паннекук утверждает: «Это различие мнений (в вопросах революции и массовых действий) дает совершенно различную оценку деятельности настоящего, и ясно, что ревизионистский отказ от каждого революционного действия и его отсрочка в неопределенную даль у Каутского должны привести оба взгляда к близости в некоторых вопросах современности, в которых они вместе противостоят нам». Метод Каутского Паннекук в этой статье характеризует как не марксистский. Он пишет: «Каутский обвиняет меня, что мой метод «упрощенный марксизм», я заявляю ему на это, что его собственный—неупрощенный, не сложный, но и вообще немарксистский». В том, что это не случайная характеристика каутскианства, брошенная в пылу полемики,

[3] «Neue Zeit» № 8, 1912, B. I.

а продуманное убеждение, нас убеждает ряд статей того же Паннекука. Но подобные характеристики каутскианского метода еще до войны мы можем найти и у других представителей левого радикализма, в частности у К. Радека, в его статьях, полемизирующих с Каутским по вопросам империализма и лозунгов разоружения. Но особенный интерес в этом отношении представляет позиция Розы Люксембург, которая в одной статье, помещенной накануне Иенского партейтага в «Neue Zeit», пытается дать общую оценку довоенного каутскианства. В статье «Das Offiziosentum der Theorie» она писала: «Это такая официозность, чище которой еще никогда не было представлено в нашей партии... И во всяком случае это такое применение теории, которое ничего общего не имеет с духом марксизма... Как его теория сводится к официозному успокоению всех сомнений и оправданию всего существующего в партии, так и его тактика— к торможению движения по заезженной колее чистого парламентаризма»[4]. В связи с таким пониманием природы и функции каутскианства Роза, как и другие левые радикалы, считали своей основной задачей в этот период направить огонь критики и борьбы по Каутскому и каутскианству. Это особенно стало ясным для левых радикалов после Иенского партейтага (1913 г.), и Роза пишет замечательную статью «Nach dem Jener Parteitag», так и не увидевшую света вплоть до 1927 г., когда она была напечатана в «Die Internationale» (Heft V). Чем был ценен Иенский партейтаг? В первую очередь тем, что он внес ясность во внутрипартийные отношения и закрепил ту перегруппировку сил внутри партии, которая складывалась ранее. Причем решающей здесь явилась измена «болота», тех консервативных элементов партии, которые раньше шли под руководством Бебеля и «инстанций» против правых, а теперь под руководством тех же «инстанций» идут против левых. Каутский, по мнению Розы, «стряпает успокоительную кашицу» теории для этого «марксистского центра», его журнал выполняет заказ для «современной политической функции болота». «Это новое расположение сил,—пишет Роза в той же статье,—не является чем-то случайным, оно логически вытекает из передвижки во внешних и внутренних условиях нашей партийной жизни, и мы делаем хорошо, беря устойчивость расположения сил в перспективе может быть ряда лет, если только внешние события вдруг не разрушат его. Как бы неприятной эта ситуация ни казалась некоторым товарищам, для пессимизма и уныния нет ни малейшего основания». Какие выводы делает она из создавшейся ситуации? Какую линию поведения для левых намечает она, в какую сторону при создавшейся обстановке надо направить главный огонь? Она пишет: «Чем яснее мы видим вещи, тем энергичнее, сознательнее и радостнее можно будет дальше бороться. Ближайшей задачей, которая вытекает из Иенского партейтага, является систематическое наступление против «болота», т. е. против идейного консерватизма партии». Центризм— вот враг партии на данном этапе, таков вывод, к которому она приходит. Статья заканчивается так: «Что Иенский партейтаг внес ясность во взаимное соотношение сил в партии и поставил левых впервые в сомкнутый строй против блока болота с правыми,—это нужно только приветствовать, как радостное начало дальнейшего развития». Мы здесь не отмечаем ошибочной стороны и слабости позиции Розы в ряде вопросов, в том числе и организационных. В данной связи это не имеет для нас решающего значения. Мы только хотели установить отношение левых радикалов к внутрипартийным вопросам и выявить понимание происходящего внутри

[4] «Neue Zeit» № 31, 15/II 1913. Gesam. Werke, B. IV, S. 665—669.

партии кризиса. Как оценивал т. Зиновьев в своих статьях этого периода, печатавшихся в русской легальной и нелегальной прессе, развертывающиеся события, как интерпретировал он факты? Внимательное изучение всего того, что писал Зиновьев о ГСД до войны, приводит нас к тому заключению, что автор не замечает ни остроты развернувшегося внутрипартийного кризиса, ни новой перегруппировки внутри партии, ни особой роли центра и левых радикалов в происходящей борьбе, ни наконец ее значения для международного рабочего движения. Тов. Зиновьев переоценивает Бебеля и Каутского. Для него они все еще представители старой марксистской ортодоксии, противостоящей ревизионистам и оппортунистам. Спор между Розой и др. левыми радикалами с Каутским и Форштандом—это спор среди марксистов о темпах развертывающихся событий, а не спор двух направлений внутри единой партии, исходящих из совершенно различных принципиальных основ, из различного понимания ситуаций. Вот перед нами статья 1911 г. «На перевале»[5], написанная по поводу Иенского партейтага 1911 г. «Приспособиться к условиям новой эпохи,—пишет т. Зиновьев,—ГСД нелегко. Приходится не только итти проторенной дорогой, но и прокладывать новые пути. На этой почве возникают новые разногласия в партии, даже разногласия внутри марксистского ее крыла... Сущность же разногласий между марксистами касается вопроса о быстроте нарастающего движения. Готовы ли уже сейчас массы—вот вопрос. Из-за него дело дошло до образования отдельных фракций». И затем продолжает: «Насколько далеко пойдут фракционные обособления в Германии—сказать еще трудно. Все конечно признают, что такое обособление вредно, это—зло, пока неизбежное. И в германской партии разногласия конечно будут изжиты скорее, чем где бы то ни было». Проходит полгода, разногласия в германской партии на этот раз возникают в связи с избирательной тактикой и линией Форштанда в вопросах о соглашениях. Тов. Зиновьев посвящает статью этим вопросам. «Важный спор в рядах ГСД».[6] Для него попрежнему это прежде всего «спор внутри самих ортодоксальных марксистов». Но что особенно любопытно отметить, т. Зиновьев отказывается видеть в образовавшейся группировке левых связь со старой группировкой, бывшей до Иенского партейтага и на нем. Он пишет: «С критикой заключенного Форштандом соглашения первая выступила Роза Люксембург. Однако не надо думать, что перед нами в данном случае та же самая группировка, которую мы видели в прошлом году на Иенском съезде или еще раньше при споре о немедленных выступлениях, всеобщей стачке и т. п. Нет, в данном случае мы видим новую группировку». В конце статьи т. Зиновьев пишет: «Ревизионисты всех стран бьют в бубны по поводу расхождений внутри германских марксистов, уверяя, что пришел конец марксистской «ортодоксии». Сколько раз уже охочие люди хоронили нашу ортодоксию, а она все жива и от соприкосновения с массами, как Антей от соприкосновения с землей, все больше набирается сил». Но вот накануне Иенского партейтага дискуссия по коренным вопросам пролетарского движения развернулась с новой силой. Посмотрим, как представлялось дело т. Зиновьеву. В двух статьях—в одной, написанной накануне Иенского партейтага 1913 г. «Новые тактические дебаты в ГСД»[7], и в другой после съезда «О германском ревизионизме»[8]—т. Зиновьев пытается подвести итоги внутрипартийной

[5] «Звезда» № 27, 1911.
[6] Там же № 12, 1912.
[7] «Рабочая правда» № 6, 1913.
[8] «Просвещение» № 9, 1913.

борьбы в ГСД. Он констатирует новое оживление ревизионизма, которое, по его мнению, является следствием нового притока к социал-демократии мелкобуржуазных попутчиков. Хотя т. Зиновьев во второй статье говорит о трех течениях внутри партии («на съезде были три группы: ревизионисты, марксистский центр и марксистская левая»), но он не замечает эволюции центра и его роли на всем этапе. Попрежнему для него борьба левых радикалов с каутскианством—это борьба внутри марксистского крыла, «Главным вопросом, — пишет он,—был пункт о массовой стачке. Расхождения между двумя частями марксистов касаются здесь по существу дела вопроса о темпе событий, о скорости движения. Это верно по крайней мере относительно всех тех марксистов, которые не начинали склоняться к ревизионизму и действительно в принципе признают революционную массовую стачку». Отсюда т. Зиновьев делает такой тактический вывод: «Ревизионизм—вот враг ГСД, поскольку речь идет о внутренних условиях развития германского рабочего движения. Обострение классовой борьбы, инициатива рабочих масс, надо надеяться, скоро подскажут старым вождям ГСД, что угроза движения лежит именно справа». Стоит только сравнить позицию т. Зиновьева в тот период с позицией левых радикалов, чтобы притти к выводу, который мы формулировали выше.

Л. Мадьяр. Я не историк, но после чтения тезисов т. Вакса и после его доклада у меня осталось несколько недоуменных вопросов, и я хотел бы получить на них ответ в заключительном слове. Например такой историзм. Оказывается из тезисов, что в основном Ленин дал методологию истории рабочего движения в своей работе «Государство и революция». Потом русские историки-марксисты, в том числе и Зиновьев, применяли этот метод. Но Зиновьев в своей книге «Война и кризис социал-демократии» применял эту методологию еще до книги Ленина (ленинское «Государство и революция» появилось после русской революции). Оказывается, что методология, разработанная Лениным в «Государстве и революции» уже применялась Зиновьевым на несколько лет раньше. Это странно. Здесь исторический процесс изображается по крайней мере не точно.

Далее докладчик утверждает такую вещь: «Тов. Зиновьев пытается оправдать свою позицию ссылкой на довоенную оценку ГСД Лениным. Между тем внимательное изучение того, что Ленин написал о ГСД, показывает, что уже и до войны Ленин далеко не во всем солидаризировался с официальным направлением, и поскольку это в тех условиях предоставлялось тактически возможным, он уже и тогда отмечал его оппортунистические ошибки...» Это клевета на Ленина, потому что если бы Ленин мог молчать по основному вопросу рабочего движения, по вопросу об оппортунизме, из тактических соображений, если он солидаризировался или не солидаризировался с официальным направлением в зависимости от тактических соображений, то это оппортунизм, а Ленин оппортунистом не был. Вот что получается на основании тезисов т. Вакса. А Ленин в 1908 г. уже писал о неизбежности вооруженной борьбы между марксизмом и оппортунизмом.

Как это получается? Я не утверждаю, что в статье т. Зиновьева нет ошибок. Там безусловно имеются ошибки, и я считаю, что основная из них заключается в том, что т. Зиновьев недостаточно увязывает развитие германского оппортунизма с развитием германского империализма. Вторая ошибка, на которую правильно указывают докладчики, это применение т. Зиновьевым к германским левым приблизительно той мето-

дологии, которую т. Вакс применил к истории ГСД вообще, а именно отсутствие всякой историчности.

Благодаря этому «методу» у т. Вакса оказывается, что ГСД уже во времена исключительных законов была заражена оппортунизмом. Между тем уже от Энгельса знаем, что оппортунизм есть известное направление в рабочем движении, связанное с образованием рабочей аристократии.

Значит ли это, что уже в те времена в Германии была рабочая аристократия, внесшая оппортунизм в рабочее движение? Ничего подобного докладчик не доказал. Если мы под оппортунизмом понимаем идеологию, политику, тактику, стратегию рабочей аристократии, то нельзя оторвать вопрос об оппортунизме от вопроса об империализме. В Англии был оппортунизм уже в 70—80-е гг. Об этом пишет Энгельс. Но Англия имела колонии, имела колониальную сверхприбыль, и там был обуржуазившийся пролетариат. Были ли эти предпосылки в Германии? Их не было. А были немарксистские течения в германском рабочем движении? Конечно были. Лассаль, Фольмар и пр. конечно не представляли марксистского течения в рабочем движении Германии.

Но что это значит? Ведь нельзя же историю ГСД оторвать от истории германского рабочего класса. Откуда этот рабочий класс вышел, откуда он появился, развился? Рабочий класс образовался из крестьян или ремесленников. Конечно лассальянство, Фольмар и пр. вносили идеологию этих слоев в рабочее движение. Можно ли просто отождествлять эти течения с оппортунизмом периода империализма? По-моему нельзя, ибо это было бы величайшей вульгаризацией. Для этих течений надо было применять и другое название, напр., мелкобуржуазный социализм. Я не говорю, что в ГСД не было влияния мелкой буржуазии.

Но мы знаем, что эта ГСД во время «исключительных законов» на самом деле боролась за организацию и за классовую сознательность рабочего класса, боролась за то, чтобы пролетариат сложился из класса в себе в класс для себя. Это — исторический факт. Если мы это отрицаем, то непонятно, зачем Энгельс, который тоже кое-что понимал в марксизме и оппортунизме, поставил вопрос о расколе ГСД только на пороге развития германского империализма. Все же II Интернационал имел тот период, когда он на самом деле боролся за интересы рабочего класса, III Интернационал говорит, что мы принимаем эти традиции II Интернационала: массовость, организацию рабочего класса и т. д. Зачем нам отбрасывать эти традиции II Интернационала? Ничего плохого здесь нет, и в этом отношении мы являемся преемниками хороших традиций II Интернационала. Нельзя же забывать того, что Ленин писал о ГСД не только до войны. Ленин после победы Октября в своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме», когда у него не могло даже быть, по мнению нашего докладчика, «тактических соображений», писал о старой ГСД, как о партии, которая ближе всех стояла к образцу революционной пролетарской партии. Конечно за исключением большевизма.

Мы не должны мерку большевизма и большевистских установок применять к истории ГСД от XIX в. История сложилась так, что в России рабочее движение зародилось в период империализма. Таким образом большевизм является продуктом империализма. Старая ГСД является продуктом промышленного капитализма. В этом имеется какая-то разница. А ГСД выродилась именно в период империализма и под влиянием империализма.

Я думаю, что именно в связи с вопросом об империализме можно было бы установить ряд интересных моментов в развитии ГСД. Возьмем отношение ГСД к колониальному вопросу. Если просмотреть «Neue Zeit», то там из статей Меринга, Каутского, Бернштейна и др. по колониальному вопросу можно увидать, каким образом назревает и происходит грехопадение ГСД. Как раз по этому вопросу об империализме это грехопадение началось. Раньше, по методологии Ленина, оно начаться не могло, ибо иначе оппортунизм должен был получиться неизвестно откуда, а не в результате образования обуржуазившегося пролетариата, т. е. рабочей аристократии.

Мне кажется, что, хотя в статье Зиновьева эти вопросы недостаточно разработаны, но он во всяком случае более исторично подходит к истории ГСД, чем это делает докладчик.

Поэтому мне кажется настоятельно необходимым, во-первых, делать различие между немарксистским течением в германской социал-демократии периода промышленного капитализма и периода империализма, а во-вторых, увязать вопрос о развитии оппортунизма с развитием германского империализма. Без этого можно конечно составлять букеты из различных цитат, но нельзя добраться до понимания развития ГСД. Без этого нельзя понять ни центризма, ни возникновения и развития германских левых. Без этого нельзя наконец понять и методологии Ленина в разработке проблем II Интернационала и его высказываний о ГСД. При этом очевидно придется разобрать вопрос о всех источниках сверхприбыли для германского капитала, об органическом составе капитала, о развитии монополистических образований в Германии, о развитии рабочего класса. Иначе мы не получим историзма в этом немаловажном вопросе.

В. Яроцкий. Даже для меня, человека, мало занимавшегося вопросами истории ГСД, разработка т. Зиновьевым одной из проблем этой истории представляется глубоко неверной методологически. Я говорю о той проблеме, которую тов. Зиновьев рассматривает как сугубо абстрактную, именно — о теории равноправия партии и профсоюзов в учении ГСД.

Если вы обратите внимание на трактовку т. Зиновьевым этой проблемы, вы увидите, что им эта проблема не связывается ни с тем, что в германском профессиональном движении, благодаря теории равноправия партии и союзов, закрепляется верховенство оппортунистических элементов, исключительно крепко овладевающих массой, ни с тем, что это главенство оппортунистических элементов в профессиональном движении в значительной мере лишает массовой базы ГСД в ее не только революционном, марксистском крыле, но и в крыле центристском.

Эта методологическая ошибка т. Зиновьева вскрывает основной порок не только зиновьевской истории ГСД, которая заключается в том, что история верхушки, руководящей головки рабочего движения какой-либо страны берется изолированно, вне непосредственной связи с процессами, которые характеризуют развитие пролетариата в этой стране. В «Истории ГСД» Меринга уделяется недостаточно внимания процессам, происходящим в рабочей массе, и в силу этого отсутствует почти совсем связь истории ГСД с этими процессами. В схеме Зиновьева повторяется эта же самая ошибка.

Процесс перерождения ГСД в социал-фашистскую организацию в значительной мере объясняется конечно тем обстоятельством, что ГСД, проводя политику равноправия партии и профсоюзов, благодаря этому

дала возможность оппортунистам овладеть массовыми организациями рабочих. Тем самым ГСД волей-неволей должна была отмежевать для себя какую-то особую область. Такой областью оказалась конечно и не могла не оказаться при разграничении между «экономикой» и «политикой» парламентская сфера действий. Это же влекло за собою со стороны ГСД особо внимательный учет настроений Mitläufer'ов, настроений мелкобуржуазного избирателя, который поддерживал ГСД. Вот к каким результатам приводила политика, которую Бебель еще в 90-х гг. по тактическим соображениям применял в спорах с оппортунистически настроенными руководителями профсоюзов. Эта оппортунистическая линия Бебеля или вернее его уклон в сторону примиренчества с оппортунизмом в профдвижении, в конце концов создала ту огромную пропасть, которая отделила профсоюзы от ГСД и тем самым оторвала массовое рабочее движение от ГСД.

Кэтэ Поль. В докладе поставлено обсуждение такого огромного комплекса вопросов и вопросов настолько важных и теоретически, и практически, что сегодня можно начать разбор только некоторых проблем, которые перед нами в данной области стоят.

Как должен подходить историк-марксист к истории ГСД? Мы имеем у Ленина ясные указания на этот счет. Мы должны изучить, с одной стороны, весь тот положительный опыт, который дала эта эпоха широчайшего развития рабочего движения, эпоха, когда впервые создаются на континенте массовые политические и профессиональные организации рабочего класса.

С другой стороны, мы должны проследить рост оппортунизма в ГСД, который накоплялся в течение десятилетий сравнительного «мирного» развития капитализма. На фоне истории левого крыла ГСД и роста оппортунизма в партии мы сможем понять и каутскианство. Ленин писал: «Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле» [9].

Статья т. Зиновьева не дала нам четкой, точной картины этих процессов.

Тов. Зиновьев конечно совершенно прав, когда подчеркивает, что нельзя полностью отдавать оппортунистам довоенный II Интернационал и ГСД. Утверждать, что ГСД всегда была оппортунистичной, что Каутский никогда не был марксистом, было бы просто безграмотно. Но излагая историю ГСД, нужно конкретно показать процесс ее опортунистического перерождения, а это сделано у т. Зиновьева недостаточно четко.

Тов. Мадьяр выступил здесь против утверждения докладчика, что уже в эпоху исключительного закона против социалистов в ГСД имелось оппортунистическое течение, и обосновал свое возражение тем, что оппортунизм возможен лишь в эпоху империализма, а в эпоху промышленного капитализма его дескать быть не могло.

Ясно, что это совершенно неверно.

Что такое оппортунизм? Оппортунизм есть принесение в жертву интересам части пролетариата, отдельным группам рабочих длительных интересов рабочего движения. Оппортунизм был конечно и в эпоху промышленного капитализма, и нельзя говорить, что оппортунизм есть исключительно продукт эпохи империализма. Докладчик был совершенно прав, когда утверждал, что мы имеем оппортунизм в ГСД еще в эпоху

[9] Ленин, Собр. соч., т. VIII, изд. 3-е, с. 203.

промышленного капитализма. В частности я назову борьбу, которая имела большое политическое значение, борьбу, о которой Ленин очень хорошо помнил и на которой он специально остановился в своем некрологе о Бебеле. Речь идет о борьбе в связи с государственной субсидией 1884 г.

Социал-демократическая фракция рейхстага раскололась по этому вопросу. Большинство стояло за субсидию; Бебель и Либкнехт остались в меньшинстве, и в партии закипела такая острая борьба между оппортунистами и революционными социал-демократами, что даже такой осторожный политик, как Каутский, напоминая в годы войны об этой борьбе, подчеркивал, что партия стояла в связи с ней на пороге раскола.

Итак мы имеем уже в 1884 г. серьезнейшую и крайне симптоматичную для дальнейшего развития ГСД борьбу революционных марксистов с оппортунистами. Значит ли это, что уже в 1884 г. ГСД была оппортунистической? Конечно нет. Но историк ГСД должен был бы отметить те ростки оппортунизма, которые обнаружились уже в 1884 г., и показать их дальнейшее конкретное развитие. Тов. Зиновьев к сожалению совершенно не остановился на внутрипартийной борьбе 1884 г.

Тов. Мадьяр был однако прав в другом вопросе, когда он отметил, что т. Зиновьев не рассматривает историю ГСД на фоне и в связи с историей германского империализма. А ведь только на фоне развития германского империализма можно не только внешне проследить, но и понять главные причины процесса оппортунистического перерождения ГСД.

Приведу только один пример.

В 1872 г. расходы на германский флот составляли 31 млн. марок, в 1896/97 г. уже 87 млн. то есть почти втрое больше, а в 1897/98 г.— 117 млн. Вот когда,—в 1897 и 1898 гг. мы имели первые серьезные боевые вылазки оппортунистов против последовательной антимилитаристской позиции партии. На партсъездах этих годов оппортунисты уже пытаются обслужить потребности нарождающегося германского империализма, начинающего эру усиленных морских вооружений, и пробить для этого хотя бы небольшую брешь в правильной революционной позиции партии против милитаризма. Это крайне показательный факт. Он наглядно иллюстрирует по-моему, что понять конкретную историю оппортунистического перерождения ГСД можно только на фоне основных этапов развития германского империализма.

Перехожу к вопросу о войне и милитаризме. Ясно, что историк-марксист, историк-коммунист должен особенно тщательно проследить эволюцию ГСД по отношению к колониальному вопросу, войне, милитаризму. Оценивая работу т. Зиновьева, мы конечно не должны забывать, что он был ограничен рамками статьи, что перед нами статья, а не книга, но все же приходится сказать, что у т. Зиновьева выпал ряд важных этапов, которые необходимо было отметить, хотя бы кратко. Приведу несколько примеров. Уже на первом легальном съезде после отмены закона против социалистов, который происходил в Галле в 1890 г., происходила крайне знаменательная дискуссия. Берлинские левые напали на Бебеля за то, что он выступил в рейхстаге против слишком ярких мундиров и блестящих пуговиц у германских солдат, которые их делают слишком удобной мишенью, и заявил, что готов голосовать за кредиты для переобмундирования армии. Берлинские левые справедливо говорили, что, заняв такую позицию, Бебель отошел от правильной революционной позиции. Отвечая на эти обвинения, Бебель сказал, что ни по одному вопросу у него не было такой спокойной совести, как по данному. И изучая эволюцию ГСД, мы можем сказать, и это не будет

фразой, что она начала с пуговиц, а кончила тем, что дала германскому империализму в мировую войну 40 корпусов, состоявших из ее членов и избирателей. Оппортунистическая ошибка Бебеля в 1890 г. конечно не значит, что он уже тогда был оппортунистом или социал-шовинистом, но ее нужно было отметить, как один из зачатков процесса оппортунистического перерождения партии. Еще гораздо более важна дискуссия на Бременском съезде 1904 г. Либкнехт внес там в очень осторожной форме предложение о ведении среди молодых рабочих перед их вступлением в армию наряду с общей пропагандой специальной антимилитаристской пропаганды. И вот, несмотря на то, что антимилитаристская пропаганда как будто бы не должна была быть новостью для руководителей партии II Интернационала, т. к. у них под боком, в Бельгии, она велась в гораздо более широких размерах, чем предлагал Либкнехт, против его предложения на съезде поднялось подлинное улюлюканье. Во главе травли Либкнехта стал Фольмар. Либкнехта обвиняли в анархизме, в том, что он хочет отдать партию на разгром властям и т. п. И вот характерно, что Бебель, который записался к выступлению, отказался от слова, мотивируя это тем, что и без него предложение Либкнехта достаточно разбито. Таким образом Бебель не счел нужным хотя бы отгородиться от той разнузданной националистической травли, которая велась против Либкнехта на этом съезде, и этот факт еще не означает, что Бебель был в 1904 г. социал-шовинистом. Но он сделал серьезный шаг вперед по сравнению с Галле... в сторону оппортунизма. У т. Зиновьева все эти факты отсутствуют.

Перехожу к вопросу о Бебеле. Какова была политическая эволюция Бебеля? Тов. Мадьяр указал, что в 1922 г., т.-е. когда Ленин мог полностью высказать свое мнение о Бебеле, он писал, что Бебель образец рабочего вождя. Я рекомендую т. Мадьяру внимательно прочитать знаменитую статью Ленина, написанную после смерти Бебеля. В ней имеется одна замечательная особенность, а именно—в статье, посвященной человеку, умершему в 1913 г., разбор деятельности этого человека заканчивается 1903 г. Ленин пишет, что на Ганноверском и Дрезденском партейтагах Бебель со всей энергией провел борьбу против бернштейниады. О деятельности же и позиции Бебеля после 1903 г. Ленин не пишет ни слова.

Почему Ленин поступил так, косвенное указание на это дает одна из его статей во время войны. Ленин пишет там, что в ответ на требование германских военных властей подчиниться исключительным законам под угрозой закрытия социал-демократических газет партия должна была снять с газет партийный заголовок, выпускать их как беспартийные рабочие газеты, которые не могли бы, правда, сказать всей правды, но не говорили бы ни слова неправды. В статье о Бебеле Ленин не говорит ни слова неправды, но благодаря крайне сложной для большевиков обстановке во II Интернационале, не говорит и всей правды, и поэтому заканчивает 1903 г.

Перехожу к вопросу, как Ленин до войны расценивал политическую эволюцию II Интернационала и ГСД. В своих довоенных работах о международном рабочем движении Ленин внимательно прослеживает борьбу революционного и оппортунистического течений в социалистических партиях и в Интернационале, неоднократно указывает на рост оппортунизма в ГСД, вскрывает главные очаги оппортунизма: парламентские фракции, профбюрократию, рабочую аристократию. Но одновременно Ленин учитывал, что классовая борьба в передовых странах, особенно с 1912 г.,

крайне обострилась, и считал, что приближается время решающих боев за власть. Когда же грянула война, и оппортунизм оказался временно победителем, Ленин со всей силой выдвинул лозунг раскола с социал-шовинистами и каутскианцами и провел его в жизнь, создав III Интернационал.

Вот вывод, который приходится сделать, если внимательно проанализировать все, что Ленин говорил о международном рабочем движении до войны; в своих работах он указывал, что оппортунизм дозрел до социал-шовинизма и поэтому раскол обязателен.

В заключение, два слова о Каутском. В своей статье Зиновьев не дает четкой и ясной постановки проблемы каутскианства. В частности он не ставит в отношении Каутского основного вопроса, а именно, как Каутский понимал империализм. А ведь только на правильном марксистском понимании империализма могла быть построена правильная революционная тактика. Каутский никогда империализма не понимал. Удивительно в этом отношении постоянство Каутского. Начиная с его старых статей о колониальной политике, написанных в 1897/98 г., и кончая его последней работой «Wehrfrage и Sozial-Demokratie» в 1928 г., т. е. в течение 30 лет Каутский не понимает, что такое империализм. Ленин в работах военного периода несколько раз подчеркивал, что в вопросах оценки характера империализма, характера империалистической войны Каутский поразительно колеблется. Вот почему никак нельзя понять, что такое каутскианство, если не проанализировать, как Каутский понимал империализм, в какой связи находится каутскианская политика с каутскианским пониманием империализма.

Тов. Зиновьев в данной статье не дал итогов такого анализа, и поэтому ему не удалось представить читателю сущность каутскианства как теоретического течения.

К. Шмюкле. Невозможно согласиться с положением докладчика, что марксистско-критическое изучение истории немецкой социал-демократии впервые началось с 1914 г. Несмотря на ряд существенных ревизионистских ошибок (в критике Лассаля, Швейцера, Бакунина и т. д.), все же историческое изложение Меринга слишком значительно, чтобы его можно было сразу, одним росчерком пера, объявить «ничтожным». Совершенно верно, что истинно марксистское изучение вопроса должно включать в себя анализ Меринга. Я однако не нашел ни в статье Зиновьева, ни в сегодняшнем докладе каких-нибудь успехов в конкретном рассмотрении этой исторической и политической проблемы. У нас, в Германии, вопрос об отношении Ленина к каутскианству, с одной стороны, и к немецким «левым» (Роза Люксембург и др.)—с другой, в течение ряда лет играет значительную политическую роль; у нас имеются оппортунистические например «ультралевые» взгляды на этот вопрос. Так например недавно Корш (в статье в грюнберговском «Архиве») идентифицировал центризм Каутского с ленинизмом и со всей большевистской традицией, объявив и то, и другое «национальной модификацией» одного и того же оппортунизма.

В дискуссии говорилось, что когда в 1914 г. «Форвертс» капитулировал перед императорским главным командованием и этим самым объявил себя «политически мертвым», то Ленин в качестве правильной тактики предложил преобразовать «Форвертс» в информационный листок (без отличительных черт социал-демократического центрального органа). Однако Ленин предлагал такую тактику лишь при условии, что социал-демократия одновременно обеспечит издание нелегальной революционной прессы. Тот, кто это «забывает», тот

и Ленина превращает в оппортуниста. Вопрос об отношении Ленина к Каутскому в предвоенное время довольно сложен и неясен. Нужно исходить прежде всего из отношения Ленина к вопросу об Интернационале (например на Штудгардском конгрессе) и из его общей оценки исторической роли II Интернационала. Я бы хотел иллюстрировать слабость зиновьевской концепции на одном примере, где повидимому докладчик как раз полностью согласен с Зиновьевым, а именно в вопросе о раннем социал-демократическом движении в Германии. Зиновьев, во-первых, подчеркивает, и притом очень часто, роль лассальянства в развитии позднейшего социал-демократического оппортунизма; у него даже появляется какой-то вид «непрерывности» в развитии оппортунизма со времен Лассаля. Он прямо говорит: «Основоположником социал-патриотизма ГСД следует признать именно Лассаля». Зиновьев очевидно поддается влиянию известного лозунга—«назад к Лассалю», который выдвинут в течение последних лет, в определенно апологетических целях. Но в действительности опортунизм Лассаля начала 60-х гг. и оппортунизм начала XX столетия имеют весьма *различную* социальную базу и весьма *различное* политическое содержание. Во-вторых, Зиновьев выдвигает схему лассалевского оппортунизма («национальная ограниченность», «неподготовленность крестьянства для революционной роли», «фетишизм парламентаризма» и т. д.). Разумеется, эта схема не является прямо неверной, но она заключает в себе лишь «половину правды», причем эта «половина правды» не вполне верна. «Полная правда» состоит в конкретном понимании исторических условий, при которых оппортунизм Лассаля получил свой определенный «специфический» характер, т. е. в понимании определенного классового механизма, к которому Лассаль «приспособлял» свою тактику. Это была *эпоха незавершенной национальной эмансипации*. Лассаль приспособлял свои действия к отсутствию активных сил в демократическом национальном движении Италии и Германии и «кокетничал» с «удачливым» прусским государством и Бисмарком, т. е. с «юнкерским» решением национального вопроса. Революционная, т. е. при тогдашних исторических условиях «последовательно демократическая» тактика Маркса и Энгельса в противоположность ему требовала развязывания, расширения и дальнейшего развития демократического народного движения, которым Лассаль в действительности пренебрегал. Когда в 1914 г. в полемике и против софистического социал-шовинистского понимания марксовой военной и национальной политики Ленин характеризовал тактику Лассаля именно таким образом, то он еще не был знаком ни с вновь опубликованным Густавом Мейером документом о лассалевском «кокетничаньи» с Бисмарком, ни с большим письмом Маркса к Кугельману (23 февраля 1865 г.), которое Каутский опубликовал впервые в годы войны. А именно это письмо (которое Зиновьев повидимому до сегоднешнего дня не знает) содержит в себе все необходимое для критики оппортунистической «реальной» политики Лассаля, той реальной политики, которую Лассаль применял одновременно и против непоследовательной национал-либеральной буржуазии и против прусского бонапартиста Бисмарка. Лассаль пытался выступить в качестве «рабочего диктатора» (по выражению Маркса), т. е. стать «Бонапартом германского рабочего класса», поэтому он все решительнее порывал с революционно-пролетарскими традициями «Коммунистического союза». Тактика Лассаля в зародыше по своей тенденции являлась тактикой «бонапартистско-социально-государственной рабочей партии» (применяя выражение Энгельса). Лассаль пытался применять ту же «бонапартистскую игру», которую Бисмарк применял

по отношению к национально-либеральной буржуазии и к пролетариату в интересах королевства и юнкерского класса,—но только «на-изнанку», т. е. «в интересах пролетариата», но под защитой прусской королевской власти и Бисмарка, И при этом он неизбежно должен был в угоду иллюзорным успехам момента приносить в жертву всеобщие и исторические—по сущности вещей революционные — цели пролетариата, подобно тому как германская буржуазия в угоду известным национальным интересам (удовлетворение насущнейших экономическо-юридических требований в национальных рамках и на мировом рынке) приносила в жертву свои более крупные «либеральные» цели. Это является важнейшим и основным для конкретной критики лассальянства, которого невозможно понять вне анализа общественного базиса бисмарковского бонапартизма и политики компромисса национал-либералов эпохи незавершенной буржуазно-демократической революции.

Никсдорф. В тезисах Вакса бросается общий упрек статье Зиновьева в том, что она недооценивает значения левого течения ГСД, однако конкретно не указывается, о каком левом течении идет речь: о левом ли крыле, руководимом Мостом и Гиршем во время закона о социалистах, или о движении «молодых», или о левых радикалах непосредственно предвоенного периода. В своей речи т. Вакс также не дал по этому вопросу необходимых разъяснений. За недостатком времени я могу лишь рассмотреть вопрос о левых радикалах в понимании Зиновьева. Этот вопрос, мне кажется, имеет тем большее значение, что он является не только академическим, но и актуально-политическим вопросом сегодняшняго дня (вопрос о люксембургианстве и его специфической роли в германской коммунистической партии).

Марксистско-критическое изучение движения левых радикалов должно исходить из конкретного рассмотрения тех исторических условий, в которых левые радикалы отошли от марксистского центра и сконструировались как самостоятельное идейное политическое направление. Вместо такого изучения Зиновьев дает лишь краткий и поверхностный обзор исторических фактов, и благодаря тому, что он чисто механически сравнивает германских левых предвоенного периода с русскими большевиками и ограничивается этим сравнением, он упускает следующий факт: левые радикалы не являлись законченной большевистской группой, у них были ошибки в крестьянском и в национальном вопросах, в вопросе о стихийности и сознательности, в вопросе раскола ГСД и в ряде других вопросов.

Чтобы начать с последней допущенной Зиновьевым «ошибки», нет нужды подробно останавливаться на вопросе о том, что было бы лучше,— чтобы ГСД раскололась в 1903 г. или в 1910 г. Зиновьев упрекает левых радикалов в том, что они не совершили раскола, но ведь никто из вождей ортодоксального марксизма в предвоенный период не ставил в порядок дня раскол социал-демократии, и Ленин до 4 августа 1914 г. рассматривал ГСД, несмотря на все ее оппортунистические ошибки, как классовую партию германского рабочего класса. Раз это так, то германский рабочий класс не понял бы организационного откола левых радикалов, поскольку он в то время ограничивался лишь идейным размежеванием с каутскианством. Если диференциация в лагере так называемого ортодоксального марксизма была заметна уже с начала 90-х гг. (к сожалению до настоящего времени не имеется исследований по этому вопросу, но опубликованный Паулем Фрейлихом обмен письмами между Каутским и Мерингом по вопросу о парламентаризме и пролетарской диктатуре в 1893 г. ясно

указывает на идейные расхождения среди ортодоксальных марксистов),— то все же до 1910 г. левые радикалы продолжали рассматривать каутскианство как отдельное течение, которое порывает с позициями революционного марксизма. Исторический прогресс, который заключался в этом идейном расхождении, может быть оценен во всем его значении, если вспомнить первоначальную сдержанность Ленина во время спора Люксембург—Каутский, поскольку тогда Ленин повидимому не хотел допустить перехода к меньшевикам большого авторитета Каутского (см. письмо Ленина Карскому-Мархлевскому от 7 октября 1910 г.[10]

Не найдется никого, кто бы признал целиком правильной теорию стихийности. Она является не марксистской теорией, и лишь в особых условиях германского рабочего движения довоенного периода эта неверная сама по себе теория все же представляла успех и оказывалась некоторым шагом вперед. Лозунг массового действия и массовой забастовки требовал ответа на вопрос, какой центр должен организовать и вести это массовое действие. При этом ввиду оппортунизма и бюрократической косности партийной и профсоюзной верхушки было ясно, что эта верхушка к руководству неспособна. Отсюда неустанный призыв Розы Люксембург, через головы партийного руководства, т. е. стихийно, к выступлению масс. В предвоенный период быть радикалом и противником теории стихийности означало бы ставить вопрос о расколе партии. Серьезная ошибка в теории стихийности, которая уже тогда была заметна у Розы Люксембург, состояла в механическом, недиалектическом обобщении теории. В своей полемике с Лениным в 1904 г. она боролась против большевистского централизма в России, где отсутствие пролетарской массовой партии в то время делало обязанностью каждого революционера организацию пролетарского авангарда. С другой стороны, после 4 августа, когда вопрос о расколе партии стал особенно остро, она упустила возможность своевременно и с полной решительностью организовать самостоятельную революционную партию.

Точно так же в разработке вопроса об империализме, которой левые радикалы занимались весьма углубленно (Радек, Паннекук, Ленц, Р. Люксембург), историк-марксист должен указать на заметные успехи левых, несмотря на неверное решение ими этого вопроса. Прежде всего это относится к серьезной попытке создать теорию империализма в книге Розы Люксембург. Эта книга, сама по себе экономически неверная, все же имела решающее политико-революционное значение (это признает и ее центристский критик Эпштейн, писавший, что «с теоретическими предпосылками падают также и практические выводы Розы Люксембург и прежде всего теория катастрофы»).

В то время как Каутский замалчивал экономическую необходимость империализма и рассматривал империализм лишь как политику определенных групп и частей господствующего класса, против которой борется либеральная буржуазия,—вследствие чего должен быть создан блок пролетариата и антиимпериалистических кругов буржуазии,—Роза Люксембург подчеркивала неизбежность империализма в результате «концентрации капитала» и указывала на неразрывную связь империализма с войной. Этим она помогала марксистскому центру разрушать иллюзии разоружения и подготовляла пролетарский авангард к надвигавшейся империалистической войне.

---

[10] «III Ленинский сборник», с. 449 и дальше.

Я к сожалению не могу остановиться на других важных проблемах, связанных с движением левых радикалов (массовая забастовка, теория государства). Рассмотрение этих вопросов точно так же легко указало бы, что Зиновьев в своем изображении предвоенных течений в социалдемократии неправильно распределяет свет и тени. Переоценивая марксистский характер каутскианства, он придает мало значения исторически прогрессивному движению левых радикалов. Это тем более печально, что подобное изображение дает орудие для ультралевой критики, которая еще недавно проявилась в рецензии Корша на сочинения Каутского, где по вопросу об историческом материализме он изобразил русский большевизм как специфически национальную, русскую форму мирового марксистского центризма.

Толмачев. Между тезисами т. Вакса и его докладом нельзя не отметить некоторого различия в красках, которыми он изображает историю ГСД.

В тезисах т. Вакс пишет: «Тов. Зиновьев пытается оправдать свою позицию ссылкой на довоенную оценку ГСД Лениным», далее он заявляет, что вся старая концепция партии должна быть радикально пересмотрена. В каком направлении должен быть произведен этот пересмотр, какие должны быть внесены изменения в самую схему—т. Вакс не договаривает. Лишь в одном из тезисов у него есть указание, что задача историка ГСД дать «анализ действительного развития ГСД, вскрыть процесс оппортунистического перерождения партии». И если мы продумаем все его тезисы, если мы суммируем все его мимолетно брошенные указания о характере этой партии, то получится почти сплошная мрачная картина. Получается история сплошной реакционной, реформистской, оппортунистической партии.

В сегодняшнем докладе т. Вакс дал нам более четкие определения, мне кажется, более правильные, чем в своих тезисах.

Он определяет задачи историков-марксистов в области истории ГСД как борьбу на два фронта: борьбу с тенденцией изобразить ГСД как революционную партию почти за все время ее существования и борьбу с выбрасыванием всего ее революционного прошлого, с теми, кто рисует историю ГСД сплошными черными красками.

Это его положение является по-моему правильным. Оно подтверждается взглядом т. Ленина на историю ГСД. Всем известно утверждение, что «социал-демократия теперь смердящий труп» (это после 4/VIII 1914 г.). Но известна и другая его характеристика ГСД как партии революционной, как передовой пролетарской партии, у которой многому училась наша РСДРП.

Об этом Владимир Ильич говорил неоднократно. Он прямо восхищался ГСД, создавшей свою нелегальную организацию в период исключительных законов. То же самое он повторял, давая характеристики отдельных работ Каутского, в своей известной книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», как известно, написанной в 1920 г. Так на с. 20 мы читаем: «История, мимоходом сказать, дала теперь в крупном всемирно-историческом масштабе подтверждение того мнения, которое мы всегда отстаивали, именно, что революционная (разрядка т. Ленина—*Г. Т.*) немецкая социал-демократия [заметьте, что еще Плеханов в 1900—1903 гг. требовал исключения Бернштейна из партии, а большевики, продолжая всегда эту традицию, в 1913 г. разоблачали всю низость, подлость и предательство Легина (разрядка моя—*Г. Т.*)], что революционная немецкая социал-демократия

ближе всего (разрядка Ленина—*Г. Т.*) была к такой партии, которая нужна революционному пролетариату, чтобы он мог победить».

И в этой же книжке Ленин приводит цитату из статьи Каутского в русской «Искре» за 1902 г. «Славяне и революция» и заключает: «Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский». Конечно это относится к Каутскому периода 1902 г. Но, как мы видим, Ленин в 1920 г. это повторяет.

И в то же время ряд историков ГСД партии и не только в Германии [11], оценивает всю историю партии как партии порядка и закона. Совершенно естественно, что он выпячивает на первый план, необычайно преувеличивает имевшиеся почти с момента возникновения социал-демократии оппортунистические тенденции в ней и выдает их за основную линию партии, чтобы оправдать теперешнюю позицию социал-демократии.

И у нас, в СССР, за последнее время стали появляться книги о ГСД, рисующие последнюю как реформистскую партию во все время ее существования. Такую оценку дает ГСД т. Альтер в своей на-днях выходящей книжке «Демократия против революции». В его изображении ГСД была на всех этапах своего развития нереволюционной, правильнее сказать, контрреволюционной демократической партией. Выступавшие раньше товарищи уже называли книжку т. Миронова, статью т. Бернштейна, работы подобного же направления.

Мне кажется, что т. Вакс правильно призывал к борьбе с подобным толкованием, толкованием немарксистским и ошибочным.

Мне хотелось бы остановиться еще на некоторых вопросах.

Когда мы приступаем к изучению истории ГСД, как к изучению всякой другой партии, то основной вопрос, который мы должны себе поставить, таков: партией какого класса была ГСД.

И вот в статье т. Зиновьева на этот коренной решающий вопрос мы ответа не получаем. В ней мы не найдем анализа специфических закономерностей и особенностей развития этой партии.

Когда мы приступаем к анализу программы и тактики ГСД, мы обязательно должны помнить, что возникновение и развитие ГСД охватывает различные периоды: период роста капитализма, переходный период от промышленного капитализма к монополистической его стадии, развитие империализма до войны, во время войны и после нее.

Именно это и определяет развитие ГСД, различные стадии и этапы этого развития. И тут мне хочется перейти к основному вопросу развития ГСД—именно к вопросу о победе в ней центризма.

Тов. Сталин в своей речи на ноябрьском пленуме ЦК в 1928 г., ставя вопрос о различии между партиями Коминтерна и партиями II Интернационала, дал четкое определение центризма. Тов. Сталин говорит: «Так могут говорить лишь люди, у которых смешались все понятия и которые давно уже порвали с марксизмом. Так могут говорить лишь люди, которые не видят и не понимают принципиальной разницы (разрядка Сталина—*Г. Т.*) между партией социал-демократической довоенного периода, которая была партией блока (разрядка Сталина—*Г. Т.*) пролетарских и мелкобуржуазных интересов, и между партией коммунистической, которая монолитна (разрядка Сталина—*Г. Т.*) и есть партия революционного пролетариата».

---

[11] Как напр. Ferd. Tönnies в книге «Der Kampf um das Sozialistengesetz 1878», изд. 1929.

Центризм не есть пространственное понятие: на одном месте сидят, скажем, правые, на другом—«левые», а посредине—«центристы».

К слову замечу, что т. Альтер в своей уже названной мною книге на с. 14 утверждает: «Центризм не имеет особой (разрядка автора—*Г. Т.*) социальной базы», и этим, по его мнению, объясняется живучесть и распространенность его взглядов.

Тов. Сталин далее говорит: «Центризм есть понятие политическое. Его идеология есть идеология приспособления, идеология подчинения пролетарских интересов интересам мелкой буржуазии в составе одной общей партии» (разрядка Сталина—*Г. Т.*).

И далее т. Сталин разъясняет: «Там (у социал-демократии) была одна классовая подоснова партии (разрядка моя—*Г. Т.*) Здесь (у коммунистов) совершенно другая подоснова партии. Там (у социал-демократии) центризм был естественным явлением, так как партия блока разнородных интересов не может обойтись без центристов, и большевики обязаны были вести линию раскола».

Победа центризма ГСД—факт неоспоримый. И вот, когда пишется ее история, то естественно, что проблемы складывания партии, раскола пролетариата и образования рабочей аристократии, превращения партии из партии пролетариата в партию рабочей аристократии, сближения ее с мелкой буржуазией, проблемы образования, развития и победы в ГСД центризма—являются основными проблемами в ее истории довоенного периода.

Неоспоримым является и факт вырождения ГСД в последний третий период послевоенного капитализма в партию социал-фашистскую.

Этот вопрос—перерастание социал-демократической партии из социал-шовинистического этапа ее военного развития в партию социал-фашизма—составляет основную проблему ее послевоенного развития.

К сожалению, хотя бы более или менее четкой постановки этого вопроса в статье т. Зиновьева мы не имеем.

Чрезвычайно существенным моментом при изучении истории всякой партии, в том числе и ГСД, является ее периодизация. И здесь проблема—как складывалась и создавалась партия, из каких источников она черпала свои программные устои и какой класс стоял у ее колыбели—имеет громадное значение для всей ее дальнейшей истории. Мне кажется, что при составлении истории ГСД мы также должны начинать с ее предыстории, с истории ее предшественников, с истории складывания элементов, из которых впоследствии организовалась эта партия. Мне думается, что в круг этих вопросов должны войти и история просветительных рабочих кружков и организаций, и Лассаль с всеобщим германским рабочим союзом, и история социал-демократии, рабочей партии во главе с Бебелем и Либкнехтом.

Это мне кажется бесспорным. Но, мне думается, что предыстория ГСД будет не полна без включения сюда же и истории Союза коммунистов и быть может связанных с ним рабочих организаций германского пролетариата 40-х и 50-х гг.

Все эти элементы, составляющие предысторию партии, проливают свет на историю организации партии, потому что целый ряд оппортунистических ошибок в деятельности партии или ее отдельных групп и организаций имеет здесь своих предшественников и свои идейные корни.

История организационного оформления ГСД должна вплотную подвести нас к проблеме—борьбы за гегемонию революционного марксизма в партии и рабочем движении. Это должно составить, думается мне,

второе звено истории этой партии и должно охватить период от Готского съезда и до издания исключительных законов против социалистов.

Период крупных успехов партии, период преобладания в ее рядах революционного марксизма, охватывающий период 90-х гг. XIX и самого начала XX вв.—период чрезвычайно интересный для историков—должен составить следующее звено истории ГСД.

Наконец один из важнейших основных моментов в ее истории период перерастания социал-демократии из партии пролетариата в партию блока верхушки рабочего класса с определенными прослойками мелкой буржуазии. И наконец заключительные звенья этой эволюции—этап победы в партии социал-шовинизма с последующим перерастанием партии в партию социал-фашистскую.

Статья т. Зиновьева и должна была дать нам четкую и правильную периодизацию истории социал-демократии. Но к сожалению этого мы в ней не находим.

Тут уже говорилось сегодня о некоторых неверных и спорных положениях в статье т. Зиновьева, например об оценке т. Зиновьевым Бебеля, Каутского и др.

Я хочу остановиться на вопросе о центре в партии.

Мне думается, что это одна из основных проблем социал-демократии,—проблема того, как социал-демократия из пролетарской партии перерастала в партию блока с мелкой буржуазией в рядах единой партии. Тов. Ленин в ряде своих работ уделяет этой проблеме чрезвычайно много места.

Он пишет в своей известной работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»: «Новейший (XX в.) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т. е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих».

Целый ряд других работ Ленина, опубликованных в недавно изданном Институтом Ленина I выпуске «Новых статей и писем», ясно и четко ставит эти проблемы перерастания официальных социал-демократических партий и дальнейшего «краха всего гнилого» в рабочем движении. Владимир Ильич говорит, что во всех партиях II Интернационала, в том числе и в ГСД, внутри единой партии образовались две партии, обстоятельство, которое 4 августа 1914 г. поставило во весь рост вопрос о расколе.

Ленин говорит: «Мы не будем отталкивать того правильного, того здорового, того революционного, что в этих партиях было; мы будем продолжать это дело, но вместе с тем мы будем бороться против этого блока рабочего класса с элементами мелкой буржуазии» (разрядка наша—*Г. Т.*).

Мне кажется, что вопросы, как складывался центризм, как «создавалась оторванность партии от масс» (эти слова Ленина уже говорят за то, что партия раньше была связана с массами, иначе не могло быть и отрыва), как в партии происходила победа центризма, как он смог стать гегемоном, и это повело сначала к созданию в рядах одной партии двух партий, а затем к превращению ГСД в партию оппортунистическую, предательскую—это важнейшие вопросы в истории ГСД.

О том, что ГСД была тесно связана с широчайшими прослойками рабочего класса—об этом мы имеем свидетельство Энгельса. В 80-х гг. он пишет, что большим достоинством немецкой социал-демократии является то, что она охватывает все прослойки рабочего класса даже и второстепенные отряды рабочего класса, вплоть до ремесленников.

И вот постепенно, в силу ряда социально-экономических условий, ГСД от этой широкой пролетарской базы отходит, отрывается от масс, ее основой становится создаваемая империализмом «рабочая аристократия», полумещанская, оппортунистическая, враждебная широким собственно пролетарским массам. «Вожди этой массы рабочей аристократии,—говорит Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме»,—переходили постоянно в сторону буржуазии, становились проводниками блока верхушки рабочей аристократии с мелкой буржуазией в рядах единой партии».

И ГСД еще до войны крепко стала на этот путь развития.

Эта центральная, по-моему, проблема в статье т. Зиновьева почти совершенно не разработана и поставлена чрезвычайно неясно.

И. Горловский. Мне кажется, что статья Зиновьева сама по себе не заслуживает обсуждения как научный вклад в нашу литературу, ибо, если взять ее с академической точки зрения, то она является в значительной степени компиляцией его старых статей по вопросу о социал-демократии. Правда, он приводит большой список литературы, но из всего того, что он написал, не видно, чтобы он эту литературу использовал. Мне кажется, что статья Зиновьева — научно-популярная, но с большим количеством ляпсусов. Я насчитал там свыше 20 ошибок фактического порядка. Многие даты перепутаны. Об этом я не буду говорить, но в статье имеются ошибки, которые в значительной степени искажают историю социал-демократии. Например, история возникновения мостианства. Тов. Зиновьев пишет, что после объединения социал-демократии «вскоре в германском рабочем движении появились анархические и полуанархические веяния. Мост и Гассельман стали резко критиковать парламентскую тактику партии, постепенно впадая в полуанархизм. Деятельность Моста в Хемнице и в Берлине вызвала ряд судебных процессов против его сторонников. Кое-где начали обнаруживаться террористические настроения отдельных рабочих кружков. Государственная власть использовала все это для того, чтобы лишить легальности всю социал-демократическую партию»[12]. Таким образом вся история поставлена наголову. Выходит, что исключительные законы были приняты именно потому, что в партии начинал развиваться анархизм, т. е. другими словами, т. Зиновьев невольно поддерживает версию Бисмарка. Такие ляпсусы,—а я могу привести целый ряд подобных,—делают эту работу малоценной. Поэтому будем рассматривать статью Зиновьева только как повод для выяснения основных спорных вопросов, существующих по истории ГСД. Когда я прочел тезисы Вакса, признаться, я был воинственно настроен. Тезисы т. Вакса в основном развивают взгляды, высказанные так называемыми «левыми» историками. Основная методологическая установка, которая дается в тезисах Вакса, заключается в том, что исследование истории социал-демократии нужно сосредоточить только на поисках оппортунизма. Это совпадает с тем, что говорят ультралевые Корш и Брокшмидт и анархист Роккер. Как известно, эти «левые» утверждают, что ГСД никогда не была революционной партией, что оппортунизм ее заел с первых дней ее существования. То же самое

[12] БСЭ, т. XVI, с. 283 (разрядка наша—*С. Г.*).

утверждают и официальные историки социал-демократии: Кампфмейер, Блос, Бернштейн, Шейдеман и т. п., которые пытаются подвести исторический базис под современный социал-фашизм и с этой точки зрения переделывают все прошлое социал-демократии. Для историков социал-фашистов социал-демократия не изменилась, она сейчас продолжает ту же линию, которой она держалась и раньше до войны. Эта точка зрения политически вредна и ненаучна. Если бы ГСД была с самого начала оппортунистической, если бы рабочий класс Германии был организован оппортунистической социал-демократией и шел под ее руководством, то отсюда напрашивался бы вопрос: где же перспективы высвобождения рабочей массы от социал-демократического влияния?—К великому моему удовлетворению я нашел, что доклад т. Вакса не так страшен, как его тезисы. В докладе есть указание на необходимость борьбы с «левыми» загибами в историографии социал-демократии. Правда, т. Вакс считает, что «левые» загибы характерны только для иностранцев, для социал-фашистов, у нас же их нет, но все-таки он сам приводил статью т. А. Бернштейна в «Историке-марксисте», которая по сути дела повторяет приведенную выше концепцию. У Бернштейна сказано, что социал-демократия, несмотря на то, что в ней происходила борьба течений, пронесла через всю свою историю оппортунизм и т. п.[13].

Я считаю, что вопрос о том, была ли когда-нибудь ГСД революционной, является основным для установления правильной методологической основы изучения истории ГСД. Конечно, когда мы изучаем историю социал-демократии, мы должны в первую очередь искать корни, приведшие ее к краху, к состоянию социал-фашизма, но когда мы ищем корни ее перерождения, мы тем самым говорим, что когда-то социал-демократия была революционной. Нельзя стать ревизионистом, не имея, что ревизовать. Следовательно, мы прежде всего должны установить первый момент, когда партия становилась и была революционной и марксистской, и второй момент, когда начался и как происходил процесс политического расслоения внутри партии и как руководство переродилось и превратилось в оппортунистическое.

Сильные стороны доклада т. Вакса заключаются в критике действительно слабых сторон статьи Зиновьева, но т. Вакс к сожалению не приводил своей собственной концепции. Он не указал, каков же был процесс развития социал-демократии, на какие эпохи следует делить ее историю, когда зарождается «центризм», когда оформляется левое крыло партии и т. д. По всем этим вопросам в докладе т. Вакса ничего не говорится. Я постараюсь дать концепцию развития социал-демократии так, как она мне рисуется. В своих выводах я основываюсь на концепции, данной Лениным. В своей статье о Бебеле Ленин намечает 3 эпохи в развитии социал-демократии.

Первый период (1863—1880), когда закладывается фундамент партии. Я считаю, что этот период можно считать еще периодом мелкобуржуазного развития партии, когда и социальный состав партии состоял преимущественно из ремесленного и полуиндустриального пролетариата, когда вся хозяйственная обстановка Германии была еще достаточно насыщена мелкобуржуазными элементами, когда резкой грани между мелкой буржуазией и рабочим классом еще не было; в этой обстановке могли развиваться оппортунистические тенденции. Здесь-то и находились корни

---

[13] См. «Историк-марксист», кн. 13, с. 105, 126, 128 и 136. Статья помещена с примечанием редакции. *Ред.*

лассальянства, государственного социализма и других теорий мелкобуржуазного социализма. И эта эпоха кончается не 1875г., а 1880 г. Оппортунизм первых лет эпохи исключительных законов, все колебания руководства, преклонение перед законностью и государственностью, боязнь нелегальной работы объясняются как раз предыдущим мелкобуржуазным развитием социал-демократии. Все же я считаю, что огульно считать этот период оппортунистическим нельзя. Объективно, несмотря на то, что партия идеологически была далека от марксизма, несмотря на то, что она отрицала революцию и стояла за реформистский путь, она все же даже эти свои реформы, это крохоборчество в условиях бисмарковской реакции была вынуждена проводить путем борьбы. В этом отношении можно говорить, что эйзенахское крыло социал-демократии сыграло революционизирующую роль в борьбе с бисмаркизмом.

Нужно отметить еще один момент. Нельзя забывать, что в I Интернационале, когда анархизм усиливался в нем, ГСД была единственной партией, стоявшей на почве политической борьбы, считавшей, что профдвижение должно быть подчинено политическому движению рабочего класса. Эти моменты объективно делают партию в этот период революционной. Наконец, всю эту эпоху необходимо рассматривать под углом зрения младенческого возраста рабочего движения Германии. Оппортунистические тенденции не были болезнью старческой дряхлости, а ошибками молодого, находящегося в процессе эмансипации от буржуазии рабочего движения. Я считаю, что второй период, эпоха исключительных законов (1878—1890), есть тот период, когда действительно партия высвобождается от оппортунизма и становится революционной и марксистской. На это указывают и Ленин и Энгельс. Последний говорит, что благодаря бисмарковским законам все мелкобуржуазное поветрие было выбито из головы партии. Революционность партии этого периода в общем мало кто отрицает, но все-таки в тезисах Вакса этот момент затушеван.

Находятся другие историки, которые считают эту эпоху периодом зарождения современного оппортунизма. Я считаю такой взгляд неверным. Означает ли это, что в партии вовсе не было оппортунизма в эту эпоху? Конечно, был. Было бы удивительно, если бы его не было. Поскольку пролетариат в своей классовой борьбе находится в мелкобуржуазном окружении, поскольку политика буржуазии тоже не всегда одинакова, иногда она применяет тактику кулака, а иногда этот кулак разжимается, и протягивается рука в бархатной перчатке (социальное законодательство и т. п.), постольку колебания внутри партии неизбежны. Но необходимо отметить, что оппортунистические отрыжки были главным образом среди членов фракции, которые ничему не научились, которые остались на старой точке зрения мелкобуржуазного социализма. Об этих членах фракции в письмах Энгельса имеется много нелестных отзывов. Но важно то, как вела себя вся партия и основное партийное руководство (группа Бебеля, Либкнехта). Мы должны сказать, что в этот момент, несмотря на наличие целого ряда оппортунистических уклонов, все-таки каждый раз, когда оппортунизм пытался выступить открыто, он получал по рукам. Бывало, что за отказ подписать тот или иной партийный документ или солидаризироваться с тем или другим партийным постановлением некоторые видные члены фракции исключались из партии (Риттингаузен). Такие случаи, правда, были из ряда вон выходящими, но все же наблюдались. Правда, мы имели случай, когда большинство фракции было готово голосовать за субсидии пароходствам,—это был несомненно оппортунистиче-

ский поступок. Но как реагировала вся партия? В конечном итоге под давлением партийных организаций, поддержавших меньшинство фракции с Бебелем и Либкнехтом во главе и ЦО партии «Социал-демократ», фракция была вынуждена отказаться голосовать. Конфликт между ЦО и фракцией был разрешен компромиссом. Почему все-таки были компромиссы? Это объясняется самим характером, самой природой оппортунизма. Оппортунизм не всегда выступает с открытым забралом, и часто, когда он выступает и получает по рукам, он отступает, стушевывается. Не забудьте, что Блос и Газенклевер в известном конфликте с ЦО отказались от своих оппортунистических выступлений, они писали заявление, что их плохо поняли и т. п. Это маневрирование, конечно, является таким моментом, который затрудняет борьбу с оппортунизмом.

Переходим к следующему периоду (1890—1900); одно бесспорно для этого периода—это есть период, когда в партии усиливается оппортунизм. Питающая оппортунизм среда всем известна. Посмотрим, однако, какова была позиция группы Бебеля, Либкнехта и Каутского в этот период, была ли она еще марксистской или уже тогда она была оппортунистической, как многие, в том числе и докладчик, считают. Я считаю, что, несмотря на то, что исторические корни оппортунизма, зародыши перерождения партруководства следует искать именно в этой эпохе (главным образом в вопросе о государстве и революции), партия в целом с ее руководящими кадрами была революционной и марксистской, ибо эти зародыши еще не являются показателем полного оппортунистического перерождения. Ленин в одном месте говорит, что лишь «из суммы обходов вопроса, умолчаний, уклончивостей и получился неизбежно полный переход к оппортунизму» [14]. Именно с у м м а, которая лишь в 1914 г. накопилась, дала новое качество: перерождение партии. Но в данный момент этого еще не было. В тот момент все эти искривления были даже мало заметны. Возьмем основное—теорию революции. Ленин неоднократно критикует социал-демократию на протяжении всей ее истории. Ленин указывает, что в борьбе с бернштейнианством руководство социал-демократии совершило ошибки также и по вопросу аграрной программы, но все же он считал, что немцы боролись с оппортунизмом. Он пишет: «Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейнианцы» терпимы еще в рядах германской партии, то лишь постольку, поскольку они п о д ч и н я ю т с я и ганноверской резолюции, решительно отвергшей «поправки» Бернштейна, и любекской, содержащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну. Можно спорить с точки зрения интересов немецкой партии о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расходиться одним словом в оценке целесообразности того или иного с п о с о б а отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что *ГСД* дважды отклонила бернштейнианство» [15]. Интересно, что Ленин не указывает в данный момент ошибок в вопросах теории революции. Значит ли это, что Ленин их не видел? Нет. Конечно, видел. Но в этот момент в той обстановке они были неактуальными вопросами. В основном партруководство социал-демократии опиралось на Энгельса (я думаю, что Энгельса до сих пор никто из коммунистов не заподозрил в оппортунизме). Как Энгельс в

---

[14] Л е н и н, Собр. соч., т. XI, ч. 2, с. 388.
[15] Там же, т. V, изд. 3-е, с. 371.

90-х гг. обрисовывает положение? Возьмите основной спор с «молодыми». Наши историки, в том числе и т. Фридлянд, считают, что в вопросе о 1 мая 1890 г. партия совершила большую оппортунистическую ошибку тем, что не призывала к всеобщей забастовке, а «молодые» были правы. Между тем Энгельс пишет, что больше всего его беспокоит 1 мая: «1 мая я жду с большим нетерпением,—пишет Энгельс в письме к Зорге,—в Германии было долгом парламентской фракции выступить против разыгравшихся страстей. Буржуазия и политическая полиция, для которой дело идет «о насущном хлебе», и господа офицеры, которым очень хочется пострелять и грянуть на нас, ищут всевозможных предлогов, чтобы показать молодому императору, что он напрасно медлит отдачей приказа открыть огонь. Это могло бы однако испортить все наши планы (разрядка наша—*С. Г.*). Массы, настроение которых очень приподнято, нуждаются, чтобы не наделать глупостей, в некотором обуздании» [16]. Следовательно и Энгельс считал, что пролетариат не должен форсировать «прямые действия» в 1890—1892 гг. Более подробно Энгельс изложил свои взгляды на задачи социал-демократии в 90-х гг. в своей статье «Социализм в Германии» [17]. Отметив избирательные успехи партии, предсказывая их дальнейший рост, когда партия превратится в такую силу, которая будет «в состоянии привести к капитуляции любое правительство», Энгельс, однако, говорит, что «главная сила социал-демократии ни в коей мере не заключается в числе ее избирателей». Гораздо большее значение Энгельс придает росту влияния социал-демократии в армии. «Германская армия все больше и больше заражается социализмом... К 1900 г. армия, представлявшая дотоле прусский элемент в стране, станет в своем большинстве социалистической». Какие же выводы делает отсюда Энгельс? Склоняется ли он к выводу, что нет нужды в революции, что парламентаризм есть единственный путь к социализму? Конечно, нет. Наоборот, он доказывает, что дальнейший рост успехов социал-демократии неизбежно ведет к тому, что «сама буржуазия и ее правительство будут теми, кто нарушит закон и право, чтобы насилием нас размолоть (zermalen)». Другими словами, вооруженное столкновение с господствующими классами неизбежно. Но на данном отрезке времени Энгельс является противником прямой борьбы пролетариата за власть, считая ее несвоевременной. Сейчас «не мы являемся теми, которые собираются покончить с законностью (die, die Gesetzlichkeit kapût machen). Напротив, она так хорошо работает на нас, что мы должны быть дураками, чтобы ее нарушить... Пока стреляйте первыми, господа буржуа». Так ставит вопрос Энгельс. Примерно в этом же духе высказался и Бебель. Этот момент я и хотел отметить. Разве Каутский например, отрицал революцию как необходимость? Нет. Для Каутского революция—возможная вещь. Позже тот же Каутский даже говорил, что социальная революция является единственно возможной вещью. Например, в «Социальной революции» он писал, что от парламентаризма мы ничего не получим. Правда, это был слишком короткий момент разочарования Каутского в парламентаризме.

Вопрос о «молодых». Тут нужно раз и навсегда сказать: «молодые» это не левое крыло марксизма, а мелкобуржуазное течение взбунтовавшегося, «взбесившегося» мелкого буржуа. Без сомнения за «молодыми»

---

[16] Письмо к Зорге от 19/IV 1890.

[17] Напечатана сперва во французском «Almanach du parti ouvrier pour 1892»' а затем в «Neue Zeit», B. X., Т. 1.

шли некоторое время и хорошие рабочие-революционеры, но «молодые» не были левым крылом на марксистском фронте. В «левом» «Volkstribune» [18] была например помещена статья Р. Е. (т. е. Пауля Эрнста, одного из вождей «молодых»), которая была направлена против марксизма в целом. Эта статья под названием «Gefahren des Marksismus» приходит к выводу, что марксизм—фаталистическая теория, что она ведет к индиферентизму масс, она лишает одиночку иллюзии о своем влиянии на развитие общественных явлений. По мнению автора, великие дела совершаются «отнюдь не людьми холодного и трезвого ума, а великими воодушевленными фанатиками». Отсюда Эрнст делает вывод, что марксизм необходимо дополнить какой-либо волюнтаристской теорией. Мы видим таким образом, что «молодые» представляли собою совершенно чуждое марксизму идеологическое и тактическое движение, и прав был Энгельс, который бил по этим «недоучившимся студентам и докторам, примазавшимся к движению». Тов. Вакс совершенно прав, когда указывает, что движение «молодых» сигнализировало правую опасность, но руководство движением и его формы борьбы в целом—это мелкобуржуазные «левые» фразы, причем и критика «молодых» не всегда была верна. Я считаю, что в данных условиях, когда партия находилась в процессе бурного роста и созидания организационных рамок для своей деятельности, когда были еще возможны новые исключительные законы против социалистов, ультралевый уклон был опаснее правого уклона, и в этих условиях совершенно правильно партруководство сосредоточило огонь на левых. Однако неуменье партруководства вести борьбу на два фронта без сомнения содействовало укреплению оппортунизма. Все же считать этот период руководства социал-демократии оппортунистическим будет неправильно. В целом партия стоит на базе марксизма, в целом партия борется с ревизионизмом. Мне хочется сделать еще одно замечание: в вопросах теории государства и революции мы не видим резкой грани между Каутским и будущими вождями леворадикального крыла—Розой Люксембург и др. Роза Люксембург до 1914 г. стояла в вопросе о революции на той же почти точке зрения, что и Каутский. Она признавала необходимость и неизбежность революции, но революции—культурной, «без вил». В общем и целом теоретическая база левого крыла и Каутского была одна и та же до 1914 г. Конечно между ними существует большая разница, я не хочу ее отрицать, но в теоретическом отношении они вместе стояли на базе марксизма II Интернационала, т. е. марксизма мирного периода.

Я выделяю 1900—1905 гг. в особый период, когда новый взлет революционного движения в Германии, результат экономического кризиса и кризиса парламентаризма, позволил Каутскому писать, что мы не должны ждать от парламентов разрешения социального вопроса. Именно в этот период Бебель говорил: «Зачем нам тратить столько денег и времени на парламентскую борьбу?» Именно в этот период усиливается и конкретизируется борьба с ревизионизмом (дрезденская резолюция). В этот период партия борется с оппортунизмом не только в области теории, но пытается построить новую тактику в соответствии с новой ситуацией—обострением классовых противоречий и классовой борьбы. Под влиянием всеобщей стачки в Бельгии, в Австрии и в Италии, начала мощного размаха русской революции 1905 г., был поставлен вопрос о массовой стачке. Эти годы являются по моему мнению кульминационным пунктом в революционном развитии *ГСД*.

---

[18] № 32, 9/VIII 1890.

С момента поражения русской революции, с 1907 г., начинается действительное перерождение социал-демократического руководства. Главнейшим социальным фактором этого перерождения является усиление рабочей аристократии и профбюрократии. Новая тактика, т. е. тактика массовой стачки, привела к конфликту между партией и профбюрократией, который закончился полной капитуляцией партруководства перед оппортунизмом. Именно тогда оформилось «центристское течение». В этом Зиновьев прав. «Центр,—говорит Ленин,—люди рутины, изъеденные гнилой легальностью, испорченные обстановкой парламентаризма, и пр. чиновники, привыкшие к теплым местечкам и к «спокойной работе». Исторически и экономически говоря, они не представляют особого слоя, они представляют только переход изжитой полосы рабочего движения от полосы, давшей много ценного, особенно в необходимом для пролетариата искусстве медленной, выдержанной, систематической организационной работы в широком и широчайшем размере—к полосе новой, ставшей объективно необходимой со времени всемирной империалистической войны, открывшей эру социальной революции» [19]. Эта новая эра, как известно, уже подготовлялась классовой борьбой накануне войны, и «люди рутины», боявшиеся раскола, стоявшие за единство во что бы то ни стало, капитулировали перед оппортунизмом, стремясь выдумать «архимарксистски звучащие отговорки от революционной борьбы» (Ленин).—Только в таком освещении будет понятен поворот Каутского в 1910 г. в сторону оппортунизма. Прекрасной иллюстрацией к вышесказанному являются письма небезызвестного Конрада Гейниша. Накануне Магдебургского партейтага (1910 г.) он писал по поводу вотирования бюджета баденцами: «Raus mit der Bande!» Но этот же Гейниш через несколько дней после Магдебургского партейтага, который ограничился лишь платоническим осуждением баденцев, осуждением, которое никем не было принято всерьез, пишет: «Вышвырнуть их вон, что было бы единственно разумным, не осмелились; теперь это слишком поздно—последняя благоприятная возможность была в 1903 г., и она к сожалению была упущена, теперь за ревизионистами стоит слишком большая рабочая масса, которую мы можем потерять вместе с ними. К чему же теперь молотить пустую солому? Нам остаются только слова, за которыми никакие действия последовать не могут» [20].

Именно тогда, когда партруководство пошло плясать под сурдинку оппортунистов, оформилось левое радикальное крыло. Левое крыло в своей борьбе с центром внесло много нового в проблемы тактики социал-демократии (массовые действия, вопрос о взаимоотношениях организованных и неорганизованных рабочих и т. п.), но в основном оно отстаивало радикализм 1900-х гг., отстаивало идею массовой стачки, т. е. те идеи, которые имели до 1910 г. своими приверженцами и Каутского, и в известной мере Бебеля. Леворадикалы боролись с последними как с изменниками, переметнувшимися на сторону ревизионистов. Но в основном, повторяю ранее высказанную мысль, радикалы защищали марксизм довоенный, т. е. без диктатуры пролетариата и революции в ленинском понимании этих принципов. Все же левое крыло было новым явлением в германском рабочем движении. Объективно оно играло роль промежуточного звена между русской революцией, между большевизмом, прокладывавшим путь на мировую арену, и германским рабочим движением. Отнюдь не

[19] Ленин, Собр. соч. т. XIV, ч. 1, с. 54.
[20] „Grünbergs Archiv“, B. XIV, H. 3. S. 456.

случайно, что Роза Люксембург, Радек, Тышко и др. польские социал-демократы, которые были связаны с русской революцией, были в центре радикального движения Германии. Левое радикальное крыло было переходным этапом от периода загнивания социал-демократии к большевистскому развитию рабочего движения в Германии. В этом его историческое значение. Но это был только переходный этап. Большевизация германской компартии стала возможной только путем изжития и преодолевания не только социал-демократической традиции, но и люксембургианства, т. е. левого социал-демократического радикализма. Всякие попытки воскресить этот радикализм в условиях пролетарской революции, как это делают германские ренегаты: Брандлер, Тальгеймер и др., является возвратом к каутскианству и следовательно к современному социал-фашизму.

Н. Лукин. Начну с замечания некоторых оппонентов т. Вакса, в частности с выступления т. Мадьяра. Прошлый раз т. Кэтэ-Поль убедительно показала, что оппортунизм вовсе не является единственной принадлежностью, единственным спутником эпохи империализма, как казалось т. Мадьяру. Сейчас хочу отметить, что Энгельс в 1881 г. указал на своеобразные особенности раннего оппортунизма ГСД. Еще в 1881 г. Энгельс вскрыл, как мне кажется, вполне правильно социальную основу этого раннего оппортунизма ГСД. Вот что он писал: «Масса наших товарищей в Саксонии состоит из ручных ткачей, которые обречены на гибель, благодаря введению парового станка, и продолжают еще существовать, получая голодную зарплату и имея побочные занятия. Эти люди находятся в экономически отсталом состоянии, являются представителями исчезающей ступени производства; они следовательно далеко не в такой степени природные представители революционного социализма, как рабочие крупной прмышленности. Их бедность делает их при известных обстоятельствах более восприимчивыми к социализму, чем жителей больших городов, но та же бедность делает их также менее надежными. Утопающий хватается за соломинку, он не может ждать, пока отчалит от берега лодка, которая должна ему принести спасение. Лодка—это социалистическая революция, соломинка—это покровительственные пошлины и государственный социализм».

Таким образом Энгельс видел социальные корни этого раннего оппортунизма в том обстоятельстве, что в руководящих кадрах ГСД было очень много выходцев из ремесленных слоев пролетариата и разорившихся кустарей. Разумеется это положение Энгельса следует проверить на основании имеющихся в нашем распоряжении данных немецкой промышленной статистики. В общем они подтверждают это положение, ибо в 80-х гг. в развитии германского капитализма еще только началась стадия бури и натиска.

Я присоединяюсь к оценке т. Слуцким статьи т. Зиновьева, но в одном пункте, мне кажется, т. Слуцкий не совсем прав. Тов. Слуцкий обращает внимание на то место статьи т. Зиновьева, где тот утверждает, что начало оформления центризма надо отнести к 1905 или 1906 гг. а завершение его ко времени не ранее 1910 г. Тов. Слуцкому кажется, что такое утверждение совершенно несовместимо с положением Ленина, что марксизм эпохи II Интернационала выделил и оформил центризм Каутского. Мне кажется, что тут произошло смешение центризма как определенного типа идеологии с центризмом как исторически существовавшим течением внутри ГСД. О центризме можно говорить с того момента, когда оформилась левая группировка. Если можно доказать, что эта левая группировка оформилась раньше 1905—1906 гг., если можно

установить на основании анализа протоколов партейтагов или партийной прессы, что раньше 1905—1906 гг. имелось расхождение между Розой Люксембург и Каутским, с одной стороны, и Бебелем, Зингером и другими, с другой, тогда т. Слуцкий прав. Но ведь в действительности это расхождение намечается примерно как раз только с 1905—1906 гг., и Зиновьев прав, когда он относит оформление центра как промежуточного течения к этим годам. Другое дело, если рассматривать эпоху II Интернационала как нечто целое, как своеобразный этап в истории мирового социализма; тогда то, что Ленин разумеет под оформлением центризма, оформлением каутскианства, есть не что иное как приспособление революционного марксизма к основной установке II Интернационала, к установке на длительное мирное развитие, к установке на тактику «измора». Если взять определение центризма в таком большом разрезе, то эта характеристика будет справедливой для партруководства в течение целой длинной эпохи, которую можно начинать с самого зарождения II Интернационала и вести дальше, вплоть до мировой войны.

Я не могу согласиться с той оценкой «молодых», какую дал им здесь т. Горловский. В самом деле, если сводить «молодых» только к молодым студентам и «докторам философии», эту оппозицию можно характеризовать как оппозицию «взбесившегося мелкого буржуа». Но этими «академиками» движение «молодых» отнюдь не исчерпывается. Они имели такие серьезные корни, как берлинская рабочая организация, которая была самой сильной нелегальной организацией в эпоху действия исключительных законов. Берлинская организация как раз, как говорит Энгельс, «выправляла» линию партийного руководства в эпоху исключительных законов. Нельзя забывать о связи между этой оппозицией парламентскому оппортунизму и кретинизму, оппозицией, которая базировалась на берлинской организации, и выступлением «молодых». Эту связь нельзя вычеркнуть. К движению «молодых» нужно подходить более серьезно, а не отделываться ссылкой на «взбесившегося мелкого буржуа».

Теперь разрешите мне остановиться на одном пункте статьи т. Зиновьева. Тут уже отмечалось, что один из коренных грехов этой статьи заключается в том, что т. Зиновьев взял на себя по сути дела чрезвычайно неблагодарную задачу—реабилитировать Бебеля и в то же время доказать, что центр, идеологическим представителем которого являлся Бебель, все более и более сближался с правыми. Я хочу остановиться на одном вопросе, который играет в статье т. Зиновьева очень важную роль, на отношении Бебеля к войне. Зиновьев утверждает, что в этом вопросе в начале 90-х гг. было полное единомыслие между Бебелем, с одной стороны, и Энгельсом, с другой. Доказательство этому положению Зиновьев видит в свидетельстве самого Бебеля, что его позиция ни в чем не расходилась с позицией Энгельса, это—слова Бебеля в его письме к Энгельсу: «Ты да я, старина, мы единственные молодые в нашей партии». Но нужно сказать, что это утверждение относится к определенному положению Энгельса. Как известно, Энгельс в начале 90-х гг. полагал, что не пройдет и десяти лет, как ГСД станет у власти. В этом пункте Бебель не расходился с Энгельсом, но это не значит, что он разделял целиком концепцию Энгельса относительно войны.

В самом деле, Энгельс в начале 90-х гг. писал: «Если Германии придется вести войну против России и союзной ей Франции, то это должна быть революционная война. Рабочие должны учредить республику в Германии и превратить эту войну в начало социальной революции». Вот как ставил вопрос Энгельс. Теперь посмотрим, как ставил вопрос

о возможной войне в начале 90-х гг. Бебель. Вы увидите, что здесь между позицией Энгельса и Бебеля целая пропасть. Вот что говорил Бебель на Эрфуртском партейтаге.

«Если на Германию нападет Россия,—этот оплот зверства и варварства, враг всякой человеческой культуры, — нападет, чтобы ее, т. е. Германию, разорвать на куски и уничтожить,—а только это может быть целью настоящей войны,—в таком случае мы в такой же степени и даже больше заинтересованы, чем те, что стоят во главе Германии, в том, чтобы этому воспрепятствовать. Если мы будем тогда сражаться бок о бок с теми, которые теперь являются нашими врагами, мы будем это делать не для того, чтобы спасти их и их государственный и общественный порядок, но для спасения Германии, т. е. самих себя, и освобождении нашей земли от варваров, которые являются величайшим врагом наших стремлений и победа которых означала бы поражение нас как социал-демократов».

Совершенно ясно, что здесь Бебель вовсе не говорит о превращении войны в социальную революцию, он говорит только о том, что победа царизма означала бы сведение на нет успехов, достигнутых германским рабочим движением, и, с другой стороны, победа над царизмом расчистила бы поле для более свободной деятельности ГСД поскольку царизм в то же время был одним из главных оплотов реакции вообще, а потому его поражение могло ослабить социальные позиции прусского юнкерства.

Мне кажется, что отождествлять эту позицию Бебеля с позицией Энгельса ни в коем случае нельзя, и поэтому, когда Зиновьев скромно говорит, что «Бебель ставил вопрос менее широко», с этим конечно нельзя согласиться. Позиции Бебеля и Энгельса были в значительной степени разными позициями. Это относится к началу 90-х гг.

Что касается 900-х гг., то и тут нельзя признать достаточной и приемлемой ту оценку позиции Бебеля в отношении войны и империализма, которую дает Зиновьев. Правда он говорит, что Бебель ошибался, когда в 90-х гг. не дал различия между наступательной и оборонительной войной, но все же он совершенно недостаточно подчеркивает то обстоятельство, что точка зрения Бебеля на войну в 1907 г. на Эссенском партейтаге, на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте по существу дела чрезвычайно мало отличалась от позиции ревизионистов, от позиции Фольмара и др.

Я не буду останавливаться на выступлениях Бебеля в Штутгарте и Эссене, а процитирую вам речь Бебеля в бюджетной комиссии рейхстага в 1913 г. Вот что он там говорил: «В Германии нет ни одного человека, который в случае иноземного нападения мог бы оставить свое отечество беззащитным на произвол судьбы. Это относится особенно к социал-демократии, которой ее противники часто бросают упрек то ли по недоразумению, то ли злостно—в «безответственности». В противоположнось этому утверждению социал-демократия никогда не отрицала того факта, что географическое и политическое положение империи делает необходимой подготовку сильной защиты. К сожалению пока мы еще вынуждены считаться с возможностью наступательной войны извне (eines Angriffskrieges von aussen), особенно с Востока. Если даже в своих широких массах русский народ настроен определенно миролюбиво, если перед ним стоят иные задачи, чем ускорение нападения на Германию, то этого отнюдь нельзя сказать с подобной же уверенностью о тех кругах, которые злоупотребляют в своих целях царским самодер-

жавием. Если бы вспыхнула такая война (а ее мы все хотим избежать, и имперское правительство также старается ее предотвратить), то при современном состоянии военной техники и организации военных сил, а также благодаря образованию союзов государств в Западной Европе такая война должна принять огромные размеры: она превратится в мировую войну, и наше отечество может быть будет поставлено перед вопросом—быть или не быть. Вследствие этого оправдывается не только мобилизация в Германии всех, способных носить оружие, вплоть до последнего человека, но она становится повелительной необходимостью; социал-демократия была первой большой партией, которая прямо это признала, и потому ввела в свою программу параграф, предусматривающий всеобщую военную подготовку народных масс».

Это выступление Бебеля, относящееся к 1913 г., чрезвычайно интересно. Во-первых, вы видите, что здесь Бебель говорит уже не только о войне с «варварской Россией» (между прочим, Зиновьев утверждает, что Бебель только такую войну и имел в виду),—он говорит совершенно сознательно, что война, начатая может быть с Востока, неминуемо должна превратиться в мировую войну. Для поддержки социал-демократией интересов правительства в такой войне он по сути дела выдвигает те самые аргументы, которые приводились вождями ГСД для оправдания своего позорного поведения 4 августа. Тут имеется все: и политико-географические условия, и Антанта, и наконец' необходимость спасать отечество, словом, весь комплекс идей, который был пущен в ход для оправдания голосования 4 августа.

Учитывая это выступление Бебеля, нужно сказать, что его позиция накануне войны мало чем отличалась от позиции Фольмара. Любопытно, что и Ленин в своей статье, относящейся к 1908 г., где он дает характеристику течений, боровшихся на международном Штутгартском конгрессе, говоря о позиции Бебеля, почти ставит знак равенства между нею и позицией Фольмара. С одной стороны, он критикует позицию Эрве, а с другой—говорит: «В вопросе же о том, как вести себя социалдемократии в случае объявления войны, большинство немецких социалдемократов с Бебелем и Фольмаром во главе (разрядка моя—*Н. Л.*) упорно стоит на той позиции, что социал-демократы должны защищать свое отечество от нападения, что они обязаны принять участие в „оборонительной" войне»[21]. Это положение привело Фольмара в Штутгарте к заявлению, что «вся любовь к человечеству не может нам помешать быть хорошими немцами», а социал-демократа депутата Носке заставило провозгласить в рейхстаге, что в случае войны против Германии социал-демократы не отстанут от буржуазных партий и вскинут ружье на плечи; и отсюда Носке осталось сделать лишь один шаг, чтобы заявить: «Мы желаем, чтобы Германия была насколько возможно вооружена». Но разве не тоже самое говорил Бебель в 1913 г.?

Обращаю ваше внимание на это соединение—«большинство немецких социал-демократов с Бебелем и Фольмаром во главе». В этом пункте—отношение Бебеля к войне—позиция Зиновьева больше всего уязвима. А ведь это отношение к войне является определяющим для всей тактической позиции Бебеля в предвоенные годы.

В заключение должен сказать, что наше обсуждение статьи т. Зиновьева с моей точки зрения важно в том отношении, что в процессе

---

[21] Ленин, Воинствующий милитаризм и антимилитаристическая тактика социалдемократии, Собр. соч., т. XI, ч. 1, с. 107.

этого обсуждения были поставлены очень существенные методологические и иные вопросы, в частности—и это самое важное—вопрос о том, под каким углом зрения и при какой установке должна вестись наша дальнейшая работа по изучению ГСД. Здесь я вполне согласен с т. Горловским, что нам нужно сделать предостережение тем товарищам, которые по сути дела стоят на антиисторической позиции и которые готовы считать ГСД погрязшей в оппортунизме с самого появления ее на исторической арене.

Одним из представителей этого течения является наш молодой товарищ Бернштейн, который в известной вам статье о лассальянцах и эйзенахцах, помещенной в «Историке-марксисте», пришел к тому заключению, что, в сущности говоря, самый закон о социалистах был каким-то недоразумением, что по существу дела партия была до такой степени оппортунистичной, до такой степени прогнила уже в эпоху существования исключительных законов, что бороться с этой партией путем исключительных законов не было никакого смысла. Он говорит: «Против такой партии не нужно было исключительных законов, последние могли бы лишь сделать ее левее. Ошибка Бисмарка в 1878 г., на которой он настаивал 12 лет, в конце концов привела железного канцлера к падению, ибо социал-демократическая партия была достаточно безвредной, достаточно реформистски настроенной партией, чтобы буржуазии можно было спать спокойно».

С такого рода подходом я решительно не могу согласиться и считаю, что это—антиисторическая установка и приводит она к тому, что, как верно указал Горловский, некоторые из наших молодых историков льют воду на мельницу, с одной стороны, ультра-«левых», а с другой—социал-фашистских историографов, которым важно доказать, что ГСД никогда не была революционной, поэтому не за что ее сейчас упрекать в оппортунизме и измене революции. Повторяю, что эта точка зрения совершенно не историческая. Укажу на то, что Брокшмидт для доказательства своей тезы, аналогичной тезе т. Бернштейна, пользуется такими приемами, как характеристика программной и тактической линии партии на основании выступлений отдельных ее членов перед государственными судами. Это совершенно недопустимая вещь. Это совершенно равносильно тому, как если бы мы тактическую линию большевиков в эпоху существования легальной «Правды» исключительно определяли теми лозунгами, которые тогда выставляла «Правда» (значительные неурезанные лозунги). Тогдашней «Правде», подцензурной «Правде», нельзя было говорить ни о вооруженном восстании, ни о диктатуре пролетариата. Однако никто из этого не делает заключения, что тогдашние большевики отказались от этих лозунгов, а именно такой прием и употребляется Брокшмидтом в его работе.

Я полагаю, что наша дискуссия будет чрезвычайно полезной, если она вселит в товарищей убеждение, что те проблемы, которые здесь ставились, требуют еще очень длительной проработки, что для того, чтобы установить общие линии развития ГСД, установить ее периодизацию (что чрезвычайно важно), требуется еще очень большая и кропотливая работа, к которой мы только что приступаем—всерьез и по-научному, ибо до сих пор нами проработаны лишь отдельные участки этой большой работы. Скажем, эпоха с 90-х гг. до начала мировой войны разработана сравнительно хорошо, но например вопрос об анархизме, о мостизме—разве он проработан в нашей специальной литературе? Нет. Тов. Толмачев прошлый раз совершенно правильно указал, что до сих пор не проана-

лизирована должным образом предыстория ГСД, процесс выделения эйзенахцев из недр мелкобуржуазной демократии, ибо конечно, если мы хотим установить корни раннего оппортунизма, именно здесь нужно искать его истоки. Наконец тот самый вопрос о «молодых». Я считаю, что он и сейчас недостаточно разработан. Поэтому я призываю товарищей к углубленному научному изучению проблем, связанных с историей ГСД.

Ц. Фридлянд. Очевидно, что вопрос, который сейчас интересует нас и который мы вторично—и при обсуждении доклада т. Цобеля, и при обсуждении доклада т. Вакса — разрешаем, т. е. вопрос о методологических установках при изучении истории ГСД, будет окончательно решен лишь после того, как будут проработаны основные проблемы истории немецкого рабочего движения. Тогда мы снова вернемся к спорным методологическим вопросам. Но это не значит конечно, что мы не можем сейчас договориться об основных методологических установках нашей работы; для научного исследования это необходимо и плодотворно. Нам необходимо поэтому быть очень осторожными в своих суждениях и выводах. В самом деле, здесь много соблазнов и прежде всего соблазн сразу смастерить ключ, отмычку к истории ГСД. Ведь при обсуждении спорных вопросов этой истории мы до сих пор не освободились от шор старой литературы, мы по существу остаемся в плену у публицистики конца XIX и начала XX вв. Мы повторяем или Меринга или анархистскую критику истории ГСД, или повторяем аргументы Мильо...

На основании каких источников мы до сих пор изучали прошлое немецкой социал-демократии? Ведь только на основании протоколов партейтагов... Я вовсе не отрицаю их значения как одного из источников, но считать их источником решающим не следует. Любопытно, что до сих пор в нашей среде никто не дал себе труда параллельно с изучением протоколов изучить деятельность, скажем, социал-демократической парламентской фракции. А главное, изучение социально-экономической истории Германии, изучение истории ее рабочего движения остается вне внимания наших историков ГСД. Мне кажется, что именно это и является источником крупных ошибок. Вслед за историками социал-демократии мы или обосновываем «торжество» Эд. Бернштейна,—он и в самом деле победил,—или следуем за ультра-«левыми», отрицаем всякое революционное значение ГСД и таким образом повторяем утверждение Брокшмидта и Корша. Но «ультралевые» следуют за традициями анархистской историографии, как Бернштейн повторяет Мильо и Мильерана. Они в конце концов повторяют друг друга. Нам необходимо вырваться из подобной постановки вопроса...

Меня несколько смущает противоречие сегодняшнего выступления т. Горловского с тезисами его доклада, которые мы получили из Ленинграда. В тезисах сказано, что статья т. Зиновьева имеет целый ряд ляпсусов (т. Горловский их насчитал тридцать), но вместе с тем признается, что в статье дается правильная оценка истории социал-демократии. Сегодняшняя его речь говорит о другом, прямо противоположном.

Не объясняется ли подобная смена взглядов между прочим и тем, что самая постановка вопроса поверхностна и малопродуктивна: революционной ли или оппортунистической была ГСД «вообще»?... Я берусь привести множество цитат за и против. Ведь вот т. Горловский, говоря о революционной позиции социал-демократии в эпоху вотирования субсидий пароходным компаниям, забыл рассказать о «революционном акте» партийного руководства незадолго до войны, т. е. в годы расцвета оппортунизма,—об исключении из партии открытого защитника империализма

Гильдебранда... Почему в первом случае социал-демократия была революционной, а во втором оппортунистической? Конечно подобное разрешение методологических вопросов ничего общего с марксистской постановкой вопроса не имеет. И здесь ахиллесова пята статьи т. Зиновьева. Основная его теза гласит «Бебель не Фольмар, не Носке и не Шейдеман». Это безусловно справедливо. Но сказав это и только это, мы еще не начали нашей работы. Там, где некоторые товарищи считают, что их задача кончилась, там она только начинается. Нам нужно изучить историю ГСД с первых шагов ее образования под углом зрения истории борьбы течений в ее рядах; изучить ее в связи с историей германского пролетариата. Ленин дал дам совершенно ясные методологические указания для изучения этого вопроса. Вспомним статью Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении». Там дан целый комплекс установок для изучения истории рабочего движения эпохи империализма, и в нашей дискуссии было бы целесообразно заняться изучением этой статьи.

Прежде всего Ленина интересует вопрос о неизбежности ревизионизма и анархизма в истории европейского рабочего движения эпохи империализма. Он говорит об условиях, порождающих эти «уклоны»: о росте массового рабочего движения, вовлекающего в движение «необученных рекрутов»; неравномерности темпа капиталистического развития отдельных стран и неравномерности развития отдельных отраслей производства внутри этих стран; он говорит о диалектике роста и углубления социально-экономических противоречий внутри каждой страны; о демократии как о питательной почве реформизма; о роли промежуточных классов и т. д. Все эти моменты отсутствуют в нашей дискуссии, и поэтому она бесплодна. Ведь мы до сих пор почти ничего достоверного не знаем даже о составе германского пролетариата. Но самое нелепое конечно это свести аргументы Ленина к своеобразному экономизму, толкуя его таким образом, что стоит сказать: «рабочая аристократия являлась носительницей реформизма», чтобы исчерпать весь вопрос о «корнях» оппортунизма. Тов. Зиновьев повинен в этом грехе не меньше, а возможно больше других...

Ведь наряду с истиной, что «Бебель не Фольмар и не Шейдеман», т. Зиновьев настаивает и на втором положении: «Ряд умолчаний в этой программе (Эрфуртской) можно было бы объяснить общеполитической обстановкой, действительно принуждавшей иногда германских социал-демократов в интересах сохранения легальности обходить некоторые острые темы...» Согласитесь, что так же как первая постановка вопроса о Бебеле—Шейдемане, так и вторая оставляет нас весьма неудовлетворенными. Это какая-то игра в неопределенности... Надо вырваться из шор традиционной историографии, надо отказаться от подобной постановки вопросов, иначе мы проблемы не разрешим.

Я хотел бы отметить еще один чрезвычайно важный момент—вопрос о том, что следует считать началом истории ГСД. Это вопрос очень существенный. Как поступает т. Зиновьев? Статья в энциклопедии должна представлять собою нечто законченное, целое. Она должна дать в оформленном виде систему ленинских взглядов на поставленный вопрос. Тов. Зиновьев утверждает, что свое начало ГСД ведет от «Союза коммунистов». Историю революционного немецкого движения безусловно следует вести от «Союза коммунистов,» но я настаиваю на том, чтобы нам указали и второго родителя, отца реформизма. Это конечно Стефан Борн. Тов. Зиновьев в своей статье хочет бороться против тех, которые

отрицают революционное наследие, против ультра-«левых» историков ГСД. Он сделал это в общем удачно, он подобрал достаточно фактов, но он подбирал их односторонне и не дал нам полной картины истории ГСД. Стефан Борн пропал, и это несмотря на то, что т. Зиновьев большое внимание уделяет проблеме лассальянства.

Я хочу обратить внимание еще на один момент, касающийся истории эпохи исключительного закона. Может ли итти речь об оппортунизме в истории ГСД до эпохи империализма? Тов. Мадьяр на этот вопрос ответил отрицательно. Но я напомню статьи Энгельса об'английском рабочем движении 60-гг., укажу на письмо Женни Вестфален Энгельсу в начале 50-х гг., где она по поручению Маркса сообщает Энгельсу подробности о поведении «породы социал-негодяев...» Термин достаточно современный! В самом деле, куда исчезли лассальянские традиции, еще сильные в 1875 г. в Готской программе, куда спустя 3-4 года буквально провалилось дюрингианство конца 70-х гг.? Разве все эти теоретические ошибки не отозвались на революционной практике эпохи исключительного закона?

Ф. Энгельс писал в 1875 г.: «Филистерство депутатов социал-демократов было колоссально», а в 1877 г.: «Господам правого крыла известно, что они терпимы только вследствие закона против социалистов и что в первый же день, в который партия легче вздохнет, они будут из нее выброшены». Ленин, характеризуя эти письма Энгельса против оппортунистов, пишет: «Достается не только им, но, разумеется, и Либкнехту, Бебелю и другим за их примиренчество». Эти цитаты прекрасно знает (и приводит) т. Зиновьев, но почему-то он даже не поставил вопроса о том, как случилось, что Галльский и следующий за ним Эрфуртский партейтаги 1890-1891 гг. не только не выполнили указаний Энгельса, а наоборот заявили, что отныне, после падения исключительных законов, история дала возможность партии приспособиться к существующему государству — заменить проблему захвата власти проблемой борьбы за социальные реформы. Ведь к этому сводилась вся борьба вокруг программы на Эрфуртском конгрессе. Социал-демократия приспособлялась к условиям легального существования и развитию юнкерско-империалистического, по определению Ленина, государства.

Это значит, что следует твердо помнить о необходимости изучать историю ГСД под углом зрения борьбы течений в ее среде. Мы в каждом отдельном конкретном случае должны проанализировать практику и взгляды различных течений в рядах социал-демократии данной эпохи, а не давать оценки «вообще», рисовать одной краской — красной или черной... Обратимся к книге Реннера о Каутском. Я эту книгу всячески рекомендую историкам, она симптоматична как итог прошлого, написанный неглупым, но последовательным оппортунистом. Реннер утверждает, что ревизионисты были неправы в конце XIX в. Эд. Бернштейн не учитывал того, что он своей тактикой приспосабливается к существующему юнкерскому государству Германии. Одно дело, пишет Реннер, борьба против существующего юнкерского государства, а другое — борьба за диктатуру пролетариата, за революцию против капитализма. «Ревизионизм поставил, — пишет Реннер в своей книге, — два вопроса, которые не были в достаточной степени отделены историками друг от друга. Это вопрос практической политики — мыслима ли для партии при монархическом режиме вообще и личном режиме Вильгельма II в особенности какая бы то ни было положительная совместная работа с правительством...» «Если эта возможность, — добавляет Реннер, — отрицалась и ревизионистами и

партией, то весь спор между ними был практически нецелесообразен и не современен». Второй вопрос был спором о принципах: «Может ли социализм, не считаясь со временем и местом, рассматриваться как революционное движение, направленное против существующего государства?» Бернштейн на первый вопрос отвечал положительно и был неправ, но он был прав во втором случае, отрицая революционный характер партии, и об этом,—авторитетно замечает Реннер,—«наилучшим образом свидетельствует современная практика рабочего движения». Конечно Реннер несправедлив к Эд. Бернштейну. Последний всегда подменял вопросы революционной борьбы за социализм борьбой за буржуазное преобразование Пруссии. Вспомним только постановку им вопроса о политической стачке в борьбе за реформу избирательного права. Ведь не кто иной как Бернштейн готов был в этом, и только в этом случае пойти весьма далеко. К сожалению сейчас нет возможности заняться этим вопросом, но очевидно одно: в истории ГСД надо различать эти два момента, отмеченные Реннером. В «юнкерско-империалистической Германии» не было демократической мелкобуржуазной партии; социал-демократия выполняла эту задачу. Но она была одновременно рабочей партией, партией борьбы за социализм. Играла ли ГСД роль только радикальной партии в борьбе против юнкерского государства или она также была авангардом в борьбе за пролетарскую революцию? Нет сомнения, история ГСД включает в себя не мало геройских страниц борьбы за демократию и социализм, но сущность проблемы в том, сумела ли ГСД сочетать эти две задачи, которые увязаны были соответствующим образом в большевизме. Ведь сущность оппортунизма ГСД состоит как раз в том, что она разъединяла, противопоставляла друг другу эти две задачи. Беспомощность нашей литературы по истории ГСД я вижу в том, что она до сих пор не обратила достаточного внимания на эту проблему. Для т. Зиновьева вся эта проблема не существует, и отсюда «неопределенность» его построений.

Не забудем, что за этим скрывается еще один вопрос огромного принципиального значения. Для краткости я сформулировал бы его следующим образом: история ГСД—это история превращения пролетарской партии в народную партию, превращения партии, где гегемоном и становым хребтом является пролетариат, в партию социального блока пролетариата и мелкой буржуазии. Я напомню только две дискуссии: середины 90-х гг. о крестьянском вопросе и после поражения на выборах 1907 г. о парламентской тактике. В первом случае боязнь или вернее неумение привлечь основные массы малоимущего крестьянства на путь революции привели социал-демократию к отказу от «аграрной программы», во втором случае антимилитаристская деятельность социал-демократии, отпугнувшая миллионы попутчиков, заставила партию принизить свои требования до уровня мелкой буржуазии во имя новых парламентских успехов. В этом вопросе ярче всего проявилось оппортунистическое перерождение партийного руководства.

По поводу постановки вопроса о «молодых» Н. М. Лукин дал ясный ответ т. Горловскому. То, что у нас говорят о «молодых», это скорее достойно историографов немецкой социал-демократии, чем коммунистов. Когда т. Горловский цитирует нам свидетельства Энгельса о «молодых», он цитирует как раз без всякого критического анализа слова Энгельса о преимуществах парламентской тактики перед баррикадным боем. Но в этом контексте слова Энгельса можно встретить в любой оппортунистической книге. Мы знаем, что Энгельс в данном случае выступал не

против баррикадного боя, а за «новую тактику». Ведь Бернштейн фальсифицировал соответствующее предисловие Энгельса к «Классовой борьбе». Так выступать против «молодых» во всяком случае неосторожно.

При этом я хотел бы отметить, что оценка Энгельсом «молодых» относится к характеристике их анархических взглядов, но отнюдь не к здоровому протесту берлинских рабочих против увлечения партии парламентаризмом. Вспомним, что Энгельс и Маркс взяли Моста в свое время под защиту против партруководства. Важнее однако то, что ревизионистская критика анархизма, защита государства, демократии и т. д.—а из этой критики в 1891—1896 гг., наряду с восторженным отношением к английскому трэд-юнионизму, и вырос ревизионизм Бернштейна—ничего общего не имеет с марксистской критикой анархизма. Учитываем ли мы это положение при изучении истории «молодых»? Не думаю... [22].

Наконец еще два чрезвычайно важных замечания и прежде всего о ревизионизме. Нас хотят «во славу истины» убедить, что Каутский последовательно боролся с ревизионизмом, хотя мы знаем, чем отличалась борьба с ревизионизмом Каутского, Р. Люксембург, Плеханова или Ленина.

Вот Реннер приводит очень интересные цитаты из полемики между Мерингом и Каутским по вопросу о парламентаризме еще в 1893 г. — Меринг писал: «Утверждение, что буржуазный парламент, в котором большинство будет состоять из классово-сознательных пролетариев, сможет открыть путь социалистическому обществу, напоминает нож без ручки и клинка». Каутский отвечает ему, что он «мыслит себе диктатуру пролетариата только в парламентской форме...». Не удивительно, что в дискуссии с Бернштейном Каутский обходил острые вопросы революционной борьбы, допуская в этой области, как и в области философской, свободу мнений... [23]. Политически неопределенную позицию Каутский занял и в вопросе о Мильеране, дав образец «каучуковой резолюции».

Но еще больше для понимания этого вопроса дает другой документ—я прямо удивлен, что до сих пор этот документ здесь не цитировался,— я имею в виду опубликованные в одном из ленинских сборников материалы, споры между Плехановым и Лениным о проекте программы РСДРП. Сравните эти документы со статьями Каутского против ревизионистов. Постановка проблемы обнищания, проблемы демократии и революции — так, как они сформулированы ленинским проектом программы—говорит нам о том, что центризм как идейное течение существовал в рядах международного социализма в конце XIX и в начале XX вв., поскольку в известном смысле Роза в Германии, а главное социал-демократы в России, большевики, были подлинно левым течением в рядах международного рабочего движения.

Я повторяю, речь идет не об организованных фракциях или оформленных группировках,—в этом случае т. Зиновьев прав, центр образовался около 1910 г., но центризм возник гораздо раньше. Точка зрения т. Зиновьева в этом вопросе основательна только в том случае, если игнорировать взгляды Розы и Ленина на ревизионизм, если исключить русское рабочее движение из анализа борьбы течений в международном социализме. Но вот еще один момент. Характерно, что т. Зиновьев

---

[22] Подробности у Ленина в книге «Государство и революция», в главе об анархизме.

[23] См. опубликованные несколько лет тому назад в «Kampf» письма Каутского Бернштейне.

недооценил значения событий Кельнского съезда профсоюзов и Мангеймского партейтага. Он говорит об «отступлении» Бебеля и только... Между тем речь идет о факте глубочайшего значения: с 1903—1905 гг. центр тяжести немецкого рабочего движения переносится от партии к союзам. Не партия, а союзы теперь—гегемон движения. Здесь не отступление, а капитуляция центра перед ревизионизмом. Тов. Зиновьев говорит о блоке центра и правых, но это не мешает ему отнести дату образования центризма к 1910 г. Нельзя с этим согласиться. Тов. Зиновьев—и не только он один—оставляет таким образом в тени два процесса: превращение пролетарской партии в Германии в народную партию и торжество трэд-юнионистских принципов в германском рабочем движении.

Подобная постановка вопроса подводит нас вплотную к вопросу о том, какой социальный слой являлся носителем оппортунизма. Очевидно, что в эпоху империализма рабочая аристократия несет с собою яд разложения. Но формирование рабочей аристократии относится к совершенно определенному периоду,—к началу XX в.; до этого времени городской ремесленник и баварский крестьянин играли в распространении оппортунизма решающую роль. Что касается значения партийной и профессиональной бюрократии, то ее выступление на арену истории относится во всяком случае только к последнему десятилетию перед войной. Наша литература и в этом случае не знает к сожалению граней и мажет все одним цветом.

Наконец краткое замечание по поводу вопроса огромной важности: отношения Ленина к истории ГСД. Многие готовы изображать дело так, что до 1914 г. Ленин стоял на одной точке зрения, а после 1914 г.—на другой, прямо противоположной. Так ли это? Возьмем аналогичный случай: статьи Ленина о Коммуне 1871 г. В 1905 г. Ленин подчеркивал, что Коммуна была демократической диктатурой, в 1917 г. он говорил о коммуне как о прототипе пролетарской диктатуры. Противоположные ли это взгляды или здесь два аспекта одного и того же мнения? До и после 1914 г. для Ленина существует один вопрос—борьба с ревизионизмом. В той мере, в какой центр осуществляет эту борьбу, он его приемлет, в той мере, в какой центр притупляет эту борьбу, он его отбрасывает. Центризм вырастает из ревизионизма. Вот почему для Ленина уступки примиренцев оппортунизму неприемлемы и в эпоху исключительного закона, и в эпоху борьбы с ревизионизмом, и в эпоху обсуждения вопроса о массовой стачке, и после 4 августа. В 1912 г. в письме к В. Карпинскому В. Ленин писал: «Пусть Бебель дипломатничает с оппортунистами—ежели это надо (???) (вопросительные знаки Ленина—*Ц. Ф.*)—а нам сие не пристало...» Но эта же постановка вопроса отличала позицию Ленина и тогда, когда он против центра—Каутского и всего II Интернационала—требовал полного размежевания с оппортунистами в России, приветствовал раскол в Голландии, Италии, Болгарии и т. д., и тогда, когда он после 4 августа осудил всякое примирение с центризмом как наихудшим изданием ревизионизма. Перед нами одна точка зрения Ленина, а не две. Конечно мои аргументы по этому вопросу мало убедят тех, кто готов изобразить ГСД как «вообще» революционную или «вообще» оппортунистическую организацию на протяжении всей ее истории...

В заключение я хочу сказать, что наша дискуссия принесла большую пользу. Она выявила недостатки традиционной постановки вопроса. В этом я вижу основное значение нашей дискуссии. Она показала, что

то направление, в котором должна дальше итти наша работа, требует от нас конкретно-исторического анализа отдельных этапов истории ГСД в связи с историей рабочего движения и социально-экономического развития Германии эпохи империализма.

Э. Цобель. Тов. Фридлянд правильно подчеркивает, что важной задачей марксистской истории ГСД является изучение вопроса, насколько в социал-демократии борьба по текущим вопросам дня согласовалась с борьбой за социализм. Однако когда он весь вопрос сводит к тому, что ГСД никогда не вела борьбы за социализм, может показаться, что он становится на точку зрения Брокшмидта, которую сам представлял как не выдерживающую критики, неисторическую и ультралевую. С другой точкой зрения т. Фридлянда, которая выдвигалась также и другими товарищами, в том числе и самим докладчиком, а именно, что основная цель нашей дискуссии при современном состоянии изучения вопроса заключается в том, чтобы разрешить известные методологические вопросы, я вполне согласен. Со своей стороны я хотел бы подчеркнуть три методологических момента.

Первое: неправильно, когда некоторые товарищи всю деятельность и роль социал-демократической партии критикуют, исключительно или преимущественно оперируя теоретическими взглядами вождей или теоретическим содержанием программ и партийных заявлений. Единство теории и практики является постулатом марксистской науки и политики, правильность и важность которого я отнюдь не имею в виду в какой бы то ни было степени подвергать сомнению. Однако в действительности всегда имеются бóльшие или мéньшие «ножницы» между теорией и практикой, и раствор этих ножниц был не менее широк в первый период существования ГСД, когда партия еще не имела «теоретиков» среди своих вождей, или эти «теоретики» не оказывали решающего влияния на руководство партией, чем в предвоенные годы, когда вполне оппортунистическая практика изображалась массам устами вождей как революционный социализм.

Лучшим доказательством недостаточности метода, который определяет направление партии исключительно на основе теоретических положений, является борьба между эйзенахцами и лассальянцами, имевшая место в 60—70-х гг. Уже в старой историографии ГСД (Бернштейн, Каутский, Меринг) являлось общим местом то, что теоретически обе борющиеся стороны стояли на одном и том же базисе, обе были лассальянскими. И тем не менее в целом ряде решающих вопросов практической политики они занимали совершенно противоположные позиции, как например в вопросе германского единства, в вопросе об отношении к Бисмарку, в вопросах о профессиональных союзах и партийной организации. Конечно я никоим образом не хочу преуменьшить то большое значение, которое мы придаем лассальянству при изучении корней оппортунизма в ГСД. Однако было бы серьезным преувеличением полагать, что в ГСД лассальянство всегда имело гегемонию, и относить оппортунизм исключительно к лассальянским традициям. При анализе роли ГСД не следует приписывать чрезмерного значения отдельным теоретическим взглядам вождей или отдельным пунктам резолюции или программы, как это делают некоторые новые исследователи (А. Бернштейн, Знаменский, Горловский).

Механическое противопоставление теоретических положений марксизма—ленинизма известным взглядам Либкнехта, Бебеля, Каутского и др. и установление таким путем различий, ошибок и отклонений их от

ортодоксального учения противоречит методу Маркса и Ленина, которые нас учили проверять каждое теоретического положение на его конкретной исторической роли, на том актуальном значении, которое оно имеет в данный момент или на определенном этапе. Не все стороны марксистской теории практически важны в каждый отдельный момент или не все одинаково важны.

Я держусь того мнения—и это второй момент, который я хочу подчеркнуть,—что анализ отдельных взглядов, резолюций, программных пунктов лишь тогда плодотворен, когда он служит для определения генеральной линии партии; однако генеральную линию не всегда можно установить единственно на основе теоретических или тактических взглядов, но к этому следует добавить марксистский анализ конкретно-исторической и политической ситуации положения, которые определяют задачи революционной пролетарской партии, авангарда рабочего класса. Это именно то, чего более всего нехватает в зиновьевской статье и в упомянутых новейших русских исследованиях.

Например у Зиновьева нет ни малейшего указания на то, что в течение рассматриваемого периода экономическое, социальное и политическое развитие вступило в новую эпоху мировой истории, эпоху империализма. Требовавшееся Лениным и уже осуществляемое некоторыми товарищами исследование различных течений и борьбы между течениями внутри социал-демократии не стоит в противоречии с установлением и историко-критическим анализом генеральной линии партии; оно является предварительным условием, но отнюдь не заменой второго. Каждая партия, также и социал-демократия, имела в каждый данный момент лишь одну генеральную линию, которая является результатом борьбы между течениями и с самими течениями, и из этой генеральной линии, а не из того или иного течения надо исходить, если желать установить характер ГСД, ее объективную роль в историческом процессе, в освободительной борьбе пролетариата и в развитии социализма.

Третий методологический вопрос, на котором я хочу кратко остановиться, был уже выдвинут докладчиком и многими из выступавших. Это вопрос о том, как надо исторически оценивать ленинскую предвоенную критику ГСД. Во многих случаях Ленин боролся против оппортунистических тенденций во II Интернационале и в особенности в ГСД. В его работах предвоенного периода мы находим критические взгляды об отдельных моментах, проблемах и вождях ГСД, которые должны служить ценным указанием для историка-марксиста. Вряд ли имеется хоть один важный момент борьбы правого, центристского или левого течений в период между 1900—1914 гг., о котором нельзя было бы найти в сочинениях Ленина критического отзыва,—положительного или отрицательного. Одного лишь нельзя найти у Ленина в предвоенный период: это утверждения о том, что не позднее 1907 г. генеральная линия социал-демократической партии в Германии стала решительно реформистски-оппортунистической, что партия вела массы в националистическом и империалистическом направлениях, что реформизм и оппортунизм завоевали решающее положение во всех областях партийной деятельности.

Следует ли из этого сделать вывод, как это делают некоторые товарищи, в том числе и Зиновьев, что ГСД до или почти до мировой войны была действительно революционной партией и что качественное изменение появилось лишь после начала войны? Или же мы должны принять взгляд т. Вакса, согласно которому Ленин из тактических соображений не разоблачал полностью оппортунизм ГСД, хотя он его уже

до войны так же ясно видел, как и после августа 1914 г. По моему мнению следует признать, что хотя Ленин уже до войны вел энергичную, беспощадную борьбу против реформистских, мелкобуржуазных трэд-юнионистских тенденций в ГСД, однако всего объема, всей глубины всего практического преобладания оппортунизма до войны он еще, не замечал. Было ли со стороны Ленина ошибкой, что он не вызвал уже до войны раскол внутри II Интернационала и ГСД,—это вопрос, который мы на этот раз оставим открытым. Как бы то ни было в решительный момент, т. е. после краха II Интернационала, Ленин немедленно и с величайшей энергией и последовательностью определил ту линию, которой мы обязаны СССР и Коминтерну. Однако до войны он не заметил оппортунизма во всей его величине. Мы бы действовали не по-ленински, если бы мы ограничивали анализ предвоенной социал-демократии исключительно взглядами Ленина в предвоенный период, а не использовали бы его позднейшего анализа, в котором он устанавливает решающее значение оппортунизма в ГСД как раньше он там признавал только оппортунистические в то время, тенденции и течения.

В заключение еще одно замечание по докладу т. Вакса. Я согласен не со всеми его выводами, однако считаю правильным, что он ведет борьбу на два фронта: против «левых» и ультра-«левого», неисторического метода Брокшмидта, Бернштейна, Знаменского и против правых тенденций, которые проявились в работах Зиновьева и Горловского.

Диаманд. Я не собиралась выступать по методологическим вопросам истории ГСД, а хотела ограничиться несколькими узкими вопросами. Но так как по-моему в наших прениях недостаточно затронута трактовка Зиновьевым вопроса о левых течениях в период исключительного закона, я на этом хочу остановиться. Зиновьев таким образом формулирует борьбу течений во время исключительного закона. Он говорит, что были правые и были левые неправильные отклонения от правильной линии партии, причем эти левые группировки были анархичными, не имели никакого веса в партии и т. п. Я эту концепцию считаю совершенно неправильной. В частности относительно Моста Зиновьев говорит только то, что Мост скатился к анархизму, и ничего больше. Но Зиновьев не говорит о том, что выступление Моста в 1879 г. было по сравнению с тогдашней оппортунистической тактикой партии совершенно правильным и нужным. В этом отношении он отступает даже от Меринга, который более правильно оценивает Моста, чем Зиновьев. Интересно отметить, что Маркс воздерживался от открытого выступления против Моста. Также очень характерно, что Зиновьев совершенно не считает нужным упомянуть о франкфуртском манифесте, который объединил вокруг себя большие партийные массы и который является по своим формулировкам и духу очень близким к оппозиции «молодых». Зиновьев не замечает, что движение, развернувшееся вокруг Франкфуртского манифеста, явилось блоком так называемых радикалов с еще более левыми элементами партии. Он совершенно не замечает тех левых настроений, которые тогда царили в партии, а между тем для этого достаточно просмотреть «Социал-демократ», листовки и т. д.

И т. Горловский сделал большую ошибку в оценке «молодых», на что ему отчасти указывали тт. Лукин и Фридлянд. Тов. Горловский ссылался на мнение Энгельса. То, что Энгельс выступал против «молодых»—это всем известно, и конечно неправы те товарищи (насколько я помню, товарищи Ривлин и Фейгельсон), которые полагают, что Энгельс выступал против «молодых» только потому, что он был далеко от Германии и не

мог оценить, что собой представляют «молодые». Он выступал потому, что не соглашался с ними по двум кардинальным, связанным между собою вопросам: по вопросу о партии, которую он считал здоровой, и по вопросу об оппортунизме. Энгельс тогда считал основной опасностью не правую, а левую.

Действительно, Энгельс стоял на стороне руководства партии по вопросу о 1 мая, но это еще ничего не значит. Я не думаю, чтобы Энгельс был прав в этом отношении, и характерно, что по вопросу о 1 мая оппозиции «молодых» удалось объединить вокруг себя различные элементы, которые в дальнейшем за оппозицией «молодых» не пошли. Я полагаю, что эти ошибки т. Зиновьева вытекают из того, что он неправильно оценивает ГСД. Тов. Зиновьев сравнивает «молодых» с отзовистами, но он забывает одно, что ГСД нельзя сравнивать с большевистской партией. Если мы просмотрим всевозможные брошюры, выходившие во время закона против социалистов, и официальные корреспонденции из Германии, печатавшиеся в «Социал-демократе» в 90-х гг. без каких-нибудь редакционных примечаний, то мы увидим ту поразительную путаницу, которая господствовала в партии, в частности по вопросу о насильственном характере революции, потому что кроме оппозиции «молодых» никто в партии не ставил вопроса о неизбежности насильственного характера революции.

В заключение мне хотелось бы остановиться на вопросе о позиции Ленина. Я думаю, что мы этого вопроса сейчас окончательно решить не можем. Для того чтобы ответить на вопрос об отношении большевизма к ГСД, ограничиться статьями Ленина невозможно, а необходимо просмотреть большевистскую прессу. Если мы просмотрим хотя бы «Социал-демократ» за 1910 г., то увидим, что по вопросу о споре между Розой Люксембург и Каутским здесь имеется ряд статей, поддерживающих Розу и предостерегающих против недооценки ревизионизма.

Кэтэ Поль. Я беру слово во второй раз. Меня вызвал на это т. Цобель. Я хочу говорить исключительно о том, что им совершенно неправильно поставлен вопрос об оценке Лениным ГСД. Выступление т. Цобеля особенно интересно тем, что оно ставит общий методологический вопрос, как вообще развивается теория и тактика революционного пролетариата.

Какие факты, какие явления теория может предвосхитить и какого типа явления никакая, даже самая лучшая теория предвосхитить не может? Всем известно ленинское положение о том, что жизнь всегда пестрее всякой теории и что никогда никакая теория не может дать стопроцентного выражения того процесса, который развернется. Говорить о какой-нибудь теории, что она неверная, потому что не дала стопроцентного предвосхищения конкретности—это значит не понимать, что такое теория. Теория—это есть сгущение, систематизирование практики. На широком, большом отрезке времени и пространства, на развивающейся исторически практике и складывается теория, которая является выводом из такой практики. Тов. Диаманд сказала, что мы не можем выяснить отношения Ленина к ГСД, что мы должны изучать прессу и т. д. Конечно мы во всех подробностях еще не можем выяснить оценку Лениным линии ГСД и в частности его мнения по важнейшему вопросу—вопросу о расколе во II Интернационале до войны,—тут нужны—и мы их вероятно найдем—еще многие материалы внутрипартийного характера, которые нам дадут более точную установку Ленина и по этому вопросу, но основную линию, основную оценку Лениным ГСД мы уже имеем. Все,

кто читает Ленина вдумчиво и внимательно, смогут сказать, как Ленин оценивал ГСД. Прежде всего необходимо остановиться на одном очень любопытном с этой точки зрения документе. В резолюции II съезда советов о мире дана в двух строках оценка того положительного, что дало рабочее движение Англии, Франции и Германии мировому пролетариату. Эта резолюция говорит, что мы—Российская советская республика—должны обратиться к пролетариям Англии, которые дали революции чартистское движение, к пролетариям Франции, которые замечательны своей революционной инициативой, и к пролетариям Германии, которые терпеливой упорной работой создали в течение десятилетия массовые рабочие организации. Если спросить себя, что Ленин в конце концов считал действительно ценным «vom bleibendem Wert» в исторической роли ГСД, я думаю правильно будет сказать: создание массовых рабочих организаций. К этому можно прибавить еще одно — об этом Ленин говорит в некрологе о Бебеле:—«это участие лучших представителей ГСД в лучшей проработке тактики революционного парламентаризма». Ленин говорит в своих статьях о международном рабочем движении, что движение каждой страны развивает особые черты, оно является односторонним, но своей односторонностью вносит специальный вклад в международное рабочее движение. Мне думается, что в основном этими двумя положительными явлениями, из которых доминирует первое, т. е. создание массовых рабочих организаций, исчерпывается по мнению Ленина—и на самом деле—положительная роль ГСД.

Такова суммированная оценка Лениным ГСД. Как Ленин расценивал эволюцию ГСД до войны? Видел ли он растущий оппортунизм ГСД, боялся он его или нет, предвидел ли он, откуда придет удар, или нет? Уже в своей статье о Штутгартском конгрессе, когда большинство германской делегации голосовало за позорную социал-шовинистскую резолюцию по колониальному вопросу, он пишет, что ГСД теряет свою руководящую политическую роль в Интернационале. Ленин указывает очень точно очаги оппортунизма в ГСД, он говорит, «что это боевой орган германского оппортунизма, который воспитывает целое поколение функционеров профсоюзов и партии. Ленин видит очаг оппортунизма в профсоюзах. Вспомним его статью «Чему не следует подражать в германском профдвижении», в которой он описывает поездку Легина в Америку и говорит о нем, что он выступал там как представитель офицеров германского профдвижения и как таковой занял совершенно недостойную позицию, капитулировал по всем линиям перед страшно ему импонировавшим американским капитализмом и еще ставил себе в заслугу, что он не выступал там так, как полагалось бы выступить вождю рабочих социал-демократов. В Цюрихе происходит стачка. В этой стачке социал-демократы занимают совершенно позорную позицию, социал-демократы—муниципальные советники—голосуют за то, чтобы город выставил штрейкбрехерскую охрану. Дело происходит в Швейцарии, в типично мелкобуржуазной мещанской стране. Как будто бы мелочь, как будто бы все это легко можно свести к швейцарскому захолустью. Что же пишет Ленин по этому поводу? Что этот факт обнаруживает огромную опасность, которая таится в парламентских фракциях, где всегда представлены наиболее правые элементы партии, интеллигентские мелкобуржуазные элементы, и что именно из парламентской фракции может быть нанесен удар в спину революционному профдвижению. Таков маленький факт, который можно было бы объяснить местными особенностями, и таков общеевропейский вывод о всем будущем международного рабочего

движения. Это свидетельствует о том, что Ленин заранее видел очаги оппортунизма, откуда может притти измена. Тов. Цобель говорит, что Ленин не предвидел 4 августа. Позвольте же привести еще один факт: Зиновьев пишет, что когда Ленину принесли базельский манифест, он страшно обрадовался, как охотник при виде большой добычи, положил его и сказал: «Нам выдали крупный вексель, посмотрим, как они его сдержат».

У Ленина совершенно не было уверенности, что по этому векселю будет уплачено, но он, как политик был рад, что вексель был выдан. Тов. Цобель мог сослаться на тот факт, что когда получились первые номера «Форвертса», Ленин их считал подложными, напечатанными самим германским правительством. Но о чем это свидетельствует? о какой-либо принципиальной ошибке Ленина? Нет. Только о том, что Ленин не мог заранее оценить с полной точностью, насколько оппортунизм уже разъел ГСД. Он не мог оценить точно на 100% вперед, до какой стадии этот процесс дозрел. Могли ли Маркс, Энгельс или Ленин заранее, до широкого исторического испытания сказать про процесс, который всегда обнаруживается только отдельными симптомами, до какой точно степени этот процесс дозрел. Или ответ может получиться только в исторической практике. Я утверждаю последнее. Поэтому нельзя сказать, что здесь была ошибка Ленина. Но если уже говорить об ошибке, то неправильно утверждение Цобеля, что эта ошибка вреда не принесла, потому что после 4 августа Ленин занял правильную позицию. Если бы было возможно предусмотреть 4 августа, то это была бы роковая политическая ошибка, что Ленин и его друзья—как бы слабы ни были их позиции—не сделали всего, чтобы довести дело до раскола в ГСД, ибо если бы мы имели хоть слабую количественно международную революционную организацию, то никогда международный пролетариат не потерпел бы поражения такого масштаба, как это случилось.

Вопрос об отношении Ленина к расколу во II Интернационале—крайне важный и сложный, и точного ответа на него мы не имеем. Мы имеем общую политическую установку, но это—кардинальный вопрос, и его нужно обязательно с точностью выяснить.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО Г. ВАКСА

Некоторые вопросы уже выяснены в прениях, и я на них не буду останавливаться. Это относится в частности к вопросу, который поставил т. Мадьяр относительно того, что оппортунизм присущ, якобы, только периоду империализма. Он поставил также и другой вопрос: как увязать мое указание, что Зиновьев в своей работе «Война и кризис социализма» применил ленинскую оценку корней оппортунизма, с тем, что работа Зиновьева появилась раньше 1917 г. Я имел в виду те статьи Ленина, которые были написаны в 1915—16 гг.: «Крах II Интернационала», «Империализм и раскол социализма», брошюру «Империализм как высшая стадия капитализма» и т. д. Исходя из установки, данной Лениным в этих работах, т. Зиновьев дал правильное и весьма удачное объяснение корней оппортунизма применительно к истории германской социал-демократии.

Перехожу к принципиальным спорным вопросам, которые были подняты в прениях. Мне кажется, что только т. Горловский стал на точку зрения несколько обособленную, отличную от взглядов большинства выступавших. Правда, он формулировал ее довольно туманно и неясно.

Эту неясность концепции т. Горловского нельзя конечно объяснить тем, что недостаток времени помешал ему хорошо развить ее. Суть дела очевидно в самой концепции. Действительно, как представляет себе т. Горловский процесс развития ГСД до 90-х гг.? Судя по его статье в журнале «Под знаменем марксизма» и по тем тезисам, которые он нам здесь дал, получается, что в 60—70 гг. германская социал-демократическая партия—мелкобуржуазная. Затем Бисмарк издает исключительный закон, и партия становится революционной, т.-е. марксистской, пролетарско-революционной. Это конечно неверно. Такое объяснение революционности с.-д. ничего еще не говорит о революционно-пролетарском характере партии, а уясняет лишь ее оппозицию против бисмаркизма, против данного строя государства, против определенных политических преследований партии. Процесс революционизирования партии в эпоху исключительного закона надо объяснить не только одной оппозицией против политических преследований, а тем, что под влиянием роста индустриализации Германии рос и создавался настоящий индустриальный пролетариат за счет пролетариата ремесленного, что таким образом менялось классовое лицо пролетариата и создавалась иная классовая база—пролетарская база—у развивающейся социал-демократической партии. Экономическое угнетение рабочего класса усиливалось политическим гнетом—исключительным законом, который лишал пролетариат средств борьбы, делал невозможной или затруднительной борьбу против классового гнета буржуазии и ее орудия—полицейско-бюрократического государства. Все это вместе вело к полевению, к радикализации рабочего движения.

Далее, я не согласен также с тезисом т. Горловского о том, что в период исключительного закона партия вела непримиримую борьбу с правыми. Меня удивляет, что т. Горловский, работающий специально над периодом исключительного закона, выдвигает такое положение. Та литература, с которой я знаком, приводит меня к несколько иным выводам, и тезис о «непримиримости» я считаю неверным. Фактов, доказывающих это положение, здесь не было приведено вероятно потому, что их трудно найти. Зато имеются факты обратного порядка. Приведу лишь один пример, относящийся к спорам по вопросу о субвенции пароходным обществам. Известно, что эти споры глубоко потрясли партию, что партийные массы были сильно возмущены поведением большинства фракции. Известно также, что внутри фракции дело чуть не дошло до раскола, что голосование носило компромиссный характер, принципиальная сторона вопроса была сильно смазана. Вскоре за этими спорами собирается партийный съезд в Сант-Галлене в 1887 г. Кажется ясно, что съезд должен был подвести итог и дать оценку поведению фракции в этом вопросе. Что же мы видим на деле? Бебель сделал отчет о деятельности фракции и ни словом не обмолвился об этих разногласиях, как будто ничего не было. Что это—случайно? Разве не ясно, что тут желание не раздражать правых? В прениях умолчание Бебелем этого вопроса было отмечено. После этого выступил Либкнехт и заявил, что совершенно неверно утверждать, «будто внутри фракции имеются два расходящихся течения; как раз споры о субвенции говорят против этого: в одном случае при голосовании проходило предложение «умеренных», в другом случае—«левых», где же,—спрашивает он,—можно здесь провести грань».

Как это можно характеризовать? Большевики квалифицируют такую линию, как примиренчество. Интересно, что и Ауэр, выступая на том же съезде с докладом, также протестовал против деления на «умеренных» и «радикалов». Мы имеем достаточный опыт борьбы с оппортунистами и

хорошо знаем, что означают эти жалобы против деления на «умеренных» и «радикалов», т. е. на оппортунистов и революционных марксистов. Отсюда конечно нельзя еще делать вывод, что партия в это время уже была в основном центристской. Я думаю, что в основном партия в это время была революционной и вела правильную линию. Но элементы примиренчества со стороны вождей несомненно были, и эти элементы усилились, когда почва стала более благоприятной. Тезис о непримиримости ведет к неправильной оценке и последующего периода.

Что касается оценки последующего периода, в частности позиции Каутского и Бебеля, то я тоже не уяснил себе, считает ли т. Горловский неправильной постановку т. Зиновьева. У т. Зиновьева каутскианство начинается с 1910 г. До этого элементов оппортунизма в ГСД, как будто, не бывало. Нужно сказать прямо, согласен ли т. Горловский с этим или нет.

Хочу еще указать на оценку т. Горловским левых—Либкнехта и др., с которой я решительно не согласен. Получается, что левые не имели никакой идейной платформы до 1914 г., отличной от Каутского. Это крупная ошибка. С 1910 г. левые выступают, как особое, оформившееся течение в партии, отмежевывающееся от центра Каутского, с которым до сих пор оно в основном шло вместе против правых. Они ставят вопросы об империализме, о перемене тактики партии и переходе к революционным массовым действиям, заново ставят вопрос о политической массовой стачке. В подходе к этим вопросам они намечают основы подлинно революционной стратегии и тактики, создают ядро будущей коммунистической партии. Несомненно, что у них были и ошибки как в области теории (теория накопления Р. Люксембург и др.), так и в области практики, что их идейно-политическое оформление далеко еще не было закончено. Но это не меняет основного факта, что уже с 1910 г. они рвут с каутскианским центром и вступают с ним в борьбу. Некоторые (Фрелих) считают, что это отмежевание от центра произошло гораздо раньше, и склонны думать, что все время, уже с 90 гг., левые выступают с отличной от Каутского принципиальной линией по основным вопросам. Этот взгляд высказал и выступавший в прениях т. Никсдорф. Я лично считаю это неверным. Кое-какие различия и оттенки мнений имелись, но особой идейной платформы левые не выставляли. Концепция Фрелиха безусловно связана с тем, что он стремится показать, что левые в Германии уже до войны были последовательно революционным, большевистским течением. Между тем известно, что по ряду важных вопросов левые далеко еще не были большевиками, держались ошибочных центристских и меньшевистских взглядов.

К таким ошибкам принадлежит постановка Р. Люксембург вопроса о стихийности. И т. Никсдорф глубоко неправ, когда он считает, что Роза правильно ставила вопрос о стихийности для Запада, для Германии, но неправильно для России. Такое деление на Россию и на Запад—неверно и вредно. Обычно, когда начинают проводить такое деление: для России одно, для Запада другое, то оно почти всегда приводит не только к теоретическим, но и к политическим ошибкам, как мы это видели при отходе ряда лиц от революции. В чем суть стихийности у Розы? В непонимании роли партии как авангарда класса, в недооценке организации, непонимании взаимоотношения вождей и масс, в хвостистском принижении роли партии. Эта теория стихийности сыграла в истории германской коммунистической партии довольно печальную роль. Именно благодаря такому ошибочному отношению к роли партии левые не ставили

вопроса о расколе как до войны, так и в течение значительного времени после войны. С большим трудом удалось левым изжить эту ошибку и признать необходимость раскола. Они прошли большой путь. Только одно крыло поставило во время войны правильно вопрос о расколе—эта была бременская группа левых, а группа Розы долго выступала против раскола. Ленин считал это одной из крупных ее ошибок. Эта группа пошла на объединение с центристами в 1917 г. и вместе с ними образовала независимую партию. Всем известно, какую роль это сыграло в судьбах германской революции и партии, когда последняя сорганизовалась в декабре 1918 г., т. е. уже после революции. Все эти ошибки связаны с теорией о стихийности.

В прениях особое внимание было уделено двум моментам: 1) оценке Лениным довоенной германской социал-демократии, 2) нашему отношению к основным направлениям в историографии германской социал-демократии: правому оппортунистическому и лево-уклонистскому.

Вполне понятен тот интерес, который возбуждает вопрос, как Ленин оценивал германскую социал-демократию. В своих тезисах я отметил свой взгляд, но не успел в докладе развить его. Поэтому остановлюсь сейчас на этом вопросе несколько подробнее.

Я указываю в своих тезисах, что внимательное изучение всех высказываний Ленина за довоенный период показывает, что отношение Ленина было вполне трезвым и критическим, что от него не ускользнули процессы роста оппортунизма в германской с.-д. партии. Иначе говоря, я считаю неправильным тот взгляд, будто лишь в 1914 г. Ленин впервые увидел и узнал об этом, что будто до войны он целиком и полностью солидаризировался с той линией, той политикой и тактикой, которую вела официальная германская социал-демократия. Этим я вовсе не хочу сказать, что Ленин до 1914 г. точно знал, насколько глубоко зашел процесс оппортунистического перерождения партии, т. е., что Ленин заранее знал, что партия окончательно переродилась, что оппортунисты уже господствуют в ней и фактически одержали верх. Было бы смешно требовать такого предвидения. Речь идет о том, что Ленин не в пример другим видел, что там что-то неладно и не только в правом ревизионистском крыле, но и у официального, так называемого ортодоксального крыла партии. Если мы сопоставим все высказывания Ленина в их историческом развитии, а не путем выдергивания отдельных цитат, то это становится вполне ясным и очевидным. Приведу некоторые из этих замечаний Ленина. В статье «Иенский съезд германской социал-демократии», написанной в 1905 г., Ленин дает такую характеристику германской партии:

> «Германская социал-демократия,—пишет Ленин,—стоит впереди всех по своей организованности, по цельности и сплоченности движения, по богатству и содержательности марксистской литературы»[24].

С такой характеристикой мы можем и теперь целиком согласиться. Здесь, как мы видим, не говорится ни о революционной марксистской выдержанности ни о непримиримости в борьбе с оппортунизмом. Характерно, что в той же статье Ленин отмечает в качестве положительного момента, что съезд пошел по пути усиления централизации партии, т. е. взялся за то, что большевики сами уже в 1903 г. провели более полно и более последовательно. Этот отзыв таким образом весьма сдержанный и трезвый. Я не буду касаться других, более ранних замечаний, например

[24] Ленин, Собр. соч., т. VII, 2-е изд., с. 235.

отзыва Ленина о борьбе партии с Бернштейном, что его (Бернштейна) пытаются «убить мягкостью».

Но вот, после поражения русской революции, с обострением международной обстановки, усилением роли профсоюзной бюрократии оппортунизм в германской социал-демократии делает значительные успехи, усиливает свои позиции; после Мангеймского съезда партии Бебель и его группа делают скачок вправо. И мы видим, что отзывы Ленина после этого становятся резче и решительнее. Тов. К. Поль уже цитировала очень важную характеристику, данную Лениным поведению германской делегации на Штуттгартском конгрессе. По поводу поведения немецкой делегации в Штуттгарте Ленин писал, что германская социал-демократия «оказалась неустойчивой или занимающей оппортунистическую позицию» [25].

Еще более резок и решителен отзыв о ГСД в связи с поведением немецкой делегации на Копенгагенском конгрессе.

«В общем немцы неспособны вести выдержанной принципиальной линии на международных съездах и гегемония в Интернационале подчас ускользает из их рук»... И далее там же Ленин говорит о кризисе «в германской социал-демократии, который состоит в нарастании неизбежной решительной разверстки с оппортунистами» [26].

В статье «Чему не следует подражать в немецком рабочем движении» (написанной в 1913 г.), внешне направленной против одного Легина, Ленин на деле критикует всю официальную ГСД, говоря о «казенном оптимизме» немецкой партии и т. д. [27].

При этом надо иметь в виду то обстоятельство, что в критике оппортунистических ошибок официальный ГСД не всегда можно было прямо называть вещи своими именами, т. е. приходилось соблюдать некоторый такт в смысле формы, ибо всякая резкость была бы немедленно использована меньшевиками против большевиков, чтобы дискредитировать их в глазах западно-европейского рабочего движения. Тов. Мадьяр упрекнул меня в том, что я допускаю мысль, будто Ленин мог считаться с такими соображениями. Он не понял моей мысли. Я этим хотел лишь сказать, что в смысле формы критики и ее существа неизбежно приходилось соблюдать некоторый такт. Например в той статье «Воинствующий милитаризм», которую я цитировал в своем докладе, Ленин, критикуя позицию партии в вопросе об отношениях к антимилитаристской пропаганде, называет по имени лишь Фольмара. На деле же критика эта бьет и все руководство партии, которое занимало отрицательную позицию в этом вопросе.

Здесь один товарищ цитировал замечания Ленина из «Детской болезни левизны», толкуя его в том смысле, что Ленин прямо и безоговорочно характеризует довоенную ГСД как революционную партию. Но этот товарищ не обратил повидимому внимания на то, что в указанной цитате Ленин говорит, что герм. соц.-дем. партия была «ближе всего» к той партии, которая нужна пролетариату, к большевистской партии, т. е. что полностью таковой она еще не была.

Мне кажется, что все те высказывания, которые я привел, неопровержимо доказывают неправильность мнения, будто Ленин во всем соли-

---

[25] Ленин, Собр. соч., т. XII, 2-е изд., с. 87.
[26] Там же, т. XIV, 2-е изд., с. 362.
[27] Там же, т. XVII, 2-е изд., с. 833—36.

дализировался с направлением Каутского—Бебеля, или что он не видел, не отмечал оппортунистических тенденций в ГСД [28].

Я должен однако сказать, что некоторые моменты этого вопроса еще недостаточно выяснены. Возможно, что Институт Ленина нам даст кое-какие новые материалы на эту тему. Я например не склонен так категорически решать вопрос об отношении Ленина к левым в 1910 г., как некоторые товарищи это делали. Для меня неясно, действительно ли Ленин в 1910 г. считал, что спор носит глубоко принципиальный характер, что Роза и левые во всем правы против Каутского. Письмо Мархлевскому от 1910 г. можно толковать по-разному. В полемике с Мартовым, касаясь этих споров, Ленин указал, что Каутский не спорит принципиально с Розой по вопросу о том, надо ли перейти к стратегии наступления вообще, а спорит лишь о моменте—сейчас ли переходить к наступлению или позже [29]. Теперь мы знаем, что на деле спор шел не о сроке, не о том, наступил ли момент перехода от тактики измора к тактике наступления, а о том—переходить ли к такой тактике вообще, причем Каутский, начиная с этих споров, и определил свою линию вправо, к оппортунистам. Эти замечания Ленина показывают, что в начале этих споров он не вполне ясно представлял себе насколько глубоко зашли расхождения между левыми и Каутским. Вероятно тут играло роль то обстоятельство, что Роза и левые во многом ошибались. Ленину приходилось вести борьбу с группой Розы по вопросам польской партии и другим. И Ленин на первых порах отнесся сдержанно к их выступлениям, присматриваясь и изучая их позиции, не перегибают ли левые. Во всяком случае, позже Ленин вполне оценил значение этого выступления левых. В работе «Государство и революция» Ленин это отметил. «Паннекук,—пишет там Ленин,—выступил против Каутского, как один из представителей того «лево-радикального» течения, которое числило в своих рядах Р. Люксембург, К. Радека и других и которое, отстаивая революционную тактику, объединялось убеждением, что Каутский переходит на позицию «центра», беспринципно колеблющегося между марксизмом и оппортунизмом. Правильность этого взгляда вполне доказала война, когда течение «центра» (неправильно называемого марксистским) или «каутскианства» вполне показало себя во всем своем отвратительном убожестве» [30].

Последний вопрос, на котором я хочу остановиться,—это о нашем отношении к направлениям в современной историографии германской социалдемократии. При подходе к оценке этих направлений нам прежде всего необходимо иметь в виду, что эта проблема имеет не только научно-теоретическое значение. Нет, эти вопросы тесно связаны с нашими современными задачами, они имеют актуальное политическое значение,

---

[28] Мы коснулись лишь части вопроса об отношении Ленина к ГСД, обойдя ряд выступлений Ленина против Каутского, как-то по вопросу о приеме английской рабочей партии в МСП, о резолюции Каутского по кооперативному вопросу. Точно также мы не коснулить вопроса об отношении ГСД к большевикам и меньшевикам, отношения Ленина к попытке Бебеля «примирить» течения. Еще большой вопрос, кому симпатизировали в официальной ГСД: большевикам или меньшевикам.

Факт таков: в «Форвертсе» и в «Нейе Цейт» меньшевики и Троцкий были своими, а когда большевики хотели дать опровержение клеветы Мартова, им не давали ее напечатать. Приходилось это делать косвенно, например через Мархлевского, сотрудника «Нейе Цейт», и т. д.

[29] Ленин, Собр соч., т. XIV, 2 е изд., с. 355 и 382.

[30] Там же, т. XXI, 2-е изд., с. 448.

тесно связаны с той борьбой, которую революционный пролетариат ведет теперь с оппортунизмом, социал-фашизмом. Поэтому весьма важно, чтобы наша позиция была здесь четкой и вполне определенной.

Если мы возьмем историографию современных социал-фашистов, мы увидим, что она вся заострена сугубо политически, применительно к нынешним политическим потребностям социал-фашизма. Та брошюра, которую цитировал т. Фридлянд—книжка Реннера о Каутском, именно тем интересна, что в ней вопрос истории германской с.-д. поставлен на политические рельсы. Но этот самый политический подход мы имеем и в других работах: Кампфмейера и других [31]. Задачи, которые ставит себе современная социал-фашистская историография состоят в том, что она пытается найти увязку между довоенной политикой партии II Интернационала и их нынешней практикой. Тогда ГСД была революционной, вела пролетарскую борьбу с буржуазией, была в оппозиции к государству, отвергала бюджет, вела борьбу с Бернштейном и т. д.—все это факты, которых скрыть от рабочих, от всякого грамотного человека нельзя. Теперь социалдемократия поддерживает капиталистическое государство, действует дружно и солидарно с буржуазией и т. д., одним словом проводит хорошо знакомую нам политику современного социал-фашизма.

Приходится как-нибудь это увязать, чтобы использовать и раньше нажитый политический капитал. Заявлять прямо, что партия тогда была во всем неправа, что она в корне изменилась,—им просто невыгодно.

Историки социал-фашисты нашли выход. Их концепция прошлой истории с.-д. состоит в следующем. Тогда партия жила и действовала в условиях бюрократического вильгельмовского государства, была политически бесправной, государственный строй не был демократическим, а бюрократическим. Вот против этих-то тогдашних политических условий, против режима полицейского государства, социал-демократическая партия и вела революционную борьбу, была к нему в оппозиции и т. д. Политический смысл этой концепции для современности вполне ясен и очевиден, государство стало демократическим, с ним можно и нужно сотрудничать. Вот, например, как Реннер старается объяснить, почему в свое время оспаривали и осудили бернштейнианство [32]. Ревизионизм, говорит Реннер, поставил два вопроса: 1) возможна ли положительная работа социал-демократии при монархическом режиме вообще, вильгельмовском в частности и 2) принципиальный вопрос: может и должен ли социализм как революционное движение вступать время от времени в соглашения с современным государством. Бернштейн ответил утвердительно на оба вопроса, и вот это Реннер считает его ошибкой. По его, Реннера, мнению, с вильгельмовской Германией никакое сотрудничество и соглашение не были возможны. Вот почему партия и Каутский вынуждены были начать борьбу с Бернштейном. Политическая мораль отсюда, что раз теперь монархия пала, то создались положительные условия для сотрудничества с государством и буржуазией. Увязка прошлой истории с нынешней практикой получается вполне прямая и непосредственная. Таким образом суть концепции Реннера и других состоит в том, чтобы доказать, что партия всегда боролась лишь за демократию,

[31] Kampfmeyer и Altmann в предисловии к своей книге «Vor dem Sozialistengesetz» пишут о цели своей книги: «Мы хотим не только писать историю, но и делать историю». Проще говоря, это означает признание, что они так трактуют прошлую историю ГСД, что читатель должен получить из нее практические политические выводы, нужные и выгодные для современной социал-демократии.

[32] K. Renner, Karl Kautsky, Verlag Dietrich, Berlin 1929, S. 53.

что она не стремилась к революционному насильственному свержению капиталистического строя. Кстати, т. Цобель упрекнул т. Фридлянда, что будто он тоже выразился в этом смысле. По-моему, т. Фридлянд говорил о другом и имел в виду лишь то, что на практическую деятельность партии эта задача борьбы с бюрократическим государством накладывала особый отпечаток, т. е. делала оппозиционными многие элементы в ней, которые не были революционными. Это конечно нечто другое, это вопрос особый.

Вряд ли сейчас есть надобность критиковать концепцию Реннера и др. по существу, т. е. показывать, что она искажает фактическую историю прошлого. Я хочу отметить лишь политическую сторону вопроса. Мы не должны облегчать ренегатам их стремления скрыть ренегатство под тем флагом, что партия, мол, всегда и в прошлом не была революционной, была оппортунистической, что они последовательно продолжают эти прошлые традиции. Каутский в частности тоже пытается теперь найти в своих довоенных писаниях места и заявления, которые должны показать некую его последовательность. Наша задача должна состоять в том, чтобы, не скрывая всего, что было в прошлом с.-д. партии оппортунистического, вместе с тем разоблачать ренегатов указанием на революционное прошлое партии, которому они теперь изменили. Тот же самый Реннер, который не прочь напялить революционные одежды прошлого на современную социал-демократию для того, чтобы прикрасить неприглядное настоящее, в той же брошюре пытается найти политическое оправдание для Носке, изображая Носке-палача... революционером. «Пролетариат,—пишет Реннер, — состоит из разных групп. Крайние его группы—это, с одной стороны, буржуазно настроенные, с другой—анархистски настроенные. Эти-то две группы наиболее опасны для революции. Толкая ее к крайностям, одна готова последовать за первым генералом, устанавливающим порядок, другая за каждым крикуном, зовущим к грабежу»... «Эти-то две группы иногда вынуждают революционера прибегнуть к диктатуре, они ставят его в двусмысленное положение. В этой неразберихе могут стать неизбежными такие полные драматизма эпизоды, как дело Носке, когда революционер (это Носке-то!) подавляет анархистскую часть пролетариата, лишь бы не допустить, чтобы контрреволюционный генерал, который бы выполнил этот долг, заслужил этим патриотическую славу и воспользовался случаем для того, чтобы подавить революцию»[33]. Итак, Носке не контрреволюционер, не палач, он... спаситель революции. Эта теория годится не только для оправдания прошлых, но и нынешних Носке-Цергибелей и в этом очевидно ее практически-политический смысл.

По поводу другого направления—ультра-«левого»—мне не придется долго говорить, я об этом говорил в своем докладе. Повторяю, что нам нужно и от него решительно отмежеваться. Ультралевые между прочим в оценке довоенной истории ГСД приходят к тем же выводам, что и правые, т. е. что партия всегда, с момента своего зарождения и на всем протяжении своего развития, была мелкобуржуазной, оппортунистической. Я уже сказал, что последовательных сторонников этого направления среди наших историков-марксистов я не знаю.

Отдельные ошибки в оценках и формулировках конечно имеются. Очевидно т. Горловский это и имел в виду. К слову сказать, такие неправильные оценки и выводы зачастую связаны с тем, что и в чисто-

[33] K. Renner, Karl Kautsky, S. 89

научном отношении некоторые из этих статей (об этом говорил и т. Лукин) весьма сильно грешат. Нам нужно стараться быть сугубо точными в наших формулировках, а тем более в выводах, ибо наши ошибки порождают путаницу в головах тех, кто эти книги и статьи читает и по ним учится. Приведу такой пример. Я получил для отзыва вступительную работу слушателя заочного отделения ИКП на тему «Возникновение германской компартии». Автор этой работы строит такую схему возникновения компартии: оппозиция Моста-Гессельмана,—«молодые»,—группа Р. Люксембург-Либкнехт. Мелкобуржуазные, полуанархистские течения таким образом отнесены к предшественникам компартии. Возможно, что автор плохо читал и не совсем разобрался в соответствующей литературе. Но все же это ясно показывает, что авторам работ и статей необходимо дать четкие и правильные характеристики тех или иных течений, чтобы читатели не впали в ошибки. На этом я хочу закончить, не останавливаясь на других вопросах. Тов. Горловский отметил, что помимо тех спорных моментов, которые мы здесь разбирали, статья т. Зиновьева имеет ряд других недочетов, что там имеется ряд фактических неточностей. Это верно, и приходится сожалеть, что, давая статью для такого серьезного издания как БСЭ, т. Зиновьев не позаботился о том, чтобы избежать таких ошибок, полагаясь очевидно в излишней мере на свою память. Отмечу лишь две неточности: на с. 313 т. Зиновьев пишет: «Немедленно же после декабрьского (1914) голосования Либкнехта он и его ближайший единомышленник, депутат Отто Рюле, были исключены из партии». Это неверно—Либкнехт был исключен из фракции Рейхстага и при том свыше чем через год после этого голосования, голосовав еще несколько раз против кредитов [34]. Рюле объявил себя с ним солидарным, т. е. вышел из фракции социал-демократов. Из партии они персонально не были исключены, а ушли, когда произошел раскол.

Неточно также утверждение (с. 302), что на Нюрнбергском партейтаге ревизионист Франк огласил декларацию от имени 66 южногерманских делегатов. Декларацию эту огласил не Франк, а Зегиц (см. «Protokoll Nürnberg», 1908, с. 426).

Задачей нашей дискуссии, поводом к которой послужила статья т. Зиновьева, было поставить и обсудить ряд методологических вопросов истории ГСД, а тем самым и новейшего рабочего движения. В нашем обмене мнениями мы несколько уточнили наш подход к этим вопросам, определили наше отношение к историографии враждебного нам лагеря правого и левого толка, отметили то важное значение, которое имеет изучение взглядов Ленина для правильного понимания и решения этих проблем. Все это несомненно послужит толчком для дальнейшей плодотворной работы в этом направлении, для разрешения весьма важных и политически глубоко актуальных проблем истории рабочего движения.

---

[34] «См. «Форвертс» от 16/I 1916. Причиной такого запоздалого исключения из фракции была конечно не добрая воля оппортунистов, а то, что, считаясь с настроением партийной массы, они вынуждены были лавировать. Этим же объясняется, что поводом для исключения они избрали не голосование Либкнехта против кредитов, а нарушение «дисциплины», выражающееся в том, что Либкнехт вопреки запрещению фракции выступал с мелкими запросами.

А. Бернштейн.

Письмо в редакцию [1]

Статья т. Зиновьева в БСЭ является шагом назад от уже достигнутой нами ступени в исследовании истории германской социал-демократии. Это совершенно правильно констатируют тезисы т. Вакса.

Нас это обязывает к двум вещам. Прежде всего надо подвергнуть развернутой критике самую статью. Но в то же время надо привести в порядок наши нынешние взгляды на историю германской социал-демократии. Ибо в наших рядах—нужно сказать прямо—немало разнобоя.

Критика статьи т. Зиновьева не может поэтому не поднять перед нами всей совокупности сложнейших проблем истории германской социал-демократии. И эти проблемы мы должны теперь поставить со всей той политической заостренностью, которой они требуют.

Была ли германская социал-демократия в целом революционной партией? Этот вопрос можно и должно поставить.

Можно, ибо германская социал-демократия не была простой суммой разных внутрипартийных течений. Наряду с течениями в партии была и определенная „генеральная" линия. Многолетняя устойчивость руководящей верхушки тоже свидетельствует о преемственности и об устойчивости некоей общей партийной линии [2]. Нельзя отрицать того, что деятельность германской социал-демократии за четыре десятка лет ее довоенного существования при всех отдельных отклонениях имеет характер цельности и своеобразного постоянства.

Должно, ибо иначе не будет ясности в оценке боровшихся в партии правых и левых течений, в ответе на ряд иных встающих перед исследователем вопросов.

Итак,—ставя вопрос в общей форме, в больших цифрах,—была ли довоенная германская социалдемократия объективно-революционной партией, играла ли она на определенном историческом этапе революционную роль?

Для революционного пролетариата последней четверти XIX в. важнейшей задачей было создание массовых, дисциплинированных рабочих партий. Эту задачу германская социал-демократия для Германии выполнила. В условиях той эпохи революционный пролетариат должен был пройти школу использования легальных возможностей, школу борьбы за частичные требования, чтобы завоевать элементарные условия для дальнейшей борьбы. Эти задачи германская социал-демократия, худо ли, хорошо ли, выполняла. Наконец длительный период передышки перед эпохой войн и решающих революций пролетариат должен был использовать для изучения и пропаганды теории марксизма. Худо ли, хорошо ли, германская социал-демократия и эту задачу выполняла: распространение марксистских идей среди немецких рабочих в начале XX в. не идет ни в какое сравнение с положением в 60-х—70-х гг. прошлого столетия.

Вот почему германская социал-демократия сыграла в истории рабочего движения революционную роль, подняла германский пролетариат

---

[1] Редакция дает место выступлению т. Бернштейна, присланному в письменном виде из Нижнего-Новгорода, так как автор не мог присутствовать во время дискуссии. *Ред.*

[2] Конечно история этой партийной линии есть одновременно история и одного из „течений" в партии. Но это то течение, которое определяло партийную линию.

на новую, более высокую ступень сравнительно с прежней эпохой Вейтлинга, Ст. Борна, Лассаля.

Чтобы понять подлинное историческое место социал-демократии, надо брать ее не только в отношении к будущей эпохе войн и революций, но и в отношении к прошлому, до-социал-демократическому этапу германского рабочего движения. Кто забывает об этом, тот теряет чутье исторической действительности и лишается возможности притти к правильным историческим оценкам.

Германская социалдемократия сыграла объективно-революционную роль, являлась в историческом разрезе шагом вперед в рабочем движении. Значит ли это, что она в своем идейном арсенале, в выработанной партией идеологии обладала последовательно-революционной теорией, стояла в основном и главном на позициях подлинного революционного марксизма? К подобному ошибочному представлению может привести статья т. Зиновьева в БСЭ [3].

Мы знаем, что июньские инсургенты 1848 г. шли в свой исторический бой под руководством революционных клубов, в которых боролись идейные традиции утопического социализма, бланкизма, якобинизма, но не революционного марксизма. Парижские коммунары, взявшие власть в 1871 г., находились под смешанным идейным влиянием прудонизма, бланкизма, якобинизма. Тем не менее и 1848 и 1871 гг. дали истории образцы подлиннопролетарского революционного движения, хотя чуждые идейные влияния и в том и в другом случае приводили к серьезным политическим ошибкам. Подымаясь со ступени на ступень, рабочий класс в практике классовых боев вырабатывал и свою революционную идеологию, не раз переживая при этом болезни роста как правые, так и „левые", но неуклонно приближаясь на опыте побед и поражений к революционному марксизму. Те, кто подобно Брокшмидту, приходят к огульному „осуждению" германской социал-демократии, характеризуя ее как оппортунистическую, контрреволюционную партию с самого ее зарождения, впадают в крайность, противоположную тенденции т. Зиновьева, и с точки зрения практической политики наших дней льют воду на мельницу „ультралевого" сектантства.

Какова же была идеология довоенной германской социал-демократии? Сравнительно с идейным содержанием международного рабочего движения 50—60-х гг. это был огромный шаг вперед. Шаг вперед к марксизму путем подчас болезненного преодоления иных влияний: лассальянства, дюрингианства, анархизма и др. Но был ли это уже последовательный революционный марксизм? Нет, не был. И это важно подчеркнуть именно теперь и именно нам, коммунистам-ленинцам. Стыдливое замалчивание лозунга диктатуры пролетариата, лассальянское отношение к насильственной революции и всеобщему избирательному праву (в связи с этим толкование самого термина „революция" только как процесса перехода к социалистическому обществу безразлично

---

[3] Подробно я разобрал эту статью в докладе нижегородскому отделению Об-ва историков-марксистов весною с. г. Там же мне пришлось коснуться и одной своей неправильной формулировки, допущенной в статье „об эйзенахцах и лассальянцах". Эта формулировка, о ненужности исключительных законов против партии в 1878 г., дала пищу для критики. Мой промах вызван конечно тем, что ни в один из периодов своей довоенной истории (в сравнение может пойти только период кануна войны 1910—1914 гг.) партия не стояла перед такой близкой опасностью скатиться к открытому оппортунизму, как в годы, непосредственно предшествовавшие исключительному закону. Однако сгоряча сделанный вывод, как легко может убедиться читатель, противоречит общей моей концепции.

какими путями), переоценка парламентаризма и „демократии“, недопонимание марксовой теории государства—вот главные черты, всегда отделявшие этот социал-демократический марксизм от Маркса.

Представление о том, что это было так для эпохи с 90-х гг., у нас уже почти привилось. Но почему-то именно 80-е годы,—годы, когда партия еще только мучительно вырабатывала ту идеологию, которая отразилась в Эрфуртской программе, шла к ней от остатков чуждых влияний, идеологически росла от идейного разброда 75—79 гг. к уровню хотя бы эрфуртского марксизма,—именно эти годы вызывают подчас колебания. Иные склонны утверждать, что 80-е гг.—чуть ли не годы ортодоксального революционного марксизма, а Эрфуртская программа и 90-е гг.—шаг назад. Это значит ставить историю ногами кверху. Такие колебания связаны со смешением понятий. Имеют в виду нелегальное положение партии в эпоху исключительных законов, революционного настроения в массах в эти годы. Да, партия в 80-е гг. переживает свой героический период, но именно потому она в своей идеологии за эти годы и делает огромный скачок от той идейной путаницы, с которой партия вступила в эпоху исключительного закона, к Эрфуртской программе. Глубокое влияние Маркса и особенно Энгельса, помноженное на приток подлинно пролетарских масс в партию в первой половине 80-х гг., и дало такой эффект, который нельзя не признать огромным, если только мысленно сравнить германскую социал-демократию 75—79 гг. и 91-го года, но который все же не следует переоценивать.

Революционная пролетарская партия идеологически растет к марксизму. Все более отчетливо воспринимаются то те, то другие стороны этого революционнейшего в мире учения. Но в тех вопросах, которые позднее, на подъеме революции, станут решающими, в вопросах теории государства и теории самой революции, партия останавливается на полпути, не преодолевши до конца наследия Лассаля и не придя полностью к Марксу.

Как назвать эту идеологию? Ведь это та идеология, которую продолжало отстаивать партийное руководство в XX в. от правых ревизионистов и от лево-радикалов. Та идеология, которая привела руководство к положению „центра“. Поэтому ярче всего будет ее характеризовать как идеологию центризма, хотя она возникла гораздо раньше, чем историческое течение центра [4].

Итак, германская социал-демократия на целом историческом этапе была революционной пролетарской партией; но идеология ее руководства ни в один из периодов ее истории не подымалась выше центризма [5].

[4] Мы полностью согласны здесь с Н. М. Лукиным, различающим центризм как течение в рядах германской социал-демократии и центризм как определенный вид идеологии.

[5] Именно эти выводы в основном были сделаны мною в докладе, прочитанном в Институте истории весной прошлого года. Часть этого доклада (около 1/3), охватывающая период 1869—1878 гг., была напечатана в виде статьи в „Историке-марксисте“. Период этот является годами наибольших теоретических шатаний в социал-демократической партии, шатаний, приведших к прямому ликвидаторству 1878—1879 гг. Конечно, при наличии апологетической работы Меринга наше изложение этого периода должно отличаться особой заостренностью критики. Эту заостренность некоторые товарищи приняли, видимо, за готовность автора к самым крайним выводам об общем характере с.-д. партии. Действительно сделанные мною выводы, охватывавшие весь период до 1891 г., конечно, не могли быть присоединены к напечатанной части работы. Но многим они были известны. Удивительно, что некоторые товарищи приписали мне даже ультралевую концепцию Брокшмидта, против которой, как им прекрасно известно, я резко выступил в прениях по докладу т. Цобеля еще в декабре прошлого года.

Не понять первую или вторую часть этого вывода—значит впасть в левую или в правую ошибку. И та и другая—наруку социал-фашистам.

Несколько добавочных вопросов должны встать перед нами.

1. Ведь центризм — глубоко предательская, контрреволюционная теория. Как могла она когда-либо играть революционную роль? Первый ответ на это: обратимся к материалам. Тщательное и непредвзятое изучение первоисточников легко покажет всякому, что идеология партруководства никогда не подымалась выше того, что мы условились называть центризмом. А партия была массовой пролетарской партией и в общем и целом выполняла задачи, поставленные историей перед рабочим движением той эпохи. Так было.

Второй ответ: революционную роль играл не центризм как таковой; революционную роль играла партия. А идеология центризма лишь оказалась достаточным шагом вперед от лассальянства, дюрингианства, анархизма, чтобы дать партии возможность в общем и целом выполнять задачи, стоявшие перед рабочим движением той исторической эпохи. Когда же XX в.[6] поставил перед рабочим движением новые задачи,—центризм оказался уже препятствием для их выполнения, и рабочий класс должен был преодолеть традиции центризма.

Третий ответ: центризм XIX в. мог сыграть революционную роль потому, что его намаловажной чертой была революционная фраза, метод завуалирования, замалчивания, неопределенности в тех вопросах, где он отходил от революционного марксизма. Открытая борьба с марксизмом привела бы к гибели, а замалчивание, „спокойное предоставление будущему" коренных вопросов революции до поры до времени сеяло иллюзии, позволяло даже самим творцам идеологии центризма искренне думать, что они ортодоксальные марксисты.

2. Но чем отличался центризм от ревизионизма, от реформизма? Если только фразой.... —Нет, не только фразой. Есть еще два глубоких отличия.

а) Для ревизионистов каждая реформа, данная современным парламентом,—шаг к социализму, процесс врастания в „социализм". Для центристов—основная ставка была не на ближайшие реформы, а на завоевание парламента, хотя бы и избирательным бюллетенем. Лишь после такого „завоевания политической власти" начнутся социалистические реформы. А реформы буржуазного парламента правильно рассматривались как частичные требования, как создание лучших условий для дальнейшей борьбы. Отсюде вытекало и разное отношение к массовому движению: для ревизионистов оно стояло на втором плане, для центристов же массовая агитация и массовое (мирное) движение были важнейшей предпосылкой дла завоевания парламентского большинства. В связи с этим и в практической агитации ревизионисты выдвигали на первое место очередную „реформу", а центристы стремились воодушевить „конечными целями". Различие достаточное для того, чтобы центристы в условиях XIX в. могли еще вести в общем и целом правильную тактику (по отношению к реформам и легальным возможностям, по отношению к массовой агитации и пропаганде, наконец в смысле создания большой дисциплинированной партии), хотя в основном, в отношении к буржуазному парламентаризму, они в сущности шли вместе с ревизионистами.

[6] Более точные хронологические рамки мы дадим ниже.

б) Центристы с горячностью и искренне защищали марксизм и Маркса, хотя и по-своему, центристски понятого. Это имело гигантское значение для той эпохи, направляя мысль пролетария в верное революционное русло, идя по которому он в свое время смог преодолеть центристские недомолвки и утайки. Здесь тоже именно центристы могли играть революционную роль, которой не могли играть реформисты и ревизионисты.

Такова глубокая диалектика истории. Центризм вопреки контрреволюционным извращениям ряда основных звеньев революционного марксизма на известном этапе рабочего движения все же смог объективно подменять марксизм, выполняя роль идеологии революционной пролетарской партии.

3. Но разве природа центризма ни в чем не сказывалась в пору его расцвета? — Сказывалась, и очень чувствительно сказывалась. Если руководство партии, проникнутое центристской идеологией, в общем и целом, плохо ли, хорошо ли, выполняло исторические задачи, стоявшие перед рабочим движением, то выполняло „в общем и целом“ и скорее плохо, чем хорошо. Выражалось это в четырех вещах.

а) Абсолютно отсутствовала организационная и идейная подготовка партии и рабочей массы к предстоявшей полосе войн и пролетарских революций. А эта подготовка была необходима именно в эпоху последней длительной „мирной“ передышки. Давши образцы использования легальных возможностей, руководство отнюдь не сочетало этого дела с нелегальной революционной работой. Эпоха исключительного закона представляет исключение только по видимости. Ибо вынужденная в этот период нелегальная работа партии вовсе не ставила себе иных задач кроме распространения партийной газеты и проведения выборов в рейхстаг. В силу необходимости, созданной законами против социалистов, обычная предпарламентская деятельность проводилась в нелегальных формах. Поэтому-то с отменой исключительного закона для нелегальной организации с.-д. не осталось дела, и она была полностью ликвидирована.

Вплоть до самого 1914 г, германская социал-демократия не имела нелегальной организации, призванной подготовить партию к руководству рабочим классом в предстоящую революционную эпоху, и этот факт— прямое следствие центристской идеологии вождей.

б) Даже в легальных формах борьбы партийное руководство систематически совершало правые ошибки. Перечень их приводить здесь незачем. Внутрипарламентская работа германской социал-демократии далека от совершенства. Исследование протоколов германского рейхстага это легко вскрывает. То, что ошибки систематически совершаются вправо, объясняется отнюдь не только составом парламентской фракции, но и природой центристской идеологии партийного руководства.

в) Внутрипартийная политика строилась главным образом по принципу „огонь налево“. Борьба с правыми, наоборот, на протяжении всей истории партии отличается мягкостью, непоследовательностью и отсутствием организационных мер. В результате происходит огромное разводнение партии правыми элементами, приведшее накануне войны к их преобладанию в партии. Примиренчество направо—отнюдь не „случайность“, а тоже прямое следствие центристской идеологии руководства.

г) Сама эти идеология, упорно отстранявшая разработку проблем революционного восстания, питавшая демократические иллюзии в массах, как нам становится вполне ясно теперь, разряжала, а не укрепляла подлинно революционные настроения в рабочих массах. Это становится заметным особенно после 1905 г.

Таковы главные проявления центризма уже в эпоху его расцвета, в эпоху, когда ему вопреки всем минусам все же удается, в общем и целом, плохо ли, хорошо ли, содействовать выполнению основных исторических задач, стоявших в то время перед рабочим классом.

4. Но если центризм приводил к таким ошибкам, так несовершенно разрешал необходимые задачи, почему рабочий класс создал такую идеологию, почему он не пришел сразу к революционному марксизму? —Вот вопрос, который несмотря на его внешнюю наивность приходится часто слышать. Нелегко молодому классу, окруженному мелкобуржуазными попутчиками, непрерывно впитывающему в свою среду элементы, недавно лишь вышедшие из той же мелкобуржуазной среды, отягощенному множеством идейных традиций прошлого (Вейтлинг, Ст. Борн, Лассаль; во Франции—Прудон, Луи Блан, Бланки, м.-б. якобинизм; в Англии—оуэнизм, чартизм, трэд-юнионизм; в России—народничество и т. д. и т. д.), притти сразу одним скачком к самой последовательной в мире классовой революционной идеологии. Рабочий класс теоретически растет, идет быстрыми шагами к марксизму, но не сразу осваивает все черты своего великого классового учения. Так возникает центризм, эта болезнь роста рабочего класса. Мелкобуржуазные попутчики и „идеологи" „помогли" закреплению этой идеологии на полпути, создав из нее препятствие к дальнейшему росту. Ценой слома, созданной десятилетиями партии, ставшей объективно, а вскоре и субъективно (в лице вождей), агентурой классового врага, преодолел и преодолевает рабочий класс эту болезнь собственного роста.

Так обстоит дело в общих чертах. Но отдельные передовые в смысле революционного политического настроения прослойки немецкого пролетариата выражали свой протест против центризма партруководства и прежде. На базе этого глухого, еще не вполне осознанного недовольства в отдельных частях партии и рабочего класса возникла в свое время оппозия Моста-Гирша, затем франкфуртская оппозиция и „молодые", наконец „лево-радикалы" в XX в. Но при этом оппозиционные элементы тоже разбавлялись мелкобуржуазными прослойками из типа „пришедших в отчаяние". Отсюда две струи в „левых оппозициях" XIX в. Отсюда (но не только отсюда) и их бессилие в выработке самостоятельной программы, их скатывание к анархизму или анархо-синдикализму. Исключение представили „лево-радикалы", возникшие на гребне подъема мирового рабочего движения уже в начале XX в. и явившиеся предтечей „Спартака" и ГКП.

5. Почему же рабочий класс не пошел за левыми уже в XIX в?

а) Оппозиция Моста, да и оппозиция „молодых" была сильна лишь своей критикой, да и то лишь постольку, поскольку не доходила в своих требованиях до более или менее прикрытого бойкотизма. Сколько-нибудь членораздельной самостоятельной программы ни та ни другая выработать не могли, удерживаясь на базе революционного марксизма. Так обстояло дело не только в Германии, но и в других странах: в Италии, в Голландии (Домела—Ниувенгойс), во Франции (рев. синди-

кализм), в Англии („Социалистич. лига") и др. Центризм побивал таких „левых" не только организационно, но побивал и по существу.

б) Главная же причина та, что партруководство вопреки центристской своей идеологии все же в основном и главном выполняло те необходимые, понятные всей массе задачи, которые в XIX в. стояли на очереди. Это обрекало на неудачу все попытки „левых", лишало их возможности сомкнуться с широкими пролетарскими массами, бросало их в объятия анархизма.

6. Наконец последний вопрос: какова социальная база довоенного центризма? Не только как конкретное течение внутри партии с 1905 г., но тем более как идеология, центризм не имеет какой-то „особой" социальной базы в мелкобуржуазных попутчиках или в ремесленном пролетариате и в рабочей аристократии. Это не значит, что он вовсе не имеет социальной базы, как иногда готовы утверждать. Центризм как идеология имеет своей широкой базой пролетариат довоенной эпохи. Разумеется, в широких массах пролетариата этой эпохи далеко еще не были преодолены остатки мелкобуржуазных идейных влияний и традиций. В этом смысле и центризм отражает такие мелкобуржуазные влияния, но отражает через соответствующий уровень развития пролетариата. Центризм—болезнь роста самого пролетарского движения.

Ничего не может быть вреднее для историка, как успокоиться на какой-то обобщающей формуле и твердить о ней везде и всюду. Нам представлялась бы теперь совершенно излишней и пустой работа, в которой историк, анализируя основные документы партийной истории, доказывал бы, что и здесь, и там, и везде налицо идеология центризма. Это значило бы ломиться в открытую дверь. При всей необходимости этого обобщения, оно должно играть для нас главным образом служебную роль, подталкивая к дальнейшему тщательному исследованию разных этапов развития германской социал-демократии.

Ведь центризм характерен тем, что он легко принимает разные формы, разные оттенки, более или менее тонкие у разных его выразителей. Центризм Каутского тоньше, осторожнее, сложнее, чем центризм Бебеля или В. Либкнехта. Гед или Вальян, даже Жорес известного периода после 1905 г., Кейр-Гарди или Троцкий эпохи ликвидаторства —все это разные формы центризма. Не менее характерна и другая черта центризма: его гибкость, его способность в разные периоды в зависимости от обстановки менять окраску, показывать то одно, то другое свое лицо. Центризм хотя бы Каутского переживал и „левые" и „правые" этапы. То же было с Бебелем и В. Либкнехтом и т. д. Всю эту живую историю вытянуть в одну струну, прогладить гребнем „центризма"—дело пустое. Дело историка, наоборот, нарисовать живую картину вариаций приспособления, поворотов в сложной обстановке и т. д.,—картину, которая одна дает верное представление как об исторической действительности, так и о характерных чертах самого центризма.

Наряду с этим острый интерес представляет изучение истории правых и левых течений в партии в разные периоды ее истории. Интерес двоякий: и самостоятельный и тот, что лишь в обстановке этой внутрипартийной борьбы вскрывается с полной ясностью и роль господствовавшего в партии направления.

Если для германской социал-демократии период 1869—1891—годы формирования центристской идеологии, а период 1891—1904—годы ее

расцвета, то предвоенное десятилетие (1905—1914) представляет своеобразный интерес в двояком отношении. Во-первых, при наличии возникшего в партии и развивающегося левого крыла наряду с всегда существовавшим правым господствовавшая в партии идеологии превращается теперь в господствующее в ней течение. Это меняет многое и прежде всего—гораздо ярче вскрывается перед массой оборотное лицо центризма, труднее становится маскировка, завуалирование и т. п. Во-вторых, эти годы, годы общего подъема революционного движения и полевения рабочего класса, годы непосредственной подготовки к мировой войне, годы крайнего обострения всех противоречий, годы сгущающейся мировой политической атмосферы,—шаг за шагом ставят перед рабочим движением новые задачи, которых уже не в состоянии разрешить центризм. Предвоенное десятилетие—период, когда центристы уже перестают выполнять задачи, встающие в это время перед рабочим движением. Перед лицом этих новых задач грань, отделявшая их от ревизионистов, постепенно стирается, хотя еще не исчезает полностью. Это период, в течение которого происходит перерождение объективной роли центризма. Отсюда вытекает та сложная тактика, которой придерживался в эти годы Ленин.

Таковы в грубых чертах основные периоды истории германской социалдемократии. Разумеется, каждый из них (в особенности первый) включает в себя ряд добавочных подразделений. Воссоздать во всей конкретности историю внутрипартийной борьбы в связи с объективной оценкой деятельности партии—дело исторического исследования.

Чрезвычайно существенно подчеркнуть лишний раз, что германская социал-демократия играла доминирующую роль в мировом рабочем движении до войны. Именно поэтому ее собственная история может быть полностью освещена и понятна лишь в рамках международного рабочего движения. Эта касается не только господствовавшего в ней направления, но и боровшихся в партии правых и левых течений [7].

Наконец особый интерес представляет исследование отношения Маркса и Энгельса к германской социал-демократии до 1895 г. и отношения Владимира Ильича к германской партии и вообще ко II Интернационалу за годы 1899—1914. Работа, проделанная покуда нами в этих двух направлениях, лишь больше укрепляет нас в изложенных здесь общих выводах.

---

[7]. Так напр., „молодые“ были в тесной связи с голландскими социалдемократами, руководимыми Домелой-Нивенгойсом, а также, повидимому, с отдельными элементами французского, итальянского и даже английского рабочего движения.

С. А. Пионтковский

ВЕЛИКОРУССКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ [1]

Мы всегда говорим, что история есть определенный вид идеологии. В настоящем докладе мне хочется поставить вопрос—каким образом, в каких формах определенная политическая программа выражается в исторических работах. Я беру историографию нашего последнего десятилетия и задаюсь вопросом, какая политическая программа заключается в исторических сочинениях буржуазных ученых, работавших в СССР в течение послеоктябрьского периода. Какую экономическую и какую политическую программу развертывали наши великорусские буржуазные историки? Материал для ответа на этот вопрос должны дать анализ тематики и анализ содержания исторических исследований.

При таком подходе к истории я должен признать тесную связь между историей и современностью, я ее и признаю, но ее признавала и буржуазная историография; я могу сослаться на самих ее представителей и показать, что связь между историей и современностью существовала у них чрезвычайно тесная. Они сами оценивали свои работы, свои исторические выступления, именно как политический ответ на поставленные современностью задачи. Если наугад взять кого-нибудь из них, например Платонова, Виппера, Бочкарева, то почти во всех их работах мы найдем заявления о том, что существует тесная связь между содержанием и тематикой их исторических исследований и политикой современности. Некоторые из них это формулировали чрезвычайно резко. Бочкарев например в своем курсе „Очерк истории России“—очень неудачный общий очерк истории России—прямо заявляет, что историк—это политик. Отсюда он делает вывод, что политик должен учиться у историка, что история это наука, дающая сведения и руководство политику, и т. д. Берем заявления Виппера. Он в своих книжках (я беру книжки, выходящие после Октября) прямо ставит вопрос, что „историк зависит в своих взглядах и приемах от сменяющихся политических увлечений и философских настроений“. Историк зависит от современности: „Наше неотступное желание найти связь между событиями внешней истории и усложнениями внутренней жизни—результат могущественного влияния современной общественной мысли. Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он как будто читает и видит то, что хочет прочитать и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлением

---

[1] Доклад был прочитан на соединенном заседании Секций промышленного капитализма Института истории Комакадемии и Общества историков-марксистов 10 октября 1930.

Стенограмма доклада печатается в расширенном докладчиком виде, поэтому его заключительное слово редакцией опущено. Прения печатаются в сокращенном виде.—*Ред.*

интересов", писал Виппер в своей книге „Иван Грозный", вышедшей в 1922 г.

Резче и определеннее нельзя сформулировать связь с современностью и политический смысл исторических работ. Берем других представителей: Платонов всегда открещивается от современности, он заявляет, что объективно излагает исторические явления, не навязывая никаких концепций, объяснений и т. д. Но если перелистать страницы его книг и тех, которые выходили до революции в 90-х и 900-х гг., и тех которые выходили после Октябрьской революции, на всех страницах видно яркое тяготение к современности. Что бы он ни излагал, какие бы вопросы прошлого ни трактовал, у него непременно возникает ассоциация с современностью. Трактует, предположим, голод перед Смутным временем в конце XVI в. и тут же рядом пишет: „В пору великого кризиса, переживаемого современным человечеством, можно легко представить себе ужасы голодовки, постигшей малокультурную страну в начале XVII века"[2]. Таких иллюстраций, таких цитат можно подобрать сколько угодно. Современность, ее политические требования и задачи тяготеют над историками и руководят исторической работой.

Естественно возникает вопрос: как же современность руководила теми работами, которые выходили из-под пера Платонова, Виппера, Готье и многих других в последнее десятилетие. Какую современность отражали эти историки, за какую современность они боролись, какую современность они считали современностью, действительностью, а какая современность для них была злом, которое нужно было уничтожить, против которого нужно было бороться. Ответ на этот вопрос дает анализ тематики и содержания исторических работ. Но кроме этого материала имеется другой, не менее интересный, который обрисовывает отношение великорусских буржуазных историков к современности последнего десятилетия,—это протоколы заседаний Археографической комиссии Академии наук. Комиссия заседала все время. Протоколы ее печатались из года в год. Поэтому к анализу исторических работ я присоединяю протоколы заседаний Археографической комиссии Академии наук, а также речи и выступления, которые печатались в „Русском историческом журнале", издававшемся Академией наук в 20-х гг.

Первая группа материалов—это протоколы заседаний Археографической комиссии Академии наук и речи академиков по разным случаям, главным образом надгробные речи. В этих выступлениях мы видим явно выраженную и резко сформулированную политическую программу. В стенах Археографической комиссии историки типа Платонова, Рождественского, Любавского—можно назвать и еще целый ряд имен—создали себе организацию, где они проводили целый ряд политических выступлений и демонстраций. Эти политические демонстрации и выступления очень резко обрисовывают их отношение к действительности. Для иллюстрации я беру один протокол, который относится к концу 1918 г.—протокол 621 заседания Археографической комиссии. Это было траурное заседание. Умер председатель Археографической комиссии—граф Шереметев, и заседание было посвящено его памяти. На заседании фигурировало два документа: письмо Шереметева перед смертью и письмо сына Шереметева с описанием смерти отца. С речью выступал Платонов. В своем письме Шереметев пишет: „Дай бог, чтобы перемирие заменилось прочным и достойным миром". Это писал Шереметев

[2] Платонов, Борис Годунов, Петроград 1921.

к Платонову 1 ноября 1918 г. Человек умирает в Москве и пишет в письме свое мнение о современной внешней политике, и ясно, как он к ней относится. Он отрицательно оценивает ту внешнюю политику, которую ведет Советская Россия и диктатура пролетариата в 1918 г.

Другой документ—письмо Шереметева - сына, которое Платонов огласил в своей речи. В этом письме Шереметев-сын приводит последние слова отца: „Я умираю с глубокой верою в Россию—она возродится". Значит ясно, что перед смертью председатель Археографической комиссии считал, что сейчас (в 1918 г.) Россия развалилась и она еще должна возродиться. Она должна возродиться от чего-то. В этих словах имеется определенная политическая программа, которую разделяет с Шереметевым вся Археографическая комиссия. И в комиссии зачитывают все эти документы, произносятся соответствующие речи, почитается память Шереметева вставанием и т. д. Что это такое? Это политическая демонстрация с определенным политическим содержанием, здесь имеется недвусмысленная оценка современности 1918 г. Это враждебная оценка диктатуры пролетариата, враждебная оценка внутренней и внешней нашей политики.

К этому можно и нужно присоединить ряд речей, которые напечатаны в „Русском историческом журнале", издававшемся Академией наук в 1920—1921 гг. В этих речах имеется чрезвычайно заостренно сформулированная политическая программа и непримиримо враждебная оценка современности, текущей политической действительности. Чтобы не злоупотреблять цитатами, я беру только две: речь академика Жебелева и непременного секретаря Академии наук Сергея Ольденбурга. Жебелев над гробом Тураева говорил так: Тураев „не будучи в силах ни примириться с существующими для истинных мужей науки условиями жизни, ни продолжать свое существование среди этих условий, хотел уйти из этого мира и переселиться в тот мир, где ему как истинно верующему христианину уготована жизнь вечная" [3].

Тут интересно заявление, что для истинных мужей науки условия современности нетерпимы. Это произносится в 1921 г., это напечатано. Условия, обстановка, характер жизни, ее цели, ее борьба для них нетерпимы, они мрут, как мухи, и не могут жить в этих условиях. Такой же характер носит речь Ольденбурга, произнесенная в 1920 г. по поводу смерти академика Лаппо-Данилевского. Непременный секретарь Академии наук говорил так: „Верь, что мы, твои друзья и товарищи в общей работе, чувствуем и верим, как ты, как ты, невзирая ни на что, мы будем продолжать твою—нашу работу, и я уверен, что тогда и те, кто теперь сомневается, поймут, наконец, какой великий искус выдерживали и выдерживают русская наука и русский ученый, и поймут и научатся уважать и ценить их, и не будет тогда тех ненужных, бессмысленных жертв темноты и невежества, жертв лучшими жизнями страны, тех жертв, одной из которых явился ты" [4], т. е. Лаппо-Данилевский.

Можно было бы добавить еще выступление Гревса и Лаврова по поводу Щепкина и т. д., но и этого достаточно. Все это обрисовывает вполне законченное и притом крайне отрицательное, крайне враждебное отношение к действительности: эта действительность не стихийно, а в ее сознательных проявлениях несет уничтожение и смерть представителям

---

[3] „Русский исторический журнал" № 7, 1921, с. 6.
[4] Там же, № 6, 1920, с. 180.

буржуазной идеологии, она их уничтожает. Если с этим мы свяжем выступления проф. Виппера, его лекции в Московском университете, которые он напечатал в эмиграции, где он прямо оценивает нашу эпоху, как время всеобщей гибели: „в ближайшее время народ будет продолжать колобродить"—оценивал Виппер положение в России; этот процесс отразится и на Западе; „процесс в Европе пойдет в смысле раздробления политического и экономического. Державы XIX в. одна за другой начнут распадаться [5],—мы поймем, какое тут имеется настроение и какова тенденция.

Теперь можно перейти к анализу тематики и содержания исторических работ, к выяснению их политических стремлений и чаяний. Здесь с первого же момента мы сталкиваемся с резко политической постановкой. Тот же журнал Академии наук напечатал статью Голубцова о Ключевском (статья была напечатана в 1922 г.). В этой статье Голубцов заявляет, что Ключевский должен являться знаменем, за которым должна следовать вся буржуазная историография нашего времени, что она должна стремиться к тому, чтобы продолжать традиции Ключевского. Какие же эти традиции? Прежде всего, основная традиция—это борьба с монистическим объяснением истории. Голубцов Ключевского расценивает как историка-политика. Никаких личных трагедий в Ключевском он не хочет видеть, в противовес нашим историографам, а определенно и резко ставит вопрос, что Ключевский—это политическая фигура. Вопрос для Голубцова заключается не во внутренних трагедиях Ключевского, а в том, какую политическую концепцию он развивает, а отсюда вытекает и ответ на вопрос, какую политическую концепцию должны поддерживать и продолжать последователи Ключевского. Поставив такой вопрос, Голубцов указывает, что по его мнению политически важно у Ключевского. У Ключевского, во-первых, политически важно—говорит Голубцов—то, что он чужд монистического объяснения истории. И, во-вторых, то, что Ключевский разошелся с экономическим материализмом во взглядах на характер и строение государства и власти [6].

Если подробно расшифровать эти заявления, то станет ясно, в чем Голубцов видит политическую ценность Ключевского. Ключевский—это представитель великорусского шовинизма, прежде всего, ярый руссификатор, представитель торговых группировок, кулацких группировок буржуазии. Вот что в политическом отношении представляет Ключевский. И когда исторический журнал Академии наук заявляет, что они должны продолжать и развивать именно эту сторону традиции Ключевского, когда это печатается в программной статье, то ясно, что здесь мы имеем политическое выступление представителей буржуазной историографии.

В свете приведенных данных неудивительно, что все буржуазные исторические работы, вышедшие из-под пера великорусской буржуазии, проникнуты острой политикой, острыми политическими устремлениями. Тематика этих буржуазных исторических работ так тесно зависит от современности, что изменение задач современности меняют самую тематику буржуазных работ. Для протекших 13 лет можно ясно наметить ряд периодов в жизни нашей страны: период гражданской войны, период широкого наступления на рельсах нэпа и строительства социализма. В зависимости от этих периодов стоит и тематика. Годы граж-

---

[5] Виппер, Круговорот истории, Берлин 1923.
[6] „Русский исторический журнал", кн. 8, 1922, с. 185.

данской войны выдвигают одну задачу перед буржуазной историографией. В период широкого наступления на рельсах нэпа и строительства социализма мы видим превалирующей другую тематику, но и там и тут на протяжении всех прошедших лет мы видим упорную защиту основной политической программы, основной политической традиции, защиту интересов определенных классов. Стоит вопрос об определенной форме власти, об уничтожении диктатуры пролетариата и возобновлении господства буржуазии.

Что представляет собой буржуазная историография периода гражданской войны? За что она борется и как борется? В период гражданской войны мы имеем прежде всего объединенный фронт собственников против диктатуры пролетариата. В историографии мы тоже имеем объединенный фронт собственников против диктатуры пролетариата. За это время обращают на себя внимание три работы: книжки Платонова и Готье о Смутном времени и книжка Кизеветтера по истории русского Севера, вышедшая в 1919 г. Три книжки, вышедшие из-под пера представителей разных слоев собственников, по своим прошлым политическим устремлениям, принадлежащим разным политическим партиям, но теперь после Октября все они занимают одинаковую позицию. Это — тесный единый фронт собственников, которые выступают против диктатуры пролетариата. Тематика у них у всех единая— вопрос о смутном времени. Вполне понятно, почему такой вопрос ставится: идет революция, идет гражданская война, и по ассоциации у них возникает вопрос о революции в прошлом русской истории — о смутном времени. В анализе смутного времени они ищут ответа на настоящее, и, анализируя построенные ими схемы Смутного времени, мы можем отыскать и ответ их на настоящее, ответ на происходящее.

Прежде всего во всех этих трех работах мы имеем апологию отношений собственности. Они прямо дифирамбы поют не в прозе, а в стихах, когда говорят о собственности. Отношения собственности развили русский Север. Кизеветтер несколько раз говорит в своей книжке, что „развитие торговли и промышленности, в которых принимали участие все слои населения, сближало посадских людей и волостных крестьян на почве единства профессиональных занятий, отношений и интересов“. Этот край по словам проф. Кизеветтера „являлся ареной оживленной творческой работы. Ключем била здесь трудовая народная энергия, которая находила себе в этих необозримо громадных лесных пространствах... достаточное количество материала и удобных точек приложения для своих целесообразных усилий“ [7]. Такие же гимны отношениям собственности поет и академик Платонов. Он говорит, что собственность — это ключ к правильному свободному развитию страны и т. д. „Главное условие общественного благополучия — свобода труда и почина“ [8]. Вот первое и основное, что их всех сближает.

Дальше им приходится высказыватьси уже не по вопросам о собственности, а о том, как они относятся к процессу борьбы вокруг отношений собственности, как относятся прежде всего к тому, что называется революцией, как они определяют революцию. По этому вопросу выступает, как глубокий теоретик, проф. Готье. Он в своей книжке о

[7] Кизеветтер, Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства, Вологда 1919, с 4 и 54.
[8] Платонов, Прошлое русского Севера, Петроград 1923, с. 52.

смутном времени рассказывает, что такое революция, и нужно признать, такие смешные и такие политически недопустимые вещи рассказывает, что без цитат здесь обойтись никак невозможно.

Вопрос о революции проф. Готье разрешает очень примитивно и просто. Революция, говорит он, это болезнь. Как организм человеческий хворает, так и организм общественный тоже хворает, и эта хворь общественного организма и есть революция. Но как человеческий организм выздоравливает, так и общественный организм неизбежно выздоравливает, и, когда он выздоровеет, он дальше с новыми силами живет и развивается. Вот что он пишет: „Между жизнью народа и жизнью государства, наиболее сложной и современной организацией, созданной народом, с одной стороны, и жизнью отдельного человека—с другой, есть очень много общего". Бросается в глаза, насколько архаична такая „социологическая" теория: жизнь общества сравнивать с жизнью человека. „Народ совершенно так же, как человек, может подвергнуться болезням, переживать опасные для жизни переломы, бурные проявления острых недугов и затяжные хронические боли" [9]. Дело не в том, что это безграмотно, дело в том, что такая социология ставит своей задачей научно обосновать реставрацию. Сейчас происходит революция, но поскольку революция есть болезнь, она неизбежно пройдет, и наступит выздоровление, т. е. реставрация. В предисловии к своей книжке Готье изображает дело так, что революция совершилась, потом прошла и организм вернулся назад в прежнее состояние. „Смута,—пишет ученый профсссор,—и была одной из тех болезней, которые пришлось перенести русскому народу и тому государству, которое он создал в течение его многовековой исторической жизни". „Но здоровый организм ее справился с недугом и понемногу в исторической жизни России наступило успокоение", а после успокоения народ начал развиваться с новой энергией, „позволившей ему сделать дальнейшие успехи на историческом пути и подготовиться к высшему подъему своих исторических сил—к реформам Петра Великого" [10]. Ясно, что здесь обосновывается неизбежность реставрации, и вся книжка Готье и вся литература смутного времени, которая издается в 1921 г., построена вокруг доказательства неизбежности реставрации.

Но политический интерес этой литературы заключается не только в том, что Готье, Платонов и другие доказывают неизбежнось реставрации,—это конечно само по себе определенное политическое выступление, чрезвычайно важное в момент гражданской войны,—для нас интересно и важно разобрать, что представляет в трактовке этих ученых смута по своему социальному содержанию, какие слои принесут с собою то, что мы называем реставрацией, и что буржуазные историки называют спасением, торжеством страны и т. д. Какие классы принесут это спасение, во имя чего, в какой политической форме они это сделают. Отвечая на эти вопросы, Кизеветтер и Платонов в то же время точнее отвечают на вопрос о своем отношении к современности, о своей политической программе, говорят о том, каким способом можно избежать той болезни, которая сейчас происходит, которая вышибает их из седла.

Приведу две-три цитаты, в которых заключается ответ на все поставленные вопросы. Беру цитату из маленькой книжки Платонова

[9] Ю. Готье, Смутное время, Гиз, 1921, с. 45.
[10] Там же, с. 48.

„Смутное время", которая вышла в 1922/23 г., и из книжек Кизеветтера и Готье. Как оценивает Платонов внутренний смысл смуты? Он говорит, что в смуту боролись общественные верхи и общественные низы и определяет социальную сущность тех и других. „Низы,—пишет Платонов,—не принесли с собою, взамен нарушенного ими строя жизни, ничего нового ни в идее, ни в практической форме. Они были силою разрушительной, но отнюдь не созидательной и нейтральным слоям земщины они не давали ничего такого, что могло бы соблазнить их в пользу казачества, против боярства" [11]. Низы ничего создавать не могут, а могут только разрушать. Вот платоновский ответ.

Кизеветтер отвечает еще проще,—низы просто грабят. „В период Тушинского вора смута вырождается в хаотический грабеж, принимающий характер какого-то разнузданного массового психоза" [12]. У Готье ответ сформулирован в таких словах. Смута—это «протест обиженных низов против сытых верхов», он «вырождался очень быстро в обыкновенный, ничем неприкрытый разбой, от которого наряду с другими страдала таже меньшая братия, крестьяне. Вождями поднявшихся с самого начала смуты низов были или самозванцы, боярские ставленники, или проходимцы, прикрывавшиеся самыми различными именами только для того, чтобы обеспечить себе успех в грабежах и разбоях или же, наконец, иностранцы, только о грабежах и думавшие. Если боярство почти не выделило положительных типов, то восставшие низы не выделили их и вовсе; нет возможности исключить из этого правила и воеводу Болотникова, о личности которого мы имеем слишком неясное и туманное представление" [13].

Все разбойники, все грабители, все бандиты. Вот вам весь смысл этого анализа. Готье не исключает из этой оценки и Болотникова. Это сделано не зря. При всем том небольшом количестве документов, которые существуют, все же ясно, что Болотников, вождь крестьянской революции, должен быть исключен из этой характеристики, но Готье отлично учитывает, что при революционном подходе к истории можно сделать из фигуры Болотникова, и он густым дегтем мажет его, чтобы сразу отуманить и обескуражить читателя.

При таком освещении смуты—что же получится? Кто из смуты выходит победителем? Выходит общественная середина—крестьянство. Эта чрезвычайно интересная вещь, что все они, и Платонов, и Готье, и Кизеветтер—бывший царедворец и бывший к.-д.,—делают ставку на сильное крестьянство, на крестьянство, связанное с рынком, и на торговую буржуазию города. Кизеветтер прямо указывает, что спасение пришло с Севера, а на Севере были торговые крестьяне, которые друг с другом были спаяны. Платонов говорит то же самое. Он специальную главу в своей книжке посвящает анализу новгородского севера—этой классической страны свободного капиталистического крестьянства. Точно также и Готье утверждает, что спасение в смуту пришло от стремящейся к покою общественной середины. Общественная середина—это верхушка крестьянства и торговая буржуазия городов. Готье со своими социологическими об'яснениями выступает как ученый обыватель. Он не ставит ни одной проблемы классовой борьбы. Для него выступление среднего крестьянства и торговой буржуазии городов это

---

[11] Платонов, Смутное время, 1923, с. 158.
[12] Кизеветтер, Русский Север, Вологда 1919, с. 55.
[13] Готье, Смутное время, Гиз 1921, с. IIX.

реакция людей, стремящихся к покою, нечто вроде выступления российских обывателей XVII в. Так и говорит: они стремились к покою, а тут начался кризис, сплошной грабеж. Ясно, что им пришлось на время выйти из спокойного состояния, чтобы потом опять возвратиться к покою: „... и спасение пришло не от тех, кто начал смуту... оно исходило от той устойчивой середины общества, которая всегда дорожила спокойствием и возможностью мирно трудиться. Такие люди не желали и не вызывали смуты: они терпели ее, пока надеялись, что она утихнет сама собою и лишь позднее пошли на борьбу против своего собственного желания, чтобы вернуть себе привычные и мирные условия существования...“ (с. 82).

Вот это объяснение—„во имя покоя“, обывательское объяснение, не исключает определенного политического смысла, потому что вопрос ставится так, что верхушка крестьянства, посадское население, мелкое дворянство, словом „общественная середина“ стремилась только к покою, т. е., выступая политически, боролась за восстановление старого, без развертывания новой политической программы, без формулировки политических целей, а тем более без постановки вопроса о политической форме господства. Вот к чему сводится дело. Так и говорится, что „не власть привлекала их к себе, а спокойная жизнь под родным кровом. Они мало заботились даже о закреплении нового строя. Где же было думать о какой-то сознательной, реакционной политике тем, для которых лучшей реакцией было возвращение к покою“ (с. 137). Если перевести это на язык 1919/20 гг. эпохи гражданской войны, то это значит, что надо бороться за реставрацию старых отношений и снять вопрос о политической форме, в которой эта реакция выражается. Вот какой рецепт, какой совет дает проф. Готье своим читателям. Он говорит, что в истории, когда бывали такие революции, то от них спасали торговая городская буржуазия и крестьянский кулак. И спасая, они не ставили вопроса о форме власти, а шли на Москву, во имя восстановления господства своего класса, не споря о том, в каких политических формах будет осуществлено это господство.

Эта общественная середина — сельский кулак, торговец, мелкий помещик—и есть сам русский народ, который восстановил старый порядок, который поддерживал его всегда. „Середина стояла за восстановление царской власти в ее прежнем виде. Царская власть была восстановлена, и самодержавие продолжало жить и развиваться“ [14]. Не ставя вопрос о политической форме власти, середина восстанавливает царскую власть и после этого спокойно расходится. И Готье для полноты картины рассказывает, что, разойдясь по домам, русские люди начинают вымаливать спасение у бога в своих грехах и начинают усиленно отдавать земли в монастыри. „Вот почему так возрастают и умножаются пожертвования земель в церкви и монастыри, пожертвования, которые стали было несколько падать в конце XVI века“ [15].

Если соединить все эти концепции в одну, выделить в ней основное и характерное, то ясно, что получится законченная политическая программа, доказывающая, что реставрация неизбежна, что реставрирующею силою, которая спасет страну, явится кулачество и торговая буржуазия, что эта сила будет действовать, не предопределяя политической формы реставрации, но с точным знанием ее социального

[14] Готье, Смутное время, Гиз, 1921, с. 144.
[15] Там же, с. 148.

содержания—восстановления господства собственников. Вспомните, что Колчак и Деникин, когда организовывали поход на Москву, ставили вопрос именно так, что вопрос о политической форме власти сейчас не стоит. Что сейчас нужно пойти на Москву, уничтожить большевизм, а уже потом будет разговор о форме власти. Буржуазные историки изображают дело так, что будто бы и в 1612/13 гг. дело происходило таким же образом, как в 1919 г. в стане Деникина. Эти работы стремятся в исторической форме оправдать то контрреволюционное наступление, с которым в 1919/1920 гг. приходилось бороться диктатуре пролетариата. Вот тот ответ, который в период гражданской войны дает великорусская буржуазная историография в своих исторических работах на запросы современности. Вот ее политическая программа. Она славословит реставрацию, расчищает идеологический ей путь, старается своими историческими работами идеологически разложить борющиеся ряды. Ясно, что с нею нужно было вести жесточайшую борьбу, а между тем Госиздат издавал эти книжки.

Но нужно сказать, что вопрос о форме власти не все ставили так, как Готье. Были и более резкие и определенные выступления. Ставился открыто вопрос о реставрации монархии. В другой книжке Платонова о Борисе Годунове и в книжке Виппера „Иоанн Грозный" авторы прямо занимаются апологией самодержавия и бонапартизма.

Гражданская война стихает. Попытка буржуазии хирургическим путем вернуть потерянное оказывается битой, создается совершенно новое соотношение классовых сил. Буржуазная историография снова выступает на сцену, не отказываясь от того, за что она дралась, пытаясь бороться за старое в новой обстановке. В какой форме дальше происходит борьба? После окончания гражданской войны, с 1922/23 гг., вплоть до нашего времени, на протяжении 8 лет мы видим резкое изменение тематики. Тем, порожденных гражданской войной, тем о смутном времени в буржуазной историографии больше нет. Теперь снова разрабатываются те темы, которые характерны для буржуазной историографии дооктябрьского периода—изучение вопросов истории государства, вопросов быта и т. д., того, что буржуазная историография называет социально-экономической историей. Важно не только то, что они изучают, но и то, как изучают эти вопросы, какие цели преследуют. Если подойти с этой точки зрения, то ясно будет, что все эти работы—прямое политическое выступление. Бытовые проблемы ставятся таким образом, что в разработке их видна попытка уйти от действительности. Исследователи стараются оторваться от действительности, уйти в глубокий быт, не имеющий как будто бы никакой связи с действительностью, и тем резче подчеркнуть свое отрицательное отношение к последней. В период гражданской войны Платонов выпускает книжки о смутном времени, о Борисе Годунове и т. д., а в период после 1923 г. выпускает в „Известиях Археографической комиссии Академии наук" и в „Известиях Академии" статьи об ордене Иуды. Совершеннейшая чепуха. Петр Великий наградил своего шута орденом Иуды. Другая работа—о князе Куракине и кн. Прозоровском, который сбежал за границу. Один из Прозоровских поступил в монахи на Афоне, а потом вернулся и служил во флоте священником. Попутно выступает двоюродная сестра Прозоровского, которую обвиняли в связи с делом цесаревича Алексея. Если вспомнить, что до революции Платонов выступал с резко очерченной политической программой, если в годы гражданской войны он своими книжками борется с диктатурой проле-

тариата, то ясно, что эти последние сочинения его громко говорят об отношении к революции и диктатуре пролетариата на новом этапе. Глубокий бытовизм подчеркивает неприятие советской действительности, непримиримое отношение к ней.

Берем другую тему—о государстве. Это привычная тема для русского историка. Но, когда они занимались государством в 50 х—70-х гг. прошлого столетия, они ставили большие проблемы. Чичерин, хотя был идеалист, но все же был диалектиком и развивал свои темы более или менее интересно. А что получается после революции? Богословский ставит проблему об изучении государственной власти, и при этом открыто заявляет: я занимаюсь мелочами. В „Известиях Академии наук" за 1928 г. он напечатал статью „Административные преобразования Петра Великого", и там говорит, что занимается мелочами, потому что может быть из мелочей получится что-нибудь крупное. Он сам пишет „Можно наблюдать еще некоторые отдельные небольшие изменения в устройстве существовавшей тогда государственной машины". „Из таких накапливающихся мелочей отложатся крупные заметные изменения" и т. д. И весь человек уходит в это. Можно привести у Богословского еще ряд работ, где он считает буквально пуговицы у Петра Великого и т. п.

Отдельную группу представляют исторические работы, посвященные вопросам хозяйства. Главным образом берется история торговых отношений, причем история торговых отношений рассматривается не с точки зрения качественных изменений, эволюции форм, а с точки зрения чисто описательной. Такого характера работа Вулих по истории торговли, напечатанная в сборнике „Россия и Запад" [16], работа Бахрушина о торгах гостя Никитина в Сибири [17], статьи Грекова о помещичьем хозяйстве в XVI—XVII вв. в Новгородской области и статья Рождественского „Гатчинская вотчина Павла I". Последний ученый снова возвращается к избитой теме о Павле: „чтобы осветить Павла как императора, надо сперва изучить его как гатчинского помещика"— и, разрешая эту задачу, пишет: „взятая сама по себе Гатчинская вотчина представляется цельным, выдержанным организмом крупной вотчины феодального типа, в которой гармонично сочетались и приемы крупного хозяйства, и военно-административный режим, и художественный стиль властвующего над всей вотчиной дворца" [18]. Этот небольшой отрывок ясно говорит и о методологии, и о приемах работы, и о результатах. Примеров подобной чепухи можно подобрать сколько угодно. Эти апологеты собственности и крепостничества не умеют даже научно излагать и обосновывать свои мысли.

Естественно, что когда появилась волна таких работ, когда они стали выходить в изданиях и Академии наук и Ин-та истории РАНИОН'а и стали наводнять рынок, естественно, что в эмиграции Кизеветтер от радости замахал руками, увидя, что те традиции, за которые он боролся, снова возрождаются, и в 1928 г. в „Современных записках" пишет хвалебную статью о появившемся в Москве историческом сборнике. Он пишет: „Сборник заключает в себе немало интересного, научно-исторического материала. Отрадно констатировать, что ученая молодежь энергично ведет серьезную исследовательскую работу, следуя

---

[16] Сб. „Россия и Запад", Вулих, Из мира торговых отношений в Москве XVII в., 1923.

[17] Труды Ин-та истории, Сб. стат., т. I, 1926.

[18] Институт истории РАНИОН, „Ученые записки", т. VI, с. 144, М. 1928.

научным традициям, издавна утвердившимся на исторических кафедрах Московского университета" [19]. Но в чем сущность этой научной традиции, издавна утвердившейся на кафедрах Московского университета. Это—национал-шовинизм и апология отношений собственности. Эту традицию Кизеветтер сразу заметил. Он оказался более дальнозорким чем мы, потому что мы выпустили эти работы, а он их совершенно правильно политически оценил.

Какие же экономическая и политическая программы заключаются в этих работах, что они пропагандируют, интересы какого класса они защищают и выражают? Возьму для примера только несколько работ. Для характеристики экономической программы я беру работу Юровского, вышедшую в 1923 г., и работу Любомирова, вышедшую в 1930 года Расстояние между выходом работ в свет—семь лет. Работа Юровского посвящена Саратовской вотчине, работа Любомирова—промышленности XVIII и и начала XIX вв. Обе работы, как вы видите, интересуются исключительно экономическими проблемами. Весь интерес и все политическое значение этих работ заключается в методологии, в том, что обе работы заняты доказательством извечности отношений собственности, неизбежности этих отношений, заняты доказательством того, что при отношении собственности классовой борьбы нет. Юровский выступает как ученик Струве. Он признает, что существует борьба между индивидуальными хозяйствами, но классовой борьбы нет, классовая борьба снята и т. д. Отсюда и подход к хозяйственным вопросам, чисто капиталистический. Улучшилось положение крестьянина после крестьянской реформы или не улучшилось,—для него по существу безразлично. Вопрос заключается не в этом, а в том, что народное хозяйство нуждается в правовой реформе. Юровский свою теоретическую позицию формулирует таким образом: „Хозяйство есть телеологическое единство, т. е. единство, образующееся не стихийно, а сознательно, ради достижения некоторой цели. Дабы оно существовало как таковое, необходима возглавляющая его воля, использующая его средства и направляющая деятельность входящих в его состав людей. Само собою разумеется, при этом, что хозяйство есть единство экономической деятельности, т. е. что цель его заключается в приобретении хозяйственных ценностей. Если нет воли, возглавляющей, дающей план и указывающей способ его выполнения, то нет и хозяйства" [20]. Дальше идет ссылка на Струве. Отсюда—определение крепостного хозяйства: это система телеологических хозяйств, внутренней. борьбы между помещичьим хозяйством и крестьянским хозяйством совершенно нет. Сняв таким образом вопрос о классовой борьбе и в то же время поставив вопрос о разумно руководящей телеологическим хозяйством воле, Юровский идеализировал отношения собственности, отрицал антагонистичность этой системы и в то же время обосновывал индивидуалистическую сторону буржуазного хозяйства, отрицая классовую борьбу внутри буржуазного хозяйства, он тем самым из исторически переходящей формы превращает систему отношений собственности в извечно существующую. После

---

[19] «Современные записки» 1928, т. XXXIV, с. 535.

[20] Юровский Л. Н., Саратовские вотчины, Статистическо-экономические очерки и материалы из истории крупного землевладения и крепостного хозяйства в конце XVIII и в начале XIX столетия, Саратов 1923.

Любомиров П. Г., Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX вв., Прибой 1930.

этого он переходит к вопросу о крестьянстве и ставит вопрос таким образом: „Крепостные крестьяне жили зажиточно или скудно, смотря по местности и смотря по обстоятельствам“ [21]. Что это значит—„смотря по обстоятельствам?“ Нам нужно, чтобы была определенность, чтобы были указаны производственные отношения, а не обстоятельства. „Действительно глубокие различия в быте крестьян в дореформенное и пореформенное время лежали скорее в области юридических, культурных и общих народнохозяйственных условий, которые перерождали постепенно нашу деревню, теснее связывали ее с городом и городской культурой и подготовляли почву для образования юридически и хозяйственно самостоятельного крестьянина“ [22]. Юровский выступает в 1923 г. от имени сильного крестьянства—кулака—хозяйство которого поставлено под удар, с которым в деревне идет борьба.

В 1930 г. вышла работа Любомирова. Он говорит, что продожает традицию Туган-Барановского, Кулишера, Тарле. Какие же именно традиции? Методология работы Любомирова, вернее, полное отсутствие методологии объясняет, в чем тут дело. Его интересует вопрос о происхождении и развитии мануфактуры. Он дает очень интересный материал, но проделывает чисто описательную работу. Ни одной постановки проблемы у него нет. Учение Маркса о мануфактуре, ее происхождении и развитии не существует для Любомирова. Как перерастает одна хозяйственная форма в другую, какие внутри нее противоречия, какая классовая борьба и т. д.—все это для него книга за семью печатями. Превращение кустаря в фабриканта, светелки в мануфактуру взято с чисто количественной точки зрения. Любомирова интересует размер производства, а не его структура, число людей, а не их положение в производстве и отношение к орудиям производства. Он подходит к вопросу по-бухгалтерски, так, как подходил сам превращающийся в фабриканта кустарь. Ему не было дела до борьбы вокруг прибавочного продукта, собственнические отношения для него извечны, накопленный капитал принимает новую форму, для владельца это важно прежде всего с точки зрения количественных отношений. Книга Любомирова выражает интересы тех групп, которые в годы нэпа переживали процесс перехода от торгового капитала к зачаткам промышленного—деревенского кулака, городского торговца в промышленного предпринимателя, она выражает стремления тех, кто видел свою цель в расширении нэпа и понимал его как реставрацию промышленно-капиталистических отношений. Этим объясняется ссылка на предшественников и выполнение самой книги.

Юровский все-таки идеологически крупная фигура, умеющая ставить вопросы теоретически. Любомиров просто примитивный провинциальный профессор, никаких теорий он не дал, но интересы торговой буржуазии, кулака и нэпмана выразил точно и определенно.

Если теперь мы поставим вопрос о политической программе буржуазной историографии, то ответ на этот вопрос мы найдем в целом ряде работ, напр. у Любавского, Бахрушина, Маркевича и др. Эти работы интересны тем, что в них развертывается программа национал-шовинизма—„великой и неделимой“. Подробно в ряде исторических сочинений разрабатывается эта сторона программы буржуазной реставрации. Так, Маркевич пишет в „Известиях Академии наук“ о переселении крымских татар в Турцию и доказывает, что Крымские татары

[21] Юровский, цит. соч., с. 80.
[22] Там же, с. 164.

стремились переселиться в Турцию только благодаря своему невежеству. Ни крепостного права, ни обезземеления татары не переживали, имеется простой фанатизм, нежелание со стороны татар служить в русском войске и этим объясняется бегство их в Турцию. Шовинистическое объяснение истории особенно резко сказывается в работах Любавского и Бахрушина. У Бахрушина есть целый ряд выступлений откровенно шовинистических. Так, в сборнике в честь Платонова он рассказывает про одного поляка, что тот был хвастун, и прибавляет, что это свойственно его нации. В книжке „Очерки по колонизации Сибири“ он заявляет, что стремится продолжать традиции Ключевского и трактовать историю России как историю страны, которая колонизуется. Дальше он говорит, как происходит колонизация в Сибири, причем сибирских аборигенов он называет дикарями и борьбу с ними объясняет тем, что они наступали на русских. Он очень хорошо знает торговые дороги Сибири, так что если его отправить в Сибирь по путям XVI в., то он не проделает тех ошибок, которые там делали путешественники в XVI—XVII вв. Но что там совершается, почему этот колониальный грабеж происходит именно в XVII в., почему в такой форме происходит,—ответа на эти вопросы вы не найдете. Единственный стержень—это интересы великорусского племени, великорусского народа.

Точно также ключом бьет национал-шовинизм в работе Любавского. Можно многое сказать, много привести цитат из нее, но смысл их сводится к одному. С одной стороны, мы видим апологию отношения собственности, с другой стороны, развернутую национал-шовинистическую программу великорусской буржуазии. Национал-шовинизм—это мечты и стремления к „великой и неделимой“, восстановление отношений собственности в экономике и восстановление „великой и неделимой“ как политической формы господства собствеников—вот программа, за которую борется русская буржуазная историография.

Вот каков облик великорусской буржуазной историографии в период после гражданской войны. Все те цели, за которые они боролись до и после Октября, сохраняются, но теперь они борются на новых этапах и в новой форме. Отсюда вытекает и то, что эти национал-шовинистические настроения и апология отношения собственности имеются не только в великорусской историографии, но и в украинской, например в лице Слабченко и в литературе других национальностей СССР. С другой стороны, мы можем установить определенную генетическую и идейную связь между явлениями русской эмигрантской литературы, и тем, что развертывается в нашей буржуазной великорусской литературе. Например Милюков с его „Россия на переломе“ очень напоминает Юровского и Любомирова. Но вопроса об эмигрантской историографии я ставить сейчас не буду.

На всем, что дала за последнее десятилетие буржуазная историография, лежит печать разложения. Если взять ее тематику,—ни одной свежей, новой темы—все ее темы уже вошли в оборот в конце XIX начале XX в. Трактовка тем, их методология—это обветшалые остатки социологического метода, плюрализм и путаница. Ключевский не любил методологических вопросов, но свои высказывания он умел облекать в изящные словесные формы. Его эпигоны нашего десятилетия, не обладая ни талантами, ни знанием Ключевского, в своей методологии представляют полную беспомощность. Они видели кризис своей методологии и, не желая принимать марксизм, наоборот упорно стараясь его опровергнуть, они готовы искать спасения в научных организациях Лиг

наций, — надеясь в капиталистическом Западе найти поддержку и помощь.

Распад буржуазной историографии сказывается в технике ее работ. Прежняя виртуозность сменяется упадком, вместо критики текста историки занимаются изложением источника и подборкой цитат. Бахрушин до революции сумел поставить вопрос об изучении сибирских летописей, применив к ним шахматовские приемы, а после революции он изучает биографии, мелочи и своими работами лишь резче подчеркивает, что без классового подхода критика текста вырождается в пустую формалистику. Ярким примером этого является его работа о житии св. Василия Мангаузиитского, напечатанная в „Известиях Академии наук“ за 1929 г.

Итак, какая же может быть дана общая оценка великорусской буржуазной историографии за последнее десятилетие? На всем протяжении революции она защищала интересы великорусских собственников. Она вся была пропитана острейшим национализмом. Это было политической формой выражения ее чаяний. Она вся в прошлом. Она приняла участие в гражданской войне на стороне разбитой пролетарской революцией буржуазии. Она отразила интересы собственнических групп, уцелевших и боровшихся за свое существование после лет гражданской войны. Торговая буржуазия города и деревни, нэпман, кулак, перерастающий в фабриканта кустарь,—имели в исторической литературе верных защитников и представителей.

Но изменение положения собственнических классов, изменение самой сущности этих классов сказалось и на историографии. Отражая интересы буржуазии в период уничтожения всех отношений собственности, эта историография свидетельствует о распаде, разложении и умирании тех классов, интересы которых она представляет.

Ясно, что роль буржуазной историографии до Октября и после Октября разная. После Октября она резко изменилась, поскольку изменилось положение самого класса. До Октября этот класс был у власти, он защищался от напора ведущего революцию пролетариата. После Октября это класс умерший, это класс, который уже уничтожен, который уничтожается. Последнее сопротивление буржуазии. Это последние судороги мертвеца. Поскольку идет борьба за уничтожение буржуазии и кулака как класса, постольку это положение отражается, конечно, и на буржуазной историографии. Если по характеру и положению буржуазной историографии судить о состоянии того класса, интересы которого она представляет, то мы должны сказать, что буржуазная историография свидетельствует о нежизненности буржуазии, о том, что она уже умерла. Ни одной живой мысли, ни одной темы буржуазия после Октября дать не может. Она только шамкает о прошлом, и эти выступления ее лишний раз подчеркивают, что мы имеем дело с представителями умершего класса, и наша задача заключается в том, чтобы помочь им поскорее умереть, умереть без следа и остатка, а не заниматься тем, чем занимались в течение 10 лет до сих пор, издавали сборники трудов, печатали их работы и т. п.

ПРЕНИЯ

А. Шестаков. Затронутая т. Пионтковским тема имеет большой актуальный интерес. Она актуальна именно потому, что те представители исторической школы, о которых он сегодня упоминал, являются непо-

средственными организаторами реставрационных течений не только в своих исследованиях, но и в своей политической деятельности. Но т. Пионтковский в своей критике политических программ буржуазной историографии несколько разбросанно подошел к целому ряду моментов. Между прочим, тот основной вопрос, который особенно характерен для определения политической физиономии этих историков,—вопрос о великорусском шовинизме—освещен был т. Пионтковским недостаточно. Следовало бы дополнить галлерею портретов, которая была им приведена, такой фигурой, как акад. Бартольд, о книжке которого «Очерки культурной жизни Туркестана» в свое время была помещена рецензия в журнале «Историк-марксист». Бартольд представляет собой столь типичный образчик великорусского великодержавного шовинизма, что приходится разводить руками, почему такая книжка могла появиться в нашей стране. По существу это апологетика действий великодержавного русского шовинизма, русского капитала, русской колониальной политики в Ср. Азии.

Кроме того необходимо отметить, что в критическом обзоре т. Пионтковского имеется некоторая недоговоренность в последнем разделе, касающемся эпохи нэпа и эпохи строительства социализма. Здесь следовало бы не только отметить беспочвенность буржуазных исторических описаний, но и показать стремление буржуазных идеологов к определенному политическому выходу из создавшегося положения. Ведь эпоха нэпа и затем эпоха реконструкции в буржуазной публицистике, в писаниях буржуазных экономистов была как раз характерна крутым поворотом их в сторону кулачества, и этот вопрос о кулаке. как движущей силе контрреволюции вскрыт был т. Пионтковским, по-моему, недостаточно. И то, что т. Пионтковский устранил из своего исследования эмигрантскую литературу, несколько нарушило картину общей политической линии наших классовых врагов. Создание политических программ в нашей стране для буржуазных историков было конечно трудно, потому что этому мешал обстрел со стороны таких организаций, как Об-во историков-марксистов и Комакадемия, поэтому они не могли здесь выступать в таком обнаженном виде, как это делали белоэмигрантские политики, и исключать последних из анализа неправильно. В эмиграции и до сих пор ставка на кулацкую контрреволюцию еще жива и является самой актуальной проблемой современных историков-белоэмигрантов. Вот если бы все это взять вместе, у нас получилась бы полная картина и полная аналогия со всеми теми политическими выступлениями которые мы имеем и в других лагерях капиталистической реставрации, особенно в лагере аграрников-экономистов.

Л. Мамет. Я хочу ограничиться несколькими замечаниями по одному вопросу, который меньше всего нашел освещение в докладе т. Пионтковского. Если верно то, что буржуазные историки сейчас отходят в своей тематике от современности к бытовизму, то есть еще одно русло, куда сейчас уходят эти буржуазные историки: это в историю национальных окраин. Уходят туда они из двух соображений: во-первых, потому, что это такое место, где можно чувствовать себя наиболее неуязвимым, наиболее далеким и от марксизма, и от марксистской критики, и, во-вторых, как это ни покажется странным, но те самые историки, которые в своих работах являются типичными российскими великодержавниками когда уходят в историю национальных окраин, делают своеобразный поворот и начинают обосновывать местный национализм—по-своему, конечно. Таким образом получается своего рода

стык великодержавного шовинизма с местным национализмом. Это тоже путь политической борьбы с нами, ибо обосновывать местный национализм, который представляет интересы местного кулачества, местной социальной верхушки—это тоже есть метод борьбы против социалистического строительства всего Советского Союза. Я приведу несколько примеров.

Возьму одну фамилию, которую упоминал в своем докладе т. Пионтковский. Под крылышком Якутской комиссии Академии наук Бахрушин написал довольно большую работу под названием «Исторические судьбы Якутии». Что характерно для этой работы? По существу в этой работе Бахрушин идеологически обосновывает политические позиции якутских тойонов, которые в самые последние годы доходили до вооруженной борьбы с советской властью. Бахрушин рассматривает исторические судьбы Якутии и приходит к таким выводам. В некоторые районы Якутии русские пришли раньше якутов. Якуты тоже завоеватели в Якутии, и это дает возможность якутам играть там такую же роль, как и русским. Отсюда положительная роль их для Якутии. Правда, Бахрушин высказывает некоторое сожаление по поводу того, что эти две струи—русское завоевание и якутское «завоевание»—не сумели наладить между собой достаточного сотрудничества, часто мешали друг другу. Но все же основная установка его работы такова, что он обосновывает положительную роль якутского тойоната, выдвигает его в качестве носителя идеи якутской нации. Бахрушин стоит на точке зрения национального якутского шовинизма, и обосновывает ту борьбу, которую тойонат ведет против нас. И Бахрушин не один, у Бахрушина есть ученик—это Г. А. Попов. Октябрьская революция помешала ему сделаться попом, и он поэтому сделался историком. Этот самый Попов, основываясь на работе Бахрушина, проводит ту точку зрения, что роль русских, завоевавших Якутию, была несколько хуже, чем та же роль русской колонизации в других районах. Объясняется это тем, что Якутия очень удалена и доходили до Якутии лишь отбросы русского общества и русской культуры, и поэтому та положительная роль, которую русские сыграли в завоеванных областях всюду, куда они приходили, в Якутии значительно снижается. Восхвалением роли русского завоевания вообще обосновывается якутский наступательный национализм. Это имеет отношение не только к Якутии. Как известно В. П. Анучин в 1918 г. обосновывал необходимость Великого ойратского государства. Он наметил громадное количество районов и народов, которые должны в него входить, и оправдывал это тем, что они когда-то входили в великую империю Чингис-хана. Рассматривая социалистическое строительство у нас как распад России, буржуазные историки обосновывают местный национализм и требуют отделения национальных окраин. Это тоже метод борьбы против нас.

И. Татаров. Я очень сожалею, что к сегодняшнему докладу не мог серьезно подготовиться, тем более, что у меня материал по данному вопросу и по совместной нашей работе с т. Пионтковским в Ранионе был довольно большой. Поэтому ограничусь только небольшими замечаниями, больше в дополнение и в развитие того, что говорил т. Пионтковский.

Начиная свой доклад, т. Пионтковский говорил о влиянии традиций Ключевского. Однако недостаточно установить в современной буржуазной историографии наличие одной школы Ключевского. Мы имели в прошлом три крупных исторических школы, по своим классовым признакам—помещичье-дворянскую, буржуазную и мелкобуржуазную народническую. Эти три школы имели очень сильные и прочные традиции, пустили очень

серьезные корни в русской исторической литературе, влияли на последующие поколения. Мы вошли в Октябрьскую революцию, имея довольно большой контингент историков, связанных в своей предшествующей деятельности с этими школами.

Эти школы, делившиеся к тому же грубо на московскую и питерскую, при несомненной взаимной враждебности, во время революции, особенно на первом ее этапе, объединились. Здесь получился единый фронт. Но это все же не значит, что они одинаково подходили ко всем вопросам. Пионтковский совершенно прав, когда говорил, что у всех буржуазных историков вы найдете чрезвычайно острую оценку исторических фактов под углом зрения политической борьбы. Напрасно только он несколько раз говорил об обывательщине. Ведь с нашей точки зрения, всякий буржуазный политик по-обывательски ограниченно смотрит на события, но ведь это специфическая черта даже самого умного буржуазного историка. Политическая позиция любого буржуазного историка в частности и тех, о которых говорил докладчик, на первом этапе характеризуется отношением к проблеме революции и диктатуры. Эта проблема на первом этапе является основной. Историческая школа, связанная с именем Платонова, проявляет пристальный интерес к тому, что представляет собой опричина, ее социальный состав, методы борьбы и пр., т. е. в переводе на наш язык они внимательно изучали и продолжают изучать диктатуру крепостника XVI в. Этот вопрос они трактовали под углом зрения своеобразного понимания диктатуры, а именно—с точки зрения своей собственной диктатуры (в этом смысле надо отдать им справедливость—они много выше кадетов). Платонов—националист, диктатуры не боится, он на нее сознательно идет. Естественно, что открыто он об этом не говорил, хотя иногда и открыто проповедывал монархизм, например в брошюре «Петр Великий». Смысл его писаний был таков: я о диктатуре знаю и хочу представить себе, как диктатура крепостников относится к современности. Диктатуру опричины эта группа историков мыслила как антипод социалистической революции, сравнивала ту и другую. Каким образом, по их мнению, страна может возродиться, на какой почве может произойти ее исцеление? Тут докладчик совершенно прав. Все историки (кроме Преснякова) приходили тогда к одному выводу, что выходом из положения может быть реставрация в любой форме. Что касается историков школы Ключевского, то можно заметить, что они главным образом интересовались эпохой «исцеления» России—XVII в. Чем ближе к нашим дням, тем все более школа Платонова, изучая XVI в., связывает проблему диктатуры и революции с проблемой аграрных отношений, а школа Ключевского, скажем Бахрушин, Яковлев, отчасти Богословскй, изучает торговые отношения XVII в.

Я считаю, что когда докладчик в основном делил буржуазную историографию на две эпохи: на эпоху гражданской войны и эпоху нэпа и социалистического строительства, он упустил из виду еще один период—переходный момент. Этот переходный момент характерен, во-первых, сменовеховскими выступлениями. Так напр. Тарле в одной статье в «Анналах», посвященной международным отношениям России и Турции, проводит ту мысль, что политика нашего Союза продолжает многолетнюю линию борьбы на Востоке против Англии. Революция дает новые шансы для успеха этой политики, по существу ее не меняя.

Во-первых, резко бросается в глаза отсутствие методологии, разброд в этом отношении. Особенно ярко это сказалось в выступлении

крупнейшего историка, ученого, затронутого историческим материализмом, о котором к сожалению не говорил докладчик, Я разумею Виппера. Он поставил в книге об Иоанне Грозном ту же самую проблему—проблему диктатуры, проблему революции, но как он ее решил? Для него в основном XVI в. характерен стремлением к Западу, и он связывает это стремление с Ливонской войной. Он воскрещает старый спор западников с славянофилами и решает вопрос по-славянофильски. Большевики-западники вводят у нас социализм, а я отрицаю диктатуру, я отрицаю социализм. А социализм есть марксизм, поэтому я все свои счеты, все былые связи с марксистами прекращаю. Вот смысл политических выступлений Виппера. Любопытно, что в этом выступлении Виппера вы увидите отголосок шпенглерианства, т. е. известного идейного разброда, отсутствия методологии. Человек потерял какую-то нить. И очень любопытно, что агностицизм в работах буржуазных историков становится руководящей линией на очень долгий период. Сфера интересов большинства буржуазных историков мельчает, идет в быт, этнографию, краеведение. Буржуазные историки, занимаясь изысканием раритетов, исходят из сознания, что современная Россия лишена своего национального облика, Где же искать то индивидуальное, что свойственно только России? Что характеризует ее «настоящее» лицо? Свое лицо Россия получила после всех смут, после всех потрясений XVI—XVII вв. Совершенно естественно, что они любуются каждой конкретной вещью этого времени, изучают только конкретный факт; в отдельном эпизоде, в отдельной вещи ищут подлинное национальное лицо, которое Россия сейчас потеряла, но надо, мол, надеяться, что когда исцелится от бед революции,—это лицо снова обретет.

Вопрос о краеведении очень интересный вопрос именно тем, что здесь мы упираемся в две проблемы: в проблему великодержавничества и в проблему географических интересов буржуазных историков. Я уже два года тому назад писал, что не случайно буржуазные историки заинтересовались Севером. Тут важно отметить, что глубокие корни этого интереса связаны еще со столыпинской реформой. Теперь опять все бросились на Север и не только на Север, но и в Сибирь и в районы казачества. Чем это объяснить? Ясно, что все это — районы, которые не знали такого помещичьего гнета, как центр или Поволжье. Политическая тенденция здесь совершенно ясна. Буржуазные историки понимали революцию не как революцию социалистическую, а как революцию, направленную главным образом против помещичьего государства. Русские крестьяне поднимались против помещичьего гнета на бессмысленный и кровавый бунт, но это не все крестьяне; есть еще крестьяне, которые не были под помещичьим гнетом—это Север, это Сибирь, это казаки. Давайте, мол, посмотрим, что их интересует, что там творилось, какие отношения сложились там искони. Сущность аграрной истории этих районов—это образование свободного и крепкого крестьянства. На это-то «крепкое» крестьянство ставилось и ставится ставка реакции и контрреволюции. Эпоха нэпа поддержала интерес буржуазных историков к этим районам, изменив только тематику. Раньше их интересовал Север как «носитель правопорядка», теперь как творец новых социальных отношений. Основа их концепции в том, что революция—это протест, бунт, восстание крестьянства против помещика, обязательно заканчивающееся в свое время реакцией. Эта реакция идет от свободного земледельца, от районов свободного крестьянства, крепкого мужика. Политически—это вопрос о кулачестве, откуда должно притти спасение, восстановление

капиталистических отношений. Так, мол, все исторически складывается. Политически довольно ясно, какая здесь историческая концепция.

Буржуазные историки не могли не поставить вопроса о капитализме, о его происхождении и развитии. И тут сказалось большое влияние допшианства и струвизма. О Допше у нас впервые узнали, если не считать работы Грацианского, примерно в 1921 г. После этого на целом ряде работ вы можете проследить, как укрепляется у нас это влияние допшианства, особенно в эпоху нэпа. Можно указать целый ряд работ, в которые проникали новые мотивы. М. Н. Покровский как-то говорил о том, что у нас распространен «географический» материализм. Вопросы торговых путей стали сильно интересовать русскую буржуазную историографию. В ней же вы найдете и черты теории «вотчинного» капитализма. Тут сказалась попытка поставить проблему капитализма так, как ставит ее Допш. Вы найдете массу описаний целого ряда поместий. В них буржуазные историки всюду ищут капитализм,—но какой капитализм, в каком понимании? В трактовке ими капитализма совсем не трудно установить связь с Допшем, а у некоторых и с Зомбартом. Еще большее влияние оказывает струвизм. В сборнике в честь Ключевского Струве сказал, что марксизму он учился во-первых на «Капитале» Маркса, и во-вторых—у Ключевского. Буржуазный ученый, особенно из школы Ключевского, вопросы капитализма переваривал с помощью Струве. В этом вопросе мы наблюдаем известную переориентировку некоторых историков под влиянием среды. Докладчик не сказал того, что буржуазные историки действовали в известном окружении. Это окружение составляли: советская власть, диктатура пролетариата, а также выступления,—сперва не особенно сильные, но все-таки имевшие большой резонанс—историков-марксистов. Это как-то влияло на буржуазных историков. Они сознавали, что нужно переориентироваться, найти новую тактическую линию, нащупать свою собственную позицию. Отсюда этот самый географический материализм, материализм торговых путей, объяснение капитализма с помощью Струве и Ключевского. Нащупывание новой политической линии шло в двух связанных направлениях—оно сказывается в поисках национального лица (сб. «Россия и Запад», «Века», ряд статей по международным отношениям, смыкавшихся иногда с интервенционистскими тенденциями) и в постановке проблемы экономических отношений, взятой под углом зрения совершенно определенной ставки на сильное зажиточное крестьянство, на кулачество. Насколько этот строй мысли был распространен, можно судить по такому очень характерному примеру. Любавский в «Образовании великорусской территории» делает выпад по адресу Преснякова, и упрекает в том, что он игнорирует материальные основы развития, а интересуется исключительно правовыми надстройками. «А. Е. Пресняков,—говорит Любавский,—сосредоточил свое внимание преимущественно на внутренней эволюции великокняжеской власти и междукняжеских отношениях в эпоху собирания северо-восточной Руси вокруг Москвы, разрушил прежние концепции этих отношений, но не уделил достаточного внимания материальному фундаменту, на котором созидалась новая государственная власть Великороссии, т. е. княжениям и их населению». Это упрек не случайный, потому что такова ориентация целой группы ученых, вышедших из школы Ключевского.

Перехожу теперь к последнему этапу буржуазной историографии, к последним годам. Докладчик говорил о разложении класса, но надо сказать и о разложении буржуазной исторической науки. Это разложение—симптом нашей силы, но вместе с тем разложение дает трупный

яд, отравляющий здоровые организмы. И тут есть своя огромная опасность. Разложение идет по всем линиям—и по линии методологической и по линии даже исследовательской техники. Если взять ту же самую работу Любавского, то там он пытается опираться на диалектологическую карту, притом игнорируя полностью и целиком то, что было сделано Шахматовым и его школой. Это гигантский шаг назад, даже по сравнению с тем, что сделано буржуазной наукой. Я одно время интересовался его картой и пытался проверить в ней кое-что, при этом оказалось, что дальше Лаврентьевской летописи и Экземплярского он не идет. Когда например дело касается новгородских летописей, то он не пытается даже сличить и сопоставить их. Естественно, что карта полна дефектов, а самое ценное в такого рода работе—это именно карта.

Последний момент,—он имеет для нас большое значение,—это проблема великодержавности и национал-шовинизма. Буржуазные ученые живо откликаются на те проблемы, которые мы ставим. В противовес нашей постановке вопроса об истории народов СССР мы встречаем у них законченную постановку проблемы великодержавности. Особенно ярко это видно у Любавского и у Бахрушина. Я приведу из Любавского один маленький пример. Характерно, что он говорит: «Сохранение инородческой номенклатуры за реками, речками, озерами и урочищами указывает на сохранение самого инородческого населения, от которого и перенимали славянорусские новоселы все эти чуждые русскому языку имена»,—это к XIV в. относится, а через один абзац он пишет:

«Мы не знаем подробностей славянорусской колонизации Верхневолжского и Окского бассейнов, восходящей в доисторические времена и продолжавшейся в начальные времена русской истории, в X—XIII вв. Но самые типы селений и их имена дают некоторую возможность угадывать, как происходило заселение. Несомненно, что первоначально главная роль в данном случае принадлежала чисто народному, сухопутному движению сюда славянорусского населения».

И это пишет историк, который не хочет в своей книге приводить ничего кроме фактов. Это означает, что Любавский создает политически-заостренную великодержавную схему. Что эта схема великодержавна, понял даже Мякотин, который, сам будучи украинским националистом, сейчас смыкается с великодержавниками. Мякотин в «Последних известиях», давая оценку этой книги, прямо говорит, что «Любавский вкладывает в акты московского княжества больше сознательности, чем было в них по всей вероятности в действительности».

Последнее мое замечание связано с вопросом эмигрантской литературы. Здесь мы имеем конечно полный распад, и самая лучшая характеристика этому распаду была дана в недавно вышедшем сборнике, посвященном 70-летию Милюкова. Тот, кто хочет найти что-либо кроме кое-каких новых фактов из древнерусской истории в этом сборнике ничего не найдет. С одной стороны, здесь совершенно открытая политическая тенденция, и ничего нового в этом смысле нет, а с другой стороны, это—скучное пережевывание всего того, что было сказано давным-давно русскими историками 70—80 гг. Сборник в честь Милюкова—это надгробный памятник для буржуазной историографии, прежде всего поставленный в эмиграции, там, где они могут свободно писать. Здесь же надгробным памятником ей будут наши монографии, марксистские монографии.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Ц. Фридлянд

РИМСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ЕВРОПЕЙСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

(G. Michon «Les documents pontificaux sur la démocratie et la société moderne»)

Объявленный в феврале 1930 г. крестовый поход римской церкви против Советской России и международного коммунизма до сих пор не прекратился. Выполняя волю капитала, пытаясь занять место авангарда интернациональной реакции, глава католической церкви готов взять на себя роль «агитпропа» спешно подготавливаемого похода против Советской республики. В одном из последних номеров «Revue des Deux Mondes» монсеньор Мишель д'Эрвини, рисуя «ужасы» преследования церкви в Советской России, повторяет аргумент с.-д. прессы: «Политические вожди Москвы,—пишет он,—в своих «Известиях», ссылаются на римскую инквизицию и казнь Коперника, Тихо-де-Браге, Кеплера, но сравнимо ли это с теми ужасами, которые имеют место в России?» С.-д. «Vorwärts» в свое время вслед за попами издевался над большевиками, разоблачающими политику Рима в прошлом, над попыткой рассказать массам о многовековых преследованиях, которым римская церковь подвергала всякую свободную мысль, всякого, кто смел разорвать завесу средневекового мрака и вскрыть эксплоататорскую роль католической церкви. Но не только давно ушедшие времена, и новейшее время дает достаточно материала, чтобы судить о реакционной роли Рима в истории человечества.

Французский историк Мишон издал сборник папских энциклик за время с конца XVIII в. по 1925 г., освещающих отношение Рима к европейской демократии и социализму. Внимательное чтение этих документов покажет нам политику католицизма, как авангарда реакции в борьбе против основ не только грядущего социалистического, но и уходящего демократического общества. В связи с крестовым походом против Советской России не мешает об этом напомнить всем «гуманным» представителям европейской интеллигенции, а еще более необходимо рассказать о роли римской церкви как опоры европейской реакции широчайшим массам трудящихся.

В своем предисловии Мишон формулирует позицию римской церкви на протяжении последних ста пятидесяти лет по отношению к основам современного общества таким образом: «С 1789 г. политическая доктрина папства осталась без изменения. Несмотря на отдельные нюансы и разницу в темпераментах отдельных пап, несмотря на попытки эту политику приспособить к определенным государственным формам различных стран и к обстоятельствам момента, по существу, в своей основе, доктрина римской церкви не изменилась—папство было и осталось врагом демократии, принципов свободы и справедливости, принципов, которые являются базой современного общества». Эта враждебность католической церкви современному обществу была неизбежной, поскольку Рим, утверждает Мишон, проклял принципы народного суверенитета, свободы, равенства и светскости и ставила власть в зависимость от божественной воли. Сам Мишон—типичный представитель европейской мелкобуржуазной демократии—пытается защитить основы современного общества и разоблачает политику римской церкви, направленную против буржуазной демократии. Он противопоставляет реакционной политике Рима на протяжении столетий ту пацифистскую позицию, которую папа занял во время войны 1914 г.

Но этим Мишон только обнаруживает все глубочайшие противоречия мелкобуржуазной демократической мысли наших дней. Документы, собранные Мишоном, характеризуют римскую церковь и ее вольных и невольных защитников; в этом для нас интерес сборника Мишона.

Сборник документов открывается избранными энцикликами папы Пия VI за время от 1775 по 1799 г. Здесь представляют особый интерес энциклики, направленные против Великой французской революции. Римская церковь заняла враждебную позицию к революции с самого ее начала и в особенности с момента, когда учредительное собрание приступило к гражданской реформе церкви и экспроприировало земли духовенства. Конституцию 1791 г. папа Пий VI рассматривал как нарушение божественного закона. Папа отвергал и называл «химерическим правом» идеологию восходящего к власти буржуазного класса. Он обрушивался прежде всего на идею народного суверенитета: «Что может быть более безумного,— писал Пий VI в энциклике от 10 марта 1791 г.,—чем стремление установить между людьми равенство и свободу, которые подавляют разум, наиболее драгоценный дар природы человеку, действительно отличающий его от животного».

Всеми силами защищая «возлюбленного сына во Иисусе Христе—христианнейшего Людовика XVI», папа требовал от него, чтобы он не давал своей санкции декрету о гражданском устройстве духовенства и тем конституционным законам, которые утверждали буржуазный порядок. Повторяю, что речь шла не о конституции 1793 г., а о мирной, либеральной конституции 1791 г.

«Ваше порочное собрание,—читаем мы в письме папы Пия VI к французам по поводу «пленения Людовика XVI»,—решило ввести в действие, без санкции вашего повелителя, конституцию, которая навсегда останется позорным пятном на вашей нации. Бог, защитник угнетенных, обрушится на вас своей рукою, и вы позорно погибнете».

Эти угрозы римской церкви сопровождались активными действиями.

Папа Пий VI неоднократно обращался к Екатерине II с похвалой и поощрением той инициативы, которую она проявляла в борьбе против «несправедливости и насилий революции». Письмо от 25 февраля 1792 г. Екатерине II служит лучшим доказательством, что уже в конце XVIII в. в борьбе против буржуазной революции православная церковь и католическая находили общий язык. С подобными же обращениями глава римской церкви обращался и к властелинам других наций, предлагая им взять на себя руководство коалицией против французской революции. «Основная задача, — писал Пий VI Леопольду II, императору австрийскому, — не допустить повторения и подражания тем образцам, которые имели место во Франции». «Вы,— писал Пий VI Леопольду II,—должны быть руководителем и шефом коалиции, столь необходимой для защиты дела бога и вашего собственного дела».

Совершенно очевидно, что ненависть католической церкви к революции, вызванная деятельностью учредительного собрания, еще более усугубилась к моменту открытия Конвента. В речи по поводу казни Людовика XVI от 17 июня 1793 г. папа Пий VI заявлял, что после того, как Конвент уничтожил королевскую власть, «наилучшее из правительств», и передал власть в руки народа, неспособного следовать никакому мудрому плану, Франция попала в руки бандитов и грабителей. Римская церковь возражала при этом не против того или другого мероприятия Конвента, а против всего дела Великой революции, против всех тех принципов, на которых строилось буржуазное общество—против свободы и равенства. Пий VI требовал восстановления католического короля и феодального порядка.

Вот содержание одной из брошюр, изданных в 1791 г. во Франции, в ответ на выступление римской церкви. Она прекрасно передает отношение французского народа к реакционному крестовому походу против революции во имя бога. «Какой фанатизм, святейший отец,—читаем мы в этом ответе,—какое безумие! Что же вы думаете, что мы еще в XII в., когда мы под влиянием религии целовали маститую

туфлю ваших предшественников? О, нет, времена изменились, и ваше святейшество потеряло влияние у французских граждан... Ваша отлучительная булла никогда, никогда не ударит по нас с такой силой, как мускатные орехи, которые мы станем выпускать из своих ружей и которые сокрушат святость вашего римского суверенного дворца...»

Таков был ответ народных масс Франции, ведущих в конце XVIII в. борьбу за новое общество против привилегированных сословий и католической церкви. Римская церковь продолжала свою борьбу против принципов Великой революции и в ближайшее десятилетие. Она поддерживала политику ультрароялистов в эпоху реставрации, и Пий VII, идя по следам своего предшественника, неоднократно выступал против всего, что напоминало революцию в вопросах свободы мысли, слова и идеи религиозной веротерпимости (см. апостолическое письмо папы Пия VII к тульскому епископу от 29 апреля 1814 г.).

Католическая церковь взяла отныне на себя выполнение определенных полицейских заданий по борьбе со всякого рода тайными обществами, подготовлявшими новый переворот. Особенно интересны в двадцатых и тридцатых годах XIX в. энциклики папы, направленные против карбонариев и франкмасонов. В энциклике Пия VII от 13 сентября 1821 г. против карбонариев мы читаем, что «это общество разрешает себе бороться против всемогущества королей, которых они обозначают именем тиранов». Эту же мысль защищал позже папа Лев XII, который в своем апостолическом письме от 13 марта 1826 г., направленном против франкмасонов, доказывал, что все тайные общества, ведущие борьбу против существующего режима, должны быть прокляты и ни один из верующих не должен принимать в них участия, потому что они «разрушают освященные волею бога учреждения и стремятся к разрушению существующей формы правления».

Революция 1830 г. была встречена враждебно папой Григорием XVI. В своей энциклике от 15 августа 1832 г. он обрушивается на либерализм и на либеральные свободы, которые лежат в основе буржуазного государства. Свобода печати, по его мнению,—одно из возмутительнейших преступлений, потому что она способствует распространению ложных взглядов среди народных масс. Он снова и снова повторяет ту основную идею римской церкви, что подчинение властям предержащим является святой обязанностью всякого верующего христианина.

Но уже в 30—40 гг. буржуазное общество порождает новую, еще более сильную опасность: социализм и коммунизм. Именно в 40-х гг. XIX в. мы замечаем некоторый поворот в политике римской церкви. Приспособляясь к существующему буржуазному государству, она переносит большую долю своей аггрессивности на идеи «четвертого сословия», беря на себя защиту существующего буржуазного общества от нападений пролетарского движения. Папа Пий IX выступил с обоснованием этой политики в эпоху революции 1848 г. В кратком слове Пия X от 20 апреля 1849 г. мы читаем: «Все те, кто стремятся к республике, все те, кто требуют создания новых учреждений во имя громко провозглашенного прогресса, стремятся только к беспрерывному бунту, к полному разрушению принципов справедливости и нравственности, чести и религии, стремятся к пропаганде идеи разрушения человеческого общества и господства той ужасной системы, противоположной указаниям разума и естественного права, которую называют социализмом и коммунизмом».

Против социализма и коммунизма направлены все дальнейшие выступления римской церкви. В энциклике Пия IX о положении религии в Италии от 8 декабря 1849 г. повторяется та же мысль. Вожди социализма и коммунизма, несмотря на разницу в своих взглядах и методах, имеют одну общую цель—приучить рабочих и бедняков к неподчинению для того, чтобы натравить их на существующие власти, ограбить собственность всех богатых и церкви, привести к разрушению веру в бога и власть буржуазного общества.

С этого момента главная задача римской церкви сводится к тому, чтобы перенести центр тяжести своей агитации в среду трудящихся масс, чтобы доказать им, что нищета—это наилучший путь к спасению, что церковь, согласно указаниям бога, видит привилегированное положение бедняков в том, что «они бедны не только материально, но и духовно», ибо сказано: «Блажены нищие разумом,—царство небесное для них» (энциклика от 20 апреля 1842 г.).

Таким образом римская церковь, которая в конце XVIII в. взяла на себя защиту дела уходящего в прошлое феодального общества, берет на себя примерно к 40-м гг. XIX в. задачу борьбы с выступлением нового класса—пролетариата, задачу борьбы с социализмом и коммунизмом в интересах защиты буржуазного общества. Но одновременно с этим римская церковь не прекращала своего похода против основ демократии, великолепно сочетая с этим свою ненависть к социализму и коммунизму. Тот же Пий IX в многочисленных энцикликах произносит проклятия против рационализма, против идей свободы и равенства, против «заблуждений разума», в какой бы форме они ни проявлялись. В энциклике Пия IX о современных заблуждениях от 17 марта 1856 г. мы читаем: «Церковь не перестанет им повторять, что основой закона является не разум, а авторитет», она не перестанет провозглашать, что человек должен возлагать надежду только на веру, а не на свой собственный разум. Папа отвергает всякие попытки примирения с существующей цивилизацией, поскольку она построена на принципах рационализма. Верный своим принципам Пий IX в знаменитой энциклике от 8 декабря 1864 г. обрушивается на основы европейской цивилизации и на все достижения науки и человеческой мысли последних столетий. В специальном силлабусе перечислены все ошибки современного человечества—пантеизм, натурализм, рационализм в различных его видах, специально в § 4 все заблуждения социализма и коммунизма, все тайные общества, все организации, направленные на борьбу против существующего гнета,—провозглашается и подчеркивается та истина, что каждый должен подчиняться «властям предержащим». В связи с прогрессом атеизма папа Пий IX в специальной речи от 18 июня 1871 г. показывает, что атеизм столь же вреден, как и идеи религиозного равноправия. И все это вместе, как мы знаем, было завершено изданием известной энциклики от 13 июня 1870 г. о папской непогрешимости.

Политику Пия IX продолжал Лев XIII. Он в целом ряде энциклик снова возвращался к современным заблуждениям человеческого разума и в обращении к верующим от 28 декабря 1878 г. доказывал, что, собственно говоря, корни современных европейских заблуждений восходят к XV—XVI столетиям, т. е. к моменту рождения буржуазного общества. В этой энциклике снова повторено все то, что мы знаем уже из соответствующего обращения римской церкви конца XVIII в. против Великой французской революции. Но теперь все это соединено с проклятиями против «новой чумы»—против социализма, который с точки зрения римской церкви является порождением идей демократии, свободы и равенства эпохи Великой французской революции.

С 70-х гг. XIX в. римская церковь, продолжая выполнение своей основной задачи, поставленной революцией 1848 г.,—борьбу против социализма и коммунизма—считает необходимым взять на себя философское и религиозное обоснование экономического неравенства. Экономическое и политическое неравенство являются институтом, установленным богом, и поэтому этот институт не может быть уничтожен. Социалисты проповедуют,—читаем мы в основной энциклике Льва XIII от 28 декабря 1878 г.,—коллективную собственность вместо индивидуальной собственности, они провозглашают право бедняков на раздел имущества богачей, но церковь считает единственно разумным и мудрым существующее неравенство, которое отличает одного человека от другого не только по способностям отдельных людей, но и по их имущественному положению. Церковь провозглашает, что право собственности исходит от самой природы, от самого бога, и божественная воля освящает владение

этой собственностью отдельными лицами. Всякие попытки претендовать на имущество богатых равносильны воровству.

Но так как идеи социализма все более и более распространяются среди рабочих, то совершенно очевидно, что задача церкви сводится к тому, чтобы самой взяться за организацию рабочих обществ, обществ ремесленников, поставив их под покровительство религии, и тем скорее изгнать социалистов. Так Лев XIII положил начало католической «рабочей политике». Он предлагает в своей энциклике (от 29 июня 1881 г.) положить в основу «рабочей программы» принципы социальной политики церкви эпохи средневековья, эпохи, когда «процветали мир и благополучие». Лев XIII, выступая теоретиком церкви в новую эпоху капитализма, в эпоху империализма, с особым усердием подчеркивает в своих энцикликах прелести средневекового общества. Считая, что все беды современности идут от XVI в., когда европейская мысль попыталась отказаться от заблуждения средневековья, он снова,—и в развернутом виде,—повторяет аргументы римской церкви конца XVIII в. против идеи народного суверенитета, против идеи свободы и особенно против лозунга о праве народа на сопротивление угнетению. В то же самое время Лев XIII провозглашает необходимость признать существующее буржуазное общество, принять участие в его законодательстве, словом, стать органической частью существующего режима. Было бы ошибочным,—заявляет Лев XIII в энциклике от 1 ноября 1885 г.—отказаться от участия в деятельности современного государства. При этой тактике бразды правления попадут в руки людей, враждебных церкви. Необходимо использовать все существующие учреждения в интересах католической религии. В последующих энцикликах Лев XIII подчеркивает свое примирение с существующим государством, подчеркивает, что «церковь принимала,—читаем мы в энциклике от 20 июня 1888 г.,—активное участие в борьбе за гражданскую и политическую свободу народов, за отмену рабства, за установление братства и справедливости...»

Мы видим таким образом, что в 80-х гг. XIX в. римская церковь в лице Льва XIII, взяв на себя руководство борьбой против социализма и коммунизма, пыталась возглавить дело организации наиболее отсталых элементов рабочего класса, готова была примириться с существующим буржуазным обществом, построенным на принципах, явно противоречащих основам церковной доктрины, и в то же самое время в интересах борьбы с пролетарским движением открыто провозглашала те же принципы, что и в конце XVIII в., когда эти принципы служили римской церкви для борьбы с буржуазной революцией. Именно это и заставляет Льва XIII в энциклике от 20 июня 1888 г. по поводу «человеческой свободы» объявить войну равноправию культов, свободе прессы, свободе просвещения и знаний и в то же время в заключении энциклики заявить, что Риму безразлично, какая форма правления существует в том или другом государстве. Можно предпочесть для того или другого государства,—пишет Лев XIII,—даже демократическую конституцию, но только при условии, если эта конституция будет с уважением относиться к католической религии, не будет нарушать прав церкви и свободу отдельных лиц и осуществит провозглашенную папой программу.

Лев XIII обратился к рабочему классу всего мира 15 мая 1891 г. с особой энцикликой о положении трудящихся. Он отмечает, что духовные пастыри человечества должны срочно обратить внимание на материальные условия существования рабочих в больших городах. Несмотря на то, что сама по себе эта проблема «чревата всякими опасностями», церковь должна противопоставить и в этой области социалистам свою идеологию. Вместо ненависти к поработителям, которую проповедуют социалисты, нужно обратиться к рабочим с пропагандой любви. Только католическая церковь,—утверждает Лев XIII в своей энциклике,—способна выполнить для буржуазного общества эту работу по примирению классов. Конечно, существующие правительства должны взаимно пойти на уступки римской церкви. Рабочий

должен быть воспитан прежде всего в уважении к существующим законам, он должен рассматривать свой труд как обязанность. Рабочий должен понять, что «зарабатывать хлеб в поте лица своего есть не несчастье, а, наоборот, путь к подлинному духовному богатству, которое открывается перед человеком в загробной жизни». Лев XIII выступает с развернутой критикой под этим углом зрения стачечной борьбы пролетариата, «безделия, которое носит название стачки». Всей своей энцикликой он показывает, что готов выступить в роли наиболее активного защитника существующего буржуазного общества «против насилий политических революций, которые разделили общество на два класса и создали между ними бездну». Основная проблема современности—это рабочий вопрос. Задача здесь сводится к тому, чтобы под руководством церкви разрешение этого вопроса совершилось в интересах господствующих классов.

Как мы видели, римская церковь, беря на себя столь ответственную задачу, требовала с конца XIX в. уступок со стороны буржуазного общества, требовала, чтобы, наряду с войной против социализма и коммунизма, была объявлена и война против принципов рационализма, провозглашенных еще в XVIII в. Буржуазное государство не могло всецело принять эти требования католической церкви в первый период эпохи империализма, и Лев XIII в своей энциклике от 16 февраля 1892 г. к французскому духовенству подчеркивает, что нужно проводить грань между конституционными властями и законодательством. Необходимо без всяких оговорок подчиниться конституционной власти, но это не значит,—пишет Лев XIII,—что повсюду необходимо подчиняться существующему законодательству. Таким образом свое отношение к буржуазному обществу римская церковь ставит в связь с отношением этого общества к ее средневековым задачам. Эту свою мысль Лев XIII поясняет в речи к французскому духовенству от 8 октября 1898 г. Или существующее буржуазное общество принимает основные требования римской церкви и религиозной догмы и тем самым освящает существование различных классов в буржуазном обществе, или оно передает себя во власть революции и социализму, и тогда открыт путь анархии и атеизму. Социальной демократии Лев XIII противопоставляет идеал христианской демократии (энциклика от 18 января 1901 г.). Христианская демократия в отличие от социальной укрепляет современное буржуазное общество, построенное на принципах экономического неравенства, освящая его религиозной догмою, устраняющей предрассудки европейской демократии, «идеи разума XVIII в.». «Социальный вопрос таким образом будет заменен вопросом чисто экономическим, а экономический вопрос для масс превратится в вопрос нравственности и религии». Только при выполнении этих требований социальная иерархия сохранится, и общественный порядок не будет разрушен.

В конце XIX и в первое десятилетие XX вв. требования римской церкви не были удовлетворены. В эпоху расцвета империализма и подъема массового рабочего движения для буржуазных правительств Европы, выполняющих волю финансового капитала, важно было сохранить социальный мир любой ценой, а это значило в довоенную «мирную» эпоху расширение демократических свобод и социального законодательства, следовательно борьбу с той реакцией, которую несли с собою требования католической церкви. Вот почему в начале XX в. во Франции продолжалась борьба за светское государство, за отделение церкви от государства. В этой борьбе французская буржуазия готова была на всяческие уступки своему духовенству, но она защищала принципы светского буржуазного государства против средне вековой реакции. Но римская церковь упорно защищала свою программу, и Пий X за 1903—1914 гг. продолжал политику Льва XIII. В своей речи от 18 декабря 1903 г. он снова обосновал развернутую его предшественником социально-политическую программу. Человеческое общество, каким его создала воля бога, построено на принципах экономического неравенства: в этом обществе неизбежны князья и подданные, хозяева и рабочие, богатые и бедные, ученые и невежды, благородные и плебеи.

Они представляют собой «единое» только в боге. Охрана собственности является основной задачей общества. Рабочий обязан трудиться, капиталист не должен забывать о своем бедном брате. Католическая церковь не должна вмешиваться в борьбу существующих партий, но она должна защищать основные принципы существующего общества. Категорически возражая против принятого во Франции решения об отделении церкви от государства, Пий X вместе с тем в любопытной энциклике от 11 февраля 1906 г. утверждает, что католическая церковь во Франции должна приспособиться к новым условиям, выполняя свою основную задачу быть «пастырем народного стада», перенести свое внимание на трудящиеся массы, стараться стать во главе этих масс для борьбы с огромной опасностью социализма и коммунизма. Твердо помня об этой задаче, он с особой силой развил в письме к французскому архиепископу от 25 августа 1910 г. ту мысль, что церкви необходимо связаться с наиболее отсталыми элементами рабочего класса, которые «стремятся к социальному консерватизму, потому что подлинные друзья народа—не революционеры и не новаторы, а традиционалисты».

Наступила война 1914 г. Руководители католической церкви, «пастыри народного стада», заняли враждебные друг другу позиции в двух коалициях. Римской церкви предстояло выступить на защиту той или другой коалиции, но это означало потерять влияние на определенную часть верующих. Задача церкви сводилась к такому лавированию между воюющими сторонами, чтобы среди широчайших народных масс сохранить представление о римской церкви, как о защитнице угнетенных, и тем самым выполнить основную задачу, стоящую перед римской церковью в последние десятилетия борьбы с социализмом и рабочим движением. Папа Бенедикт XV в речи от 29 января 1915 г. совершенно недвусмысленно высказал эту мысль: «Не следует вмешивать понтификат в споры воюющих сторон,—это будет нецелесообразно и неполезно».

Верный своей политике, римский папа выступает с предложением о мирных переговорах между Германией и Антантой. Осенью 1915 г. Бенедикт XV через своего нунция монсеньора Пачелли предложил германскому правительству свое посредничество. Подобные же переговоры папа повел с дипломатическим представителем Англии при Ватикане. Германии было поставлено условие согласиться на полное восстановление Бельгии. Немецкие империалисты не согласились, а англичане запретили своему представителю в Риме вступать в какие бы то ни было переговоры с папой. Попытка римской церкви потерпела неудачу, но это не помешало Бенедикту XV после войны претендовать на роль «восстановителя мира». Курьезна энциклика папы о восстановлении христианского мира от 23 мая 1920 г. В этой энциклике Бенедикт XV пытается подвести итоги результатам кровавой войны. С точки зрения охраны существующего социального порядка итоги эти печальны. Империалистическая война до основания разрушила то общество, защиту которого взяла на себя римская церковь. Особенно печально положение общества прежде всего потому, что народные массы перестали играть роль стада, «пасомого духовными пастырями». Волна социальных революций по всей Европе, победа пролетарской власти в России делали безнадежным осуществление проектов Льва XIII и Пия X. Пий XI взял на себя тяжелую задачу продолжить борьбу за выполнение программы своих предшественников. Он снова выступил в роли спасителя буржуазного общества от грозной опасности пролетарской революции. В своей энциклике от 23 декабря 1922 г. папа констатирует тот факт, что ни индивидуумы, ни общества, ни народы после великой катастрофы, после мировой войны не обрели подлинного мира, порядка и спокойствия, о котором мечтало человечество. Папа вынужден прибегнуть к следующей цитате из пророков: «Мы ожидали мира—и мы его не получили, мы ожидали исцеления—и вместо этого—ужас, мы ожидали избавления—и вот несчастье, мы ожидали света—наступили сумерки, мы ожидали справедливого суда, но его нет,—спасение отдалилось от нас». Если в Европе народы положили оружие, то на Ближнем Востоке, с

горечью заявляет Пий XI, продолжается гражданская война. В чем же спасение от ужасов послевоенного времени? Как добиться «восстановления труда и трудовой дисциплины» и выхода из кризиса индустрии? Только с помощью религии можно заставить трудящиеся классы подчиниться воле «властей предержащих». Пий XI снова предлагает существующему буржуазному обществу свои услуги: он хочет возглавить союз реакционных правительств для борьбы с социализмом и коммунизмом. Победа, утверждает он, может быть достигнута только под руководством римской церкви.

Нужно сказать, что условия для выполнения давно лелеемых римской церковью проектов в буржуазной среде в настоящее время гораздо более благоприятны, чем в конце XIX и начале XX вв. Если в момент расцвета империализма демократические уступки были необходимым средством обмана некоторой части рабочего класса, ее примирения с существующим буржуазно-демократическим обществом, если программа социальных и демократических реформ—отделение церкви от государства, благотворительность и т. п.—способствовали росту оппортунизма в рядах рабочего класса накануне войны, а это заставляло буржуазное правительство оказывать сопротивление притязаниям римской церкви, то в последнюю эпоху, в эпоху социальных революций, когда гибель буржуазного общества стала реальной опасностью, предложение римской церкви с точки зрения буржуазии имеет гораздо большее политическое значение. Неудивительно, что как раз в послевоенную эпоху в широких кругах буржуазии мы вновь имеем дело с расцветом религии. Буржуазная интеллигенция прислушивается ныне к католической пропаганде даже тогда, когда речь идет о борьбе «против основ современного общества», против принципов разума, провозглашенных еще в XVI—XVIII вв. Неудивительно, что как раз в послевоенные годы во Франции, Германии и Италии правительства пошли на уступки католической церкви, восстановили ряд ее привилегий, и римская церковь в послевоенные годы добилась в Италии восстановления своей власти путем заключения компромисса с фашистским правительством. Еще более характерно, что восстановление конкордата с римской церковью в Пруссии было делом рук социал-демократов.

Новый крестовый поход против Советской России является таким образом не случайным актом «ныне царствующего наместника бога на земле», этот поход—логическое продолжение политики римской церкви последних десятилетий, он соответствует изменившемуся соотношению классовых сил в эпоху социальной революции. Римская церковь, потерпевшая поражение в борьбе с буржуазно-демократическим государством XIX в., безнадежно пытавшаяся предложить свои услуги для руководства походом против идей революции в конце XIX и начале XX вв., становится теперь признанным вождем реакции, официальным «агитпропом» фашистских правительств Европы. Поход римской церкви против Советской России составляет таким образом часть общего плана борьбы с международной пролетарской революцией.

Мы можем на энциклики римской церкви ответить заключительными словами цитированного нами выше протеста французских патриотов 1791 г. «В борьбе с фанатизмом римской церкви у революции только один выход: мы будем свободны или мы будем уничтожены. Но если вы будете говорить с нами таким языком: трепещите!» То, чего не могла выполнить буржуазная революция конца XVIII в., выполнит пролетарская революция XX в.

И. Татаров

ПРАВО-ОППОРТУНИСТИЧЕСКАЯ АПОЛОГИЯ «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

(По поводу книги И. А. Теодоровича—Историческое значение партии «Народной воли», 1930, из-во Политкаторжан)

Дискуссия о «Народной воле» показала, что споры не ограничиваются рамками рассмотрения сущности этой организации. Речь шла все время об отношении к революционным движениям крестьянства вообще, беря за исходный пункт черты типичные или сходные с теми, какими характеризуется «Народная воля».

В дискуссии обнаружилось, что без уяснения некоторых общих методологических положений нельзя двинуться вперед в изучении «Народной воли». И прежде всего необходимо было выявить точку зрения Ленина на «Народную волю». Борьба за ленинское понимание «Народной воли»—вот что лежало в основе всей дискуссии.

То, что написано Лениным и разбросано по разным его произведениям, может послужить ответом на следующие вопросы: о социальной базе и классовом источнике народовольчества, о месте и значении «Народной воли» в общем ходе развития классовой борьбы, о характере социализма народовольцев и его отношении к социализму пролетарскому. Так как именно по этим вопросам И. А. Теодорович и уклоняется от ответа, то нам придется указать еще раз, какие именно вопросы для Ленина были главнейшими при рассмотрении народовольчества и народничества.

Можно ли отрывать народовольчество от всего народнического движения? Ленин на этот вопрос прямо отвечает: нельзя! И. А. Теодорович упорно отделяет непроходимой чертой народничество эпохи до 1 марта как от «Земли и воли», так и от народовольчества после 1 марта и вообще от всего народничества в целом. Говоря о характерных чертах, присущих народничеству, Ленин пишет, что неправильно было бы не замечать различий между (скажем современными терминами) революционным народничеством и либеральным... «Но еще более неправильно,—продолжает Ленин,—было бы игнорировать, что о с н о в н ы е (разрядка Ленина) социально-экономические взгляды в с е х и в с я к и х н а р о д н и к о в (разрядка наша—*И. Т.*) совпадают по вышеприведенным главным пунктам[1]. А так как русские ученики отвергают именно эти основные воззрения, а не только печальные уклонения от них в худшую сторону, то они имеют, очевидно, полное право употреблять понятие народничество в широком значении слова. Не только имеют право, но и н е м о г у т п о с т у п а т ь и н а ч е» (разрядка наша—*И. Т.*) [2]

---

[1] Главными пунктами народнического учения, общими для всего народнического движения, Ленин считал следующие три положения: признание капитализма регрессом, признание самобытности России и «игнорирование связи интеллигенции и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами отдельных общественных классов».

[2] Л е н и н, Соч., т. II, изд. 3-е, с. 340.

Это отделение «Народной воли» от предшествующих этапов и последующего движения резко подчеркивается в вопросе о социальной базе народовольчества.

«Если,—пишет Теодорович,—«Земля и воля» отражала, главным образом, психологию и интересы наиболее обездоленных, но все еще сохраняющих видимую самостоятельность[3] мелких товаропроизводителей, то «Народная воля», не игнорируя и этого слоя, все больше и больше перемещала центр своего внимания в другую, родственную этой группу, а именно в группу пролетария-отца[4] (разрядка наша—*И. Т*).

Стало быть «Земля и воля», в недрах которой выросла «Народная воля», представляла собой крестьянство, а «Народная воля»—ранние слои пролетариата. Мало того, группы. И эта группа «пролетария-отца» все более и более приближалась постепенно к группе «пролетария-сына», т. е. к современному пролетариату. Отсюда можно сделать только один вывод, что «Народная воля» была, главным образом, пролетарской организацией, опиравшейся на пролетариат раннего периода.

А раз так, то идеология «Народной воли» также соответствует идеологии ранних ступеней развития пролетариата.

Предсоциал-демократические настроения «Народной воли», особенно заметные у левого ее фланга, позволяют, по мнению Теодоровича, формулировать идеи гегемонии пролетариата, хотя и в смутной зародышевой форме. И в этом их громадная заслуга перед революцией.

Развивая эти мысли, И. Теодорович логически должен был притти к тому, что идеи пролетарского социализма предвосхищены «Народной волей», что ее идейный, теоретический багаж, ее социализм перешел к большевизму, к ленинизму.

К этим выводам, да еще в заостренной форме и пришел Теодорович, ревизуя ленинское понимание «наследства».

Для Ленина народничество—широкое движение, связанное с экономическим и политическим положением высвобождавшегося из пут крепостничества крестьянства в эпоху развития капитализма в России, движение, имевшее одним из этапов—революционную борьбу народовольцев.

С точки зрения всех этапов народовольчества (именно народовольчества!) чрезвычайно важно то, что Ленин, внимательно присматриваясь к деятельности народоправцев, видел в них «непосредственных потомков народовольцев». В чем же заключалось непосредственное продолжение народовольчества? «Нельзя не признать,—пишет Ленин,—поэтому, что они (народоправцы —*И. Т.*) делают шаг вперед, обосновывая политическую исключительную борьбу, не имеющую отношения к социализму (подчеркнуто нами —*И. Т.*), политической же исключительной программой»[5].

Прямые продолжатели дела «Народной воли»—народоправцы—именно потому делают шаг вперед, что они не прикрывают своей политической программы социалистическим флером!

Уже в этой мысли мы находим ключ к объяснению, к ленинскому пониманию «социализма» народовольцев.

Центральным пунктом всего своего выступления в дискуссии И. А. Теодорович сделал следующее утверждение, которое он защищал и защищает до последнего: социалистическая революция и Октябрь были предвосхищены народовольцами. Социалистическая революция, во-первых, разбила старую государственную машину, во-вторых, создала советскую власть, в-третьих, взращивает, как осторожно пишет Теодорович, «элементы социалистической экономики», в-четвертых,—создает переходный период—нэп. «Внимательное изучение народовольческих документов,—пишет

[3] Разрядка Теодоровича—*И. Т.*

[4] См. «Историческое значение партии Народной воли», стр. 85. Там же см. и стр. 88.

[5] Ленин, Собр. соч., т. I, изд. 1-е, с. 221.

Теодорович,—приводит нас к констатированию того факта, что в результате **своего** богатого политического опыта идеологии мелкого товарного производителя **уже нащупывали**, в одних случаях—более, в других—менее, все выше перечисленные четыре момента» [6].

Мы не будем подробнее останавливаться на аргументации Теодоровича: она подробно разобрана в дискуссионной литературе. Перейдем к методологической стороне вопроса [7].

Отметим только одно. Уже в дискуссии было обращено внимание на характеристику нэпа. Оппортунистическая сущность ее била в глаза. Когда Теодорович утверждал, что «Народная воля» в довольно ясной форме нащупывала идею переходного периода, идею нэпа, предпосылая ей идею диктатуры, но, конечно, не пролетариата, а «революционного народа», то под нэпом он понимал следующее: «наличие банка предполагает наличие денежного обращения, наличие рынка и пр. А это и является сутью нэпа».

Именно потому, что это определение выдавало Теодоровича с головой, он, перепечатывая книгу, исправил свое определение нэпа так: «А это и является **существенной частью** нэпа» (разрядка наша—*И. Т.*)

Совершенно очевидно, что утверждать так, значит ничего не утверждать или, еще хуже, запутаться оговорками, что все дело в «свободном рынке».

Упор в эту сторону освещает всю позицию Теодоровича и облегчает раскрытие политической сущности его выступления. Мы увидим дальше, что этот политический стержень позиции Теодоровича у него не случаен.

Говоря о социализме народовольцев, И. А. Теодорович и его немногочисленные единомышленники совершенно игнорируют социально-экономическую основу народнического движения в целом. Между тем, не включая этого, казалось само собой разумеющегося вопроса, нельзя понять не только сущности народнического движения, но и того, что **разделяет** революционных народников и легальных и что их **связывает**. Социализм народовольцев доказывается цитатами из их программ и статей и соответствующими ссылками на взгляды Маркса по вопросу о развитии русской общины.

Первый прием мало удачный. Если сопоставить отдельные программные высказывания самых разнообразных мелкобуржуазных социалистов, анархистов, синдикалистов разных времен и стран, то всегда можно найти формальное и внешнее сходство с теми или иными положениями пролетарского социализма. Никакого труда не стоит с этой точки зрения признать Прудона, любого бакуниста, а в отдельных случаях и сторонника «феодального социализма» «предтечами» ленинизма и большевизма, найти «зародыши» большевизма в подобных теориях.

---

[6] Рецензируемая книга, с. 78 (разрядка Теодоровича—*И. Т.*).

[7] Статья была уже давно набрана, когда мы прочли книгу Д. Кузьмина «Народовольческая журналистика». Книга эта подтверждает, при всей спорности отдельных положений, нашу мысль да еще в такой степени, что показывает Теодоровича уже в смешном виде. Теодорович противопоставил Морозову, как наиболее яркому представителю правого крыла—либералу с бомбой—остальное народовольчество, которое-де и есть предшественник ленинизма. Вот теперь и оказывается, что «предшественник» ленинизма—это... сам Морозов. На с. 49 своей книги Теодорович пишет, что Морозов, Богучарский, Покровский утверждали, что «Народная Воля» не восставала против буржуазии, против эксплоатации вообще. «Но это совершенно неверно». И для доказательства Теодорович приводит передовую из № 2 о том, что переворот нужен «для задушения буржуазии в самом зародыше». Статью, утверждает Кузьмин, писал Морозов. Этого одного достаточно, чтобы показать, чего стоят такие «исторические экскурсы», подбитые наивной верой в то, что сказано самими народовольцами.

У нас к сожалению нет возможности использовать работу Кузьмина (например то обстоятельство, что автор передовой № 8—9—Лебедев), но мы приведем одну цитату из этой работы. Вот что пишет Кузьмин (с. 113, прим.): «отстаивая в Правде» в ст. «Побольше исторической объективности» правильность своей точки

Этот прием, взятый, как у Теодоровича, в качестве основы анализа (см. его статью в № 8—9 «Каторги и ссылки»), детски наивен и научно несостоятелен. Наделяя народовольчество особенными чертами, Теодорович впадает в крайность, подобную той, которую, с противоположной стороны, совершает Троцкий, считающий народничество «исторической бессмыслицей».

Но этот прием методологически может иметь только один смысл: поставить социализм пролетариата на одну полку с «социализмом» мелкобуржуазным, утопическим и т. д. и тогда искать сходство и различие по формальным признакам перенесенного на историческую почву вульгарного подобия эволюционной теории. Такая «историко-генетическая» точка зрения, примененная к истории «идей», опускающая или игнорирующая историю «вещей», возвращает нас, как и весь анализ, весь метод И. Теодоровича, назад к сторонникам «субъективного» метода. Во всех своих основных выводах Теодорович не оригинален: все это давно уже можно было прочесть сперва у духовного отца эсерства—Михайловского, потом у теоретика эсерства Чернова, а теперь у «марксиствующего» народника Суханова, у чистого эсера—Ракитникова [8].

Теодорович утверждает, что народовольцы предвосхитили пролетарский социализм, научный социализм, да еще в той конкретной форме, какую он принял в стране диктатуры пролетариата, в СССР. Чернов давно уже утверждал, что Михайловский (под Михайловским Чернов понимал народовольцев—тем более, что писал он для легального сборника) говорил в 70-х гг. то же, что и Маркс о судьбах России» и что России предстоит реставрация идей 70-х гг., т. е. будущее социализма в глазах эсеровского вождя мыслится как развитие социалистических идей 70-х гг.

Лойко прямо признает, что ей для вступления в ВКП (б) не пришлось идейно перевооружаться: все, что было в ортодоксальной революционной народнической программе, все это воплощено в жизнь ВКП (б). Даже общину и ту якобы возродила ВКП (б) [9].

По Теодоровичу,—все, кто отрицает, что народовольцы были предшественниками большевизма и ленинизма, не верят в некапиталистическую эволюцию крестьянства, и... тут Теодорович на последнем этапе дискуссии пустил в ход свое любимое оружие—демагогию—в коллективизацию. Итак, в коллективизацию верит тот, кто считает, что народовольцы в «зародыше» проповедывали необходимость принятия устава сельскохозяйственной артели, приложенного к статьям т. Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам-колхозникам».

В некапиталистическую эволюцию крестьянства при диктатуре пролетариата, в частности в нашей социалистической революции (как она записана в программе Коминтерна и формулирована Лениным), и в коллективизацию мы не только верим, но и активно за нее боремся. Но в то, что эти мысли, идущие от Маркса, Ленина, проводимые нашей партией, были предвосхищены народовольцами, в это мы не верим и верить не можем.

зрения, И. А. Теодорович между прочим пишет: «я действительно привел огромное количество цитат, доказывающих, что народовольцы думали так». Но если эти цитаты проверить по нашему «Справочнику» и «Алфавиту», то окажется, что почти все они принадлежат одному Тихомирову! На 50 стр. своего текста Теодорович приводит 23 цитаты («огромное количество!») из статей Тихомирова, который и оказывается в итоге его предшественником. Уже одно это заставляет отнестись с большой осторожностью к построениям автора». Божественная картина: Тихомиров как предшественник Теодоровича.

[8] «Основные идеи «Народной Воли» были жизненны и правильны и оправданы в конце концов историей»... (Статья Н. Ракитникова, «Народная воля» в русском революционном движении в «Народовольцы после 1 марта 1881 г.», с. 20, М. 1928.

[9] См. Лидия Лойко, От «Земли и воли» к ВКП, с. 240, Гиз, 1929.

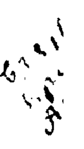
Когда Маркс говорил о том, что община может стать исходным пунктом коммунистического развития, он имел в виду два условия. Первое—если община не будет окончательно подорвана. Это положение достаточно казалось бы, разъяснено в марксистской литературе, включая «Что такое друзья народа». Капитализм сделал достаточно большие успехи в экономическом развитии России того времени, чтобы подорвать жизнеспособность русской общины. Состояние исторической науки во второй половине XIX в. таково, что спорить по этому вопросу не приходится. Собственно говоря, здесь достаточно одного «Развития капитализма в России».

Другая сторона,—как мыслили себе основоположники научного коммунизма самую некапиталистическую эволюцию. Протестуя против того, чтобы ко всем явлениям применять одну и ту же отмычку, против превращения марксова генезиса капитализма в теорию, которой будут формально подчиняться и все народы при всех исторических условиях, Маркс и Энгельс полагали, имея в виду конкретные условия: 1) что царская Россия того времени стоит перед своим 1789 годом, т. е. перед буржуазной революцией, 2) что политическая ситуация в России позволяет революционной партии опрокинуть гниющее здание самодержавия, 3) что свержение царизма в России сможет развязать силы *социалистической* революции на Западе, 4) что силами европейской социалистической революции можно будет взять на буксир экономически отсталую Россию и при поддержке передовых стран помочь ей миновать капитализм. Энгельс в статье «О социальном развитии России», т. е. в 1875 г., пишет следующие гениально предвидящие строки: «...видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее, несомненно, существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если только она сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия и *если она окажется способной к развитию, в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной*; при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности.

Но это может произойти лишь в том случае, если еще до окончательного разложения общинной собственности в России в Западной Европе совершится *пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода в том числе и материальные*, в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанный с этим переворот во всей системе земледелия» (разрядка наша—*И. Т.*).

Никогда ничего подобного не утверждали и не могли утверждать идеологи пауперизированного производителя, как выражается Теодорович.

Верно, что идеологи пауперизированного производителя мечтали о социализме. И у нас, и в ряде других стран этот социализм зиждился прежде всего на социализации земли. Ему, «аграрному социализму», сопутствовало стремление отбиться от крупного капитала. Все это азбучные истины.

Народники противопоставляли господству капитала «народное производство и трудовое начало». «Борьба крестьянских и помещичьих интересов не была борьбой народного производства» [10] и «трудового начала» против буржуазии (как воображали и воображают народники),—она была борьбой за американский тип буржуазного развития против прусского типа буржуазного развития [11].

Народники поставили впервые вопрос о капитализме в России и были против его проникновения на русскую почву. Но это—антикапиталистическая партия, бо-

---

[10] «Лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный цензурными препонами псевдоним социализма» (Ленин, Собр. соч., т. II, с. 232).

[11] Ленин, Собр. соч., т. IX, изд. 1-е, с. 444—445.

рющаяся за социалистическую революцию, понимаемую с точки зрения мелкого производителя и пролетария-отца—утверждает и Теодорович. О народнике же на самом деле надо сказать то, что сказал Ленин о Сисмонди, что он, «восставая против крупного капитала, т. е. против товарного хозяйства, в одной форме, именно наиболее развитой, впадает в утопию, возводя в апофеоз мелкого производителя (особенно крестьянство), т. е. товарное хозяйство в другой, только зачаточной форме [12].

Наконец, утверждает И. А. Теодорович, вся их программа, все их убеждения социалистические; они стремятся к социализму, к своему социализму, социализму мелкого товаропроизводителя. Оппортунизм и отрыжка II Интернационала думать, что крестьянин не может итти к социализму, и народовольцы—идеологи крестьянства,—отражали это стремление к социализму [13].

Верно, ответим мы И. Теодоровичу, что крестьянин может стремиться к социализму, но... только расставшись со своими мелкобуржуазными иллюзиями и перейдя на точку зрения пролетариата. Пример—коллективизация сельского хозяйства у нас. О примере же И. Теодоровича с народовольцами мы имеем точный ответ у Ленина: «Ошибка всех (разрядка наша—*И. Т.*) народников состоит в том, что они, ограничиваясь кругозором мелкого хозяина, не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества» [14]. А. Теодорович упрямо утверждает, что народовольцы предвосхитили социализм пролетариата.

Можно ли считать его открытие о предвосхищении народовольцами Октябрьской революции, советов, нэпа, социалистического строительства только вольным полетом фантазии?

Мы думаем, что это не случайно, что тут есть определенная политическая закономерность. Напрасно думает Теодорович, что и в этом вопросе он оригинален. Установив «равноправие» пролетарского социализма со всеми видами «социализма», не видя глубочайшей разницы между первым и вторым, смазав классовое различие между пролетарием и мелким производителем, в частности в конкретной обстановке развития капитализма во второй половине XIX в.,—Теодорович лишил себя возможности по-марксистски, по-ленински подойти к этому вопросу.

Итак, нэп, строительство социлизма, некапиталистическую эволюцию крестьянства, а стало быть и коллективизацию предвосхитили народовольцы. Кто же, по мнению Теодоровича, предвосхитил индустриализацию? И по этому вопросу он имеет свой «оригинальный» взгляд.

В 1927 г. Теодорович на Урале выступает со следующей, как он говорит, «исторической справкой» (он большой любитель истории!):

«Центральной идеей в области нашей современной народнохозяйственной мысли является идея о необходимости курса на индустриализацию страны.

Как часто бывает, корни этой идеи лежат глубоко в истории. Достаточно отметить хотя бы следующий факт: в 1925 г. наша республика торжественно праздновала столетие со дня восстания 14 декабря 1825 г. в Петербурге. Можно считать установленным, что основным стимулом, коренным фактором, воодушевлявшим движение декабристов, была мысль о необходимости индустриализации России, необходимости развития в ней промышленности и торговли, или, как тогда выражались, ремесл и коммерций (какое глубокое знание истории и особенно экономической—*И. Т.*). Если мы теперь говорим, что нам нужно во что бы то ни стало избежать опасности превращения нашей страны в аграрный придаток капиталистического

---

[12] Ленин, Соч., т. II, изд. 2-е, с. 65—66.
[13] Рец. книга, стр. 159—160.
[14] Ленин, Собр. соч., т. IX, изд. 1-е, с. 441.

мира, то первым эту идею опасности низведения России на роль придатка промышленных стран высказал Павел Иванович Пестель, самый выдающийся из декабристов» [15].

Итак, идея индустриализации страны идет от декабристов. Идея советов и нэпа—от Тихомирова и Квятковского, идея индустриализации—от Пестеля. Уже не проще ли объявить предтечей ленинизма Михайловского, ибо он автор статьи «К. Маркс перед судом г. Жуковского»?

Что Теодорович не понимает пропасти, лежащей между социализмом и прогрессивным капитализмом, показывает его трактовка индустриализации. Индустриализация в руках пролетариата, как и в руках молодой буржуазии, представителем которой, по мнению Теодоровича, был Пестель, должна «бороться с отсталостью собственной страны, с господством в ней натуральных, патриархальных форм экономики» [16].

В таком понимании индустриализации нет ничего социалистического. Бороться с натуральными отношениями, с отсталостью страны может и капитализм, когда он прогрессивен, когда он развивает и двигает вперед производительные силы страны.

Что же остается в ленинизме от пролетарского социализма, если основное и главное уже предвосхищено народовольцами и декабристами.

Теория Теодоровича о корнях ленинизма имеет вполне «самобытный» характер. Ленинизму «как интернациональному пролетарскому учению» (Сталин), как «теории и тактике диктатуры пролетариата в особенности» (Сталин) противопоставляется доподлинно национально-ограниченная точка зрения, пытающаяся в ленинизме, как мы уже в свое время указали [17], видеть только его крестьянские корни и продукт чисто российских условий.

В этом вопросе мы видим известное единство противоположностей, позиция Теодоровича смыкается с точкой зрения т. Зиновьева на определение ленинизма.

Если логически продолжить и договорить до конца точку зрения Теодоровича, тут недолго допрыгнуть и до «теории» национал-большевизма.

Стоит только соскочить с ленинских рельсов, как сразу же, в условиях классовой борьбы нашего времени особенно быстро и осязательно получается приближение, пусть невольное, к классовому врагу.

Теодорович—за коллективизацию, индустриализацию. Народовольцы—за коллективизацию. Декабристы—за индустриализацию.

И. Теодорович совершил исторический экскурс от народничества и до коллективизации. От одного к другому шла прямая линия. Видит ли он в нашей политике ту линию пролетарского социализма, которая непроходимой пропастью отделяет нас от мелкобуржуазных, буржуазных и прочих сторонников «социализма»?

Под таким пониманием коллективизации и индустриализации, из которого заботливо вынуто все, что говорит о социалистическом их характере, подпишется и буржуазный профессор, ибо в таком случае речь идет только о преодолении экономической отсталости и распада, о развитии производительных сил «вообще», закрыв глаза на то, какой класс «заведует» этим развитием, какая борьба при этом возникает и что данное развитие есть реальное воплощение путей борьбы за коммунизм.

Мы уже имеем по этому поводу характеристику редакции «Правды» в связи с рецензией т. Боярского на отзыв И. А. Теодоровича о книге проф. Кондратьева [18]. «Правда» пишет о неправильности тезиса Теодоровича, что партия, выбирая «между

---

[15] «Вопросы индустриализация и сельское хозяйство», изд. УралЗУ.

[16] «Индустриализация и сельское хозяйство», изд. УралЗУ, с. 4.

[17] Сб. «Дискуссия о «Народной воле», изд. Комакадемии, заключительное слово И. Л. Татарова, с. 154.

[18] См. «Правда» № 274 за 1929 г.

распадом производительных сил сельского хозяйства и их ростом хотя бы в капиталистической форме, ориентировалась на последнее, т. е. по существу на рост кулачества в деревне» [19].

Теория «восстановления», «возрождения» страны путем капитализма противопоставляется экономическому союзу пролетариата с середняком на основе известного допущения товарооборота для возрождения крупной промышленности и строительства социализма.

Теодорович неправильно понимает роль, место и положение мелкого производителя в социалистической стране, не понимает его двойственности, не понимает переделывающей роли пролетариата и социалистической, а не пестелевской индустриализации, не понимает отношения мелкого производителя к капитализму и путей перевода крестьянства на рельсы социализма.

Зная социальную «направленность» Теодоровича, мы поймем, почему он не видит прежде всего того в пролетарском социализме, что его отделяет от мелкобуржуазного и крестьянского «социализма», почему Теодорович лишает пролетарский социализм тех черт, какими он выделяется над всеми идейными течениями, рождающимися в буржуазном обществе, но не выходящими за его рамки, и почему И. А. Теодорович просматривает ленинское понимание Октября, социалистической резолюции, всех его этапов, включая и нынешний.

От возражений Теодоровичу перейдем к разбору собственно того, что представляет собой «социализм» народовольцев.

Прежде всего—об источнике.

Кого считать из народовольцев наиболее характерным, чьи показания, воспоминания, записки полнее всего отражают сущность народовольческого движения?

Теодорович презрительно фыркает по поводу того, что Невский ссылается на Златопольского, Богдановича. Сам он ссылается настолько произвольно, что одним лишь сопоставлением народовольческих высказываний, приведенных Теодоровичем, можно показать шаткость и величайшую легковесность его аргументации.

Ссылаться на Тихомирова, говорят, нельзя; Гольденберг—предатель; Богданович, Златопольский—характерны для одного лишь крыла; Фигнер, Желябов, Александр Михайлов—другое крыло. Николай Морозов отличается от А. Н. Баха так же, как «Вестник народной воли» от «Социалиста»—органа «юго-западной группы» народовольцев. Письмо Исполнительного комитета Александру III резко отличается от передовой в № 1 «Народной воли» и т. д. и т. д.

Совершенно справедливо, что все это разные вещи, но не видеть за этими различиями общего, значит, во-первых, не суметь за множеством разнообразных и противоречивых фактов увидеть основного, главного, во-вторых, не суметь охватить народовольческого движения в его целом, в его конкретном. Короче говоря, вместо диалектического метода, вместо марксизма—скат на биографическо-социологические рельсы à la Михайловский или Чернов. И неудивительно, что статьи Теодоровича совпадают полностью с эсеровскими писаниями не только в выводах, но и по методу.

---

[19] Кстати о Кондратьеве, И. Теодорович иронизирует: его-де люди невежественные обвиняют одновременно и в народничестве и в кондратьевщине. А какое же народничество у Кондратьева, ведь тот проповедует буржуазные взгляды?!

И. А. Теодорович, как всегда, словчил. Он не хочет понять, в чем его обвиняют. Речь шла о том, что он, как всякий сторонник мелкобуржуазной позиции, пасовал перед открыто-буржуазной точкой зрения. В том-то и его беда, как и всякого мелкобуржазного идеолога, что он попадал в плен, а на определенном этапе идейно отступал, если не капитулировал перед Кондратьевым. Тезис Теодоровича, «если приходится выбирать между распадом производительных сил сельского хозяйства и их ростом хотя бы в капиталистической форме, то необходимо выбрать последнее»—означал идейную разоруженность перед Кондратьевым.

Для того, чтобы понять народовольчество, необходимо выслушать всех «свидетелей»: и Тихомирова, и Фигнер, и Гольденберга, и Александра Михайлова, Николая Морозова и Баха и т. д. [20].

Возьмем хотя бы вопрос об отношении к монархии. Многим исследователям кажется письмо Исп. ком. Александру III каким-то грехопадением. Некоторые просто его обходят. А между тем именно этот документ привлек к себе особенное внимание и Маркса и Ленина.

В прокламации рабочих, членов партии «Народной воли», по поводу казни Александра II мы читаем: «Царь должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим»...

Переговоры с самодержавием (если исключить эпизод со священной дружиной)—не случайность в истории народовольчества. История с Гольденбергом в этом смысле чрезвычайно показательна. В свете опубликованных Р. Кантором выдающегося интереса материалов в т. XXX «Красного архива» об истории предательства Гольденберга выясняется любопытнейшая картина.

Идеи Гольденберга ничем не отличались от обычных народнических воззрений середины 70-х гг. на социализм, на классы, на политическую борьбу. Социализм—это «в высшей степени гуманное учение, толкующее нам об общественном строе, основанном на принципе полного равенства людей в экономическом, политическом, умственном и т. д. отношениях, на полной свободе, направляемой высшим разумом человека, на коммунистических началах, на анархии в смысле отсутствия всякой человеческой власти».

Брошюру свою Гольденберг пишет перед покушением на кн. Кропоткина. Он обращается в ней ко всем «честным людям» с призывом не складывать оружия, пока правительство не сделает следующих уступок: свобода слова, печати, собраний, совести, уничтожение административного произвола, суд присяжных для политических, амнистия всем политическим заключенным, отмена смертной казни за политические преступления.

Мысли, которые им владели при написании прокламации в связи с убийством кн. Кропоткина, он выражает в следующих словах: «Ты имел несчастье родиться в монархической стране, в стране, где слово преследуется так, как нигде в мире, бей же их их же оружием, иди и убей кн. Кропоткина» [21].

Мы дальше еще остановимся на этих воззрениях, характерных для «старого русского социализма», как писал Ленин. В данном случае нас пока интересует, как Гольденберг, развивавший и в написанной им брошюре и в показаниях эти идеи, сочетал последние с конкретными политическими выступлениями, приведшими его к печальному концу. Социалисты пошли на террор, чтобы изменить существующий политический строй, правительство отвечает кровавыми репрессиями. В момент самообороны самодержавие не может дать конституции. Царский чиновник обманным образом заверяет его, что стоит лишь революционерам прекратить террор, как будет дана конституция. Гольденберг тогда затевает опасную игру: выдает почти весь революционный штаб в надежде, что арест революционной головки прекратит террор и вместе с тем сохранит жизнь товарищей, которые будут с введением конституции наверняка освобождены. Когда Гольденберг догадался, что его обманули, он покончил с собой.

В желании устроить компромисс с самодержавием упрекает № 1 «Вестника» «Н. В.» судившихся по процессу 17 [22]. А. Прибылева-Корба—уж на что характерная

[20] Несколько слов специально о Тихомирове. Все основные документы партии «Н. В.» написаны им: «Программа», «Подготовительная работа партии», большинство передовых, письмо Исп. ком. Александру III.

[21] «Красный архив», т. XXX, с. 148.

[22] «Речи некоторых подсудимых произвели на революционную среду тягостное впечатление какого-то крайнего компромисса с существующим строем и даже с самодержавной монархией».

народоволка,—говоря об обвинениях по адресу «17» в попытке перебросить «золотой мост» к самодержавию, отводит предположение, что судившиеся по процессу 17, поддавшись на посулы монархии дать во время коронации амнистию и т. п., просили не предпринимать террористических актов. Но она не может отрицать возможности появления подобных настроений в народовольческой среде. А. Прибылева-Корба совершенно правильно ссылается на то, что три самых главных документа партии—ее программа, «Подготовительная работа партии» и «Письмо к имп. Александру III» признают «возможность наступления такого исторического момента, когда правительство под давлением революционного движения в России приступит к преобразованиям государственного устройства в России и что такое преобразование повлекло бы неминуемо за собой глубокие социальные изменения в стране» [23].

Возьмем опять-таки характерного народовольца, к тому же с большой закваской старого народничества—Ю. Богдановича. Он считал, что революция может и не коснуться принципа монархии. А ведь Богданович—одна из центральных фигур периода 1881—1882 гг.

Сделать из приведенных примеров поспешный вывод, что народовольцы были дюжинными конституционалистами, предтечами «освобожденчества», значило бы повторить ошибку, совершенную Теодоровичем, только с другого конца.

Говоря о письме Исп. ком. Александру III, Ленин пишет: «Деятели «Народной воли» в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия, или революционная борьба, или отречение от самодержавия» [24].

Приведенные примеры характеризуют противоречивость и сложность воззрений народовольцев и колебания в их тактике, отражают социальную природу того общественного слоя, на который они опираются в той или иной форме. Но это была революционная борьба за буржуазную демократию.

Если мы попробуем разобрать, как формировалась «социалистическая» идеология народовольцев, мы получим ответ на вопрос: в каком же контексте стоят приведенные примеры и—это главное—что собой представляют воззрения народовольцев?

«Социализм» народовольцев невозможно понять без уяснения обстоятельств, в каких возникло народовольчество. «Социализм» народовольцев родился не вдруг, не внезапно. Больше того: нет «социализма» народовольцев, как чего-то изолированного от народнического социализма 70-х гг. Вне той амальгамы идей и тактических воззрений, какие вырабатывались бакунистами-бунтарями, ткачевцами-якобинцами, пропагандистами-лавристами, нет никакой другой питательной базы для «социализма» народовольчества.

Что же представляет собой «социализм» народовольцев, социализм, как они говорили, не фабричный, а аграрный?

Если внимательно вчитаться во все заявления народовольцев по вопросу о социализме, то прежде всего бросается в глаза, что самостоятельно этой проблемы у них не существует. Есть проблема взаимоотношений социализма и политической борьбы. И это конечно не случайно. Социализм народоволец понимает как воззрение, перешедшее к нему или вместе с ним от предшествовавшего этапа народнического движения, видоизмененное применительно к конкретным условиям задачами политической борьбы.

Вот что пишет А. Бах: «Прежде всего очень по душе пришлась мне первая фраза программы—«по основным своим убеждениям—мы социалисты и народники». Я знал, что существует один только социализм, революционный... своим заявлением партия «Народной воли» как бы приобщается к всемирному социализму, выразителем которого был Интернационал».

---

[23] А. Прибылева-Корба, «Народная воля», М. 1921, с. 16.
[24] Ленин, Соч., т. IV, изд. 2-е, с. 146.

Итак, пока социализм—это европейский продукт. Теперь надо его переодеть в российский костюм. «Ставя в первую линию борьбу с самодержавием, «Народная воля» вполне, как мне казалось,—продолжает Бах,—рационально учитывала тогдашнее настроение общества...

Я помню резкие толки и горькие нарекания по поводу того, что Болгария и даже Турция удостоились конституции, а мы остаемся в положении рабов...» [25].

Политическое бесправие, гнилость самодержавия, появление в «обществе» и в народе (а Бах различает, как и все народники, общество и народ) революционных тенденций—вот условия переворота, провозглашенного в программе Исп. ком. Эта программа многими современниками Баха «из общества» принималась «с радостью», ибо в ней увидели «отражение и осуществление своих мыслей».

В показаниях Богдановича мы находим живую фотографию того идейного пути, какой совершал всякий или почти всякий народоволец, и как он преломлялся в их сознании.

В записке Ю. Богдановича от 5 мая 1882 г. мы читаем такие строки: «Восемь лет назад мы действительно были анархистами... Трехлетнее затем изучение жизни народа, его нужд и истории привело в 1876 году к выработке новой программы, так называемой народнической, которая и легла в основание всей последующей деятельности революционной партии и была только дополнена в 1879 году вновь организованной фракцией «Народной воли», но по существу уже не изменялась больше.

...Программа ставит только такие требования, как обязательные, которые признаны уже наукой в истории всех народов необходимыми условиями прогресса, без которых невозможно всестороннее развитие, так же, как дыхание без кислорода, а именно: свобода мысли, совести и слова, уничтожение всех сословных привилегий, право каждого на землю и орудия труда и свободу обществ и ассоциаций, не имеющих явно вредных целей, которые и будут определены законом» [26].

Почти буквальную характеристику, как и у Богдановича, мы находим у Гольденберга, близкую у Ал. Михайлова, Ник. Морозова, Колодкевича (мы выбираем разнообразные фигуры в народовольческом движении) и у ряда других.

Основной ход их рассуждений таков: социализм 70-х гг. наткнулся на непреодолимое препятствие в виде самодержавия, породившего капитализм, частную собственность, подтачивающих устои народной жизни. Русско-турецкая война, оживление общественных групп в конце 70-х гг., а главное—репрессии правительства—подсказали необходимость политической борьбы с самодержавием. Старые принципы «социализма» остаются почти неизменными, меняется отношение к политической борьбе и государству, пересматриваются анархические взгляды по этим вопросам.

Очень удачно это отношение между социализмом и задачами политической борьбы выражено в показаниях С. Златопольского (23 сентября 1882 г.): «Руководящим взглядом моим было признание за социализмом значения вероисповедания партии и отвести ему соответственное место; ближайшая задача—существующий строй политической жизни видоизменить настолько, чтобы народ получил возможность участвовать в решении вопросов общерусской жизни, т. е. формулировал я: революционная партия не упраздняет ни государства, ни религии, ни собственности ни семьи, а, исходя из существующего и политического строя, должна все силы направить к введению в России представительных народных учреждений» [27].

Социализм народовольцы воспринимают как какую-то готовую величину, к которой делается приставка в виде политической борьбы.

---

[25] А. Бах, Записки народовольца, «Мол. гвард.» с. 177—178.
[26] «Кр. архив», т. XX, с. 215.
[27] «Кр. архив», т. XX, с. 229—230.

Если на середину 70-х гг. падает наибольшее оживление в смысле развития идей «крестьянского социализма», то в конце 70-х гг. приобретают широкий размах идеи политической борьбы. Но для ведения политической борьбы нет ни опыта, ни опоры на массовое движение. Формы борьбы подсказываются самой борьбой, тактикой противника. Опыт западноевропейского движения дает может быть больше, чем это надо, для русских условий. Буржуазия и пролетариат расцениваются под европейским углом зрения. Отказ от анархистских теорий означал у народовольцев отказ от веры в действие масс, в бунт масс, как реальных факторов текущих событий. Размах действий в силу конкретной классовой ограниченности народовольческого движения определялся поэтому только степенью устойчивости самодержавия. А устойчивость и способность мобилизовать силы вокруг себя целиком зависели от социально-экономической конъюнктуры. Именно от конъюнктуры!

Во второй половине 70-х гг. в развитии капитализма происходит известный перелом. Вызван он своеобразным сочетанием сильного подъема, известного у нас в литературе под названием грюндерского подъема, и все увеличивающимся недородом, переходившим буквально в голод. Неурожаи и голод приводят к резкому аграрному кризису. Промышленный ажиотаж, наткнувшись на узость внутреннего рынка и на неразрешенность в результате войны 1877—1878 гг. проблемы внешнего рынка, сменяется депрессией и, встретившись с аграрным кризисом, вырастает в настоящий промышленный кризис. Осень—зима 1880—1881 гг. были отправной точкой усиленного распространения кризиса и в промышленности и в сельском хозяйстве.

Хозяйственный подъем, начавшийся в 1874—1875 гг. и особенно усилившийся в 1877—1878 гг., сменяется продолжительнейшим кризисом, растянувшимся вплоть до 1887 г.

Как Маркс оценивает экономические условия второй половины 70-х гг.?

В письме к Ник.—ону он пишет: «Вы имели прекрасную жатву в 1870 г., но этот год был так сказать климактерическим (climaux year), за которым, как за таковым, немедленно последовал очень плохой год. Этот 1871 год, с его очень плохим урожаем, может рассматриваться, как отправной пункт для нового цикла, приводящего нас к новому климактерическому году, 1874-му, за которым непосредственно идет опять голодный 1875 год. Затем снова начинается движение вверх, завершающееся еще худшим годом—1880» [28].

Годы подъема 1876—1878 характеризуются большим оживлением буржуазных и мелкобуржуазных кругов и зачатками крестьянского движения, особенно на юге, однако не вылившегося в массовое крестьянское движение. Полукрепостническое помещичье хозяйство явно не выдерживает напора растущих капиталистических тенденций в обстановке сносного урожая. Аппарат самодержавия после русско-турецкой войны, да и во время ее, дает сильнейшие трещины. Его международная и финансовая мощь сильно подорвана. Чем тоньше та социальная опора, те силы, на которые опирается самодержавие, тем больше уравниваются его силы с «Народной волей». При том, что на массовое движение рассчитывать не приходилось, при данном расположении классовых сил шансы «Народной воли» зависели не столько от увеличения собственных рядов, сколько от уменьшения союзников у противника, а тактика диктовала единоборство, метод устрашения и соглашение. И то, и другое, и третье.

Все зависело от того, кто окажется крепче на ногах, когда кризис разразится с полной силой. Понятно, что зима 1880/81 года оказалась решающей.

В 1878 г. царит большое оживление среди либералов; по южным городам и черноземной полосе (Харьков, Полтава, Орел) прокатывается волна земских арестов. Из южных землевольческих организаций, главным образом Украины,

[28] «Летописи марксизма», т. II (XII), с. 122—123.

(несомненно определенную роль играл и национальный вопрос) идут требования постановки политической борьбы. Осинский наиболее четко формулирует это предложение. Землевольческой типографии предлагается напечатать прокламации киевских конституционалистов, с последними предполагается издание совместного революционного органа.

Тихомиров пишет: «Едва ли я ошибусь, если скажу, что восстание, доходившее до низвержения правительства, южанам рисовалось гораздо ближе и яснее, чем северянам, у которых оно уходило бог знает в какую даль». И дальше: «В 1878 г. уже был на юге элемент, который начал смотреть на террор не как на отместку, а как на средство борьбы»[29].

Интересно отметить, что эти мысли, эти безусловно верные наблюдения возникли у Тихомирова в связи с биографией Желябова—этого законченного крестьянского революционера и наиболее яркого сторонника политической борьбы в «Народной воле», понимавшего «социализм», как революционную борьбу, а революционную борьбу, как свержение самодержавия. «Социалистические воззрения» будущего народовольца получают новое направление в связи с новой классовой ситуацией. Ширяев—чрезвычайно характерная фигура в народовольческом движении, напоминающая Желябова и по социальному положению и по идеологии,—рассказывает, что он интересовался за границей социалистической литературой, секциями Интернационала, Парижской коммуной, читал «Общину».

«Поступок Веры Засулич, переполошивший всю европейскую прессу, не бесследно прошел и для нас, русских эмигрантов. Тогда я, впрочем, не приурочивал этот факт к той системе воззрений, которая владела мною впоследствии»...[30]

Выходит № 1 «Народной воли». Редакцию его больше всего выводит из себя циркуляр Макова от 16 апреля 1879 г. по поводу ложных слухов о переделе. Этот циркуляр редакции вновь образовавшейся революционной фракции кажется чем-то таким, что в состоянии перечеркнуть всю русскую историю. «Испокон веков у нас каждый взрослый имел право на землю, наравне со всеми. Взгляды эти проходят через всю русскую историю». «Народ всегда считал землю общим достоянием и никогда не признавал ее частной собственностью. Ссылаться ли нам на наших лучших исторических писателей и исследователей быта: Неволина, Беляева, Самарина и др....»

«Никаких юридических и политических оснований наша частная поземельная собственность (т. е. помещичья—*И. Т.*) не имеет...»

Частная собственность—результат политики правительства, стремившегося создать в России аристократию.

Удивительно ли, что после этого народовольцы могли признать Пугачева социалистом, «поскольку в программу его входит уничтожение крепостного права, частного землевладения и сословных привилегий».

Народовольцы вели одну линию от разинщины и пугачевщины и до будущего всенародного восстания, организованного социально-революционной партией. «Хроническая» крестьянская революция против помещичей частной собственности была в глазах народовольцев социалистической революцией против помещика, помещичьего государства и против порожденного им, государством, капитализма, буржуазии, кулака.

«Ему (Михайловскому—*И. Т.*),—пишет Ленин,—казалось, что передача всей земли крестьянам, в особенности без выкупа, есть нечто «социалистическое», он

---

[29] Записка Тихомирова о Желябове, Лондон, 1882 г. Цитируем по изд. политкаторжан, «А. И. Желябов», М. 1930.

[30] «Былое», вып. II, 1903—1904. Автоб. записка С. Г. Ширяева. Разрядка наша—*И. Т.*

считал себя поэтому «социалистом». Разумеется, это глубокая ошибка, вполне разоблаченная и Марксом и опытом всех (подчеркнуто Лениным—*И. Т.*) цивилизованных стран, в которых постоянно буржуазные демократы до полного падения крепостничества и абсолютизма воображали себя «социалистами»[31] (Разрядка наша—*И. Т.*).

Если подставить—а это сделать можно и нужно с полнейшим основанием—вместо Михайловского народовольцев вообще, не говоря о более широкой подстановке, то ответ на вопрос о сущности «социализма» народовольчества мы получим совершенно отчетливый.

В заключение остановимся еще на одном эпизоде, точнее—полемике, прошедшей пока мимо наших исследователей, но проливающей свет на затрагиваемый вопрос с точки зрения так сказать предвосхищения будущих споров о сущности социализма «Народной воли».

В речи на международном конгрессе в Хуре (1881 г.) Аксельрод высказался по поводу существующих фракций. Речь его вызвала ответ, и довольно резкий, редакции «Народной воли». По мнению Аксельрода обе фракции, и «Народная воля» и «Черный передел», партии социалистические. Их нельзя различать отношением к террору и к пропаганде. Различие скорее в том, что обе фракции, признавая и террор и пропаганду, настаивают—одна («Народная воля») на сосредоточении антиправительственной деятельности в городах, другая—«Черный передел»—на «возбуждении духа протеста в крестьянстве»[32]. Только немногие народовольцы, как например Желябов, «настаивали на агитации радикально-политического характера» для скорейшего свержения самодержавия. Основным политическим лозунгом «Народной воли», по мнению Аксельрода, является созыв земского собора, для «Черного передела»—за федеративную республику.

Передовая № 7 «Народной воли» специально занялась разбором этой речи. «Едва ли,—читаем мы,—основательно прилагать к «Народной воле» слишком буквально европейские клички «политических радикалов», «социалистов» и т. п. В задачах народовольчества есть элементы и политического радикализма, и социализма, но они совершенно слиты в одну цель и в одно дело. В России переворот политический настолько же необходим, как и переворот экономический».

Любопытно, что в этой же передовой подчеркивается, что народовольчество вышло из народничества, наряду с тем, что с максимальной четкостью выставляется основная задача народовольчества: «делать лишь то, что наискорее и наилучше ведет к перевороту, низвергающему правительство и передающему государственную власть в руки народов или, на худой конец, его революционных представителей».

Спор между Аксельродом и редакцией «Народной воли»—это спор анархиста и якобинца[33]. Отвергая политическую позицию «Народной воли», Аксельрод отстаивал бакунистские зады народнической программы, сдобренные социал-демократической фразеологией эпохи исключительных законов и выдавал все это за социализм. Преимущество народовольцев перед Аксельродом заключалось в том, что основное содержание их деятельности было вместе с тем самой сильной их стороной. У чернопередельцев—этого последнего отряда ортодоксального народничества—самой слабой стороной, наиболее уязвимым местом было то, что отделяло их от народовольцев и вместе с тем составляло смысл их самостоятельного существования.

---

[31] Ленин. Соч., т. XVII, 12 изд., стр. 223—224.

[32] «Историко-революционный сборник»., т. II, с. 66—67.

[33] Мимоходом: в спорах на II съезде партии ссылались на опыт 70-х гг. Аксельрод и будущие меньшевики повторили в организационном вопросе анархическую ошибку.

Аксельрод был прав, упрекая народовольцев в том, что социалистическая сторона в движении отступает на второй план. Но он был прав относительно старого народнического социализма 70-х гг., он был прав только в том смысле, что имел в виду анархистский социализм наших «бунтарей» по преимуществу. А народовольцы именно в этом пункте-то и совершали форменную ревизию. Передовая № 1 «Народной воли» прямо говорит о том, что анархистские тенденции долго отвлекали от главного вопроса текущей борьбы—от вопроса об отношении к государству. Говоря о том, что уже в «Земле и воле» писалось о необходимости политической борьбы с самодержавием, передовая № 1 пишет: «Политическая борьба, к которой нас неудержимо приводят все условия русской жизни, вопреки всем предвзятым теориям, была бы еще более популярна, если бы у нас не существовало ходячего предрассудка, что будто бы, участвуя в ней, мы загребаем жар для других, что результатами победы воспользуется не народ и не социалисты. Мы думаем совершенно наоборот».

Но если анархистское понимание социализма в основном своем пункте—в понимании соотношения между политическим и экономическим переворотом—было решительно пересмотрено народовольцами, то что же осталось от старого народнического социализма? Народовольцы неоднократно подчеркивают, что они самостоятельной разработкой социализма не занимаются. И это верно. То, что осталось от старого народнического социализма приемлемым для народовольца—это была пропаганда «социализма». И когда народоволец говорит о «социализме», он имеет в виду пропаганду среди рабочих [34].

О социализме народовольцы говорят преимущественно, когда стоит задача работы с рабочими. В первый период деятельности «Народной воли» после раскола—так до осени 1880 г.—проблемы социализма почти не ставятся в народовольческой агитации. С появлением рабочих народовольческих организаций усиливается именно эта сторона—пропаганда социализма. Чем дальше от 1 марта, чем уже круг народовольческих организаций, чем слабее приток интеллигентских сил, тем все сильнее ставится вопрос о рабочих организациях, о пропаганде среди них и выпячиваются вопросы социализма. Понятно, что тут и сказывалось, что никакого особого понимания народного социализма у народовольцев не было, что они имеют дело с остатками той амальгамы, которая вырабатывалась еще в середине 70-х гг., а затем в усеченном виде проносилась через ряд этапов, не приобретая элементов нового, теряя по пути основные черты уже отстоявшегося.

Нет поэтому ничего удивительного, если народнический социализм, как «аграрный социализм» у народовольцев, в конце концов превратился в непосредственное орудие пропаганды среди рабочих для целей привлечения их к активной народовольческой политической борьбе. Так ставится вопрос в «Подготовительной работе партии». Программные формулировки о социализме всплывают перед ними извне: их ставят рабочие. И любопытно, как формулируется народовольцами принципиальная платформа соглашения с группой, близко подошедшей, и социал-демократией. Приведем следующий документ, подписанный Лавровым и Тихомировым по поводу так называемой благоевской группы:

«К нам прислала,—пишет редакция «Вестник народной воли» петербургской народовольческой рабочей группе в начале 1885 г.,—программу петербургская группа «социал-демократов». С группой «Освобождение труда» мы никакого дела не имеем, в виду ее в высшей степени предосудительного отношения к «Народной воле», но с петербургскими социал-демократами мы бы хотели, если они захотят, сколько-

[34] Мы надеемся подробнее развить этот тезис в связи с вышедшей интересной и богатой материалами работой В. И. Невского—От «Земли и воли» к «Гр. осв тр.», работой, в которой, однако, остались следы так сказать плехановского понимания народничества.

нибудь сойтись. Как вы относитесь к этому и насколько вы считаете возможным схождение для себя? Мы полагаем, что схождение во всяком случае требовало бы предварительного соглашения по следующим вопросам:

1) о целях деятельности среди рабочих,

2) о захвате власти,

3) о терроре,

4) об основах организации.

Судя по их программе, мы думаем, что их разногласия с нами основаны более на недоразумениях»[35].

Этот документ говорит о том, что народовольческая программа настолько расплылась, что не на ее основе можно было договариваться, а лишь на почве конкретных вопросов, «увязывающих» проблему социализма с политической борьбой.

Народовольческой программе и не дано было совершить этой «увязки». Ибо она была программой политического переворота мелкобуржуазных революционеров, боровшихся за крестьянскую буржуазно-демократическую революцию в обстановке, когда буржуазные отношения уже укоренились, но еще не вышли наружу и не успели поэтому закрепить своих позиций. Кризис 80-х гг. помог закрепить эти отношения, но свалил «Народную волю».

Решить проблему взаимоотношений «социализма и политической борьбы» выпало на долю социал-демократии.

Несколько слов по поводу самой книги Теодоровича. Он поместил туда тезисы культпропа ЦК, но своего отношения к ним так и не выявил, а ведь в них прямо осуждается, и в довольно резких выражениях, его позиция.

Манеры Теодоровича очевидно станут синонимом нечестной и гаерской полемики. Только жалость к уже немолодому и в прошлом заслуженному человеку могут вызвать приемы, к которым прибегает на каждой странице Теодорович.

Отметим хотя бы один случай, характерный для всей книги, для всех приемов Теодоровича. Он уверяет читателя, что редакция «Известий» сочно, как он пишет, выразилась по моему адресу «в плоскости превходящего момента о форме цитирования». Комизм положения заключается в том, что я ничего не цитировал, а цитировал Теодорович[36]. Стало быть—и мы рекомендуем Теодоровичу проверить—редакция «Известий» «сочно» выразилась по его адресу.

---

[35] «Ист. рев.» Сб., т. II, с. 185.

[36] Речь шла о том, что он, цитируя отзыв «Правды», приписал «Правде» слова о том, что она якобы осуждала Покровского.

РЕЦЕНЗИИ

ПРОТИВ ВЕЛИКОДЕРЖАВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ИСТОРИИ

Н. Н. РОЗЕНТАЛЬ, История Европы в эпоху торгового капитализма, «Прибой», 1927.

Перед историками-марксистами стоит огромная задача—создание марксистской схемы истории народов СССР. Это—дело не легкое. В процессе выработки марксистской схемы истории народов СССР, в частности схемы истории Украины, приходилось и приходится иметь дело с чуждой и враждебной нам буржуазной и мелкобуржуазной историографией (в частности с псевдомарксизмом) и с проявлениями и отражениями влияния этой историографии в рядах историков-марксистов. Вне самой решительной и последовательной борьбы с буржуазной историографией и ее влиянием создание марксистской схемы истории народов СССР немыслимо.

Одной из основ буржуазной историографии являлся и является национализм. Украинская буржуазная и мелкобуржуазная историография в основном пронизана украинским национализмом. Точно так же и русская буржуазная и мелкобуржуазная историография в основном пронизана великодержавным шовинизмом. Эти националистические идеи проникают даже в ряды историков-марксистов, находят себе место среди близких к марксизму историков. Одним из проявлений великодержавных тенденций в истории и является книжка Розенталя «История Европы в эпоху торгового капитализма».

В лице Розенталя мы имеем один из ярких образчиков псевдомарксизма, в его книге—попытку под «марксистской» фразеологией скрыть свою буржуазную, далекую от марксизма и ему враждебную сущность. Любопытно (и не случайно) и то, что в своем понимании феодализма, крепостничества и «торгового капитализма» Розенталь стыкается с механистами, со сторонниками «крепостнической формации». К сожалению на страницах нашей прессы книжка Розенталя не получила еще до сих пор должной оценки. Не ставя своей задачей дать критику книжки Розенталя в целом, мы ограничиваемся исключительно «русской» частью его книги—теми главами, оторые посвящаются им истории России. Мы ставим себе задачей—вскрыть великодержавнический характер этой части книжки Розенталя.

В своей книжке Розенталь две главы посвящает истории России: гл. VII первого отдела, где он анализирует процесс возникновения торгового капитала в России, и один раздел гл. II отдела второго, в котором подвергается анализу история абсолютистской России XVII—XVIII вв. В общем автор дает на 35 страницах сжатое изложение истории России XVII—XVIII вв. Вот на эти страницы мы и обращаем внимание читателя.

Автор рассматривает процесс образования и роста российского государства исключительно под углом зрения борьбы торгового капитала с феодализмом. Он прослеживает динамику классовой борьбы, показывает, как дворяне и купцы—представители торгового капитала—выступают против старого правящего класса бояр—светских и духовных феодалов, как в этой борьбе они побеждают и создают абсолютную монархию, представительницу их интересов. Но ограничиваясь только этим, Розенталь тем самым дает искаженное изложение истории России. Он по существу ставит знак равенства между захватом Москвой Новгорода, Твери, Пскова, Рязани и т. д. и захватом той же Москвой Украины, Поволжья, Сибири и т. п. Между тем как первый процесс является процессом победы Москвы над своими «отечественными» конкурентами, второй является выражением колониального наступления московского торгового капитала и дворянства, процессом превращения московского княжества в колониальную Российскую империю. «Россия есть одно из величайших колониальных государств мира»—эта характеристика царской России, данная т. Покровским, все еще не нашла должной конкретизации во многих исторических работах. Не показывает этого процесса и Розенталь. Ведь как раз на XVI—XVIII ст. приходится ряд крупнейших актов колониальной и завоевательной политики царизма — захват Поволжья, Сибири, Украины, раздел Польши, начало завоевания Кавказа. Между тем в его работе мы находим отсутствие одного (завоевания Сибири, разделов Польши),

несколько малосодержательных строк о втором (о Поволжьи), неверное изложение третьего (захвата Украины). Непонимание, игнорирование, замалчивание и разные другие виды «грубого» или «тонкого» отрицания колониального характера царской России—такова одна из основных форм проявления великодержавного шовинизма в русской историографии. Ею характеризуется и книжка Розенталя.

В тесной связи с непониманием колониального характера царской России находится у Розенталя неправильное изложение причин «присоединения» Украины к России, к тому же обнаруживающее у него отсутствие фактических знаний о том предмете, о коем идет речь. По Розенталю, на «степную Украину» устремились два колонизационных потока—русский и польский—причем второй (почему-то только второй) «сопровождался резкими столкновениями между польскими панами, забиравшими себе лучшие земли, и вольными днепровскими (малороссийскими) казаками» (с. 147). «Это обстоятельство,—продолжает наш автор,—делало последних естественными союзниками московских помещиков, объединяя их в ненависти к общему врагу». И в результате, когда в 1648 г. на Украине грозно развернулась революция, то, «не будучи в силах одни выдержать борьбу, восставшие обратились за поддержкой к Москве» (с. 147). Такова мирная идиллическая картинка присоединения Украины к России «по Розенталю». Тут все есть—и общий враг (польский пан), и естественный союзник (московский помещик), и добровольное присоединение к Москве. Нет только «мелочи»—классовой борьбы на самой Украине между казацкой старшиной, предавшей революцию, и крестьянскими «низами», как нет и борьбы, ожесточенной и долгой, с наступлением русского военно-феодального империализма на Украину. В своем изложении захвата Украины Россией Розенталь следует традициям великодержавной русской историографии.

В результате и терминология Розенталя не свободна от великодержавных влияний. Так, вместо четких терминов, характеризующих колониальный и захватнический характер «приобретений» России, он говорит только о «территориальном росте». Так, он вместо Украины говорит о Малороссии, а вместо народа мари, о черемисах—забывая или не зная, что Октябрьская революция вместе со многим другим выбросила в мусорный ящик истории и эти великодержавным шовинизмом рожденные имена и названия.

Главы, посвященные истории России в книжке Розенталя, являются проявлением великодержавных тенденций в исторической литературе. Решительная и беспощадная борьба со всяким проявлением всяких националистических тенденций в истории—такова одна из важнейших и основных задач историков-марксистов.

М. Волин

A. MATIEZ, Girondins et montagnards, Paris, 1930, p. 305.

Последняя книга Альбера Матье представляет собой такой же сборник статей, как его старые «Робеспьеристские этюды», «Робеспьер-террорист», «Вокруг Дантона» и др. Только издан этот последний сборник значительно более пышным образом, чем предыдущие,—этим и объясняются его внушительные размеры. Есть впрочем и одно отличие по существу: если бы устранить из сборника несколько мелких или неудачных статей (о неизвестном революционном клубе «Réunion», о допросе Талона при консульстве, о конституции 1793) и дополнить его несколькими новыми статьями, напечатанными в журнале Матье,—сборник стал бы настоящим изложением исповедания веры крупнейшего современного историка Великой французской революции.

У нас уже привыкли к тому, что этот историк шествует вперед с головой, повернутой направо. Этим определяется очередное предисловие, обращенное к либеральной историографии с предложениями «объясниться» (явление конечно вполне понятное: как еще держаться в современной Франции левому профессору, который на последовательный марксизм и сам не заявляет претензий?)

Этим же, пожалуй, объясняется и не вполне точное заглавие сборника. Тема Альбера Матье совсем не жирондисты и монтаньяры—отношение этих двух партий для него проблема решенная. Проблема Матье лежит внутри монтаньярской партии, в отношениях робеспьеристов к правому и особенно к левому крылу якобинизма. Поэтому из двенадцати статей жирондистам посвящены только две, открывающие сборник, и, если отвлечься от обычного достоинства этого автора—блестящего мастерства изложения, то интереса для советских читателей они представляют немного. Советский читатель обратит внимание разве только на превосходный психологический анализ процесса, который постепенно и независимо от желания жирондистов привел этих прогрессивных и демократичных «чистых идеологов», чуравшихся не только классовой партийности, но и партийности «вообще», к сознательному представительству интересов имущих классов против санкюлотизма.

Не слишком интересны также две заключающие сборник статьи, посвященные дантонистам (последняя кстати уже имеется в русском переводе). Общая оценка, которую Матье дает дантонистам, как

жирондистскому охвостью—чисто буржуазной группировке в недрах мелкобуржуазной Горы,—совершенно правильна, но в советской литературе эта точка зрения была развита едва ли не обстоятельнее, чем в работах самого Матье. Что же касается до сведения личных счетов Альбера Матье с Жорж-Жаком Дантоном, то оно, имея в современной Франции определенный смысл, в советских условиях «не звучит»: парламентская коррупция—поистине далекое от нас явление, и ставить Дантону памятники у нас тоже никто не собирается.

Первостепенный теоретический интерес зато имеет для нас центральная часть сборника, посвященная робеспьеризму в его отношениях к более радикальным группировкам Великой революции и косвенно ко всему последующему революционному и коммунистическому движению. В основном—это проблема вантозских декретов, поставленная Альбером Матье еще четыре года назад: кроме специальной статьи о вантозских декретах в сборнике к этой проблеме примыкают еще статьи о двух заседаниях Комитета общественного спасения перед 9 термидора, о письмах Вулана, о деле эбертиста Легре и о книжке Барту по поводу 9 термидора.

«Теория вантозских декретов» встретила у большинства наших специалистов не слишком дружелюбный прием: ее оценили в лучшем случае как преувеличение. Нам думается, что это неправильная оценка. «Открытие» Альбера Матье представляет собой драгоценный вклад для методологии истории буржуазной революции и во всяком случае чрезвычайно полезно, как рабочая гипотеза: в свете этого «открытия» оказываются объяснимыми многие факты, которые раньше объяснению не поддавались. Вантозские декреты дают единственно возможное объяснение социальному содержанию робеспьеристской политики весны—лета 1794 г.,—не ограничиваться же до сих пор фразами о «террористическом загнивании» и «личном честолюбии Робеспьера»! И вантозские же декреты дают очень конкретный ответ на вопрос о характере социальной революции в практике мелкобуржуазного революционаризма. Не характерно ли в самом деле, что в течение XIX в. решительно все историки французской революции (в том числе и историки социалистические, за вычетом разве Жореса) проглядели, попросту проглядели вантозские декреты, в то время как коммунистические революционеры XVIII в. сделали их исходным пунктом своего заговора и в то время как еще последователи Бабефа в 30-40-х гг. крепко о них помнили!

Для современного сознания представление о социальной революции это—представление об обобществлении средств производства. В таком виде проблема социальной революции перед сознанием мелкобуржуазного якобинизма не стояла и не могла стоять. В процессе своей борьбы за продовольствие якобинцы неоднократно упирались в необходимость национализации торговли и даже промышленности, сюда прорастала вся их политика такс и реквизиций, но для национализации условий не было ни объективных, ни даже субъективных. Едва ли возможности, открывавшиеся государственной регламентацией хозяйства, доходили до сознания якобинцев. Несмотря на все угрозы (тщательно запротоколированные современными историками) отобрать предприятия у ленивых предпринимателей, самых радикальных якобинцев сковывало почтение к частной собственности,—максимум для них оставался временной и чрезвычайной мерой, с которой лучше всего было бы по возможности расстаться.

Но проблема социальной революции перед ними все же стояла, более того: с осени 1793 г. она стала как конкретная животрепещущая проблема практической политики. Разрешить социальную проблему, «уравнять состояния», «уничтожить позорящую свободное государство нищету» все они хотели самым искренним образом, а представить себе все это естественным следствием политической демократии было теперь уже невозможно. Революция фатально вела к обогащению «богатых эгоистов», которые были контрреволюционерами, и к обеднению бравых санкюлотов, которые одни только революцию и поддерживали,—ни равенством всех перед законом, ни пропагандой «философии» явно уже нельзя было положения исправить.

Не найдя решения вопроса в своей хозяйственной политике, робеспьеристы нашли его в своей террористической политике. Террор из средства охраны революции превратился в ее самодовлеющую цель, «судебная деятельность» из отвешивания индивидуальных справедливостей стала средством массовой экспроприации контрреволюционных классов (это кстати единственная форма, в которой буржуазная революция может осуществлять экспроприацию). Имущества эмигрантов и казненных контрреволюционеров пошли на государственные торги,—«неимущим патриотам» от них немного пользы. Но остаются «подозрительные», 100000 семей подозрительных, и это дает решение: их имущество перейдет во владение «неимущих патриотов» бесплатно, оно даст возможность в недрах существующего общества «образовать совершенно новый социальный класс, который станет опорой революции, его создавшей».

Это и есть якобинское решение проблемы социальной революции, решение утопическое, гибридное и, если угодно, нелепое, но игнорировать его пролетарским

историкам не следует: это—единственное решение, мыслимое в условиях буржуазной революции, оно только отражает гибридность понятия самой буржуазной революции, и раньше, чем пролетарское освободительное движение выработало законченную концепцию экспроприации экспроприаторов, оно долго окрашивалось подобным ходом мысли (коммунисты 30-40-х гг. и даже более поздний бланкизм).

Как бы то ни было, нужно констатировать, что Альберу Матье удалось установить следующие положения: 1) идея превращения борьбы с подозрительными в орудие социальной реформы была ходовой идеей того времени, в зародыше политика вантозских декретов на местах появлялась с осени 1792 г.; 2) за осуществление этой идеи робеспьеристы принялись самым серьезным образом, всячески подгоняли предварительные работы по переписи и вопреки глухому сопротивлению аппарата успели до своего падения добиться достаточно ощутительных результатов, которые не позволяют говорить о вантозской политике, как о блефе и маневре.; 3) восторженно принятые революционным общественным мнением вантозские декреты в официальной верхушке вызвали беспокойство, немало содействовавшее образованию антиробеспьеристской коалиции и контрреволюции 9 термидора; 4) нет никаких конкретных данных для утверждения, будто, вотируя вантозские декреты, робеспьеристы уже подготовили удар против Эбера, наоборот, есть основание полагать, что переход кордельеров к «состоянию восстания» явился для Комитета общественного спасения неожиданностью.

Последний пункт, сколь он внешне ни кажется незначительным, должен привлечь особое внимание. Можно ли брать всерьез радикальную левизну робеспьеристской реформы, если хронологически она совпадала с разгромом радикальнейшего крыла якобинства? Самый факт казни эбертистов здесь был бы еще не так важен,—логически вполне мыслимо положение, при котором проведение радикальной программы предполагает предварительную ликвидацию радикальных кандидатов на руководство (к тому же столь анархичных по составу и по темпераменту, как эбертисты): совсем недавно, осенью 1793 г., якобинский блок, включавший в себя и эбертистов, именно так поступил с бешеными. Но несомненно, что разгром эбертистов в конкретных условиях весны 1794 г. означал разгром массового движения, и так же несомненно, что он сопровождался заметным общим поправением экономической политики Комитета общественного спасения. Это было наиболее убедительно продемонстрировано не кем иным, как тем же Альбером Матье, и однако это отнюдь не дает основания говорить о «термидорианском перерождении» робеспьеристов и квалифицировать вантозские декреты как лживый тактический маневр.

Тот экономический сдвиг, который начался весной и получил свое обоснование в жерминальском докладе Сен-Жюста, был охарактеризован Альбером Матье как неудачная попытка нэпа. В самом деле, любая органическая реформа предполагала тогда предварительно некоторое восстановление производительных сил. Политика максимума, позволив революции отбиться от врагов, истощила однако страну до крайней степени, никакого выхода мелкобуржуазной идеологии она не предоставила, робеспьеристам она с самого начала была навязана, и теперь они пробовали от нее отделаться с худо скрываемым удовольствием.

Уже один этот факт свертывания политики максимума должен был привести к разрыву с эбертистами, которые, помогши в свое время расправиться с бешеными, полностью переняли в этом пункте их программу. Но социальное значение этого сдвига было несравненно шире. Отказ от политики максимума означал по существу восстановление альянса с капиталистическими классами и, значит, нажим на пролетариат и разрыв блока мелкой буржуазии с рабоче-ремесленной беднотой,—фактов, подтверждающих эти результаты робеспьеристского «нэпа», история зарегистрировала достаточно.

Весной 1794 г. во Франции восстановление производительных сил могло происходить только на капиталистической основе, и ничего от себя ораторы мелкобуржуазной добродетели этому противопоставить не могли. В этом и была их основная беда, это и послужило причиной разгрома их «нэпа». Слишком поздно они поняли, что «никакое правление не может быть прочным, если гражданские отношения строятся на противном ему принципе», слишком поздно и слишком утопично брались они за «перевод революции в имущественные отношения», и как раз на этом повороте чуждые «имущественные отношения» сломали их «правление».

Но в этом ведь была беда робеспьеристов, а не их вина! Где, кроме п о в е р х н о с т и экономических отношений, доказательства их коварно-буржуазной контрреволюционности, их «термидорианского перерождения»? И в чем смысл напряженно-террористической политики этих месяцев, если экономический альянс с буржуазией получил уже и свое политическое завершение,—неужели все-таки только в «личном честолюбии диктатора»? И как объяснить контрреволюцию 9 термидора, если «термидор» существовал уже...до термидора?

Нужно согласиться, что точка зрения, предложенная Альбером Матье, объясняет многие факты лучше, чем они объяснялись

до сих пор. И едва ли здесь можно говорить о преувеличении. Стоит только поставить перед марксистским сознанием вопрос о специфическом характере социальной революции в XVIII в., и значение вантозских декретов вырастает больше, чем у историка-эмпирика. В направлении, аналогичном вантозским декретам, революционная мысль в 1794 г. работала не только применительно к земельной собственности, а и к собственности промышленной, и через два года родоначальник революционного коммунизма замышлял организацию нового общества в виде такого же оазиса, искусственно насажденного в недрах современного общества: бабувисты только провозгласили его принципом упразднение собственности вместо уравнения собственности.

Тема во всяком случае стоит более широкого обсуждения. Будем ждать скорейшего перевода последней книги Матье на русский язык.

С—й

Я. М. ЗАХЕР, «Бешеные», Л. 1930, с. 241.

Разбираемая книга представляет собой собрание статей, печатавшихся в наших журналах и посвященных отдельным лидерам бешеных. Собранные вместе, эти статьи оставляют читателя несколько разочарованным. От книги таких размеров ожидаешь больше нового материала, а от автора, так долго работавшего над темой,— более ясных постановок вопроса и более осязательных выводов. Между тем после книги Альбера Матье о социальном движении эпохи террора материалы Я. М. Захера оказываются неспособными поразить новизной: они не выходят за пределы тех тем, которые Матье разрабатывал в своей книге в 1927 г. Об орлеанском бешеном Табуро-Монтиньи Матье начал писать в 1930 г., и Я. М. Захеру только и осталось, что упомянуть это имя один раз в предисловии. Между тем, как раз при той установке, которая характеризует Я. М. Захера, Табуро представляет неизмеримо больший интерес, чем Ру, Варле и Леклерк: вот, действительно, единственный бешеный, бывший не только эмпириком, но и идеологом в политике! Охват темы у Я. М. Захера определен материалами из вторых рук,—убеждение в истинности этого факта не может быть поколеблено даже ошеломительными размерами его «аппарата», которые могут только заставить воззвать к более экономному обращению с советской бумагой (нехорошо, в самом деле, когда приходится читать пять, шесть, восемь раз подряд «Ibidem, p. 721» или просто «Ibidem»,—ср. с. 91, 125, 216 и др.).

Что же касается общих выводов Я. М. Захера, то единственный его общий вывод, на котором стоит остановиться, сводится к тому, что бешеные не были ни коммунистами, как некогда утверждал Кропоткин, ни ординарными якобинцами левого крыла, как устанавливалось в советской литературе. И этот вывод был бы ценен, базируйся он на детальном классовом и экономическом анализе движения; однако именно здесь работа Я. М. Захера и оставляет читателя наиболее неудовлетворенным.

Конечно все это объясняется прежде всего специфическими трудностями темы. Наиболее значительная часть документов, относящихся к движению бешеных, погибла, а в плане интересов буржуазной исторической науки это движение не стояло: книга советского историка—это первая монографическая работа о бешеных. В результате автор пошел по линии наименьшего сопротивления: распределил материал применительно к биографиям четырех лидеров движения, заключил это главой об их идеологии и предпослал 15 страниц по поводу «социальных корней».

Биографический метод изложения конечно вполне законен. Он даже имеет специальные достоинства кроме удобства изложения, когда дело идет о таких личностях, как Робеспьер, Марат, даже Шомет: это личности и сами по себе достаточно значительные и главное в них персонифицируется целое движение, эпоха, стиль. Наоборот движение бешеных—это по самому существу безличное массовое движение, и все те люди, которых оно вынесло на гребне, не могут претендовать на специальный исторический интерес. Автору приходится повторять четыре раза, что данный лидер бешеных в начале революции был банальным буржуазным демократом (или, как выражается Я. М. Захер на с. 47, «интеллигентом с довольно слабо выраженной классовой сущностью»), а потом постепенно превратился в представителя интересов парижской бедноты со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Низовой и стихийный характер этого движения определяет и тот факт, что глава об его идеологии («мировоззрении») не может оказаться политически значительной: «мировоззрения» у бешеных не было, не было даже сколько-нибудь определенной политической программы, были отдельные, отрывочные, формулированные в процессе повседневной борьбы бедноты за продовольствие политические требования. Автор аккуратно подразделяет часть книги, посвященную «идеологии» бешеных, на главы об их философских, экономических, политических и социальных «воззрениях», но внутри этих подразделений дела у него оказывается немного, несмотря на самое искреннее желание зарегистрировать все, что только можно, и подать в

наиболее выгодном свете значение зарегистрированного.

«Философские» воззрения приходится сразу предварять замечанием, что они не могли «сколько-нибудь существенно отличаться от идеологии монтаньяров» (с. 203). Воззрениям же экономическим соответствует такое витиеватое предуведомление: «Говорить об отсутствии оригинальности в экономических воззрениях бешеных можно только в том случае, если сравнивать их со взглядами не буржуазии вообще, а только буржуазии мелкой» (с. 213). Может быть сравнение экономических воззрений бешеных с воззрениями, скажем, феодалов или современного империализма выявило бы еще больше оригинальность этих воззрений. Но в том-то и дело, что сравнивать их приходится не с взглядами «буржуазии вообще», а с взглядами мелкобуржуазного якобинства. Но тогда-то как раз положение о политическом своеобразии бешеных станет под сомнение—в соответствии с вышеприведенной туманной фразой Я. М. Захера и в противоположность общей не вполне ясной концепции Я. М. Захера.

Будто уж так и нельзя считать бешеных просто левым флангом якобинства, т. Захер? Будто уж были в их движении принципиальные, структурные отличия? Термином «якобинство» определяется совершенно точное социально-экономическое понятие. Это мелкобуржуазный революционаризм, который в борьбе с капиталистической буржуазией не может выставить никакой творческой, экономически положительной революционной программы, который смущенно останавливается перед проблемой социальной революции, связанный своим почтением к собственности и неспособностью обобществить средства производства, но который представляет действительно народное массовое движение, который не стесняется в средствах в своей политической классовой борьбе и потому остается поучительным образцом и для пролетарской революции. Пролетарская революция, будучи столь же решительной в методах борьбы, является еще более мощным массовым движением, освобожденным от всех недостатков якобинизма: сразу ставит проблему переустройства производственных отношений, что открывает перспективу упразднения классов, не дает погрязнуть в чисто политическом терроризме и т. д. Спрашивается, какой тут третий, промежуточный, тип создает движение бешеных? Они ведь не меньше якобинцев чурались коммунизма и скорпионы своего терроризма направляли не против буржуазной собственности, а против буржуа-контрреволюционеров.

Указания на больший «социальный акцент» в политической деятельности бешеных тут недостаточно. Утверждение, что у них эгалитаризм «достиг такого углубления, при котором он уже непосредственно граничит с социализмом» (с. 126, 241)—это не аргумент за их социально-политическую самобытность, потому что это не конкретно-исторический аргумент, это «тощая абстракция». Идеология вообще вещь расплывчатая, и элементы «эгалитаризма, непосредственно граничащего с социализмом», можно ведь обнаружить не только у монтаньяров, а пожалуй и у жирондистов (Кондорсе, Рабо-Сент-Этьен, Фоше и группа Социального кружка).

Все попытки Я. М. Захера конкретизировать свою тезу, *оставаясь в пределах идеологий*, не могут показаться убедительными. Леклерк в августе 1793 г. предлагает нечто вроде национализации хлебной торговли (с. 169, 221)? Но ведь монтаньяры, несмотря на все торможения от идеологии, с осени того же года начали осуществлять эту программу в значительно более широком виде! Варле в период выборов в Конвент (август-сентябрь 1792) обязывал будущих депутатов «стремиться к созданию общины, всякий член которой должен получать лишь в меру того, что он ей дает» (с. 125). О, это была чистая фразеология! Популярных разговоров о «communauté» Варле наверно наслушался у Фоше и Боннвиля, и отсутствие у этой communauté всякого реально-политического (а тем более революционного) смысла явствует хотя бы из того, что на той же странице Варле выдает охранную грамоту даже «крупным состояниям, нажитым посредством тонких расчетов или смелых предприятий»,—он настроен только против спекулянтских капиталов, созданных «за счет народных бедствий»! Жак Ру в августе 1793 г. предлагает после войны разделить имущества контрреволюционеров среди неимущих санкюлотов (с. 98). Этот лозунг—интереснее, потому что реальнее, но он-то как раз и является типично якобинским способом «активного воздействия на социальные отношения», подобные меры робеспьеристы и попробовали в широких масштабах осуществить, начиная с весны 1794 г.!

Так же неубедительна аргументация Я. М. Захера, когда он переходит к области политической идеологии. Протесты против террора, возмущение законом о подозрительных, оппозицию диктатуре Комитета общественного спасения и требования немедленного введения в действие конституции, кажется, даже сам Я. М. Захер не склонен считать следствием принципиальных отличий «политической доктрины» бешеных от якобинцев. В самом деле, против диктатуры всегда начинали вопить все, кто из субъектов диктатуры превращался в ее объекты,—вопили в свое время и эбертисты, и дантонисты.

Но зато Варле в сентябре 1792 г. представил Конвенту проект «специального и императивного мандата», в котором проводит идею депутатской связанности приближающей представительство к ограниченному порученству (с. 124—125, 224—226). Неумеренный энтузиазм, проявленный по этому поводу Я. М. Захером, может быть объяснен только его недостаточной осведомленностью. Требования императивного мандата, права отзыва, контроля и отчетности не только не придают проекту Варле «характер, принципиально отличный от конституции монтаньяров» (с. 225), но даже не достигают той степени полноты и последовательности, с которыми они были развиты в якобинских проектах. Если монтаньярская конституция не дала им полного выражения, то это по причинам специального характера, которые должны быть известны нашему автору: после 31 мая конституция была для монтаньяров прежде всего агитационным средством, и провести в ней все якобинские политические принципы было политически невозможно. И если якобинцы уступали лидеру бешеных в последовательности проведения системы депутатской связанности, побаиваясь императивного мандата, как пережитка сословного представительства, то они далеко превзошли его в идее непосредственного участия народа в законодательстве (инициатива и санкция законов, конституционная ревизия).

Во всяком случае и Варле и якобинцы не выходят из пределов буржуазно-демократических представлений о государстве: их идеал это—парламент, сдобренный референдумом. Нет никаких оснований по поводу проекта Варле говорить, как это делает Я. М. Захер, о «пределе, за которым начинается перерастание в пролетарскую демократию», о демократическом централизме и об «явственном дыхании зарождающегося рабочего класса» (с. 124, 226—227).

В этих проектах Варле «дыхание рабочего класса» отсутствует так же, как в проекте государственной монополии хлебной торговли Леклерка, который, вспоминая экономические мероприятия старого режима, никак не помышлял о превращении их в опорную точку для обобществления средств производства.

Даже ряд действительно интересных политических требований бешеных частного характера, как отделение церкви от государства и изгнание богачей из армии (с. 212, 239), не создает конкретно исторической характеристики бешеных и не доказывает их принципиальных отличий от якобинцев.

При всем том остается бесспорным фактом, что бешеные были наиболее радикальным крылом якобинской революции, что им принадлежала инициатива очень многих экономических мероприятий Конвента, что это они навязали мелкобуржуазной Горе систему максимума и реквизиций, то есть разрыв блока с буржуазией. Просвета из созданного таким образом режима бешеные не видели так же, как и официальные якобинцы. Как и для официальных якобинцев, режим государственной регламентации хозяйства оставался для них временным и чрезвычайным режимом, авторитет частной собственности, хотя бы и крупной, оставался незыблемым в их глазах, и средство к постепенному достижению «фактического равенства» Ру и Варле, как и робеспьеристы, усматривали не столько в реквизициях, сколько в распространении просвещения и успехах философии (с. 205, 237).

Конкретно-историческая характеристика движения бешеных, в частности объяснение его социального радикализма, находится, таким образом, не в его «идеологии», а в особенностях его классового состава. Исследование же классового состава этого движения представляет, повторяем, очень большие трудности, так что не вина Я. М. Захера, что соответствующие главы оказались у него наиболее поверхностными. В нынешнее время в самом деле едва ли кого удовлетворит характеристика бешеных, как представителей не «мелкой буржуазии», но (!) «ремесленников и рабочих», причем здесь же приходится подчеркивать, что «если мелкие ремесленники по своему существу принадлежат скорее к мелкой буржуазии, нежели к рабочему классу, то ведь и индустриальные рабочие того времени еще не успели мало-мальски осязательно отделиться от мелкой буржуазии» (с. 25).

После этого в той же главе можно прочесть, что движение бешеных было отчасти реакционным, потому что «рабочие домашней промышленности эпохи французской революции должны были явиться элементом объективно реакционным», но зато индустриальные рабочие не были реакционны, и «именно постольку, поскольку бешеные выражали интересы и этой части рабочего класса, в их идеологии встречались наряду с реакционными и глубоко передовые и революционные по своему содержанию элементы» (с. 33).

Попробуйте-ка, сопоставив эти три высказывания, понять точку зрения автора! Все это не больше как словесность, в которой автору приходится верить на слово, которая нисколько не помогает понять действительность и в которой, наоборот, способен запутаться читатель, как путается и сам автор. Индустриальные рабочие, хоть и не успевшие «мало-мальски осязательно отделиться от мелкой буржуазии», оказываются однако носите-

лями «глубоко передовой и революционной» идеологии.

Тут же вскользь объясняются и причины борьбы реакционно-революционных бешеных с реакционной мелкой буржуазией и революционной (?) буржуазией: «Сделавшись, невзирая на свою мелкобуржуазную природу, проводниками дела всей буржуазии в целом, монтаньяры должны были притти к неминуемому столкновению с рабочими и ремесленными массами, требования которых решительно противоречили объективным задачам буржуазной революции» (с. 30—31). Тут у Я. М. Захера, получается некоторая «неувязка» не только с высказываниями Я. М. Захера, но и с историческими фактами. Монтаньяры пытались проводить политику, общую всей буржуазии только с июня до сентября 1793 г. «Секционная революция», знаменовавшая решительный переход Конвента на путь антибуржуазной диктатуры, происходит 4—5 сентября, а Жака Ру арестовывают 6 сентября, и только потом начинаются преследования остальных бешеных!

Таким образом подмена М. Я. Захером марксистского анализа социальных отношений упражнениями в марксистской терминологии благоприятных результатов не дает. Вопрос о бешеных остается открытым вопросом, проблема их социальной природы ждет еще марксистского исследования.

С—й

Л. Г. РАЙСКИЙ, Новейшая история Североамериканских соединенных штатов, Ленинградское отделение Комакадемии, Институт Истории, «Прибой», 1930, с. 246.

«Предлагаемая вниманию читателей книга,—пишет в предисловии автор,—является попыткой дать в сжатом виде историю экономического и политического развития Соединенных Штатов в эпоху империализма (до вступления Америки в войну), историю их внешней политики и рабочего движения». К сожалению, т. Райскому удалось выполнить лишь часть намеченной им задачи: из четырех отделов, на которые распадается книга, первый посвящен экономическому развитию САСШ, второй—политическому их строю, третий—внешней политике, четвертый—рабочему движению; совершенно отсутствует очерк политического развития, без знакомства с которым читателю трудно ориентироваться как в истории рабочего движения, так и во внешней политике САСШ. Мы не знаем, какими методологическими соображениями руководился автор, отнесясь столь пренебрежительно к так называемой «внутренней» истории, но ее отсутствие несомненно в значительной степени обесценивает работу как учебное пособие [1].

Автор отводит важное место экономическому развитию САСШ. Но если уже уделять «экономико-географическому очерку» специальную главу, следовало бы остановиться на географическом размещении американской промышленности, чего т. Райский не сделал, хотя именно этим своеобразием в территориальном размещении отдельных отраслей индустрии в значительной мере объясняется, как показал Леви Герман, тот факт, что ряд важнейших производств с самого начала был организован на основе широко разветвленного разделения механизированного труда. С другой стороны, автор не дает картины превращения САСШ из «колонии Европы» в первоклассную индустриальную державу, выступающую уже с половины 90-х гг. в качестве серьезного конкурента на мировом рынке. Роль сельского хозяйства в экономике Соединенных штатов обрисована также лишь статически: автор совершенно не упоминает например ни о колоссальном росте американского экспорта земледельческих продуктов с конца 60-х и до начала 80-х гг., когда САСШ были настоящей житницей Европы,—ни о резком сокращении вывоза продуктов сельского хозяйства в последующие годы. Автор слишком бегло останавливается на таком существенном вопросе, как роль иностранного капитала в развитии американской промышленности и особенно транспорта. Наконец совершенно не отмеченным остался процесс централизации железнодорожного хозяйства САСШ в руках немногих миллиардеров.

Во втором отделе автор дает слишком элементарное изложение американской конституции. Им не отмечено напр. усиление власти президента в эпоху империализма, упрощен анализ социального состава двух основных партий, но глава о политическом господстве буржуазии написана очень красочно и убедительно.

С большим интересом читается обстоятельный очерк внешней политики САСШ' но и он значительно бы выиграл, если бы автор противопоставил периоду интенсивной колониальной экспансии эпоху насыщения внутреннего рынка (70—80 гг.), когда отдельные колониальные авантюры не встречали должной поддержки со стороны федерального правительства.

Говоря о причинах вступления САСШ в империалистическую войну, автор не

---

[1] Характерно, что тем же недостатком страдает написанная на ту же тему статья т. Райского, помещенная в III томе «Книги для чтения по истории нового и новейшего времени».

учел того нового и чрезвычайно важного материала, который дают недавно опубликованные «личные бумаги» полковника Хауса и его друга, посла в Лондоне—Пэджа.

Наиболее удачным вышел очерк четвертый. Основанный на изучении не только литературы предмета, но и главных источников, этот очерк является едва ли не первой попыткой марксистско-ленинского истолкования истории американского рабочего движения от 60-х гг. XIX в. до начала мировой войны. Некоторые положения автора представляются нам, однако, спорными. Едва ли, например, можно согласиться с утверждением, что с конца 70-х гг. Орден рыцарей труда «стал стремиться к реорганизации общества и замене его строем обобществленного труда» (с. 149). Тов. Райский ссылается при этом на новую программу, принятую Орденом в 1878 г. Но здесь мы находим лишь весьма туманные формулировки, едва ли достаточные для того, чтобы считать программу социалистической: «положить предел накоплению богатств в одних руках и способности накопленного капитала творить зло»—читаем в этом документе. Устранить зло должна «кооперативная деятельность Ордена силами ордена и для Ордена», «способствующая замене системы наемного труда кооперативной промышленной системой» (с. 16). На наш взгляд под подобной программой охотно подписался бы любой правоверный прудонист.

Совершенно недостаточными представляются нам те немногие замечания, которыми ограничивается автор по поводу такого важного документа, как новая программа Социалистической рабочей партии, принятая на Чикагском съезде 1889 г. (см. с. 182—183 и № 12 в отделе «Документации»). Совершенно верно, что из новой программы исчезло «лассалевское требование поддержки государством рабочих ассоциаций». Но наряду с этим следовало указать на чисто идеалистическое обоснование программы-максимум (ссылка на пресловутую «Декларацию независимости»), отметить ошибочность утверждения, будто «у труда украдено богатство благодаря извращению демократии в интересах плутократии» и т. п.

К очерку приложен ряд ценных документов по истории рабочего и социалистического движения в САСШ.

Очень полезной для интересующегося предметом читателя будет и помещенная в конце книги библиография. Здесь, однако, приходится отметить ряд досадных пробелов. Так, среди «работ общего характера» почему-то не отмечен в своем роде классический труд Брайса—Американская республика, статья Халкуита—Соединенные штаты Северной Америки, напечатанная в XIV выпуске «Истории нашего времени», очень известная работа Shippee—Recent American history, наконец недавно вышедший интересный двухтомник Beard'a—The rise of american civilization». В библиографию второго отдела не вошли такие важные из новейших работ, как Merriam te American party System, Mathews, Essentials of american government.

В заключение нельзя не отметить некоторой неряшливости, которой страдает работа в отношении языка и стиля: «американские империалисты на службе бога» (с. 81), «разгон промышленного развития» (с. 135), «этим домоганиям (!) оказывали энергичное сопротивление» (с. 171).

Местами сильно грешат против русского языка и переводы документов. Что например можно понять из такой фразы: «То обстоятельство, что индустриализм заключает в себе требуемую мощь, для того чтобы силой поддержать право, внушает лишившимся уравновешенности доктрину голой физической силы» (с. 226, выдержка из ст. Де Лиона в «Daily People»).

Несмотря на отмеченные пробелы и другие недостатки, работа т. Райского является ценным приобретением в нашей весьма бедной оригинальной литературе по новейшей истории САСШ.

Н. Лукин

FAY, The origines of the world war, New York, 1929, v. I, «Before Sarajevo: underleging causes of the War»., v. II «After Sarajevo: immediate causes of the war.»

С появлением работы Фэя каталог книг, посвященных истории международных отношений эпохи 1871—1914 гг., обогатился новой большой работой, на этот раз вышедшей из-под пера американского ученого. Уже хотя бы по одному тому, что количество сводных работ, посвященных истории международных отношений эпохи 1871—1914 гг, не так велико, появление каждой новой такой работы представляет событие на этом участке исторической науки. Книга уже вызвала отклики в западно-европейской науке. В Германии же ее приветствовали, как «недвусмысленное опровержение версальской Kriegsschuldlüge» [1]. В настоящей рецензии мы рассмотрим только первый том книги Фэя, оставляя разбор 2-го тома до ближайшего номера нашего журнала.

Но сначала о более общих методологических и общеполитических взглядах автора. Мы просим у читателя извинения за длинную цитату, но она сразу очень

[1] Herzfeld в «Historische Zeitschrift», S. 142.

хорошо вскроет нам мировоззрение Фэя. «Вообще говоря, значение экономического империализма как одной из основных причин войны часто преувеличивается. Часто можно слышать например, что промышленное развитие Германии и та подозрительность, с которой его наблюдала Англия, делали войну между обеими странами рано или поздно неизбежной. Это однако ошибочный (unsound) взгляд. Он возник из того обстоятельства, что значение экономического соперничества преувеличивается во мнении широкой публики, ибо оно является предметом, затрагивающим карманы широких слоев общества, а потому охотнее обсуждается и лучше понимается, нежели другие вопросы, вроде секретных договоров, милитаризма или национализма. Часто случается, что крупные коммерсанты или промышленники контролируют газеты, которые заинтересованы по эгоистическим побуждениям в том, чтобы способствовать раздуванию этих экономических вопросов. Но когда читаешь дипломатическую переписку за годы, предшествовавшие войне, видишь, что ею придается относительно скромное значение этому экономическому соперничеству, которое так усиленно преследует мысль среднего делового человека или издателя газеты. Не столько экономическое соперничество, сколько вопросы престижа и границ, армии и флота, вопросы равновесия сил держав и возможные сдвиги в системе союзов—вот что вызывает кипы дипломатической корреспонденции и поднимает температуру дипломатических канцелярий до опасной точки».

Что же является важнейшей причиной войны? Такой причиной является, по Фэю, «система секретных союзов, которая развилась после франко-прусской войны». «Война была вызвана системой международной анархии, выражавшейся в союзах, вооружениях и секретной дипломатии».

Перед нами типичная схема буржуазного пацифиста. Война вовсе не является «неизбежным» следствием империалистических противоречий, а вызвана существованием секретной дипломатии и системы секретных союзов. Достаточно их устранить,—посредством Лиги наций например,— и война станет совсем ненужной. Ибо ведь и «вторая основная причина войны— милитаризм—тесно связана с системой секретных союзов».

В качестве других причин войны Фэй кроме системы секретных союзов, милитаризма и «экономического империализма» называет еще национализм и возбуждающее влияние шовинистской прессы. Легко видеть, что мы здесь имеем дело с эклектической теорией факторов. Легко также видеть, что приведенные рассуждения Фэя весьма легковесны.

Конечно дипломатическая переписка количественно больше занята вопросами политическими, нежели чисто экономическими, хотя и о последних говорится вовсе не так редко. Но это совершенно понятно. Компетенцией дипломатии является разрешение конфликтов политическими методами—посредством союзов, угрозы военной силой и сделкой с третьей державой и т. д. Дипломатическая переписка есть деловая переписка: она и занята применением этих своих дипломатических методов, а не теоретизированием относительно того, что в конечном итоге заставляет их применять. Но если дипломаты не обязаны этим заниматься, то зато это составляет прямую обязанность историка внешней политики. Русская дипломатическая переписка, посвященная миссии Лимана фон Сандерса отражает на себе ту цель, которую ставили себе русские дипломаты: выгнать немцев из Константинополя возможно более радикально. Для этого надо было «нажать» на Германию и Турцию, а для этого в свою очередь узнать, готов ли сэр Э. Грей поддержать их в этом деле и как на это смотрит Пуанкаре. Это и заполняет дипломатическую переписку. Однако в переписке, посвященной главным образом практическим дипломатическим акциям, шедшим изо дня в день, незачем было говорить о причине того, из-за чего весь сыр-бор загорелся,— о том, что превращение турецкой армии в германскую означало, что проливы станут в будущем тоже германскими, а не русскими: просто незачем было повторять то, что было и так всем хорошо известно. И уж тем более лишним было вдаваться в рассуждения о том, зачем именно нужны России проливы: Сазонов и его послы, передавая животрепещущие новости сегодняшнего дня, не встречали повода заняться изложением этих вопросов. Это не значит однако, что их не понимали: когда повод к этому явился, то русские дипломаты очень хорошо сумели изложить и чисто экономическое значение проливов для царской России [2]. Или еще пример. Когда сэр Э. Грей и лорд Хольдэн ведут переговоры с Германией относительно морских вооружений, то их переписка заполняется естественно разными деталями немецкой судостроительной программы в гораздо большей степени, чем рассуждениями относительно того, зачем, собственно говоря, нужно Англии ее морское первенство. Просто необходимость последнего принимается как аксиома, не требующая особых доказательств. Но когда надо—об этом говорится и притом достаточно «экономически». Только повод к

[2] См. сб. «Константинополь и проливы», т. I, записки Базили, Трубецкого и др.

этому практически являлся относительно редко.

Чтобы быть объективными, добавим, что не прав Фэй и тогда, когда он утверждает, что «публика» раздувает значение экономики, ибо больше всего занимается ею. И это не верно. Гораздо чаще экономические противоречия стараются затушевать, чем раздуть. Не подлежит сомнению, что во Франции о союзе с Россией кричали не меньше, чем о помещенных в русские бумаги французских капиталах, а о национальных чувствах по поводу Эльзас-Лотарингии наверняка гораздо больше, чем о лотарингской руде и саарском угле.

Теперь о другой стороне общей установки Фэя, об его так сказать «национальной» ориентации и об его отношении к проблеме виновников войны. И вот тут Фэй стоит гораздо выше. Историческое чутье, говорит он про себя, подсказывало ему, что в настоящем случае (т. е. при возникновении мировой войны), как и в прошлом, ни одна страна и ни один человек не может один нести на себе всей или хотя бы главной вины. Исторический ход дискуссии о «виновниках войны» приводит, по мнению Фэя, неизбежно к торжеству этого вывода, к которому он сам пришел еще до заключения мира. Он делит ход этой дискуссии на три периода. Период 1914-1919 гг. представляет эпоху, когда единственным материалом служили цветные книги, когда господствовали бесшабашная травля Германии и тезис об ответственности одной Германии за войну, ставший неизбежным ингредиэнтом Версальского трактата. Затем с 1919 г., после появления публикации Каутского, советских публикаций (которые Фэй ставит очень высоко), других документаций и целой серии мемуаров, становится совершенно ясным, что нельзя говорить о виновности одной Германии. Наконец с появлением мемуарной литературы, но главным образом с появлением «Grosse Politik» научная мысль от изучения «непосредственных» причин войны обращается к изучению наиболее глубоких ее корней в предвоенной эпохе, не ограничиваясь периодом после сараевского убийства. В итоге этого изучения, по мнению Фэя, нельзя больше говорить о «виновности за войну» Виновата описанная выше «система международной анархии».

Но система создавалась людьми. Их индивидуальные поступки создали «систему» и привели к взрыву ее в 1914 г. В будущем задачу историка должно составлять объяснение политических, экономических и психологических мотивов, которые побудили индивидов действовать так, а не иначе. Надо перестать говорить о виновниках войны, «так как ни один человек, стоявший у власти, не был повинен в сознательном стремлении вызвать общеевропейскую войну». Следует однако говорить об «ответственности» за войну (war responsibility), которую каждый государственный деятель должен нести за свои поступки, которые неизбежно вели к войне».

Начал Фэй очень хорошо. Но с концом мы опять-таки никак не можем согласиться. Неверно конечно, что ни один человек, стоявший у власти, перед 1914 годом не стремился сознательно к войне. Мы думаем, что и Грей, и Сазонов, и Пуанкаре к ней стремились вполне сознательно. Но чтобы не терять много слов на доказательства, приведем один, казалось бы, совсем уже бесспорный пример адмирала Фишера, проектировавшего в 1908 г. напасть на Германию без предупреждения и потопить весь немецкий флот. С немецкой стороны в том же роде действовал Конрад фон Гетцендорф, который и во время своего пребывания у власти мало скрывал свои планы, а теперь сам рассказал о них в своих мемуарах.

Переходим к рассмотрению конкретно-исторического содержания I тома Фэя, посвященного «основным причинам» войны. Дав в первой главе очерк развития историографии вопроса, Фэй переходит к изложению истории системы секретных союзов, посвящая вторую главу системе секретных союзов в 1871—1890 гг. Это самая слабая часть книги Фэя, по которой нельзя судить о всей его работе. Эта глава посвящена преимущественно политике Германии. В гораздо более слабой, совершенно недостаточной мере Фэй рисует политику других стран. Однако и изложение немецкой политики, иначе говоря, изложение внешне политической системы Бисмарка является совершенно неудовлетворительным и чрезвычайно примитивным.

Это объясняется отчасти тем, что для эпохи Бисмарка Фэй использует чрезвычайно узкий круг материалов. Он ссылается на первую серию «Grosse Politik», публикации «Красного архива», на Bourgeois et Pagès [3] да на Вертхеймеровскую биографию Андраши. Из обширной и интересной мемуарной литературы бисмарковской эпохи он использовал далеко не все— он ссылается на Бисмарка, Радовица, Гамманна. Однако Швейниц, Люциус, Ф. Бальхаузен, Вальдерзи и др. повидимому остались ему вовсе неизвестными. Не использован им «Дневник Ламздорфа» из советских публикаций, а главное совершенно игнорируются все английские материалы. Но еще хуже то, что и те источники, на которые он ссылается, Фэй берет очень неполно. И быть может самое печальное это то, что Фэй повидимому мало пользовался немецкой литературой, посвященной

[3] «Les origines et les responsibilités de la Grande guerre», Paris 1921.

Бисмарку,—литературой, надо сказать, весьма интересной. Это очевидно так, ибо иначе совершенно непонятно, как мог он опустить всю так сказать английскую сторону бисмарковской «системы союзов». Все обязательства Бисмарка перед царским правительством относительно проливов приобретают благодаря этому внешность чистой монеты и заставляют позабыть, что, предлагая русским Константинополь, он не только продавал им сокровище, лежавшее за семью замками, но что сам Бисмарк и был тем человеком, который занимался подвеской все новых и новых замков. В самом деле, как мог Фэй ни одним словом не упомянуть, что Бисмарк создал средиземноморскую антанту 1887 г. одновременно с тем, как он подписывал договор перестраховки с Россией. Нам представляется, что эта глава написана главным образом на основе разных компиляций. Сказанного достаточно, чтобы признать, что по работе Фэя никак нельзя получить полного знакомства с внешней политикой Бисмарка.

Переходя к отдельным замечаниям, следует отметить чрезвычайную примитивность изложения ликвидации русско-турецкой войны (совершенно опущены, видимо из-за недостаточного использования русских [4] и английских материалов—англо-русские переговоры, в сущности говоря предрешившие значительную часть постановлений Берлинского конгресса, и т. д.).

При изложении франко-германских отношений Фэй всюду следует бисмаркианской версии (даже в частностях—тревога 1875 г., особенно инцидент Шнебеле), несколько раз повторяя, что Бисмарк не думал вторично нападать на Францию. Это конечно верно, но следовало бы прибавить, что Бисмарк стал на эту точку зрения лишь под давлением политической ситуации, особенно после опыта 1875 г.

Все-таки аннексию Эльзас-Лотарингии—первоначальный толчок к созданию всей бисмарковской системы союзов, всей «системы секретных союзов» вообще, Фэй считает огромной ошибкой.

Объяснение причин разрыва договора перестраховки в 1890 г. совершенно недостаточно. Все сводится к интригам Гольштейна, причем совершенно не вскрыты те внешнеполитические соображения, которые руководили тут немецкими дипломатами—именно необходимость сближения с Англией: обязательство относительно закрытия проливов «вгоняет клин» в отношения «между Германией и Англией», писал Гольштейн (Grosse Politik, VII, № 1374).

Перечисляя общие причины ослабления русско-германского союза, Фэй правильно указывает на германскую экспансию в Турции, как на явление, которое неизбежно должно было привести к краху союза. Но следовало бы добавить, что к 1890 г. это обстоятельство не имело и не могло иметь еще абсолютно никакого значения. Присоединяясь к точке зрения Гаммана, Фэй считает, что ошибка нового курса заключалась не в разрыве договора с Россией—все равно обреченного,—а в том, что он не был заменен договором с Англией. Фэй отказывается однако, следуя Гамману и другим критикам «нового курса» (Эккартштейн, Рахфаль), в подкреплении своего тезиса сослаться на авторитет железного канцлера и признать, что соглашение с Англией было и важнейшей задачей Бисмарка в последние годы его пребывания у власти. Все же Фэй примыкает тут к исторической концепции, служащей одним из «научных» обоснований западной ориентации современной Германии, а более глубокими корнями связанной с убеждением, что империалистические противоречия могут быть разрешены посредством соглашений, что достигни в частности Германия соглашения с Англией по колониальным и морским вопросам,—и катастрофы 14 года не случилось бы.

Говоря о росте милитаризма в 80-х гг., Фэй объясняет это явление не обострением реальных противоречий, а именно «секретностью» бисмарковской системы союзов; эта секретность порождала всеобщую подозрительность и взаимное недоверие. Система союзов Бисмарка была на деле строго оборонительной, это Фей всячески подчеркивает; но именно то, что она была секретной, порождает и у Франции и у России сомнения относительно истинного ее характера и заставляет их вооружаться, на что Германия отвечает тем же.

В итоге следует признать, что глава об эпохе Бисмарка нас ни в коем случае не может удовлетворить. Даже старая, но блестящая работа Плена [5], не говоря уже о работе Беккера [6], гораздо лучше ориентирует в политике Бисмарка. Нечего уже и говорить о том, что абсолютно ничего нового Фэй здесь не дал.

Совсем другой характер носит остальная и основная часть книги Фея. Это блестяще, во всеоружии литературы и источников, необычайно просто и в то же время интересно, я бы сказал—изящно написанная работа.

В 3-й главе, озаглавленной «Система

---

[4] Хотя надо заметить, что работой Горяинова Фэй пользовался.

[5] H. Plehn, Bismarcks auswärtige Politik nach der Reichsgründerung, 1920.

[6] O. Becker, Bismarck und die Einkreisung Deutschlands, I Teil: Bismarcks Bündnis politik, 1923. II Teil: Das französisch-russische Bündnis, 1925.

секретных союзов 1890—1907, образование тройственного согласия», Фэй прослеживает те сдвиги в международных отношениях, которые приводят в конце концов к тому, что «система секретных союзов» принимает характер двух противостоящих друг другу группировок.

В 4-й главе («система секретных союзов 1907 — 1914: тройственный союз и тройственное согласие в борьбе») он прослеживает, как и под влиянием каких факторов идет нарастание противоречий между этими двумя группами держав, приводящее наконец к войне, когда в 1914 г. разразился сараевский кризис. Этому последнему, «непосредственным причинам» войны посвящен весь второй том Фэя. Но в виду того, что этот «непосредственный» повод к войне разыгрался на почве балканского вопроса, этому последнему и в первом томе уделено особое внимание, по сравнению со всеми другими факторами, накалявшими постепенно атмосферу внутри «системы секретных союзов» перед взрывом 1914 г. Поэтому первый том заканчивается особой главой (пятой по счету): «Балканские проблемы, 1907—1914».

В отличие от изложения эпохи Бисмарка эти главы отличаются не только эрудицией, но и свежестью и оригинальностью концепции, которая конечно никак не сможет удовлетворить читателя-марксиста, но все же делает книгу Фэя одной из наиболее интересных сводных работ по истории международных отношений.

Неизбежное ослабление русско-германского союза приводит к франко-русскому сближению в 1887—90 гг., а затем, после разрыва договора перестраховки,—к франко-русскому союзу. Это создает следующую ситуацию: две группы держав на континенте и Англия в своем «блестящем одиночестве», являющаяся как бы регулятором европейского равновесия. Обе континентальные группировки примерно равны по силе и именно поэтому они носят оборонительный характер: ни одна не может считать для себя желательным помериться с другою вооруженной силой. Отсюда неоднократные попытки сотрудничества тройственного союза с двойственным в эти годы (на Дальнем Востоке в 1895 и 1897 гг., в Африке 1894 г. и т. д.), отсюда то с той, то с другой стороны всплывающая идея континентального блока против Англии.

Но в этом последнем обстоятельстве и заключается слабое место всей системы. Понеся поражение от объединенной «Европы» в 1894 г. в Конго, в 1895 г. на Дальнем Востоке, в 1895—1897 гг. на Ближнем Востоке, вынужденная дрожать за свое положение в Египте,—Англия начинает стремиться выйти из положения изоляции.

В 1898 г. Англия пытается договориться с Россией (Фэй, не имея русских архивов, не мог знать, что эти попытки делались Англией уже с 1896 г. и были гораздо серьезнее, чем он думает), в 1892—1901 гг.,— с Германией. Эти попытки ни к чему не привели. Тогда крах англо-германских переговоров о союзе приводит к союзу англо-французскому. Этот последний первоначально тоже не имел, по мнению Фэя, агрессивного антинемецкого характера. Для Англии он был необходим прежде всего, чтобы облегчить ее невыносимое положение в Египте и предотвратить возможность объединения континента, опасность которого, по мнению Фэя, могла казаться реальной в виду русско-германского сближения на почве дальневосточных дел. Сознательный курс на изоляцию Германии вовсе не входил в первоначальные планы британского кабинета.

Франции нужен был новой союзник, чтобы компенсировать упавшую в связи с Японской войной ценность франко-русского союза, и надо было договориться с Англией, ибо опыт Фашоды показал, что без согласия с Англией увеличение колониальной империи для Франции невозможно.

И однако помимо воли ее основателей Антанта сразу привела к обострению отношений с Германией, ибо она подтолкнула французов на захват Марокко. А это обострение в свою очередь, поставив вопрос об опасности войны и о вооруженной поддержке Франции со стороны Англии, неизбежно привело к фактическому перерождению «Антанты» в военный союз.

Вникая в концепцию Фэя, легко видеть, что с точки зрения этой концепции роковым является отказ Германии от союза с Англией. Если бы соглашение было заключено, оно помогло бы предотвратить взаимные подозрения, вызванные ростом морских вооружений, помогло бы избегнуть военные тревоги 1904 и 1908—1909 гг., предотвратило бы наконец создание Антанты и помогло бы достигнуть соглашения по вопросу о морских вооружениях. Но Кайзер, Бюлов и Гольштейн «упустили золотой миг, которому не суждено было больше повториться».

С проблемой англо-германских переговоров Фэй снова, как и при оценке политики «нового курса», вслед за немецкими публицистами и историками, вслед за Фишером, Мейнеке и др., возвращается к идее возможности совместного сожительства и развития двух империалистических держав на основе полюбовного соглашения. Нетрудно вскрыть, в чем заключается ошибка Фэя (ошибка, предопределенная его позицией буржуазного пацифиста). Для него основным мотивом немцев при отказе их от английских предложений было их неверие в возможность англо-русского сближения, «аксиоматическая» уверенность

Гольштейна в извечности англо-русского антагонизма, а затем опасение, что Германии придется защищать чуждые ей интересы Англии во всех частях света, и т. д. На деле же немцы отказались от соглашения с Англией именно потому, что оно было с самого начала невозможным. Обе стороны говорили во время переговоров на разных языках. Англичане толковали о политическом союзе, который им был нужен при обострении отношений с Россией и Францией как раз в эти годы. Немцам же союз против России был абсолютно не нужен, он казался тягчайшим бременем. Им нужны были колониальные уступки от Англии, им нужно было и «место под солнцем». И в ответ на английские предложения союза, они ответили требованием соглашений по отдельным колониальным вопросам, выдвинув формулу: сначала соглашения по колониальным вопросам и лишь потом—союз. Англичане на это явно не шли, одно-другое соглашение они, правда, заключили, но как раз эти-то как будто состоявшиеся соглашения и должны были убить у немцев всякую охоту продолжать переговоры. Сам Фэй едва ли не лучше всех других авторов рассказал, как, заключив 30 августа 1898 г. соглашение с Германией о разделе Португальских колоний, 14 октября следующего года англичане заключили соглашение с Португалией, гарантирующее последней неприкосновенность этих же самых колоний. Сам Фэй отмечает, что неверие немцев в готовность Англии поделиться с ними на колониальной арене было одной из причин срыва переговоров. Но Фэй не хочет понять, что раз немцы были в своей оценке правы, то соглашение было невозможным, ибо оно было для Германии бессмысленным. Если бы оно и было подписано, то это было бы фикцией. Английская буржуазия все свои надежды на выход из состояния экономического упадка возлагала на свою колониальную империю. Как она могла делиться с кем-либо своими колониями? Вспомним необычайное упрямство англичан в торге из-за такой сравнительно мелочи, как о-ва Самоа. Если бы союз и был подписан, Германия все равно должна была бы добывать себе колонии, а для этого не было иного пути кроме создания мощного флота; а это все равно бы привело к разрыву с Англией. Не могла Германия мириться с морской гегемонией Англии и этим отдавать всю свою торговлю, все свое экономическое развитие на произвол, на благоусмотрение Англии. Не могла Англия допустить роста германского флота, ибо это ставило бы в зависимость от Германии безопасность связей с колониями и угрожало бы целостности империи.

Это замечание мы считаем основным. Из отдельных ошибок отметим только оценку соглашения 1907 г. как односторонне выгодного для России, и банальное объяснение французских видов на Марокко необходимостью защищать границы Алжира от набегов марокканцев. Особенно важно отметить, что, подчеркивая, что Грей скрыл от кабинета свое согласие на переговоры с Францией о военной конвенции, Фэй все же никак не хочет признать, что Грэй очень хорошо отдавал себе отчет в последствиях этого шага. Фэй хочет изобразить этот шаг только как (хотя бы и самую тяжелую) «ошибку» Грэя. Вообще нам кажется, что иногда он слишком доверяет мемуарам Грэя, которые он сам же назвал единственной по мастерству апологией.

Наряду с отказом немцев от союза с Англией, наряду с «ошибкой» Делькассэ, как бы позабывшего, договорившись о Марокко с Англией и Испанией, договориться еще и с Германией, наряду с этим, ошибка Грея была, признает Фэй, одним из наиболее роковых фактов в истории «системы секретных союзов».

Переходя к изложению эпохи после 1907 г. (4-я глава), Фэй попрежнему остается в рамках очерка истории развития обоих «секретных союзов», в рамках чисто дипломатической истории. Эта эпоха характеризуется обострением борьбы между обеими группами держав, причем эта борьба «сопровождалась и обострялась» следующими четырьмя тенденциями. Союзы теряют свой первоначальный оборонительный характер и становятся наступательными: Франция начинает поддерживать балканские притязания России, Германия, хотя и с большой неохотой, – балканские притязания Австрии. Вторая тенденция заключается в том, что и Германия, и Франция Пуанкаре стремятся укрепить свои союзные связи, но с весьма различным успехом. Вследствие отхода Италии, Антанта усиливается за счет тройственного союза.

Третья тенденция в развитии систем союзов заключается в растущих противоречиях внутри каждой группы держав: Германия недовольна балканскими авантюрами Австрии. Франция была будто бы обеспокоена балканскими авантюрами России. Однако страх перед соперником заставляет руководящие державы обеих групп поддерживать авантюры младших членов, чтобы сохранить и укрепить отношения со своим союзником. «Поддержка, которую Пуанкаре оказывал России, которую Германия оказывала Австрии, в большей степени объясняется желанием сохранить солидарность данной группы держав, нежели желанием войны ради возвращения Эльзас-Лотарингии в одном случае и завоевания европейской гегемонии—во втором». Но, ободряя Россию и Австрию на

Балканах, эта политика привела к «зияющей пропасти» в июле 1914 г.

Взаимный страх и подозрительность ведут к четвертой тенденции—к росту вооружений, которые в свою очередь еще более усиливают подозрительность и, заставляя принимать контрмеры, ведут к новым вооружениям и так без конца. Эта концепция довольно последовательно проводится Фэем.

Говоря об англо-германских переговорах о багдадской дороге, Фэй приходит к выводу, что в 1907 г. они сорвались из-за того, что Грэй отказался разговаривать с Германией tête-à-tête, настаивая, чтобы к переговорам были привлечены Россия и Франция. Германия на переговоры вчетвером не шла, так как в этом случае она оставалась бы в явном меньшинстве. Грэй же не мог вести их иначе, ибо он боялся заключением сепаратного соглашения оттолкнуть своих союзников, ослабить союзные связи. По существу же вопрос был вполне разрешим, как это и показало англо-германское соглашение 1914 г., служащее для Фэя, как и Потсдамское соглашение, между прочим доказательством, «что вопросы экономического империализма разрешаются гораздо легче, нежели вопросы престижа, союзов и вооружений». Морское соперничество, агадирский кризис и балканский вопрос были теми моментами, которые обостряли отношения между обеими группами держав в эпоху 1907—1914 г. г.

Основное место в 5-й главе отводится англо-германскому морскому соперничеству. Фэй в основном прекрасно излагает относящиеся сюда англо-германские переговоры. Наряду с этим мы можем отметить у Фэя ряд неправильных оценок. Так, он несомненно переоценивает серьезность намерений английской дипломатии во второй миссии лорда Холдэна. Правда, Фэй, отмечает, что Грэй не очень-то верил в возможность морского соглашения и чрезвычайно «ограничивал» задачи миссии, сводя ее к получению военной информации. Было бы однако более правильным сказать, что Грэй наперед точно знал, что никакого соглашения с Германией достигнуто не будет. Не даром он заранее заверил Камбона (французского посла), что он не заключит с Германией никаких связывающих его обязательств. На деле миссия Холдэна оказалась грандиозно организованным шпионажем (Холдэн, как известно, получил в Германии подробный текст нового морского закона с техническими подробностями), цинично наряженным в тогу пацифизма.

Можно отметить и неполноту изложения Фэя. Так, он почти ничего не говорит о первой миссии Холдэна.

Обострив отношения между обеими системами секретных союзов, англо-германское соперничество, марокканский и балканский вопросы вызвали у обеих сторон стремление укрепить союзные связи. Фэй посвящает ряд страниц «укреплению тройственного согласия» и «возобновлению и слабости тройственного союза».

Характеризуя первое, говоря о перемене во французской политике, происшедшей с приходом к власти Пуанкаре, Фэй не дает никакого понятия об ее экономических причинах и ее классовом смысле. Вообще оценка политики Пуанкаре является у Фэя двойственной. При всей своей склонности отрицать одностороннюю вину Германии, Фэй отказывается признать, что Пуанкаре сознательно стремился к войне. Он и его сторонники только полагали, что в случае нового вызова со стороны Германии, вроде «прыжка пантеры», лучше воевать, чем уступить. А так как повторение конфликтов вроде агадирского было более, чем вероятным, то это, говорит Фэй, и заставляло Пуанкаре считать войну «неизбежной». В ряде случаев мы находим у него известную защиту Пуанкаре, хотя он и признает, что в целом он начал поддерживать балканские планы России и тем самым объективно придал союзу наступательный характер, которого он до тех пор не имел. Оправдание Пуанкаре мы находим у Фэя например тогда, когда, передавая точку зрения Пуанкаре на поддержку Сербии в албанском вопросе в ноябре 1913 г., он готов признать, что версия, изложенная в мемуарах Пуанкаре, колеблет достоверность донесений Извольского (Fay, т. I, p. 341).

В целом, оценивая политику Германии и Франции по отношению к своим союзникам, Фэй находит, что Германия в эти годы оказывала все-таки (невзирая на тенденцию к укреплению союзных связей) преимущественно сдерживающее, умеряющее влияние на Австрию на Балканах. Относительно Франции Фэй, в противоречии с рядом своих собственных верных замечаний, «затрудняется» дать ответ на подобный же вопрос в смысле ее отношений к России, вплоть до опубликования французских дипломатических актов.

Из всех моментов, обострявших отношения обеих союзных группировок, балканский вопрос играл, по справедливому замечанию Фэя, совершенно особую роль. Ему Фэй посвящает особую—последнюю—главу. Сначала мы отметим ряд слабых мест этой главы. Таковым например является раздел о миссии Лимана фон-Сандерса, в которой Фэй некритически воспринимает немецкую версию. Восхитительно также и описание миротворческой роли Грэя на Лондонской конференции. Но несмотря на ряд подобных промахов, эта глава является едва ли не лучшей в книге Фэя. В целом, в оценке балканской политики царской России Фэй во многом

находится под несомненным влиянием концепции М. Н. Покровского. Со многими положениями Фэя мы можем здесь согласиться. Однако концепцию Покровского Фэй воспринял конечно не целиком и односторонне. Концепция М. Н. Покровского приводит несомненно к выводу, что правящие классы царской России форсировали войну в силу определенных классовых интересов. Фэй, во-первых, ничего не говорит об экономических корнях русской политики, во-вторых, концепция, которая у Покровского является не антинациональной, а классовой, возлагающей ответственность за войну не на ту или иную нацию, а на правящие классы,—эта концепция у Фэя превращается в антирусскую, т. е. антинациональную концепцию. Ибо в первом томе Фэя совершенно очевидно проглядывает тенденция возложить ответственность за войну на недемократические страны—Австрию и Россию—и лишь во вторую очередь на Францию и выгородить Германию—Англию. Приветствуя антиантантовское, точнее антирусское и антипуанкаристское (хотя и с оговорками) направление книги Фэя, мы все же не можем вполне удовлетвориться его анализом, ибо он, отрицая понятие «виновности», все же говорит об ответственности наций, их правительств и отдельных лиц, не делая ни малейшей попытки поставить вопрос на почву анализа политики к л а с с а. Той задачи, которая является основной при анализе происхождения мировой войны с точки зрения историка-марксиста, а именно—анализа происхождения войны из объективных империалистических противоречий,—этой задачи Фэй конечно не решает. Более того, его концепция даже отрицает самую возможность такой постановки вопроса.

С точки зрения Фэя война является в конце концов все-таки грандиозным недоразумением, подготовленным существованием системы «секретных союзов», затруднявшей соглашение между державами. «Возможно, что если бы в июле 1914 г. удалось организовать новую конференцию», подобно Лондонской конференции 1912 г., «то это помогло бы предотвратить катастрофу».

В заключение еще два слова относительно перевода Фэя на русский язык. Несмотря на все недостатки этой книги, книги весьма «буржуазной» и весьма далекой от нас, мы все-таки считали бы, что перевод Фэя был бы полезен: ведь ничего лучшего на русском языке пока не имеется[7]. Книга Фэя несомненно была бы полезна работнику наших вузов и комвузов.

В. Хвостов

[7] Работа Гуча имеется в переводе, который не может считаться вполне удовлетворительным.

ALBERT MOUSSET. U n drame h i s t o r i q u e. L'Attentat de Sarajevo. Paris 1930, p. 686.

Н. П. ПОЛЕТИКА. С а р а е в с к о е у б и й с т в о. Исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903—1914 гг., с предисловием К. П. Шелавина, изд. „Красная газета", Л. 1930, с. 443.

Не так давно телеграф известил нас, что, при молчаливом согласии югославского правительства реакционной диктатуры, в Сараеве, на месте убийства австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в торжественной обстановке была открыта мемориальная доска с многозначительной надписью: „На этом месте герой Гаврило Принцип объявил народу свободу".

Германская и австрийская пресса, а также часть прессы английской и американской, в этой исторической санкции сараевского убийства—непосредственного повода мировой войны—не без основания усмотрели политическую демонстрацию югославского правительства. Известно, что несмотря на достаточный срок, белградское правительство до сих пор не выполнило вынужденного или, вернее, вырванного обещания опубликовать свои архивы. Впрочем в требовании этого опубликования заложена значительная доза наивности: после весьма сомнительных и внутренне противоречивых официозных опровержений, последовавших в ответ на неприятные разоблачения и имевших своею целью любыми средствами „спасти лицо" правящей клики бывшей Сербии и теперешней Югославии,—вряд ли можно надеяться на появление нефальсифицированной публикации.

Под влиянием появившихся после войны разоблачений официальной Югославии volens-nolens пришлось занять оборонительную позицию, чтобы при попытке нанести удар противнику не обнаружить своих слабых мест.

Мемориальная доска в Сараеве является показателем того, что белградское правительство отказалось от надежды убедить кого бы то ни было в своей невинности. И в это же самое время Альбер Муссэ—лицо весьма близкое, чтобы не сказать более, к правящим кругам Югославии—безнадежно старается спасти давно оставленную концепцию простым повторением пройденного. Рецензируемая книга из „Collection de mémoires, études et documents pour servir l'histoire de la guerre mondiale" представляет собой, если верить титульному листу, неизданные документы и п о л н ы й т е к с т стенограмм сараевского процесса участников убийства 28 июня 1914 г. Зачем понадобилось такое указание—непонятно, если автору уже в своем довольно обширном введении, пришлось сознаться, что стенограммы приведены in extenso. Тем не менее А. Муссэ ставит своей целью разоблачить новой публикацией известное издание материалов процесса, предпринятое в свое время профессором, скрывшимся под псевдонимом „Фарос" (Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajevo nach dem

amtlichen Stenogramm der Gerichtsverhandlung, Berlin 1918), т. е. противопоставить австро-германской точке зрения некую иную,—по существу сербскую—и притом такую устарелую, какую вряд ли теперь смогут защищать сами сербы. Если оставить в стороне все вещи, написанные о „славизме, католицизме, триализме, федерализме“, которыми Франц-Фердинанд пользовался в интересах „активной внешней политики“ Австрии, то становится ясным, что А. Муссэ пытается навести своего французского читателя на мысль о том, что, во-первых, сараевские маневры подготовили нападение на Сербию, и, во-вторых, что если австрийский эрцгерцог и не сам себя убил, то во всяком случае соперничество между „Шенбрунном и Бельведером“ с точки зрения подготовки убийства вызывает подозрение. В этой связи стоит упомянуть приводимое Муссэ секретное письмо (от 1 октября 1914 г.), в котором Бертхольд дает урок о политическом значении приговора по делу участников сараевского убийства. Муссэ приводит факсимиле этого письма, которое он называет циническим, но если даже считать, что письмо это не является фальсификацией, вряд ли приходится усматривать в нем нечто сенсационно разоблачающее: известно, что австрийцы не сумели достаточно хорошо использовать процесс в своих политических целях, и приводимое письмо Бертхольда с австрийской точки зрения можно было бы считать в этом смысле даже недостаточным. Вообще за пределы предназначенных для широкой публики антантофильских представлений времени начала мировой войны Муссэ не переступает. Он исходит из австрийской концепции, изложенной еще в Красной книге 1914 г., чтобы вернуться к официальной сербской точке зрения того времени. И все это для того, чтобы доказать непричастность белградского правительства к сараевскому убийству, чтобы опрокинуть официальную австрийскую версию, которой он придает вид такого силлогизма: сараевское преступление было произведено по распоряжению „Народна одбрана“. Последняя является великосербской организацией, покровительствуемой белградским правительством; следовательно, белградское правительство является подстрекателем преступления. После разоблачительных показаний Богичевича и других о том, как каналы „Народна одбрана“ использовались для транспорта взрывчатых веществ, странно читать уверения Муссэ в том, что это общество преследовало исключительно культурные цели и не чем иным не занималось, как только устройством лекций по гигиене, устройством невинных студенческих экскурсий и т. п. Вынужденный все же противопоставить что-нибудь этим разоблачениям и исследованию американского историка Sidney Fay, который в результате кропотливой работы и точного анализа собранного богатого материала пришел к убийственным для белградского правительства выводам, Муссэ ничего лучшего придумать не мог, как прикрыться концепцией Станоевича, признавшего общество „Черная рука“ („Единение или смерть“) действительным организатором сараевского убийства, но категорически отрицающего связь между этим тайным обществом и белградскими правительственными кругами.

Впрочем Муссэ идет далее Станоевича в том смысле, что воскрешает старую версию об австрийской провокации в деле подготовки покушения. И в качестве решающего аргумента в пользу невинности Белграда Муссэ с деланой наивностью ссылается на показания самого... Г. Принципа, естественно, на суде заявившего, что „идея покушения принадлежит нам самим“. Более того, Муссэ явно поддерживает официальную точку зрения господствующей теперь в Югославии фашистской клики генерала Живковича и в вопросе о судьбе организатора сараевского убийства полковника Дмитреевича-Апис. Скромно констатируя в примечании существование иной точки зрения, Муссэ утверждает в тексте версию Живковича о том, что Дмитреевич был расстрелян за организацию покушения на Александра Сербского. Между тем ни для кого теперь не составляет секрета, что Дмитреевич, который знал слишком много и потому в определенный момент стал для правящей клики опасным, пал жертвою политической борьбы с „Белой рукой“, специально создавшей в 1917 г. политический процесс, инспирированный самим Александром. Апологетическая тенденция в пользу сербского правительства проведена таким образом достаточно решительно. Тенденция эта сметает на своем пути даже фактические данные, которые стали теперь достоянием исторической науки, не подымаясь выше весьма низкого уровня того „здравого смысла“, который создан был многолетней пропагандой заведомой лжи.

Но если Муссэ в угоду своей—несомненно политической—тенденции игнорирует даже очевидные факты, то автор русской работы „Сараевское убийство“ Н. П. Полетика собрал довольно большой материал. Движимый благими намерениями борьбы с антантофильскими тенденциями в историографии (Е. Тарле), а также желая изобличить „ту политическую пищу, которой кормили широкие массы царский режим и буржуазия, одурачивая их и разжигая шовинизм“,—он делает попытку дать исследование по истории австро-сербских отношений и балканской политики России в период 1903—1914 гг. Помещенная в одном из номеров „Историка-марксиста“ статья Н. Полетики „Сараевское убийство как дипломатический повод к мировой войне“, главным образом направленная против концепции Е. Тарле, однако еще ничего не говорила о методологической позиции автора. Рецензируемая же работа свидетельствует о том, что автор, полемизирующий с „историками идеалистами“, сам довольно часто попадает в плен терминологии этих последних. Трактовка роли „национального сознания в истории Сербии“, трактовка исключительной роли интеллигенции, „являющейся обычно,—как пишет Полетика,—будителем национального

сознания“ — все это весьма мало напоминает марксизм. То же самое приходится сказать и об имеющейся попытке дать анализ экономических и социальных отношений. Так например при характеристике „сербского империализма“ автор ссылается на интересы „сербского купца и кулака вывозить свои продукты“. Или далее, указывая на то, что в югославском движении после 1848 г. существовал „известный раскол между пролетариатом и крестьянскими массами и буржуазией“, Полетика пишет: „В то время как первые довольно равнодушно относились к политическому господству австрийской бюрократии, мечтая больше о „земле“, а не о „воле“, интеллигенция, почти сплошь принадлежавшая к зажиточным и даже богатым слоям населения, выдвинула на первый план именно требование „воли“. Несколько далее автор вместо классовых категорий уже прямо прибегает к старому, ничего общего с марксизмом не имеющему противопоставлению „народа“ и „интеллигенции“. Все эти рассуждения имеют в значительной мере искусственную связь с основной частью работы, касающейся деятельности сербских тайных и легальных обществ и посвященной истории организации сараевского убийства. В этой части форма изложения определила собой очевидно метод исследования и обращения с материалом. Автор не столько анализирует материал, сколько пытает его, допрашивает, руководствуясь при этом не ценностью последнего, а „интересом“. Неудивительно, что в погоне за сенсацией, в попытке искусственно драматизировать события изложение переходит через черту, за которой начинается жанр уголовного романа, на сей раз невысокого литературного качества, к тому же насыщенного довольно дешевым психологизмом. А к чему приводит такое некритическое отношение к материалу и погоня за сенсацией во что бы то ни стало, можно заключить из того, что не успела рецензируемая книга выйти в свет, как оказался опровергнутым важнейший момент всей концепции автора.

Н. Полетика утверждает (с. 144), что австрийцы, довольно ясно представлявшие себе характер „Народной одбраны“, не имели ни малейшего представления о возникновении „Черной руки“. „О существовании последней, — уверяет далее Полетика, — австрийские шпионы и агенты не знали до самой последней минуты“.

А между тем сами австрийцы в своем недавно вышедшем восьмитомном издании документов по истории возникновения мировой войны показали, что в Вене были весьма неплохо осведомлены о „Черной руке“ и при том с самого начала возникновения последней. Тайная сербская организация была обойдена полным молчанием в австрийском ультиматуме не потому, что о ней в Вене не знали, а потому, что знали многое и в том числе ее взаимоотношения с сербским правительством.

Таким образом подобно тому, как Муссэ защищает такую сербскую точку зрения, которую теперь трудно защищать самим сербам, Полетика, если говорить об общей тенденции его работы, выступает в пользу такой по существу австрийской точки зрения, которую конечно теперь не берутся отстаивать и сами австрийцы.

А. Ерусалимский

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СССР (Общество историков-марксистов при Коммунистической академии СССР) под общей редакций М. Н. Покровского, т. I. Редакторы В. Викторов и А. Пресняков. Издательство „Пролетарий“, с. 309[1].

Содержание книги не оправдывает своего названия: все без исключения статьи относятся к истории Московской Руси, России, а не к истории народов СССР. Упоминания об инонационалах у Томсинского, Рахметова и в статьях других авторов не меняют основного содержания сборника, да к тому же инонационалы рассматриваются больше как объект колониальной политики и в гораздо меньшей степени как субъект, как творцы своей истории.

Редакция „книги“ чувствует этот пробел и оправдывается в предисловии тем, что ей „несмотря на все усилия... не удалось получить статей по истории Украины“ (с. VII). Дело однако, во-первых, не в истории одной только Украины, а во-вторых, если редакция натолкнулась на непреодолимые препятствия, надо было соответственным образом изменить и заглавие книги, не вводя массового читателя, на которого сборник рассчитан, в заблуждение. Мы потому остановились на этой как будто внешней стороне дела, — о названии книги — что в последнее время наблюдается такое явление (особенно распространенное в высшей школе), когда под ярлыком истории народов СССР подносится, в сущности, та же история России. Надо же называть вещи своими именами!

Книга открывается статьей П. Лященко: „Торговля и торговый капитал в крепостном хозяйстве Московской Руси“. Основной недостаток статьи заключается в расплывчатости изложения, в оговорках, затрудняющих для читателя получение четкого представления, и в вытекающих отсюда противоречиях. Изложение ведется зачастую по формуле „с одной стороны нельзя не сознаться, с другой — нельзя не признаться“. Крепостное хозяйство характеризуется как „товарное“, „работающее на рынок“ и даже как „крупное товаропроизводящее хозяйство“. А вслед затем: „нельзя преувеличивать степень разложения „натурального“ хозяйственного строя“ (с. 8); „не говоря уже о крупном

[1] Настоящая рецензия, отмечающая серьезные недостатки книги, на титульном листе которой значится имя Общества историков-марксистов, печатается нами, как вполне справедливо критикующая названную работу. Следует лишь отметить, что книга составлялась почти 3 года тому назад. *Ред.*

частновладельческом и монастырском хозяйстве, даже мелкое крестьянское хозяйство большинство своих потребностей... удовлетворяло собственным домашним производством" (с. 9). Все эти противоположные характеристики, взятые порознь, верны, но, фигурируя рядом, без единой объединяющей эти кажущиеся противоречия идеи, они способны только запутать малоподготовленного читателя. Связующая формула, объясняющая совмещение натурального хозяйства с товарным, дана в статье т. Малышева („Крепостные отношения производства XVIII века в России"): „но продажа продуктов здесь (в поместьи—*А. Г.*) является просто необходимым звеном в превращении этих продуктов из одной потребительской стоимости в другую" (с. 197), ибо в основе помещичьего хозяйства лежало не расширенное воспроизводство, а, если можно так выразиться, расширенное потребление.

Отметим еще одно существенное противоречие в статье Лященко. В одном месте он пишет: „Городская жизнь и промышленность... были направлены главным образом... не на удовлетворение потребностей сельского населения в промышленных продуктах путем обмена на них продуктов с.-х. производства" (с. 9). А дальше указывается на крестьянский спрос, который был „одним из важнейших для городского рынка", на помещичье хозяйство, которое „тем более не могло обойтись без покупки некоторых товаров: продуктов городской промышленности" (с. 13), и на то, что „для снабжения крестьянского потребителя изделиями городских ремесл из города приезжали торговые и посадские люди, продавали там свои товары и покупали... продукты сельского хозяйства" (с. 15). Встречаются и другие путанные и противоречивые формулировки.

Устарело, особенно после „Образования великорусского государства" Преснякова, мнение Лященко о северо-восточной Руси XII—XIII веков, как об отдаленном и глухом угле славянской территории, только что начавшем заселяться. В свете археологических и исторических работ последних пятнадцати лет нужно отказаться от подчеркивания примитивности северо-восточной Руси по сравнению с „Русью Киевской". Северо-восток XII века был краем давнишней колонизации, сложного общественного устройства и развитой городской жизни.

Неправильно отождествлять отработочную аренду с барщиной, как это делает Лященко: первая характерна для пореформенной России и являет собой пережиток барщины, а не полное совпадение с ней.

Та же расплывчатость и оговорки в большом количестве встречаются и во второй статье Лященко („Экономика второй половины XVIII века"). Приведем лишь одно характерное в этом смысле место: „все вообще барское земледельческое хозяйство... мало чем отличалось от крестьянского. Но все же крестьянское и барское хозяйство, представляли в сущности два самостоятельных хозяйства, лишь тесно связанных между собой взаимной экономической обусловленностью" (с. 153). Как представить себе „два самостоятельных хозяйства", которые в то же время взаимно экономически обусловлены, и как разобраться в этих друг друга исключающих выражениях?

Ряд положений статьи нуждается в поправках. Вслед за Туган-Барановским автор утверждает, что в отличие от Западной Европы русское ремесло не сделалось базой мануфактуры, ремесло не подготовило технических кадров для мануфактуры. Находящиеся в нашем распоряжении неопубликованные данные позволяют утверждать, что мнение Туган-Барановского нуждается в существенных поправках: в городах XVIII века были значительные ремесленные поселения, которые могли быть использованы в рамках мануфактуры; владельцы последней и стремились к окончательному подчинению ремесленника, к превращению его в мануфактурного рабочего. Неверно и то, что „барщинный способ ведения хозяйства, вообще говоря, преобладал в средних имениях" (с. 153). Дело не в размерах имений, а в совокупности экономических и природных условий. Нижнее и среднее Поволжье, южная степная полоса знали огромные латифундии на чисто барщинных началах. Что касается необходимости личного руководства хозяйством со стороны помещика, якобы невозможного в крупных поместьях, то из этого затруднения помещики выходили посредством подробных, точных инструкций и разветвленной системы приказчичьего управления.

Сомнительно, особенно после исследования М. В. Злотникова, и разделяемое П. Лященко мнение Тугана-Барановского, будто петровская, купеческая вольнонаемная мануфактура уступила во второй половине XVIII века место дворянской крепостной фабрике"[2].

Вообще нельзя рассматривать борьбу между дворянской и купеческой фабрикой как борьбу между дворянской крепостнической и промышленно-капиталистической тенденциями, как это делает Лященко. На самом деле борьба протекала в рамках крепостничества: дворянство стремилось к монопольному обладанию крепостными рабочими руками, купечеству хотелось разделить эту крепостническую монополию с помещиками. Лишь позднее, в первые десятилетия XIX века, борьба переходит за границы крепостнического лагеря, принимая только теперь форму соперничества между промышленным капитализмом и крепостничеством. В XVIII же веке вопрос сводился не „к борьбе докапиталистической полуфеодальной организации промышленности с капиталом", а к борьбе двух форм докапиталистической промышленности.

Хозяйству XVIII века посвящена также статья А. Малышева („Крепостные отношения производства XVIII века в России"). Так как она написана в основном на ту же тему, что и статья Лященко, то неудивительно, что обе

[2] См. статью М. В. Злотникова в „Истории пролетариата СССР", т. I.

статьи иногда повторяют друг друга в части общих положений и конкретного материала. Изложение А. Малышева, по сравнению с Лященко, отличается гораздо большей четкостью и ясностью и дает совершенно правильную оценку сущности помещичьего хозяйства. Можно только возразить против преуменьшения товарности и диференциации крестьянского хозяйства (с. 195). Приводимые в напечатанной в последнем томе „Летописей занятий Археографической комиссии“ статье Грекова данные показывают обратное. Малышев неправ, когда пишет, что „когда дело доходит до барщинных крестьян, факты молчат“ (с. 195) о расслоении этого разряда крепостных. Отмеченные Грековым и другими исследователями факты говорят достаточно красноречиво.

Излишни, при незначительных размерах сборника и разнообразном его содержании, делаемые А. Малышевым экскурсы в эпоху феодализма XVI и XVII веков (с. 184—185, 201—202).

Особый интерес имеют две статьи А. Преснякова: „Московское государство XVI—XVII веков“ и „Международные отношения России в XVIII веке“. Их интерес заключается в том, что они принадлежат одному из крупнейших представителей буржуазной исторической мысли, делавшему решительные шаги в сторону марксизма. Любопытна в этом отношении первая статья, тема которой—московское государство—особенно искажена трудами многих поколений буржуазных ученых, рисовавших самодовлеющую силу государства, возникшего над классами, закрепостившего их и т. д. Мы видим, как Пресняков рвет с этой буржуазной традицией и со своими собственными старыми представлениями. Если один из основных тезисов его капитальной работы—„Образование Великорусского государства“—заключался в том, что „объединение Великоруссии под государством московских великих князей совершено путем собирания не земли, а власти“, то в данной статье он пишет: „Сосредоточивая власть над Великороссией путем уничтожения местных правительств, московские государи собирали и „землю“ (с. 32); тем самым собирание „власти“ получает вполне материальное обоснование. Пресняков совсем близок к марксизму, когда рисует дворянско-крепостническую сущность московского государства, когда пишет, что „основная для истории московского государства его эволюция в дворянскую монархию... обусловлена руководящим значением в экономике страны внешней и внутренней торговли“ (с. 51). Но окончательно порвать с буржуазным „наследством“, столь прочным в вопросах государства, Преснякову не удалось. В результате мы встречаемся в его статье с чрезмерным подчеркиванием закрепостительных тенденций государства; он отдает дань своему прошлому, когда пишет, что „раздачей таких грамот княжеская власть укрепляла свою связь с господствующей силой, объединяла землевладельческий класс под своим руководством, организуя его как правительственную и боевую служилую основу нарождающейся государственности“ (с. 27), или „принимая торговых людей... под свою непосредственную опеку, центральная власть стягивает к Москве экономическую верхушку торгового класса и организует ее как основную опору своего финансового хозяйства“ (с. 40), и дальше (с. 41), когда автор рассматривает гостей и выборных из гостиной и суконной сотен как слуг государства по сбору государственных доходов, по операциям с казенными товарами, по исполнению других государственных обязанностей. Пресняков упустил при этом из виду, что все эти обязанности, лежавшие на плечах представителей торгового капитала, сосредоточили в их руках огромные богатства, были источником первоначального накопления. Именно так нужно рассматривать „службу“ гостей, гостиной и суконной сотен, а не как чисто „страдательное“ и тяжкое исполнение казенных функций. Пресняков в совсем буржуазном стиле рисует картину всеобщего закрепощения на службе государству, где служилый человек наделяется землей в обеспечение его воинских обязанностей, а крестьяне служат фундаментом „организации служилого землевладения“.

Ближе к марксизму вторая статья Преснякова. Это и неудивительно: торгово-капиталистические корни внешней политики России XVIII века столь очевидны, что преуменьшать их значение невозможно. Всю статью пронизывает мысль об определяющем значении внешней торговли и торговых интересов. Эта мысль конкретизируется на всех извилистых этапах международных отношений России XVIII века, в которых, как верно отмечает автор, „не основные направления, а лишь темп развития... претерпевал колебания“ (с. 264). Пресняков решительно рвет с буржуазной ложью, указывая, что „освещение этой политики идеологическими представлениями вроде „национального объединения“ или „защиты единоверцев“ является таким же приемом дипломатической переписки и общественной пропаганды, как ссылка на „исторические права“ при захвате той или иной территории, и всегда согласовано с реальными мотивами существенного значения“ (с. 253).

Статья Рахметова („Образование Российской империи“) верно излагает внутреннюю и внешнюю политику царизма, ее связь с интересами торгового капитала и помещиков, уделяя особое внимание эпохе Петра I. К числу пробелов статьи можно отнести то, что в главе о колониальной политике царизма автор недостаточно выпукло представил специфические торгово-капиталистические мотивы этой политики, сосредоточив свое внимание преимущественно на помещичьих интересах. Взяв такую установку, автор, естественно, оставил в тени Сибирь, являвшуюся могучим источником „первоначального накопления“, где торгово-капиталистические стремления имели преобладающее значение. Правильнее, чем Лященко, трактует Рахметов вопрос о купеческой фабрике после Петра, подвергая сомнению

мысль о ее поражении и отступлении перед фабрикой дворянской. Вряд ли однако такое специально не обоснованное расхождение мнений двух авторов полезно в сборнике рецензируемого типа.

Нелегкая задача стояла перед М. Нечкиной, автором статьи „Дворянская империя XVIII века". Дать четкое, ясное представление о сложном переплете классовых сил и дворянских групп, ставивших и низводивших в XVIII в. царей, очень трудно ввиду неосвещенности многих сторон в истории средних десятилетий XVIII столетия. Нужно сказать, что М. Нечкиной не удалось полностью выйти из этих затруднений. Вдобавок она сама усложнила свою задачу, когда вместо анализа основных политических и классовых тенденций эпохи, она повела свое изложение вокруг отдельных царей и цариц, последовательно сменявших друг друга в пестром калейдоскопе. Картина для малоподготовленного читателя получается слишком пестрая, лишенная определенных очертаний. По М. Нечкиной среднее и мелкое дворянство возвело на престол Анну Иоанновну, но Анна Иоанновна обманула дворянскую массу, осуществляя политику крупного дворянства. Последнее тем не менее было недовольно ставленником Анны Бироном и руками гвардии посадило на трон Елизавету; затем та же гвардия, опираясь на крупных столичных дворян, почему-то свергла Петра III. Мотивы дворцовых переворотов, где активной силой выступало неизменно крупное дворянство, менявшее „самодержцев" руками гвардии, остаются вовсе или очень мало обоснованными. И опять-таки один и тот же предмет разными авторами трактуется по-разному: для М. Нечкиной Петр I—представитель интересов торгового капитала, на службе которого находилось даже дворянство, для В. Рахметова Петр I осуществлял волю „крупных и крупнейших купцов и землевладельцев" (с. 132). Что делать читателю перед лицом таких противоречий?

Две статьи Томсинского („Разинщина", „Пугачевщина") освещают предпосылки, ход, тактику и идеологию крестьянских движений эпохи крепостничества. Автор останавливается на противоречиях в лагере восставших, подчеркивает прогрессивный характер восстаний. Ценно то, что, придавая огромное значение роли уральских рабочих и пугачевщине, автор не забывает указать, что „и казачество и горные рабочие... составляли только две разные группы крестьянства" (с. 308).

Мы отметили в книге ряд недостатков: противоречия, не всегда правильное освещение тех или иных моментов, неясности при анализе отдельных сторон эпохи, повторения. В значительной мере эти недостатки объясняются тем, что, как нам известно, давно написанные для сборника статьи печатались чуть ли не три года. За это время многие положения в вопросах истории России эпохи торгового капитала устарели, многие получили новое, более четкое освещение.

Все же, несмотря на отдельные частичные проблемы, сборник принесет немалую пользу: он даст читателю научно-популярные, в основном марксистские, статьи из той области, которой марксистская историография занималась менее всего. Надо надеяться, что „Книга для чтения по истории народов СССР" не только по названию, но и по содержанию не заставит себя долго ждать.

А. Гайсинович

(**Н. ЯНЧЕВСКИЙ.** Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI—XVII вв. Ростов н/Д, Книгоизд. „Сев Кавказ"), 1930, с. 196 [1].

В своей работе о колониальной политике на Дону автор занимается главным образом одной проблемой—выяснением социальной природы донского казачества. По пути к достижению своей цели автор сваливает в одну кучу Карамзина, Соловьева и Рожкова. Он и не видит никакой разницы между трактовкой Карамзиным и т. Покровским вопроса о происхождении и социальной природе казачества. Н. Янчевский пытается доказать, что донские казаки XVI—XVII вв. представляли собой наемное войско, которое было орудием колониальной политики торгового капитала Московского государства. Вряд ли стоило так усердно трудиться для того, чтобы доказать то, что уже было известно лет триста назад: в XVI в. было известно, что донцы представляют собой войско. Ничего принципиально нового не получается из того, что казаки были наемным войском, так как до XVIII в. в России преобладала наемная армия.

В основу своей работы автор положил неверный тезис. На с. 3 он пишет: „Немалую роль в истории заблуждений относительно казачества сыграла логическая ошибка, а именно: вопрос о социальной функции казачества как орудия насилия господствующих классов Московского государства подменялся вопросом о социальном составе (беглые, крепостные, „вольница"). Если бы при оценке исторической роли армий воюющих государств в эпоху империалистической войны мы исходили из социального состава этих армий, состоящих главным образом из рабочих и крестьян, а не из социальной функции этих армий, представляющих собой составную часть системы насилия буржуазных государств, то пришли бы к нелепым выводам. Тем не менее эта нелепость узаконена в науке по отношению к истории донского казачества".

Если Ленин шел бы по стопам Янчевского, то он никогда не мог бы выбросить лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую; совершенно невозможно было выбросить такой лозунг, если отвлечься от социального состава армии. Даже и немарксисты давно поняли, что социальные функции армии подчинены ее социальному составу.

[1]) Редакция считает некоторые положения автора дискуссионными. *Ред.*

Забыв это, автор совершает грубую ошибку, когда пишет (с. 138 и 139): „Вряд ли представляет сколько-нибудь существенное значение для истории вопрос о том, формировалось ли войско донское из разноплеменных отрядов, пополнялось ли оно служилым людом украинских городов, лежало ли в основе его беглое крестьянство или же перешедшие на службу к Московскому государству наемные отряды турецкого султана или литовского короля,—суть дела от этого не меняется“ (разрядка моя—*С. Т.*). В каждый данный момент Московское государство формировало войско донское из тех элементов, какие были под руками, поэтому и способы формирования, а также национальный и социальный состав войска донского менялись на протяжении описываемого периода. Войско же донское постоянно оставалось орудием торгового капитала, являлось наемным войском в буквальном смысле этого слова“. Совершенно не безразлично, состояли ли донцы из беглых крестьян, наемных профессиональных солдатских банд или из поместных дворян.

Отвлекаясь от социального состава казачества, автор не может не притти к ряду неверных политических выводов. Совершенно правильно делает автор, когда подчеркивает тот важный факт, что казачество было орудием колониальной политики Московского государства. Правду сказать, в этом заявлении нет ничего нового—буржуазные историки этого не отрицают, и М. Н. Покровский это великолепно доказал. Отвлекшись от анализа социального состава казачества, мы не поймем: 1) истории Дона, которая благодаря такой концепции отрывается от истории метрополии, 2) борьбы украинского и главным образом великорусского крестьянства, которое тысячами „спасалось“ на Дону от закрепощения, 3) процесса возникновения феодально-крепостнических отношений на Дону, 4) борьбы внутри казачества по вопросам взаимоотношения с Москвой, 5) характера казацко-крестьянских восстаний Разина (его, как мы увидим, автор не понял и трактует его по Платонову; это приводит автора к игнорированию крестьянской проблемы на протяжении всего XVII в. и первой четверти XVIII в.). Автор не видит, что борьба Москвы с Доном по сути была борьбой московского помещика с крестьянством, которое не хотело добровольно лезть в ярмо барщины. Автор проглядел, что социальный состав казачества не меняется от того, служил ли беглый за деньги или в принудительном порядке.

Как же автор рассматривает социальный состав казачества? Он ограничивается цитатами из разных источников и в заключение пишет (с. 150): „Какие же мы можем сделать из приведенных фактов выводы относительно социального состава донского казачества? Во-первых, социальный состав донского казачества не был однороден и включал в себя все слои тогдашнего общества, от князя Друцкого до разбойника Онички Юрьева. Во-вторых, „беглые“ из пределов Московского государства не определяли собой состава донского казачества, и к середине XVII в. всякого рода „прибыльные“ люди, а также черкесы, татары и т. д. не могли даже пополнить убыли, так что правительству пришлось прибегнуть к массовому набору „вольных“ людей для пополнения рядов донского казачества“.

Историк-марксист не может ставить знака равенства между беглым князем Друцким и разбойником Оничкой Юрьевым (с. 150). Известно, что помещики вели беспрерывные войны с разбойниками, т. е. с беглыми крестьянами, а не с князьями, которые часто направлялись на Дон для ловли крестьян и захвата земель. Н. Янчевскому должно быть не безызвестно, что до XVIII в. князья на Дону насчитывались единицами, а беглые крестьяне—тысячами.

До невероятных вещей договаривается Янчевский в своей статье „Крах казачества как системы колониальной политики“[2]. „Основная масса казачества,—пишет он,—за исключением дворянства являлась по существу так называемым „государственным крестьянством“, платившим за пользование казенной землей взамен денежных налогов натуральный налог путем отбывания военной службы со своим конем“ и т. д. (с. 112). Путая казачество с государственными крестьянами, автор совершает грубую ошибку: государственное крестьянство представляло своеобразный фонд, из которого систематически черпался материал для раздачи дворянству. Между тем даже рядовое казачество в сравнении с крестьянством находилось в более привилегированном положении. Мы уже не говорим о верхушках казачества, которых автор не отделяет от низов.

Обратимся к выяснению социального состава казачества. На с. 101 автор пишет: „Дон вовсе не являлся пустыней, какой его обычно представляют. По левую сторону Дона до Хопра кочевали ногайцы, нижнее течение Дона до „переволоки“ являлось большой дорогой торговли мирового значения, устье Дона представляло из себя значительный экономический центр того времени“, а на с. 180 он заявляет: „Войско донское, состоявшее из нескольких тысяч, было разбросано на пространстве огромной территории по Дону и его притокам, хотя количество городков к концу XVII в. возросло по одним сведениям до 32, по другим до 46“. Наконец на с. 138 мы узнаем, что в 1660 г. на Дону было только 4 000 казаков. Эти противоречивые данные только запутывают вопрос о численности донцев.

С 50-х годов XVII в. беглое население на Дону увеличивалось, благодаря усиливавшемуся процессу закрепощения крестьян в метрополии и поражению крестьянских восстаний на Украине. Численность населения Дона трудно установить. Казаки уклонялись от переписи и после восстания: попытки переписать их в 1696 и 1701 гг. не дали положительных результатов.

[2] „На подъеме“, июнь 1930, Ростов н/Д.

Данные 1703 г. устанавливают весьма любопытную картину. Все казачьи селения отвечали, что о времени основания их города „памятухов нет“. Этим они конечно хотели подтвердить, что они все „туточные прирожденные“ и что среди них не имеется „беглых боярских холопей и крестьян задворных и деловых людей“. Но последнее заявление, данное „по святой непорочной евангельской заповеди господни“, расходится с их собственным указанием, что жители станиц „сходцы“ из разных русских городов.

Обратное бегство с Дона в метрополию в 1647 г. заставило донцов жаловаться на „скудость людьми“, а в 60-х гг. „скудость“ была от того, что во многие донские города пришли с Украины беглые. Трудно установить число казачьих городков: оно у разных исследователей колеблется от 30 до 120[3]. Атаман Минаев показал в 1672 г.[4], что по Дону от Воронежа до Черкасска было 45 городков. В материалах Второва и Дольникова имеются данные о 52 городках[5]. А Сивицын, не указывая источников, насчитывает 125 городков[6]. Такие же противоречивые сведения имеются о численности населения. Численность донцов без казаков Медведицы и Хопра Минаев определил около 10 тыс., Котошихин определил число казаков до 20 тыс., а Дружинин до 30 тыс.[7]. Надо думать, что атаман Минаев в 1627 г. дал преуменьшенную цифру, так как по данным атамана Татарина уже в 1638 г. на Дону было 10 тыс. казаков. В документах 1641 г. приводятся данные о 7—8 тыс населения[8]. Донское население возрастало. Об этом говорит ряд прямых и косвенных источников. Население Воронежской губ., через которую направлялся основной поток беглых, увеличилось с 60 тыс. до 150 тыс. за 1613—1675 гг. Стало быть Янчевский значительно преуменьшил данные о численности казачества.

Нам важно установить, каков был состав казачества. Без этого нельзя получить представления о характере восстания Разина. С целью охраны окраины в 1643 г. был отправлен на Дон в 1643 г. отряд из 100, а в 1647 г.— 3 037, в 1660 г.—6 тыс., в 1669 г.—1 000 стрельцов и казаков. Кроме того на Дону оседало много гребцов (атаманы неоднократно жаловались на бегство и „озорство“ гребцов). В 1646 г. строились для Дона 100 стругов. В 1647 г. пошло на Дон 70 „больших, средних и меньших судов“, в 1653 г.—500, в 1659 г.—500, в 1661 г. было отправлено 548 гребцов с хлебом, в 1663 г.—116 стругов и 63 лодки, в 1664 г.—150 стругов[9], в 1671 г. готовились 64 струга и 610 лодок, в 1674 г.—400 стругов. На стругах с деньгами полагалось по 5 гребцов и кормчих, на атаманском струге—3, под хлебными запасами—7. Экипаж на стругах состоял из 50, 60, 70 и больше человек. На Дону, по указаниям казаков, было не меньше тысячи запорожцев и украинцев. Во время взятия Азова было казаками освобождено 3 тыс. пленных, большинство которых осталось на Дону. Кроме того не поддаются учету беглые и та масса рабочих и приказчиков, которая отправлялась на Дон по делам частных торговцев.

Итак, кроме гребцов и **беглых** на Дон было прислано из района Поволжья и южных окраин 8—10 тыс. стрельцов и казаков, т. е. 80% всего населения по данным атамана Минаева и 26—30% по данным Котошихина. Данные Котошихина о разношерстном национальном составе казачества разрушают националистическую концепцию реакционных донских историков о происхождении казаков от Адама. Хотя наш статистический метод крайне неудовлетворителен, однако процентные данные в обоих случаях заставляют притти к следующему выводу: **надо рассматривать верховое казачество не как группу, имевшую обособленные казачьи интересы, а как беглое крестьянство и городскую мелкобуржуазную группу, которые были тесно связаны с интересами метрополии. Они очутились в обстановке, благоприятной для повторения и продолжения тех городских восстаний, которые не прекращались в течение XVII в.**[10] Это положение вовсе не меняется от того, что подавляющая масса донского служилого элемента вербовалась не из метрополии, а из колоний. Это только подтверждает то положение, что крестьянство колоний следует рассматривать, как часть крестьянства метрополии. Это положение также не меняется от того, что казачество служило добровольно за плату или по принуждению.

Восставшее крестьянство ставило себе задачи, вытекавшие не из собственной жизни колоний, а из тех общественных отношений, которые создались в метрополии к концу XVII в. и острее и болезненнее ощущались в колониях.

Если у меня даже значительно преувеличены данные о численности казачества, то от этого нисколько не меняется его социальный состав. Значит в первую очередь следует иметь в виду, что казак—беглый крестьянин, мелкий городской торговец. Мое собственное

---

[3] О казачьих городках см. у **В. Г. Дружинина**, Раскол на Дону, с. 226.

[4] Донские дела, т. VI, связка 22, с. 192 (неопубликов.).

[5] Материалы по истории Воронежской губ., ч. I, с. 49.

[6] Русская историческая география.

[7] **В. Г. Дружинин**, Посылка людей на Дон, „Записки разр. военной археологии“, т. I, 1911 г.

[8] Дела Военного архива (в Ленинграде), ст. XI, № 236, о преимуществах свободной и беспошлинной торговли, л. 26.

[9] Подсчитано по памятной книге Воронежской губ. 1856 г. и Донским делам, т. VI.

[10] Здесь мне приходится повторить то, что я уже изложил в ст. „Разинщина“ в журн. „Проблемы марксизма“ № 2, 1930 г.

исследование полностью подтверждает соображения М. Н. Покровского, высказанные им о казачестве в его многотомнике. Довольно старо открытие Н. Янчевского о том, что казачество было орудием колониальной политики Москвы: об этом не постеснялся сообщить и Соловьев и раньше его Котошихин.

Польское правительство лучше некоторых „марксистов“ разрешило вопрос о социальной природе казачества.

В 1646 г. московское правительство отказалось выдать полякам беглых крепостных на на том основании, что не по-христиански возвращать беглых православных католикам. Поляки на это возражали: мужики что знают? О вере у них никакого попечения нет. Бегают от того, что не хотят своему пану и малого оброка заплатить. Побежит мужик в дальние города, то пану еще не так досадно, потому что он его не увидит, а то убежит и станет жить близко в порубежных местах, и, смотря на своего мужика, всякому досадно. Казак был именно таким беглым крепостным.

Постановка вопроса о социальной природе казаков важна для того, чтобы понять: 1) почему восстание Разина вспыхнуло в 60-е годы, а не в другое время, 2) почему оно вспыхнуло на Дону, 3) движущие силы классовой борьбы на Дону. Это не менее важно для того, чтобы опровергнуть совершенно неверный тезис Г. Плеханова о том, что казацко-крестьянские массы всегда были реакционной силой.

Смазывая вопрос о социальном составе казачества, рассматривая казачество только как войско, как орудие колониальной политики в целом, автор естественно приходит к одинаковым с Тхоржевским выводам о характере разинщины. Янчевский повторяет выводы Тхоржевского о том, что разинщина 1667—1669 гг. не выходит из рамок обычного разбойничьего похода. Янчевский, как и платоновская школа, не понимает, что восстание Разина—продукт кризиса всей страны, а не только казачества, кризиса, получившего наиболее яркое выражение на Дону, где было больше благоприятных условий для восстания.

Игнорируя социальный состав казачества, Янчевский не мог не притти к нелепейшим выводам о характере разинщины. Он пишет (на с. 191): „во всяком случае достойно внимания, что „старый казацкий идеал“ годится и для Болотникова и для Разина, и для Булавина, и—в эпоху гражданской войны—для Каледина и Войскового круга“. Н. Янчевский проглядел, что, пользуясь популярностью Разина на Дону, белогвардейцы присваивали некоторым частям имя Разина. При этом они пытались доказать, что борются за идеалы Разина. Фальсифицируя историю, деникинцы ввели в заблуждение и Н. Янчевского. Идеал казачьего круга уже в эпоху Разина по-иному понимался верховыми и низовыми казаками. Казачий круг верховьев Дона при помощи черного передела боролся за капиталистические, буржуазные отношения. Этот круг ничего общего не имел с представлением народничества о казацком идеале. От этого идеала конечно очень далеки были и деникинцы, спекулировавшие именем Разина.

Установка Янчевского не дает возможности правильно разрешить вопрос о возникновении помещика на Дону, так как он имеет дело только со всем войском в целом, а не с верховыми и низовыми казаками. Диференциация войска его поэтому совершенно не интересует.

Москва систематически воздействовала на „лутчих“ казаков, давала им больше жалованья и подарки. Голытьба не без основания обвиняла „лутчих“ в том, что они продались Москве „за соболя и жалованье“. Московское жалованье распределялось „в нижнем большом войске“, а казаки верховых городов не получали его и даже постепенно удалялись из казацкого круга. Богатое (домовитое) казачество дорожило связью с метрополией, правами свободной торговли и связывалось с боярством в процессе борьбы с низами. „Московская партия“ на Дону состояла только из старшины и буржуазной части населения. Старшина даже переносил на Дон обычаи придворной жизни московских бояр. Не прав С. Тхоржевский в том, что ядро разинцев составляло низовое казачество. Москва великолепно разбиралась в социальном положении казаков. В 1646 г. Москва предписала „вольным людям быть на Дону в нижних городках, а на Русь и в верхние городки не отпущать“ [11]. Правительство опасалось общения вольницы с верховьем Дона и со спокойной совестью отдавало их под надзор низовья. Во время усмирения восстания казаки низовьев Дона предъявили верховым обвинение в том, что они 1) полностью не выполнили служебной разверстки, 2) скрыли у себя больше 1 000 беглых, 3) давали беглым „ссуды, запасы и ружье“ [12]. Хитрово, усмиритель восстания, писал в 1673 г., что „прежние Стенькины воры живут в **верховых** казачьих городках“ и выразил опасение, „что из Дону из **верховых** городков пристанут к нему казаков многие воры“ [13] и через 20 лет после подавления Разина беглый казак Оська Чирский уверяет: готово восстать больше половины казаков до Пяти-изб, т. е. до границ низовьев Дона [14]. Путаница Тхоржевского вытекает из непонимания социальной природы и роли этих групп в движении. Этим же грешит и работа Янчевского.

Н. Янчевский хорошо делает, что ликвидирует легенду об однородном национальном составе казачества (хотя это уже сделал Котошихин), „о вольности донской“ и демократическом характере Донского круга. Здесь все же не следует забывать, что на Дону некоторое время беглым жилось свободнее. Нельзя забыть

---

[11] Дела Военного архива (в Ленинграде), Похвальные грамоты д. каз., ст. I, № 226, л. 115.

[12] Дела Военного архива (в Ленинграде), Похвальные грамоты д. каз., ст. IV, № 231, № 21.

[13] Д. Д., св. VIII в., 1673, № 13, л. 158.

[14] Д. Д., 1690, № 8, св. 18.

заявления казаков в 1638 г.: „все земли нашему казачьему житью завидовали". Отсюда однако конечно далеко до народнических увлечений о демократическом строе казачьего круга.

Совершенно неубедительным является заявление автора о том, что казаки представляли собой только тип наемного войска. Систематическая высылка жалованья еще ничего не говорит. Все служилые Московского государства получали жалованье, однако это еще не означает, что все донцы считались наемным войском. Казаки смотрели на себя совершенно иначе; об этом говорят их беспрерывные до 1725 г. претензии, бунты и восстания. Наконец Н. Янчевский совершенно забывает, что служилые окраинных городов направлялись на Дон в обязательном порядке. Не совсем верно, что Москва не интересовалась социальным составом казачества: правительство неохотно пускало на Дон запорожских казаков, т. е. наиболее демократические слои.

Подведем итоги. Автор проработал большой материал и старательно разоблачает дворянско-буржуазную историографию казачества, но он совершенно не верно разрешает вопрос о социальном составе казачества, смазывает вопрос о его диференциации, делает невозможным понимание роли казачества во всех наших крестьянских движениях, заслоняет казачеством крестьянство и поэтому поддерживает историческую концепцию Плеханова.

С. Томсинский.

„ЗАПИСКИ СЕКЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ" (Коммунистическая академия), т. I., Изд. Комакадемии, 1930, с. 232.

Рецензируемая книга представляет собою первый выпуск работ организовавшейся год тому назад Военной секции Комакадемии. Секция распадается на три подсекции: общих проблем войны, военно-историческую и подсекцию экономики войны. В лежащем перед нами сборнике нашла отражение деятельность всех трех подсекций. Но в то время, как первой проблеме уделен лишь один доклад М. Н. Тухачевского „О характере современных войн в свете решений VI конгресса Коминтерна" и небольшая заметка С. М. Белицкого „М. В. Фрунзе о марксизме и ленинизме в военном деле", а последней проблеме—экономической—тоже лишь один доклад с прениями—Е. Варга „Экономическая мощь капиталистических государств как база их военной мощи",—военно-историческая подсекция представлена гораздо полнее, что несомненно отражает и более активную деятельность этой подсекции. Здесь мы имеем вводный доклад Б. И. Горева „Военно-историческая мысль в СССР и марксизм", доклад А. Геронимуса „Поход Юденича на Петроград осенью 1919 г." (по случаю десятилетия разгрома Юденича), статью Ч. И. Ясинского „Ярослав Домбровский" (зачитанную предварительно как доклад в годовщину Парижской Коммуны), статью С. Жбиковского „Фашистский переворот в Польше в мае 1926 г." (первоначально зачитана как доклад в бывшей комиссии по изучению революционных войн и вооруженных восстаний при Обществе историков-марксистов), наконец критическую статью Н. М. Бочарова „Эволюция военного искусства в свете исторического материализма", посвященную разбору первого тома известной работы А. А. Свечина „Эволюция военного искусства".

Нас здесь, само собой разумеется, интересует лишь историческая часть сборника, хотя надо сказать, что и в докладах М. Н. Тухачевского и Е. Варга и в вызванной ими дискуссии исторический элемент занимает довольно значительное место, так как нельзя рассуждать о войнах будущего, не опираясь на конкретный опыт мировой и гражданской войны.

Из пяти чисто исторических статей и докладов—две (пишущего эти строки и Н. М. Бочарова) посвящены проблеме марксистской методологии в военной истории. Статья Бочарова представляет собою интересную попытку развернутой марксистской критики как всей эклектической концепции проф. Свечина, так и ряда его конкретных исторических высказываний. В общем установку этой статьи надо признать вполне правильной. Но некоторые места в ней являются спорными и вызывают сомнения. Так, не совсем верно, что основным слоем, комплектовавшим наемные войска в эпоху зарождения торгового капитализма, являлись „пауперы". Несомненно—и нам это уже не раз приходилось указывать [1] — наемные войска вербовались из деклассированных элементов города и деревни, во множестве появившихся в эпоху распада феодализма; но в их число входили не только „пауперы", но и „лишние руки" в крестьянском хозяйстве, и обедневшие дворяне, и предприимчивые, авантюристски настроенные элементы городов. Далее, слишком категорично утверждение автора, что „основной контингент ландскнехтов составляли нидерландские пауперы" (с. 200). Ведь хорошо известно, что с конца XV и особенно с XVI в. главным поставщиком вооруженной наемной силы для разных государей Европы становится Германия, причем одной из причин этого факта является начинающийся упадок ее экономической роли в связи с перемещением центров тогдашней мировой торговли. Точно так же чересчур категорично замечание, что „Эллада не пережила эпохи феодализма". Это чувствует и сам автор, прибавляя тут же в скобках, что „здесь можно говорить о зачатках феодализма" (с. 204). Это конечно не был „классический" феодализм средневековой Европы, но ряд существенных элементов феодализма был там несомненно налицо, хотя в ранних своих стадиях он еще сливался с элементами родового и племенного строя. Так же обстоит дело например и в современном Афганистане, Йемене и других восточных

[1] См. напр. нашу рецензию на Дельбрюка в журнале „Война и революция", № 4, 1930.

государствах, где мы имеем переплетение элементов родового общества, феодализма и торгового капитализма. Некоторая неясность или недоговоренность имеется в рассуждениях автора о роли огнестрельного оружия в процессе замены феодального общества буржуазным. Этот вопрос заслуживал бы более детального рассмотрения не только вследствие ошибочной позиции Дельбрюка и Свечина, но и потому, что Меринг тоже не совсем согласен с Энгельсом. Впрочем, повторяем, вся статья в целом представляет большой интерес и будит мысль, что особенно важно в связи с появлением на русском языке IV тома известной работы Дельбрюка, обнимающей тот самый период, которому посвящена бо́льшая часть разбираемой автором книги Свечина.

Чрезвычайно интересны — каждая по-своему — и те три статьи сборника, которые исследуют конкретные исторические факты как недавнего, так и более раннего прошлого. Статья т. Геронимуса отчасти по-новому ставит вопрос о походе Юденича, оперируя между прочим неопубликованным до сих пор материалом. Любопытно отметить, что, по мнению автора, довольно солидно обоснованному, Англия, вопреки обычному взгляду на этот счет, „не только не выступала противницей белогвардейских планов захвата Петрограда... а напротив непосредственно была чрезвычайно заинтересована в реализации этого акта“ (с. 76).

Исключительный интерес—и с военной и с политической точки зрения—представляет статья о перевороте Пилсудского в мае 1926 г., причем в этой статье, в связи с дальнейшей эволюцией польского фашизма и социал-фашизма, очень любопытно проследить ту демагогию, к которой прибегла партия ППС для привлечения масс к фашистскому перевороту. Достаточно напомнить, что воззвание варшавского окружного комитета ППС, призывавшее варшавских рабочих к всеобщей забастовке, кончалось следующими словами: „Пусть забастовка эта будет могущественной манифестацией в пользу Иосифа Пилсудского, его доблестной армии и рабочего-крестьянского правительства“, и почти одновременно с этим воззванием появилось обращение к населению нового, назначенного Пилсудским, комиссара города Варшавы, в котором запрещалось „собираться в группы больше трех человек, а также останавливаться на улицах“. А „о собраниях в закрытых помещениях необходимо докладывать в комиссариат города Варшавы за 24 часа. Виновные в нарушении вышеупомянутых предписаний будут наказаны по всей строгости закона“ (с. 118—119).

Наконец статья Ясинского, посвященная знаменитому польскому революционеру Домбровскому и его военной деятельности в Парижской Коммуне, дает совершенно свежий, основанный главным образом на неопубликованных до сих пор у нас источниках и чрезвычайно интересный материал, заполняя этим несомненно большой пробел в нашей историко-революционной литературе.

Сборнику предпослана речь А. С. Бубнова о задачах Военной секции Комакадемии.

В конце книги помещена хроника работы Военной секции и библиографический указатель литературы о советско-польской войне 1920 г.

Пожелаем Военной секции Комакадемии, чтобы дальнейшие выпуски ее „Записок“ были не менее интересны, чем первый.

Б. Горев.

А. БУБНОВ. ВКП (б)—Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков), отдельный оттиск из XI тома „Большой советской энциклопедии“, Москва 1930, с. 544.

Большую работу, написанную т. Бубновым в сотрудничестве с семью товарищами, нужно приветствовать по многим причинам. Во-первых, потому что ни в одной работе по истории нашей партии не дано той общей части, в которой вся многообразная и славная история передового отряда международного рабочего движения рассматривалась бы с точки зрения революционной теории нашего времени, т. е. с точки зрения ленинизма. Это сделано т. Бубновым, и это выгодно отличает новую работу от всех предшествующих попыток, предпринимавшихся историками партии.

Часть первая так и называется: „Главные этапы истории партии“. И как бы ни смотреть на эту попытку (в ней, конечно, не без недостатков, особенно в заключительных абзацах), все же, подчеркнем это еще раз, т. Бубнов сделал большое дело, когда более трети книги посвятил общему рассмотрению фактов партийной истории с точки зрения ленинизма. Его попытка это то, что в старину называлось „философией истории“.

В основу этой части положен ленинский взгляд, что основными этапами развития коммунизма в России и СССР следует считать три: первый, начиная с 70-х годов по 1903 г., второй—от 1903 по 1917 г. и третий—с 1917 по 1921 г., после которого начинаются новые следующие этапы развития.

Это те же три периода, на существовании которых настаивал т. Бубнов и в своей брошюре „Основные моменты в развитии коммунистической партии в России“, однако в новой работе—с большими и существенными уточнениями характеристик трех этапов, и в особенности первого из них.

В брошюре т. Бубнов, говоря о первом этапе, довольно неясно выражался о его сущности, так что получалось впечатление, будто весь этот этап и в том числе время „Южно-российского союза рабочих“ и „Северного союза русских рабочих“ был временем „создания социал-демократической партии, как пролетарской партии, ставящей себе ближайшей задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой“ (с. 1 названной брошюры в издании 1921 г.). Теперь т. Бубнов таким периодом возникно-

вения революционной социал-демократии считает собственно часть первого этапа, а именно период от 1883 по 1903 г. На с. 18 он пишет: „Большой исторический период с начала 80-х до начала 900-х г был периодом зарождения, возникновения и образования революционной с.-д. партии в России".

Это правильное ленинское определение вполне понятно, если мы вспомним, что не только в программе Заславского, но и в программе Обнорского и Халтурина не было и намека на марксистскую идею диктатуры пролетариата: честь перенесения этой основной мысли теории Маркса и Энгельса в головы русских социалистов принадлежит Плеханову, почему Ленин и считает первый период зарождения **революционной** социал-демократии в России с 1883 г., т.е. с зарождения группы „Освобождение труда".

Вследствие неясности формулировки в брошюре т. Бубнова ему в свое время и делались возражения. Теперь в большой работе эти неясности устранены, формулировки уточнены и приведены в полное соответствие с историческими взглядами Ленина.

Во-вторых, большим достоинством работы следует считать и основную установку автора. Она выражена ясно и недвусмысленно в следующих строках в начале книги: „Мы считаем необходимым подчеркнуть, что в ходе изложения идей и фактов истории ВКП (б) нами неизменно вносились элементы партийной „современности". Мы исходили при этом из того, что пролетарский революционер, член ленинской партии, берущий в руки перо историка, не может быть „объективным" обозревателем партийной истории, а обязан быть активным борцом за ленинизм против всех и всяческих извращений революционной теории. Маркса—Энгельса—Ленина".

Мы скажем более, что в природе вообще не существует объективных историков, ибо и те, кто прикрываются псевдонаучной объективностью, рассматривают историю с точки зрения теории своего класса.

Объективна та история, которая стоит на уровне современных достижений науки, и с этой точки зрения т. Бубнову нечего опасаться, так как точки зрения Маркса—Энгельса—Ленина в данную эпоху составляют единственно научную теорию, являются вершиной науки и, стало быть, работа, написанная в духе такой теории, есть и научно-объективная работа, не в кавычках, а в подлинном, научном смысле этого слова.

В-третьих, положительным качеством работы т. Бубнова следует считать и ту мысль, которая проходит у него красной нитью через всю книгу—стремление рассматривать историю ВКП как единый и нераздельный процесс с эпохи „первого курса", как выражается Ленин, а не относить начало ВКП(б) то к мировой войне, то к послевоенному периоду (с. 26).

В высокой степени ценной мыслью, к сожалению нашедшей себе недостаточное применение в работе, вернее не развитой и не использованной с достаточной полнотой, следует признать мысль, высказанную т. Бубновым на с. 181: „... В работе самого же Ленина над различными составными частями марксизма необходимо отметить, что почти на каждом важнейшем этапе истории он неизменно возвращался к анализу экономики данного периода, который и давал ему ключ для строго научного построения основной линии текущей партийной политики. Можно указать, что для периода первой революции такое значение имела книга „Развитие капитализма в России", для периода реакции—книга „Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 гг." и для периода первой империалистической войны и послевоенного империализма—книга „Империализм как новейший этап капитализма". Это действительно так, и с точки зрения этой ценной мысли приобретают особенную ясность и обоснованность все другие теоретические, программные, тактические и политические работы Ленина, а если прибавить, что рядом с этими капитальными экономическими работами Ленин разрабатывал и основные вопросы марксистской философии, то все развитие ленинской теории становится особенно ясным и понятным. (В первый период—„Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов", в эпоху реакции—„Материализм и эмпириокритицизм" и в последнее время некоторые уточнения и разъяснения вопросов марксистской диалектики).

Тов. Бубнов и исходит в своем изложении из тех положений, которые развил Ленин как в указанных основных работах, так и в других своих трудах, примыкавших к этим главным трудам или разъяснявшим и уточнявшим их. Поэтому-то и получается та стройность и ясность, какие мы видим, изучая историю ВКП(б).

К большим достоинствам работы т. Бубнова нужно отнести и попытку выяснить возникновение и развитие многочисленных оппортунистических и реакционных уклонов в рядах русской социал-демократии и ВКП(б) на всем протяжении их истории, связать оппортунизм 90-х и 900-х г.г. с оппортунизмом эпохи реакции и нашего времени (экономизм, меньшевики, отзовизм, троцкизм, левые коммунисты, и т. д. и т. п.) Правильно и в высшей степени ценно и еще одно обстоятельство, подчеркнутое как в части, написанной самим т. Бубновым, так и в главах, написанных его сотрудниками,—это связь нашей истории с историей международного рабочего движения. Это особенно подчеркивается, начиная с 900-х г.г., но к сожалению эта связь почти не указывается относительно периода 70-х и 80-х г.г., а между тем наша история в свете фактов международного рабочего движения и в эти эпохи приобретает еще бо́льшую ясность и выпуклость. Следует также подчеркнуть, что и т. Бубнов, и его сотрудники использовали большой и новый фактический материал

(моногрофии, статьи, мемуары, сборники документов и даже, хотя и в небольшой степени, архивы); почти все новое, что дала историческая наука (за немногими исключениями) принято во внимание, взвешено и так или иначе введено в работу.

Все это делает работу т. Бубнова (именно т. Бубнова, так как и за статьи своих сотрудников отвечает тоже т. Бубнов, карандаш которого основательно прошелся и по статьям его помощников) свежей, интересной, боевой и по-новому подходящей к разрешению вопроса, какую нужно дать книгу по истории ВКП(б).

Но на земле нет ничего совершенного, а потому и работа т. Бубнова имеет свои недостатки.

На один из них и очень существенный мы уже указали: нельзя основам ленинизма отводить только 23 страницы: трудно изложить эти основы на 23 страницах, и, право, можно было бы уделить им из 544 страниц побольше места, и тогда все введение получило бы более стройный и законченный вид наиболее уязвимое место работы, и во втором издании над этой частью следует еще поработать — развить ее, дополнить, уточнить, использовав достижения последних лет истории ВКП(б).

Второй и довольно существенный недостаток — это отсутствие в некоторых частях книги, хотя бы в виде иллюстрации, фактов экономического и социального развития страны, той социально-экономической обстановки, изменение которой влияло на расстановку классовых сил и на деятельность партии. Впрочем, в статье т. Бубнова эта связь указывается, меньше на это дается указаний в других частях работы, а между тем это следовало бы сделать, причем мы говорим не о сухих колонках статистических данных, а о выводах из тех новых фактов, которые уточняют и разъясняют экономическую эволюцию России и СССР.

В частности укажем, что нет данных о рабочем движении 70-х и 80-х г.г. (такие данные уже есть в научной литературе), а между тем в свете этих данных история рабочего движения представилась бы выпуклее и ярче (этот недостаток присущ и статье т. Рыклина на с. 189).

Едва ли полна и точна картина концентрации промышленности, нарисованная на с. 31 без учета и сравнения техники и рационализации производства в России и на Западе.

В довольно подробном очерке с.-д. организаций 80-х г.г. есть пропуски, например Московская с.-д. группа 1883 г. и т. п. Сделано довольно большое упущение в очерке борьбы с.-д. с народничеством: даже не упомянуты выступления против народнических публицистов таких с.-д. как Федосеев, Череванин, а между тем сравнение этих выступлений с критикой Ленина еще ярче оттенило бы ортодоксально-революционную струю ленинских работ.

Совершенно обойдены молчанием те споры, какие вел Ленин с народниками и, в особенности, с легальными марксистами в конце 90-х и в начале 900-х г.г. по важнейшим вопросам экономики России (например споры о внутреннем рынке и т. п.).

Недостаточно подробно иллюстрирована выдержками из документов борьба с экономистами (совершенно например не упоминается такой документ, как Profession de foi Киевлян).

Отсутствует изложение взгляда партии на такие факты, как зубатовщина, явление игравшее очень большую отрицательную роль в русском рабочем движении. Довольно бегло освещен вопрос о возникновении русско-японской войны и о влиянии ее на рабочее движение 1904—1905 гг.

Общим недостатком является почти полное отсутствие фактов, рисующих историю возникновения и развития провинциальных организаций: этому вопросу уделено небольшое внимание только при описании периода „Искры" до 1903 г.

Получается иногда впечатление, что в России только и существовали, что Петербургская да Московская организации, а между тем, как читатель это видит из книги, наши конференции собирали делегатов со всех концов и крупных центров России. Факты, рисующие многогранную идейную историю нашей партийной провинции, уже имеются, и их можно было бы ввести в книгу.

Очень мало уделено внимания освещению нашей военной и военно-боевой работы, а между тем, как известно, партия придавала очень большое значение этой работе, что очень ясно и отразилось в постановлениях наших съездов и конференций.

Эпоху вооруженного восстания 1905 г. следовало бы иллюстрировать богатейшими и важнейшими фактами восстаний в провинции, как следовало бы, конечно, более подробно рассказать и о провинциальных советах 1905 г., о тактике наших большевистских организаций и о работе в них.

Недостаточно внимания уделено и нашим собирателям партии в эпоху реакции—„Звезде" и особенно „Правде". Необходимо было подчеркнуть резче то огромное значение, какое имел этот орган в деле консолидации наших большевистских сил в провинции. Материал по этим вопросам имеется.

Почти ничего не говорится о той большой работе партии большевиков, какую она провела за предвоенное время, используя такие легальные возможности, как больничные кассы и страховая кампания.

Недостаточно отведено места и нашей военной работе в армии во время войны и в февральский период, а между тем известно, что и Ленин и вся партия придавали этой работе большое значение.

Следовало бы побольше остановиться и на огромной работе партии в деревне в после-октябрьский период, когда наши партийные организации тысячами отправляли в деревню агитаторов и организаторов.

Не мешало бы дать хотя беглый очерк развития и значения нашей большевистской революционной прессы (кстати совершенно нет

указаний на попытки Ленина издавать орган „Союза борьбы“).

Можно было бы указать довольно большое количество и других пробелов и недостатков, а иногда и неточности (см. например на с. 309 объяснение причин неудачи восстания в Одессе на броненосце „Потемкин“ здесь забыта одна из главных причин—нерешительное, колеблющееся поведение руководящего центра, в котором главную роль (числом) играли меньшевики и бундовцы; неправильно, конечно, как это сделано на с. 201, уподоблять „Союзам борьбы“ такие организации как „Иваново-Вознесенский рабочий союз“, пропитанный насквозь экономизмом, в то время как из „Союзов борьбы“ только Петербургский в послеленинский период был организацией экономизма).

Досадны и опечатки вроде следующих: на с. 236 например П. А. Красиков превращен в П. Н. Кроликова, на с. 187 Псохов— в Посошкова, Ванновский в Ивановского и т. п.

Но это мелочи, притом легко исправимые, равно как и те недочеты и упущения, которые указаны выше. Все это можно исправить, дополнить, разъяснить и распространить и, главное, все это искупается теми положительными качествами и достоинствами, какими отличается работа.

Возникновение и развитие большевизма и ленинизма прослежено в книге хорошо: читатель видит, как самое революционное учение нашей эпохи возникало, оформлялось и развивалось в борьбе с враждебными силами, как вовне, так и внутри собственных рядов, как это революционное учение все росло и крепло и как оно собирало все большие и большие массы пролетариата, как, наконец, гибли и исчезали все эти бесчисленные группы, группочки, течения и ручейки, все эти извращения революционного марксизма.

Читатель, наконец, видит, как неизбежна победа великого учения и во всем мире, как неотвратима гибель не только всех этих враждебных „теорий“ и течений, сектантских доктрин и контрреволюционных уклонов, но и всего старого мира, построенного на крови и эксплоатации.

Если книгу снабдить приложениями (программы партии, устав, алфавитный указатель и т. п.), то она может быть хорошим пособием для учащихся и широкого круга читателей.

В. Невский

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

Уважаемые товарищи!

На Всесоюзной конференции историков-марксистов т. Н. Ванаг, докладчик по вопросу о характере финансового капитала в России, пользуясь моим отсутствием, допустил сознательное и грубое извращение моих взглядов путем приведения цитаты, якобы, мне принадлежащей, по существу же совершенно вымышленной и в корне противоречащей той постановке вопроса, которая была дана в моих работах.

Выступая на конференции, Ванаг заявил:

« ..... исходя из одних с Гушкой-Ерманским предпосылок (?), наши защитники «национального» капитализма приходят к одинаковым с ним выводам по существеннейшим вопросам нашего спора.

Сравните например положение наиболее последовательного защитника национальной системы финансового капитала т. Грановского со взглядами Гушки-Ерманского. Грановский пишет: «Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма. Система внешней политики царизма была политической надстройкой системы финансового капитала в России» (ссылка на Вестник Коммунист. Академии № 22, с. 115) [1].

Вслед за этим Ванаг цитирует Ерманского, стоявшего на точке зрения перерождения социальной природы русского самодержавия и заключает:

«Общность руководящей идеи, несмотря на некоторую разницу в рассматриваемых двумя авторами объектах (Грановский—внешняя политика, Гушка-Ерманский—внутренняя политика) очевидна. Если мы примем во внимание, что Ерманский недвусмысленно намекает на изменение социальной природы самодержавия в выше отмеченном уже духе, то связь концепции т. Грановского и др. сторонников национальной системы финансового капитала со взглядами Гушки-Ерманского не может быть подвернута сомнению» [2].

Сопоставление с Ерманским имело бы какое-нибудь основание, если бы не одна «мелочь»: Ванаг приписал мне слова, никогда мною не написанные и совершенно противоположные тому, о чем я говорил в действительности. Здесь мы встречаемся с проделкой, для характеристики которой трудно подобрать подходящее выражение.

[1] «Труды 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I, с. 318—319.

[2] Ibid, с. 319.

В самом деле, сравните написанное в обоих колонках:

Сказано у Грановского	Цитировано Ванагом
«Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма. Как система внешней политики—русский империализм никогда не был чистым капиталистическим империализмом. В нем было немало элементов военно-феодального характера, как это отмечал Ленин. Поскольку же он был капиталистическим империализмом, он был политической «надстройкой» системы финансового капитала в России». («ВКА» № 22, с. 114—115).	«Предыдущий анализ дает руководящую нить для понимания внешней политики русского империализма. Система внешней политики царизма была политической надстройкой системы финансового капитала в России». Ссылка на «ВКА» № 22, с. 115.

Разница между тем, что фактически написано мною и тем, что приписано мне Ванагом, огромнейшая.

Исходя из ленинского понимания русского империализма, я считал и считаю, что он никогда не был чистым капиталистическим империализмом, а представлял собою сплетение военно-феодального и капиталистического империализма с преобладанием первого.

Эта установка целиком и полностью отражает установку Ленина, выраженную в следующих словах:

«В 1904-1916 гг. особенно рельефно обрисовалось соотношение классов в России за последние годы царизма. Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти в теснейшем союзе с магнатами финансового капитала, которым доставались неслыханные в Европе прибыли, в пользу которых заключались грабительские договоры внешней политики» (Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 2, с. 570).

Признание того, что внешняя политика царизма частично преследовала цели капиталистического империализма и установление связи этих элементов внешней политики царизма с экономической системой финансового капитала в России таким образом нисколько не противоречит признанию крепостнического характера российского самодержавия.

Ванаг произвел сознательную фальсификацию для того, чтобы вопреки прямым моим указаниям на крепостнический характер царизма [3] приписать мне и другим противникам его концепции (на конференции против взглядов Ванага выступало не менее половины участников прений) меньшевистский взгляд о перерождении классовой природы самодержавия.

Доклад Ванага на Всесоюзной конференции историков-марксистов в несколько измененном виде, но с той же фальсифицированной «цитатой» и комментариями к ней, приведен и в новом издании его книги [4], вышедшей на-днях и являющейся одним из учебных пособий при прохождении проблемы финансового капитала в России. Ванаг не постеснялся преподнести учащимся наших комвузов и вузов грубую фальшивку в качестве «последнего слова» марксистской исторической науки. Последнее обстоятельство вынуждает меня просить редакцию журнала «Историк-марксист» о скорейшем напечатании настоящего письма.

С коммунистическим приветом.

---

[3] «Вестник Комакадемии», т. XXII, с. 121; «Монополистический капитализм в России», с. 158.

[4] Н. Ванаг, Финансовый капитал в России накануне мировой войны, Изд. 3-е. 1930.

Е. Грановский

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

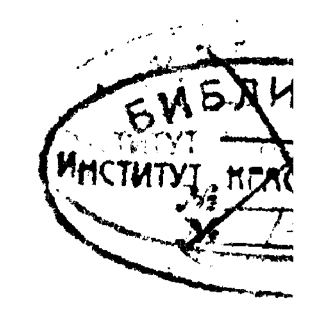
ИСТОРИК МАРКСИСТ

ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: П.О. ГОРИНА, Д.Я. КИНА, Н.М. ЛУКИНА (АНТОНОВА), М.Н. ПОКРОВСКОГО (ОТВЕТ. РЕДАКТОР), И.Л. ТАТАРОВА, Ц. ФРИДЛЯНДА, А.В. ШЕСТАКОВА, ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

1930 ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МОСКВА

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

3 стр. заглавие статьи. **Напечатано**: Сельские рабочие—движущая сила революции 1905 г. **Надо**: Сельские рабочие—одна из движущих сил революции 1905 г.

5 стр., 6 строка сверху. **Напечатано**: В губернских. **Надо**: В губернаторских.

128 стр., 17 строка снизу, лишнее слово: значительные.

211 стр., **2-ая** колонка, 12 строка снизу. **Напечатано**: Вальдерзи. **Надо**: Вальдерзее.

221 стр., 2-я колонка, примечание. После слова: «автора» пропущено слово: «рецензии».